

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Центр исследований Золотой Орды
и татарских ханств им. М.А. Усманова

Т.Ф. Хайдаров

Эпоха «Черной смерти»
в Золотой Орде и прилегающих регионах
(конец XIII – первая половина XV вв.)

Казань – 2018

УДК 930.2

ББК 63.2

X 15

**Серия «История и культура Золотой Орды
и татарских ханств»**

Выпуск 23

Ответственный редактор

Т.Р. Галимов

Научный редактор

И.М. Миргалеев

Рецензенты:

Юлай Шамильоглу, Л.Ф. Абзалов

Хайдаров Т.Ф.

X 15 Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV вв.): монография. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 304 с.

ISBN 978-5-94981-282-2

Работа посвящена одной из актуальных тем для отечественной исторической науки – Второй пандемии чумы («Черной смерти») на территории Золотой Орды и прилегающих регионов, в ней представлены достижения зарубежных и отечественных исследователей по данной тематике. В работе последовательно освещаются наиболее крупные эпидемии конца XIII – первой половины XV вв. На основе арабо-мусульманских, персидских, латинских, русских, литовских и византийских источников показываются узловые моменты татарской и русской истории. Издание предназначено для историков, специалистов, занимающихся историей Золотой Орды, Европы, средневековой Руси и «Черной смерти», преподавателей и студентов, а также для широкого круга читателей.

На обложке: картина Питера Брейгеля «Триумф смерти», 1562 (Музей Прадо, Мадрид, Испания).

ISBN 978-5-94981-282-2

УДК 930.2

ББК 63.2

© Хайдаров Т.Ф., 2018

© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018

ВВЕДЕНИЕ

Появление подобной книги в отечественной историографии было сложно представить еще буквально несколько лет назад. С одной стороны, это объяснялось достаточно ограниченным кругом использованных в отечественных работах нарративных источников, а с другой стороны, доминированием исключительно теоретических изысканий в области изучения «*Черной смерти*» в исследованиях как советских, так и российских ученых. В западной историографии, несмотря на наличие достаточного количества письменных источников, территория Золотой Орды и близлежащих регионов практически не исследовалась из-за доминирования европоцентризма и утвердившихся с античных времен установок на происхождение эпидемии средневековой чумы. Немногочисленные исследования западных специалистов, которые, так или иначе, затронули в своих работах данную тематику, в большинстве своем давали ссылки на исследования отечественных специалистов. Определенный прорыв в осмыслении данной тематики произошел лишь в середине 2010-х гг., когда на общей волне использования лабораторного метода полимеразной цепной реакции (ПЦР) был проанализирован геном средневекового штамма чумы, распространенного на территории постсоветских стран¹.

Тем самым была снята целая масса вопросов, относящихся к распространению «*Черной смерти*» на территории России. Однако, несмотря на все эти достижения, в отечественной историографии в области изучения данной темы остается достаточно большое количество «*лакун*». В первую очередь, это связано с отсутствием систематического анализа достаточно небольшого корпуса нарратив-

¹ Штамм (от нем. *Stammen*, буквально – происходить) – чистая культура вирусов, бактерий, других микроорганизмов или культура клеток, изолированная в определенное время и в определенном месте.

ных источников, а также некритическим использованием работ отечественных авторов.

Несомненно, что в достаточно статичном положении отечественной историографии темы не последнюю роль сыграло практическое незнание исследователями современных теоретических работ зарубежных авторов. В последние годы стали наблюдаться некоторые подвижки за счет включения в исследования по данной тематике данных, полученных лабораторным путем, по изменению климата и результатов анализа генома штамма средневековой чумы. Но, несмотря на это, о существовании отечественной исследовательской школы изучения «*Черной смерти*» пока говорить не приходится.

В небольшом количестве современных работ отечественных авторов до сих пор наблюдается доминирование выводов специалистов естественных наук. Исторический аспект данной проблематики пока оставался вне рамок отечественной историографии. Зачастую многие отечественные авторы грешат широким использованием устоявшихся в обществе мифов. Во-первых, это указание на исключительное распространение бубонной чумы. Во-вторых, представление о том, что в процессе распространения эпидемии средневековой чумы наибольшую роль сыграла территория Северо-Западной Руси. В то же время, как отечественные исследования, затронувшие ордынскую тематику, так и работы современных западных специалистов в области эпидемиологии и климатологии, отметили большую роль пространства Золотой Орды в процессе зарождения и дальнейшего распространения «*Черной смерти*» на близлежащих территориях (Центральной Азии, Северной Персии, Кавказа, Анатолийского и Балканского полуостровов и русских княжеств). По мнению многих современных ведущих специалистов, именно систематическое исследование такого государственного образования как Золотая Орда, позволяет впервые в исторической науке понять природу перехода от эндемических вспышек среди местных грызунов к масштабной пандемии людей².

² Эндемическое заболевание – характерное заболевание для определенной местности.

В условиях дальнейшей глобализации и значительных климатических изменений, появления новых масштабных эпидемических заболеваний (эбола, птичьего гриппа и др.) и их последующего распространения по миру, исследования «*Черной смерти*» в западной историографии получили второе дыхание. Однако, в отличие от работ предыдущих лет современные исследователи, в основной своей массе, во главу угла поставили изучение изменений, произошедших в обществе, экономике и политике. Существующие тенденции в мировой историографии уже сейчас позволяют обозначить эпидемию средневековой чумы в качестве одного из важных факторов изменений исторических процессов. Поэтому ее хронологические рамки начинают рассматриваться в качестве основополагающих и для периодизации всех этапов Средних веков. Собственно, начало средневековья напрямую связывают с действием Первой пандемии – Юстиановой чумой (541–750 г.). Закат Средних веков – с предполагаемыми первыми вспышками новой Второй пандемии чумы и ее первыми волнами (1280–1453 г.). Новое время – последующие эпидемические волны Второй пандемии чумы (1460–1771 г.). Причем, начало каждой новой эпохи проявлялось в виде масштабной гибели среди населения, обострением политических и экономических кризисов, военных конфликтов. В результате, независимо от продолжения эпидемических вспышек, историки отметили масштабные изменения в политической, экономической и технологической сфере. Таким образом, историки сошлись во мнении о фактическом наступлении на пространствах евразийского континента в середине XIV в. эпохи «*Черной смерти*».

Собственно, процесс распространения «*Черной смерти*» рассматривался специалистами скорее не как одномоментный эпидемический взрыв, а достаточно растянутый во времени длительный процесс взаимодействия нескольких эпидемических природных очагов и параллельных вспышек нескольких эпидемических заболеваний. Поэтому, одной из главных целей исследования являлся анализ процесса распространения эпидемии средневековой чумы и основных последствий для Золотой Орды и близлежащих территорий. Для успешной реализации поставленной цели необходимо было решить следующие исследовательские задачи: 1) определить ос-

новной корпус нарративных источников; 2) проанализировать эволюцию взглядов и теоретические аспекты изучения темы отечественными и зарубежными авторами; 3) произвести хронологическую реконструкцию основных исторических событий и крупнейших эпидемических вспышек.

Выбор нижней хронологической границы был определен в первую очередь летописными свидетельствами и современными теоретическими работами, указавшими на возможное возникновение первых эпидемических вспышек штамма средневековой чумы в конце XIII в. Верхняя хронологическая граница была определена исходя из информации, представленной в летописных сводах. Согласно ей, накануне возникновения в 1448 г. независимого Крымского ханства была зафиксирована крупная вспышка заболевания.

Изучение данной темы и написание данной книги было бы в целом невозможно без активного участия и поддержки со стороны профессора Юлая Шамильоглу. Именно его работы и наблюдения позволили начать полноценную реконструкцию событий и комплексно подойти к изучению темы. Особую благодарность хочу выразить М. Грин, А.П. Бужиловой, А.Г. Ситдикову, И.М. Миргалееву, Д.М. Исхакову, И.Л. Измайлову, Д.А. Долбину и Т.Р. Галимову, чьи ценные замечания по тексту исследования способствовали более глубокому пониманию темы. Определенный вектор моих научных интересов еще в студенческие годы, а также навыки работы с историографической традицией задал мой первый научный руководитель Г.П. Мягков.

На протяжении последних трех лет мою работу поддерживал Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ и главным образом руководитель Центра исследования Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова И.М. Миргалеев, который фактически и стал инициатором создания подобного труда и «*благодарю*» меня на развитие данного направления в золотоордынской историографии.

ГЛАВА I

Основные источники темы

§ 1. Русская летописная традиция описания темы

Наиболее полные данные по «*Черной смерти*» представлены в текстах русских летописей. Наиболее ранним памятником, отразившим эти сведения, является Троицкая летопись. Если исходить из принятой в отечественной историографии точки зрения, то одним из протографов данного источника выступает созданный в Московском великом княжестве общерусский свод начала XV в. Поэтому в тексте достаточно полно представлена информация по крупным вспышкам, произошедшим на территории Золотой Орды и Северо-Восточных русских княжеств во второй половине XIV – начале XV в. Среди наиболее подробно описанных будут «*моры лета 6854 и 6872–6874*» (1346, 1364–1367 гг.). Именно авторами данного летописного свода была заложена традиция описания начала распространения «*Черной смерти*» в 1346 г. с территории Золотой Орды, а также клиники данной эпидемии, представленной в отдельном рассказе «*О море великом*» с указанием на конкретное количество погибших. К сожалению, первоначальный текст данного источника не сохранился. После московского пожара он был частично реконструирован по выпискам, сделанным из нее Н.М. Карамзиным [Горский А.А., 2016: 8].

Единственной эпидемией чумы второй половины XIV в., вероятно пришедшей в Северо-Восточную Русь с территории Золотой Орды, но слабо отраженной в московском летописании, являлся «*мор лета 6882–6885*». К сожалению, в текстах тверских летописей XV в. нет прямых указаний на данное событие. Информация о нем широко представлена в более поздних сводах XVI в. относящихся как к великокняжеской, так и к тверской летописной традиции (Тверская и Никоновская летопись, Летопись Авраамки). Если в

целом анализировать тверскую летописную традицию описания моров второй половины XIV в., то в большинстве случаев она не противоречит представленной в московских летописных сводах.

Собственно, позиция тверских летописцев по средневековым вспышкам чумы хорошо представлена в Рогожском летописце (список середины XV в.) и Симеоновской летописи (конец XV в.). Отечественные специалисты пришли к выводу, что в основе обоих источников лежат тверские летописные своды второй половины XIV – начала XV вв. В частности, отечественными историками выдвинуто предположение, что описания в сообщениях Симеоновской летописи до 1391 г. взяты из тверской редакции свода начала XV в. Это дает возможность в достаточной степени реконструировать относящиеся ко второй половине XIV в. утраченные части Троицкой летописи.

Информация относительно эпидемий чумы первой половины XV в. в Золотой Орде и в землях Северо-Восточной Руси хорошо представлена в летописных списках, относящихся к московскому великокняжескому летописанию середины – конца XV веков. Наиболее репрезентативными сводами по вышеуказанной тематике выступают Ермолинская, Типографская, Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи, а также Московский свод конца XV в. Следует сразу же оговориться, что в основе их всех лежит, восходящий к протографу свода митрополита Фотия 1418 г., текст Софийской первой летописи. Аналогичный первоисточник прослеживается в Новгородской Карамзиновской и в Новгородской IV летописи. Среди наиболее описанных моров в данной группе летописных сводов указываются «*лета 6916 и 6925–6939*». Как и в случае с «*мором лета 6882–6885*», наиболее подробная информация об этих эпидемиях содержится в летописных сводах XVI–XVII вв. (Мазуринский летописец, Никоновская, Львовская и Софийская II, Воскресенская летопись, Новгородская летопись Дубровского). Причем, анализ представленной информации осложнялся разразившимся в 1420-е г. масштабным голодом. Зачастую бывает очень сложно определить в летописных сообщениях основную причину массовой смерти среди населения.

Всего при анализе летописных текстов можно встретить указания на три вида бедствия: «*глад*», «*мор*», и «*мор на людех и конех*».

Соответственно речь идет о массовом голоде, эпидемиях и эпизоотиях¹. Поэтому важно при анализе информации учитывать описанную в источнике симптоматику заболевания. Также необходимо учитывать тот факт, что наравне с несколькими формами чумы на пространствах русских княжеств и Золотой Орды имели параллельное хождение и распространение несколько эпидемических заболеваний: тифа, холеры, сибирской язвы и т.д. Если говорить о принятых в русских летописных сводах описаниях конкретных заболеваний, то чумные эпидемии описывались, как «*моровое поветрие*», «*ветренная нечисть*», «*прилипчивая зараза*», «*язва*»; сибирская язва – «*углие*», «*мозоль*», «*прищ*», «*прищ горющий*», «*прищ гнойной горющий*» [Бужилова А.П., 2005: 219]. При этом надо учитывать тот факт, что русские летописцы могли для усиления негативного восприятия возникшей эпидемии указать не только на «*гнев божий*», но и описать погодные или необъяснимые небесные явления. В этом случае логичным шагом выглядит сквозной анализ всех летописных текстов на предмет выявления информации о «*море*» за конкретный год по хронологически выявленным эпидемическим вспышкам. Это в большей степени позволяет понять, о какой конкретной форме эпидемического или природного бедствия идет речь, а также реконструировать все последующие события.

Для достаточно полной реконструкции событий XIII – первой половины XV вв., произошедших на пространствах Золотой Орды и близлежащих регионов, были использованы своды, относящиеся к новгородско-псковской и западнорусской (или литовской) летописной традиции. Если говорить о первой группе источников, то протографом для большинства из них является Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. Причем, наибольшей информативностью о событиях второй половины XIV – первой половины

¹ Эпизоотия (греч. ἐπι – на, среди; ζῷον – животное) – широкое распространение инфекционной болезни среди одного или многих видов животных на значительной территории (следует отличать от энзоотии), значительно превышающее уровень заболеваемости, обычно регистрируемый на данной территории. Говоря простым языком, эпизоотия – это «эпидемия у животных».

XV вв. обладает текст младшего извода, излагающий события до 1440-х г. Скорее всего, в основе последнего лежал Новгородский свод начала XV в. Именно отрывки из него можно найти в тексте протографа Новгородской IV и Софийской I летописи [Горский А.А., 2016: 9]. Дополняют сведения новгородских сводов тексты Псковской первой и второй, Супрасльской и Белорусско-литовской летописей. Особое место для северо-западного русского летописания занимает Летопись Авраамки. Исходя из того, что автор данного летописного свода был родом из Смоленска, можно утверждать, что информация о смоленских морах указанного периода выглядит наиболее достоверной. Причем в отличие от других сводов Северо-Западной и Западной Руси (Литвы), сообщения летописи Авраамки содержат информацию о восприятии средневековым русским обществом крупных эпидемий. Среди крупных местных вспышек можно выделить *«мор лета 6857–6861, 6895–6898, 6911, 6914, 6925–6935, 6950, 6956»*, *«псковский мор лета 6868 и 6877»* и *«смоленский мор лета 6885, 6910, 6942, 6946»*.

Если в целом говорить о представленной в русских летописях информации об эпидемиях, то сразу же следует оговориться, что данные исторические сюжеты нашли свое отражение в достаточном количестве русских летописных сводов. Однако, зачастую на описании ситуации могло отразиться, как религиозное самосознания летописца, так и региональная специфика. Например, в текстах, относящихся к новгородскому и псковскому летописанию, могли просто отсутствовать описания некоторых эпидемических вспышек, произошедших на территории других русских княжеств. Аналогичным образом данная практика распространялась на своды, относящиеся к великокняжескому, тверскому или литовско-русскому летописаниям. В то же время следует признать, что практически во всех источниках главенствовали одни и те же оценки. В массе своей они акцентировали внимание не на политических аспектах и общественном восприятии, а на природно-эпидемической составляющей. Одним словом, данное бедствие рассматривалось исключительно как массовая гибель людей. Лишь за редким исключением данное бедствие могло получить политическую оценку происходящего.

§ 2. Зарождение западной нарративной традиции описания «Черной смерти»: античные и арабо-мусульманские авторы

Западная историографическая традиция описания «Черной смерти» берет свое начало в труде древнегреческого историка Фукидида, посвященном Пелопонесской войне². Главное, на чем акцентировал свое внимание древнегреческий автор – место происхождения заболевания и его клиника. Исходя из воззрения о том, что одним из важных факторов возникновения любой крупной эпидемии является жаркий климат, регионом исхода заболевания были обозначены страны африканского континента (Египет, Ливия и Эфиопия). Среди перечисленных основных симптомов заболевания, возникшего в Афинах в ходе Пелопонесской войны, Фукидидом были упомянуты: сильный жар, головная боль, покраснение и воспаление глазных роговиц, кровохаркание, жесткий кашель, затрудненное и зловонное дыхание, выступление на теле багровых пузырьков и нарывов, смерть на седьмой или девятый день [Фукидид, 1915, Т. II: 49].

Впрочем, приведенные в труде древнегреческого автора симптомы пока не позволяют полностью определить вид данного заболевания. Современные исследователи пришли к двум противоположным гипотезам. Причем обе они полностью отрицают чумную природу крупной эпидемии, возникшей в Афинах в конце V в. д.н.э.. Среди наиболее популярных в современной научной среде главенствует точка зрения о тифозном или эболическом происхождении «чумы Фукидида». Один из ведущих отечественный антропологов Е.П. Бужилова, отталкиваясь от традиционной точки зрения, указала на распространение наиболее вирулентной³ легочной фор-

² В работе использовано издание 1915 г.

³ Вирулентность (от лат. Virulentus – ядовитый) – степень способности данного инфекционного агента (штамма микроорганизма или вируса) заражать другой организм. Легочная форма чумы является первичной пневмонией и развивается при заражении человека воздушно-капельным путем его органов дыхания.

мы чумы [Бужилова Е.П., 2005: 280]. Однако, пока не будут проведены генетические исследования биологических останков погибших во время данной эпидемии, делать выводы о природе данной эпидемии будет преждевременно.

Собственно, ценность труда древнегреческого автора заключается в том, что все сообщения в нем были сделаны со слов очевидца событий. Однако, не представляется возможным полностью доверять представленной в сообщениях информации из-за доминирования в тексте эмоциональных оценок автора общего количества погибших, локализации районов и длительности распространения данного заболевания. В то же время, это позволяет понять оказавшегося в условиях природного катаклизма свидетеля событий и представить эмоциональное состояние общества в целом. Если вернуться обратно к тексту Фукидида, то наиболее интересными, с точки зрения описания событий в охваченных эпидемией Афинах, выглядят следующие строки: *«никто не рассчитывал дожить до той поры, когда понесет по суду наказание за преступление»* поэтому в городе установилось *«царство мародерства, разврата и безнаказанности»* [Фукидид, 1915, Т. II: 53]. Именно оценка психологического состояния общества во время эпидемий и станет в итоге одной из важнейших тем в западноевропейских текстах, посвященных *«Черной смерти»*. В то же время следует отметить, что в большинстве своем поздние тексты не слишком критично использовали труд Фукидида. Зачастую все оценки событий преподносились в том виде, в котором они были представлены еще древнегреческим автором.

Дальнейший шаг в осмыслении эпидемии чумы сделал в VI в. н.э. Прокопий Кесарийский, секретарь знаменитого византийского полководца Велизария. В отличие от труда Фукидида, его описания бедствия не только имеют более масштабный охват, но и уже более взвешенную оценку последствий. При этом в самом тексте уделено внимание не столько психологическому состоянию общества, сколько описанию эпидемиологии и основной симптоматики заболевания. Поэтому благодаря его описаниям мы можем с достаточной уверенностью говорить, что разразившаяся в VI в. *«чума Юс-*

тиниана», скорее всего являлась вспышкой бубонной чумы⁴. В то же время, можно подчеркнуть, что в целом оценки бедствия у Прокопия Кесарийского повторяют точку зрения Фукидида и Галлена. Главным образом они вращаются вокруг североафриканского происхождения чумы и систематически подчеркивают волнообразный характер ее распространения [Прокопий Кесарийский, 1980, Кн. 2: 22–23]. В качестве одной из возможных причин возникновения эпидемии автор текста усматривал влияние на человеческий организм миазмов⁵.

Параллельно с дальнейшим развитием греко-римской традиции описания эпидемии чумы во время Первой пандемии чумы («чумы Юстиниана»), происходило формирование арабо-мусульманской традиции. Если в целом охарактеризовать исламскую литературу по теме, то можно отметить большую роль богословской традиции в восприятии эпидемии чумы и методов борьбы с ней. Известно, что годы пророка Мухаммеда (570–632 гг.) пришлись на пик Первой пандемии «Юстиниановой чумы» (540–683 гг.). Тема эпидемии и методов борьбы с ней не могла оказаться вне рамок взглядов пророка и его учеников. По одному из записанных в Коране хадисов: «Клянусь тем, что вы видите и тем, что не видите... Пусть боль-

⁴ Бубонная чума – преобладающая у человека форма чумы, остроого природно-очагового заболевания, вызываемого бактерией *Yersinia pestis*, переносимой блохами, паразитирующими на крысах, которые могут переходить на человека. Данный вид заболевания характеризуется болезненным воспалением лимфатических узлов с образованием «бубонов», чаще всего – паховых, реже – подмышечных, проявляется лихорадкой и выраженной интоксикацией. Инкубационный период составляет 2–6, реже от 1 до 12 дней.

⁵ Миазм или миазма (от др.-греч. μίαισμα – загрязнение, скверна) – устаревший медицинский термин, которым вплоть до конца XIX века обозначались обитающие в окружающей среде «заразительные начала», о природе которых ничего не было известно. До открытия болезнетворных микроорганизмов большинство врачей полагали, что причинами заразных болезней могут быть продукты гниения, содержащиеся в почве, воде (особенно болотной), отходах жизнедеятельности и т.п. Считалось, что испаряясь из очагов своего образования, миазмы проникают в воздух и таким образом попадают в организм человека, вызывая в нем болезнь.

ного не навещает здоровый». Согласно другому хадису: *«Бегите от прокаженного, как от льва»*. Наиболее интересной выглядит информация, представленная в третьем хадисе. *«Если вы услышите, что где-то вспыхнула эпидемия чумы или холеры, не отправляйтесь туда, а если это произошло там, где вы находитесь, не покидайте это место»* [Умерший от чумы и холеры, 2012]. Так, по мнению одного из учеников пророка йеменца Абу Хурайра, умерший от чумы или холеры, признавался павшим за веру шахидом [Абу Хурайра, 2017].

Если говорить о распространенной среди мусульманских мыслителей точке зрения на природу возникновения эпидемии чумы, то она базировалась на мнении, что определяющими факторами начала данного бедствия являлась либо воля Аллаха, либо злономеренные действия джинов. [Ziegler Ph., 1969: 14].

Несколько иные причины этих бедствий были обозначены средневековыми арабско-мусульманскими врачами. Так, в специальной главе четвертой книги «Канона врачебной науки» Абу Али ибн Сины (Авиценны) в качестве первоисточников данного заболевания были обозначены: происходившие в начале осени небесный камне- и звездопад, а также длившиеся несколько дней дуновения южного и восточного ветра. В качестве явлений, сопутствующих начавшейся эпидемии, служили: увеличение количества родившихся из гнили лягушек и насекомых; появление на поверхности живущих под землей животных (мышей и других мелких зверьков); а также уход из возможных мест заражения хищных животных и птиц (аистов). Указание в данном медицинском трактате на возможную взаимосвязь гнили с животным миром, а также природно-климатических условий с острым протеканием лихорадки напрямую свидетельствовало о знакомстве Ибн Сины с трудами Галена и других представителей греко-римской традиции описания эпидемий. При этом вслед за мусульманскими богословами сами арабские врачи усматривали в качестве первопричин заболевания, наряду с волей Всевышнего, и сверхъестественное проявление джинов [Ziegler Ph., 1969: 15].

Главным фактором начала «лихорадки» у человека, средневековым мусульманским врачом, были определены индивидуальные особенности человеческого организма по сохранению необходимо-

го для здоровья и жизни уровня внутренней жидкости. При этом факторами, ускорявшими повышение предельного уровня жидкости в организме больного, были обозначены чрезмерное использование последним бань и частое совокупление, а также расположение на небосводе в определенном порядке небесных светил. Поэтому для успешного излечения больного, заключил Ибн Сина, необходимо было с учетом этих факторов выстраивать индивидуальное лечение. Последнее должно было базироваться на методах, позволяющих снизить уровень жидкости или температуры организма больного. Среди упомянутых в трактате были указаны кровопускание, специальная диета, окуривание и проветривание помещений [Ибн Сина, 1982: 125–129].

Еще один метод борьбы с заболеванием предложил хорезмский врач и современник Ибн Сины ал-Бируни. Согласно его воззрениям, для лечения зараженных более всего подходят либо красный яхонт («сидж асфух»), либо добытая в районе Каппадокии, именуемая «плотным камнем», имевшая желтоватый цвет армянская глина («тин армани») [Бируни Абу Рейхан, 1974, Кн. 4: 620, 876]. При этом сам хорезмский врач XI в. указывал на их полезные свойства в борьбе как с лихорадкой, так и с мором и чумой⁶. Данный факт может напрямую свидетельствовать о существовавшей на тот момент в исламском мире медицинской практике работы с обоими заболеваниями.

С большой долей вероятности можно утверждать, что в трудах Ибн Сины и ал-Бируни прослеживается влияние трудов персидского ученого-медика X в. Абу Сахл Иса ибн Яхья ал-Масихи ал-Джурджани. В частности, речь может идти о таких произведениях этого автора, как: «Сто книг по искусству медицины», «Книга по общей медицине», и посвященной амиру Гурганджа и хорезмшаху Абу Али Мамуну ибн Мухаммаду «Книге о чуме» [Бируни Абу Рейхан, 1974, Кн. 4: 102]. Исходя из того, что часть имени этого средневекового автора «аль-Масихи» напрямую указывала на его

⁶ У хорезмского врача данное заболевание было обозначено персидским словом синдж, а красный яхонт дословно переводится, как «отражающий чуму».

христианское происхождение, можно предположить о его познаниях работ античных и византийских авторов и применяемых ими практиках для борьбы с эпидемиями чумы [Papan-Matin F., 2010: 111]. Поэтому можно говорить, что в трудах Ибн Сины и ал-Бируни в большей степени прослеживается скорее развитие медицинской практики европейских коллег, нежели арабских автахтонных.

Если говорить о последних, то в арабско-мусульманском мире большую популярность получил карантин. Собственно, именно о нем сообщается в хадисе, посвященном второму правоверному халифу Умару. Согласно отрывку, приведенному в труде известного исламского ученого-богослова и историка XV в. Ибн Хаджара ал-Аскаляни, халиф с группой своих соратников на 18-м году хиджры, отправился в Шам (Сирия). Во время путешествия до него дошли слухи о том, что там началась эпидемия чумы, и был введен карантин. Посовещавшись со своими спутниками о необходимости продолжения пути, им было принято решение о возвращении обратно. На возгласы некоторых из них о том, что он бежит от того, что было предопределено Всевышним, халифом Умаром был дан такой ответ: *«Мы убегаем от одного, определенного Богом, к другому, определенному Им же»* [Аль-Аскаляни А., 2000, Т. 13: 200–228]. Именно о применении карантина во время *«Черной смерти»* говорится в трудах средневековых исламских врачей (ал-Захаби, Ибн Хаджар ал-Аскалани и др.) [Irmeli P., 1995].

С большей долей вероятности можно предположить, что разработанные в более ранний исторический период и использованные на практике во время Первой пандемии чумы (*«чума Юстиниана»*) методы лечения явно не сработали во время *«Черной смерти»*. Поэтому в арабо-исламском мире можно наблюдать изменения в методах борьбы с данным бедствием. Наиболее полный список медицинских мер были представлен в труде Ибн Хаджар ал-Аскаляни. Наряду с уже упомянутым выше карантином, соблюдением гигиены и специальной диеты он указал:

- 1) исключение из рациона потенциально опасных продуктов и приводящих к возникновению болезни вещей;
- 2) забой больных животных, использование в быту индивидуальных вещей;

- 3) быстрые похороны умершего;
- 4) исследование возможных способов излечения от болезни [Заразные болезни и эпидемии, 2017].

Исходя из этого, можно признать, что исламские врачи одними из первых в мире пришли к следующему заключению: заражение чумой происходило посредством взаимодействия человека с больным и его вещами. Однако при этом подчеркивалось, что сам процесс заражения Всевышний использовал для наказания за грехи человеческие.

Все же главным достижением арабских авторов явилась одна из первых в мире комплексных оценок эпидемии средневековой чумы. Пальму первенства можно отдать труду Ибн ал-Варди, умершего в 1349 г. во время вспышки «Черной смерти» в сирийском Алеппо. В своем знаменитом трактате «*Весть о чуме*», он высказал предположение, что данное заболевание началось в 1331–1332 г. в «*царстве мрака*» [Dols M.W., 1977: 40]. Через 15 лет она была зафиксирована в Крыму. Вот как об этом писал сам арабский автор: «*В 747 году (1346) приключилась в землях Узбековых чума, обезлюдели деревни и города; потом чума перешла в Крым, из которого стала исторгать ежедневно до 1000 трупов, или около того... Затем чума перешла в Рум (Константинополь), где погибло много народу, – собицал мне купец из людей нашей земли, прибывший из того края, то кади Крымский рассказывал: «Сосчитали мы умерших от чумы, и оказалось их 85000, не считая тех, которых мы не знаем»* [Тизенгаузен В.Г., 1884: 498].

Пожалуй, главным недостатком труда Ибн ал-Варди следует признать то, что в нем не передано состояние общества на Востоке. В отличие от него, марокканский путешественник Ибн Батутта, описывая вспыхнувшую в 1348 г. чуму в Дамаске, акцентировал свое внимание именно на общественной составляющей. «*Малик ал-умара', наместник султана Аргуша, приказал глашатаям объявить жителям Дамаска о том, что они должны поститься три дня, последним из них был четверг. И вот в этот день амиры, знатные люди города, кади факихи, представители других слоев населения, все без исключения, стали собираться в мечети, пока не заполнили их до отказа. Ночь с четверга на пятницу они провели здесь в мо-*

литвах, все они пешком, амиры тоже, держа в руках Коран, направились к масжид ал-Акдам. К ним присоединилось все население города – мужчины и женщины, взрослые и дети. Евреи шли, держа в руках Талмуд, христиане – Евангелие. С ними шли их жены и дети, все они шли со слезами на глазах, смиренно моля Господа через ниспосланных им Его посланников и книги. Собравшись у мечети, они в молитвах и богослужении провели весь день и только к вечеру возвратились в город на пятничную молитву. Аллах Великий и Всемогущий услышал их молитвы: количество умерших за один день не превысило двух тысяч, тогда как в Каире и в Старом Каире число умерших за один день достигало двадцати четырех тысяч» [Путешествия Ибн Баттуты, 1996: 137–138].

Первое, на что обращаешь свое внимание при анализе данного отрывка, практически отсутствует описание симптоматики самого заболевания. При этом, очень четко прослеживается охватившее практически все слои населения паническое настроение. В тоже время именно вера во Всевышнего, пока еще определяла мотивы поведения населения. Однако, нельзя не отметить, что все описанные действия происходят за городской чертой. Поэтому, можно предположить о введении в Дамаске карантина, что, скорее всего, в конечном итоге повлияло на снижение числа умерших. Чего мы не видим в Старом Каире и Каире. Впрочем, о каких-либо полноценных причинах, приведших к возникновению эпидемии у Ибн-Баттуты явно не упоминается. Налицо явное эмоциональное восприятие очевидца события. Этим-то грешат и другие современники этих событий.

Первые по-настоящему полноценные оценочные суждения были даны только век спустя египетским историком Такиюддином Абдуль-Аббас Ахмад ибн Али ал-Макризи. В нашей историографии известно всего несколько отрывков из его труда. Практически все они связаны с эпидемией чумы в Улусе Джучи. Описывая начало эпидемии чумы в средневековом татарском государстве, арабский историк в целом повторяет слова Ибн ал-Варди. «*К числу событий 749 года относится великая моровая язва и охватившая всех чума, случившаяся в землях Халебских, Сирийских и Египетских и продолжавшаяся до 750 года. Это был сильный мор, опустошивший страны и жилища, и поразивший людей онемением и кровохаркани-*

ем. Число умерших доходило в Каире и Мысе в день до 20000 человек, а в Халебе в день до 5000, в Айнтабе (умирали) каждый день от 150 до 200, – в один день больше, в (другой) меньше – а в Дамаске 1000 человек. Погибло народу приблизительно 2/3. Этот мор есть тот, который люди называют «великим мором». В некоторых летописях говорится, что число умерших в Мысе и Каире в шаабане и рамазане (25 октября – 22 декабря 1348 г.) дошло до 900000 человек. О чуме подобно этой, никто (прежде) не слышал. Чумы в исламе насчитывают пять; эта шестая, и не было в нем (в исламе) чумы сильнее этой; потому что она охватила и мусульман и неверных в некоторых странах, особенно в землях франков, и обезлюдела большую часть страны. Оказался недостаток во всех товарах, вследствие незначительности привоза их, так что бурдюк воды обходился в землях Египетских дороже 10 дирхемов» [Тизенгаузен В.Г., 1884: 529–530].

Другой известный в отечественной историографии отрывок из этого труда, представленный в сборнике В.Г. Тизенгаузена, описывает события 1430 г. *«В 833 (1430) и предшествующем ему годах в землях Сарайских и Дештских и в степях Кыпчацких были сильная засуха и чрезвычайно большая моровая язва, от которой погибло множество народа, так что уцелели из них (татар) со стадами только немногие роды»* [Тизенгаузен В.Г., 1884: 442].

Оба этих отрывка взяты из труда Ибн ал-Варди *«Китаб ассулук ли марифат дуваль аль-мулюк»* («Книга путей к познанию правящих династий»). Последний, как и другое его известное произведение *«Китаб аль-маваиз ва-ль-итибар фи зикр аль-хитат ва-аль-асар»* («Книга поучений и назиданий в рассказе о кварталах и памятниках»), практически неизвестны в нашей стране. Родившийся в 1364 г. ал-Макризи, находясь достаточно долго в должностях кадия, мухтасиба и преподавателя в медресе, смог в своих работах на основе доступных ему арабских источников описать в подробностях начало *«Черной смерти»*.

Согласно его точке зрения, эпидемия началась в расположенных *«в шести месяцах пути от Табриза»* землях Великого хана. Далее она прошла через земли поклонявшихся Огню, Солнцу и Луне, кара-хитаев и монголов [Юрченко А.Г., 2007: 243]. Более под-

робно отрывок из труда ал-Макризи, посвященный чуме в Китае и на Дальнем Востоке, приведен в монографии одного из крупнейших британских ориенталистов XX в. М.В. Долса: «*Языческие племена, общим числом более трех сотен, пали без видимых причин в своих летних и зимних стойбищах в ходе выпаса своих стад и во время сезонных миграций. Их поселения обезлюдели, а люди и животные были брошены там, где они упали*». Дальнейшее распространение болезни египетский историк связывал с ветром, распространявшим гнилостный запах павших. «*Как только зловоние и смрад достигали городов, шатров или местности и это вдыхал человек или животное, они обязательно умирали*» [Юрченко А.Г., 2007: 244].

Далее египетский историк сообщал о вызванном сильнейшими дождями наводнении в *Кхитае* (Китае), уничтожившем множество домашних и диких животных. В результате этого, в три месяца были опустошены китайские земли между Йен-Кингом (Вьетнам) и Кореей, в том числе погибло 16 местных князей. Также жертвами разразившейся позднее болезни стало большое число воинов из войска Великого хана, сам он и шесть его детей [Dols M.W., 1977: 42]⁷. В последующем, Китай оказался опустошенным эпидемией, в то время как Индия пострадала в меньшей степени [Dols M.W., 1977: 41].

В 742 г. (17.06. 1341 – 5.06. 1342) стали поступать сообщения из страны золотоордынского хана Узбека о том, что на Востоке разразилась страшная эпидемия. По мнению ал-Макризи, именно это бедствие помогло спасти Багдад во время осады 1348 г. Однако, болезнь охватила гораздо больше земель. Так, Джума I 749 г. (28.07. –

⁷ Используя в своем исследовании текст 2-го каирского издания труда ал-Макризи «*as-Sulūk li-maʿrifat duwal al-mulūk*» (Caigo, 1970–1973), британский ориенталист пришел к выводу, что речь скорее всего идет о двадцативосьмилетнем хане из Юанской династии Туге-Тэмуре и его сыновьях. По мнению историка, упоминание ал-Макризи в качестве одной из причин смерти данного правителя болезни, в целом подтверждают данные китайских и латинских источников, сообщавшие о разразившейся в 1331–1332 г. после больших ливней эпидемии. В таком случае, по мнению М.В. Долса, нужно говорить о чуме, как об одной из главных причин смерти предшественника Туг-Тэмуре Есун-Тэмуре (ум. 15 августа 1328 г.). Однако, данное предположение требует более тщательного анализа китайских источников.

26.08.1348) болезнь охватила округ Халеба и затем Сирию, земли Мардина и Дамаск. В результате погибшими оказались все жители земель, расположенных между Иерусалимом и Дамаском, побережьем моря, Акки и Сафрадом, самого Иерусалима, Наблуса и Карака. Погибшими считались арабы пустыни и жители гор и равнин. В городе Джинин смерть настигла всех, кроме одной старухи. Аналогичная ситуация наблюдалась в городах Лудд и Рамле. В них наблюдалась одна и та же картина. Все постоянные дворы, другие общественные заведения и людные места были переполнены телами умерших. Исключение составили сирийские города Ма'рра ан-Нуман и Шайзар.

Одними из первых, заключает ал-Макризи, зафиксировали проявление новой болезни врачи из Дамаска. Ими было отмечено появление на задней стороне уха прыщей (*басра*). После чего у больного наблюдалось опухание желез в подмышках. Затем людей начинало рвать кровью. Для большинства людей в условиях большого количества смертей, характерной реакцией стал панических страх и ужас. Ибо все видели, как те, у кого происходило подобное проявление болезни, не проживали и 50 часов.

Далее египетский историк сообщал, что в городе Халебе умерло 500 человек. С 2 мухаррама до 4 сафара (2.04. – 4.05.1348) в Гаазе, согласно полученному письму наместника султана, умерло более 22 тысяч человек. Смерть охватила все поселения в округе Гаазы. *«А случилось это, когда заканчивалась вспашка земли. Люди умирали прямо за плугом, держа в руках лукошки с зерном. Погиб весь рабочий скот. В один дом в Гаазе с целью мародерства вошло шесть человек, но все они умерли в этом же доме. В итоге, этот город превратился в город мертвых».*

Кроме восточных стран, по мнению ал-Макризи, чума охватила страну франков и ряд других стран. Сначала она поразила там скот, а затем унесла население. Однажды вечером на остров Кипр обрушился ураган, и началось землетрясение. Огромные волны унесли из порта Фамагусты множество строений и кораблей, которые позднее затонули. Жители Кипра стали думать, что наступил Судный день, и в растерянности убежали. Но когда они возвратились в свои жилища, то застали своих оставшихся близких мертвыми. Чума выкосила их всех. Она свирепствовала на острове в течение недели. Часть жите-

лей острова во главе с их владыкой Гуго IV (1324–1358) села на корабль, чтобы уплыть на ближайший остров Родос. Однако их мучения на море продлились не более суток, и большинство их погибло на кораблях. И хотя некоторым удалось добраться до острова, все они там погибли. После их смерти на остров Родос пришел корабль с купцами, и вскоре все они, за исключением 13 человек, умерли. Последние добрались до Кипра, но и здесь их число сократилось до четырех. На Кипре они никого в живых не нашли.

Когда мимо острова франков проходили корабли, то моряки не увидели никого из живых. Первопричиной данных событий арабский автор назвал традиционный смертельный ветер, который косил всех, кто его вдыхал. После чего человек падал на землю, и лежал там пока не умирал. Однако, по мнению ал-Макризи, дальнейшее распространение болезни шло посредством торговых кораблей. Так, в Александрию прибыл корабль, на котором из более, чем 300 членов экипажа и пассажиров, в живых осталось не более 40 человек.

Очень скоро «чума» охватила жителей земли Андалус, а также от Барки до Александрии. Горы, пустыни и города здесь очень скоро заполнились трупами людей и животных. Если забивали овцу, то ее мясо оказывалось зловонным и почерневшим. Стал другим также запах масла и молока. Каждый день погибало порядка ста человек, затем по двести, а в одну пятницу умерло 700 человек. Из-за смерти ремесленников и приезжих купцов закрылась текстильная мануфактура (дар ат-тираз), торговый дом и рынки. Прибывшее в Александрию судно с франками сообщило о встрече с другим кораблем, над которым летало огромное число птиц, клевавших трупы погибшего экипажа. Приблизившись, они увидели, что многие птицы уже были мертвы.

Добравшись до Александрии, сообщает далее ал-Макризи, болезнь унесла с собой более трехсот человек. Затем смерть распространилась на города Даманхур, Гаруджа и на всю область Бухейра. По словам очевидцев, здесь погибло все население и весь скот. Прекратилась рыбная ловля на озере Баралас. Причем большинство рыбаков умирало во время лова рыбы. На оболочке икринок были замечены омертвевшие места, а на головках икринок – черные булбонные нарывчики.

Смерть шествовала по всему морскому побережью, и не было никого, кто бы ее остановил. В провинциях Египта погибли почти все крестьяне, и не осталось никого, кто мог бы собрать урожай. Чума здесь распространилась в течение месяца раби II 749 года (06.1348). Умерших оказалось так много, что по замечанию египетского историка, все дороги были забиты телами погибших от чумы людей и скота. Огромное количество последних привело к тому, что начали гнить даже деревья. Дома опустели, и никто к ним более близко не подходил. Рыболовецкие шхуны остались на воде. Все рыбаки на них погибли, а их сети были переполнены покрытыми бубонами мертвой рыбой. Последние были также обнаружены на телах купного и мелкого рогатого скота.

Из текста египетского средневекового историка видно, что в Дамаске чума была слабее, чем в Триполи, Хаме и Хомсе. Причем пик эпидемии пришелся на месяц ряджаб (25.09 – 2.10.1348), когда подул ураганный ветер. Затем наступил такой мрак, что люди не видели идущего рядом человека. После того как ветер стих, люди стали обнаруживать бледность лиц и сразу же число умерших стало расти. К концу месяца число умерших от чумы достигло тысячи человек в день. В Каире в месяцы ша'бана (25.10 – 22.11.1348) и рамадан (23.11 – 22.12.1348) болезнь еще более ужесточилась. Зимой 1348/49 гг. в месяц шаввале (23.12.1348 – 20.01.1349) улицы и рынки Каира заполнились умершими. *«Не возможно было найти ни одного дома с живыми жильцами. На улицах – ни одного прохожего – только мертвые. Опустели улочки и переулки. Так перед воротами одной мечети в течение двух дней было собрано 13800 трупов. Многие остались на улицах, рынках, во дворах и в других местах. Число умерших за один день достигло 20 тысяч человек, а в течение прошедших ша'бана число умерших составило 900 тысяч человек, а может быть, и больше. К концу 749 года (20.02. – 21.03.1349) эпидемия чумы охватила низовья Нила. Затем поступили сообщения из Гура и других мест, что там находили мертвых волков, зайцев, онагров, свиней и прочих зверей с бубонами на теле»* [Стихийные бедствия и экстремальные явления, 1990: 109–118].

Основную сложность в интерпретации текстов египетского историка вызывает тот факт, что все события были записаны значи-

тельно позже и на значительном отдалении от мест событий. Этим то и можно объяснить приведенные в тексте крайне спорные данные, касаемые общего числа погибших во время «Черной смерти», основных причин начала данного бедствия и исторических событий в 1330–1340-х гг. Но, не смотря на это, главным достоинством трудов ал-Макризи можно считать одно из первых признаний планетарного характера возникшего явления, а также достаточно точную передачу информации о психологическом состоянии средневекового мусульманского общества, оказавшегося в условиях масштабной эпидемии.

Относительно вспышки эпидемии чумы в 1348–1349 гг., по мнению М.В. Долса, наиболее достоверную информацию содержат трактаты андалузских летописцев Ибн Хатимаха и Ибн ал-Хатиба. Так первый автор сообщал, что якобы узнал о начале чумы в Кхитае (Китае) от христианских купцов. Оттуда болезнь распространилась в земли, населенные турками и в Ирак. Особенно от нее пострадали Крым, Пера (район проживания иностранных купцов в Константинополе) и сам Константинополь. Впрочем, сам андалузец не исключил возможности начала данной эпидемии в Эфиопии. Впрочем, заключает британский ориенталист, ни один из египетских источников не подтверждает этого предположения. Более того, другой андалузский летописец Ибн ал-Хатиб склонялся к китайско-индийскому варианту возникновения болезни. Ссылаясь на неких надежных людей, глава канцелярии и визирь эмира Гренады, сообщал, что чума началась в 1333–1334 гг. в землях Кхитая и Синд (Долина Инда). Причем он считал, что если болезнь могла быть направлена Богом в качестве наказания за грехи человека, то инфекция, к которой он отнес и чуму, могла передаваться от человека к человеку [Dols M.W., 1977: 42].

Перечень источников арабо-мусульманских авторов был бы не полным без учета труда персидского летописца Фасиха ал-Хасафи [Фасихов свод, 1980]. Согласно тексту данного исторического источника, в период 1345 по 1434 г. произошли три крупные эпидемии чумы. Так во время вспышки 1359/60 гг. в Азербайджане султан Увайс ибн эмир шейх Хасан, применяя способы предохранения от холеры, смог спастись только после перезимовки в области Карабаг Арран. Чума 1369/70 гг. в Тебризе унесла из жизни порядка

трехсот тысяч человек. Во время вспышки 1392/93 гг. умер Акджаки, правивший пять лет в Азербайджане и Тебризе. В 1406/07 г. эпидемия чумы помешала бахадиру Эмирзаде Аба Бакуру войти в город Тебриз.

Если исходить из текстологического анализа данного источника, можно обратить внимание на следующие факты: 1) все ордынские вспышки второй половины XIV в. происходили через 2–3 года после чумы на Кавказе, 2) параллельно с эпидемией чумы начинала свое победное шествие холера. Наиболее ранняя вспышка болезни была зафиксирована после землетрясения 1336/37 гг. в районе между селениями Заузан и Джизад. Эпидемия охватила территорию от селения Завы до города Дугабады (Исламабад), унеся с собой 11 тыс. человек.

Следующая вспышка холеры была зафиксирована в г. Хорезм и его округе в 1345/46 гг. Как свидетельствует хронист: *«погибло большинство жителей и, возможно, что из ста человек не осталось ни одного»*. Схожая по размаху вспышка была зафиксирована в Багдаде в 1349/50 г., когда одной из жертв болезни стал шейх Сирадж ад-Дин. В Тебризе в 1392/93 и 1406/07 гг. наравне со вспышками чумы была отмечена эпидемия холеры.

Самой подробной из описанных Фасих Хасафи эпидемий холеры, считается вспышка в г. Герат в 1434/35 гг. Вот как об этом сообщает сам хронист: *«От холеры, свирепствовавшей в этом году, погибло так много людей, что их число превысило [всякие] границы. ... В целом около десяти тысяч трупов лежали в городе и за его пределами, они стали гнить и опухать, и никто не брался их хоронить. В один день подсчитали, что четыре тысячи семьсот гробов и других [предметов] были погружены на вьючных [животных] и вывезены из ворот Герата, это кроме тех, которые умерли в окрестностях Герата, а город Герат в сравнении с его окрестностями и булуками занимает четвертую часть. Вероятно, из жителей Герата, его булуков и окрестностей на каждые две сотни людей остался [в живых] примерно один человек. Ни один человек не мог найти гробов и саванов. Тех, которых перевозили на кладбище, большинство из них грузили на вьючных животных, их вели носильщики, каждое вьючное животное нагружали четвермя – пятью*

трупами, рыли ямы и сбрасывали туда трупы, засыпали землей и все то, что говорят поэтому будет сверх этой [правды]». Одной из самых знаменитых жертв этой эпидемии стал известный в исламском мире чтец Корана и ученый мавлан Хафиз Ала ад-Дин Мухаммад, сын Хафиза Имад ад-Дина ал-Херави, известного под именем Ибн Имад шаир, автор известного Дивана «Дах-наме», называемого Раузат ал-мухиббин, Хуласат ат-танзид [Фасихов свод, 1980].

Если говорить в целом об источниках, имевших кавказско-персидское происхождение и ставших в последние десятилетия доступными для отечественных исследователей, то среди них можно выделить армянских средневековых врачей. Мхитар Гераци стал одним из первых врачей в средневековой Армении, высказавших предположение о существовании контагенности, т.е. заразности болезней. Мхитар Гераци писал о свойстве инфекционных болезней передаваться от больных людей или животных к здоровым, восприимчивым людям (животным) путем передачи возбудителя при непосредственном контакте или через факторы передачи. В своем знаменитом труде «Утешение при лихорадках» он смог описать заражение и развитие заболевания, а также известные способы лечения. Другой известный средневековый армянский врач Амирдовлат Амасиаци в своем трактате «Польза медицины» подчеркивал влияние климатических условий и окружающей природы на здоровье и способы лечения [Варданян С.А., 1982].

Несмотря на то, что золотоордынские источники эпохи «Черной смерти» в основном были потеряны или же сохранились в мамлюкском Египете, дошедшие до нас единичные экземпляры представляют наибольший исследовательский интерес. Среди последних можно выделить «Надж ал-Фарадис» (*Nechü'l-Feradis*). По мнению Ю. Шамильоглу, данный источник является примером одного из самых поздних использований в литературе распространенного в Золотой Орде тюрко-татарского языка [Schamiloglu U., 1991]. В научный оборот он был введен в середине XIX в. известным татарским просветителем Шигабутдином Марджани. Впрочем, до сегодняшнего дня этот вариант источника до нас не дошел. Татарский просветитель считал, что находившаяся в его пользовании рукопись источника являлась всего лишь копией,

сделанной в Сарае в 749/1358 г. Он исходил из того, что автором манускрипта является некто Махмуд, уроженец Булгара, нашедший убежище в Сарае, чье родовое имя (нисба), Кердери напрямую указывало на место происхождения его семьи – хорезмский город Кердер [Шамильоглу Ю., 2016b: 690].

Наиболее ценным из 11 сохранившихся списков данного источника для современных исследователей, по мнению отечественного исследователя Ф. Нуриевой, считается стамбульский вариант данного источника. Именно текст последнего списка составлен по преимуществу языком XIV в., и он является наиболее полным из ныне существующих. Поэтому логичным выглядит проведение текстологического анализа списка именно этого свода.

Само же произведение *«Надж ал-Фарадис»* состоит из 4-х глав и 40-ка разделов. Название труда на русском языке означает *«Открытая дорога в рай...»*. Если вспомнить о том, что книга писалась непосредственно после вспышки *«Черной смерти»*, то становится понятна основная подоплека создания подобного произведения. Поэтому данный источник важен для осмысления восприятия средневековым татарским обществом последствий эпидемий. Отраднo, что Центр исследований истории Золотой Орды и татарских ханств готовится к публикации этого важнейшего средневекового татарского источника на русский язык.

Главная идея произведения – изложение правил поведения истинного мусульманина, обеспечивающих ему райское блаженство в потустороннем мире – раскрывается в основной части произведения, состоящем из четырех глав (баб). В них через хадисы и рассказы о пророке и его учениках, автор произведения попытался показать этот путь [Нуриева Ф.Ш., 1999].

Еще одним видом исторических источников, затрагивающих тематику *«Черной смерти на территории Улуса Джучи»*, по праву считаются тексты на надгробных камнях. Данный источниковедческий комплекс был введен в научный оборот в конце XIX в. археологом Д. Хвольсоном. Изучив найденные в районе о. Исык-Куль около 200 надгробий несториан, он пришел к выводу, что в 1338–1339 гг. в 72 могилах покоятся погибшие от чумы. Свои предположения он ба-

зировал на записи – «Здесь покоится Кутдук. Он умер от чумы вместе с женой своей Магну-Келкой» [Chwolson D., 1897: 38].

Надгробная эпитафия начала XV в., где напрямую говорилось о чуме, приведена в опубликованном в 1966 г. исследовании, посвященном Северному Кавказу [Эпиграфические памятники Северного Кавказа, 1966]. Главным образом, речь идет о находившейся над входом в медресе села Кубайчи надписи. В ней говорилось: «И построено это благородное медресе в дни поражения чумой, в восемьсот седьмом году. Установления и устои жизни – религия Аллаха» [Эпиграфические памятники Северного Кавказа, 1966: 129]. По мнению советского исследователя Л.И. Лаврова, из надписи видно, что на 807 / 1404–1405 г. приходится местная вспышка чумы, которую кубачинцы рассматривали как божье наказание за грехи. Поэтому, чтобы заслужить прощение, они постановили построить у себя медресе [Эпиграфические памятники Северного Кавказа, 1966: 200].

В отношении надгробных камней, созданных на территории Татарстана в эпоху «Черной смерти» (вторая половина XIV – XV вв.), пока остается много вопросов. По мнению отечественных исследователей Д.Г. Мухаметшина и Ф.С. Хакимзянова, во второй половине XIV в. в связи с глубокими социально-экономическими изменениями количество эпитафических памятников начинает значительно сокращаться [Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С., 1987: 59]. Наиболее вероятным свидетельством эпидемии чумы в этот период на территории Татарстана является эпитафический памятник из Булгарского городища, текст которого вырезан по вертикали. На нем единственный раз встречается слово битик – «надпись», что, видимо, по заключению авторов исследования, являлось прямым заимствованием из древнеуйгурского языка, образованным от китайского слова «*ти*» – «*кисть, кисточка* (для писания тушью). Собственно, в древнетюркском и древнеуйгурском языке данное слово обозначало надпись; книгу; документ. В современных татарском и башкирском языках производное от него слово бетеу и бети означало амулет, талисман, то есть выдержка из религиозных писаний в футляре, которую хранят при себе для предотвращения порчи, болезни и т.д. [Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С., 1987: 77– 78].

Развивая идеи отечественных исследователей Д. Хвольсона, Д.Г. Мухаметшина и Ф.С. Хакимзянова в изучении надгробных камней, Юлай Шамильоглу пришел к заключению о том, что одним из самых заметных последствий «*Черной смерти*» явилось исчезновение: 1) зафиксированного на погребальных камнях озера Иссык-Куль языка тюркок-христиан; 2) западно-тюркского языка волжских булгар, родственного современному татарскому и чувашскому. В обоих случаях перед вспышками чумы наблюдался рост числа погребений с последующим резким сокращением их в следующие десятилетия. Исходя из этого, американский тюрколог считает, что произошедшая в районе озера Иссык-Куль любая крупная вспышка заболевания проявлялась в увеличении общего количества надгробий. Таким образом в период между 1338 и 1342 гг. явно произошли две крупные вспышки чумы. Причем, последние единичные находки несторианских надгробий были датированы периодом 1345–1370 гг. Это в свою очередь, напрямую указывало именно на тот временной промежуток, когда, скорее всего, и произошло полное исчезновение тюркского языка из обихода местных жителей. Аналогичные оценки можно дать и в отношении волжско-булгарских надгробий. Только на территории Булгарского вилаета основной пик погребений пришелся на середину 1350-х гг., а постепенное исчезновение из обихода волжско-булгарского языка произошло в период между 1358 и 1399 гг. Причем, если для региона озера Иссык-Куль исчезновение носителей тюркского языка можно рассматривать, как один из локальных примеров проявления «*Черной смерти*», то для Среднего Поволжья смерть более многочисленных носителей волжско-булгарского языка, по заключению Юлая Шамильоглу, имела для Золотой Орды катастрофические последствия. Прямым следствием этого явился культурный и технологический регресс средневекового татарского государства и его последующая децентрализация и территориальный распад [Schamiloglu U., 1993].

Текстологический анализ трудов арабо-мусульманских авторов показал, что использовавшееся в исламских текстах слово «*та'ун*» и «*ваба*» в первоначальном значении могли обозначать просто болезнь. Впоследствии, первое слово могло обозначать только

вспышку именно бубонной чумы, а второе могло обозначать любой мор или вспышку другого эпидемического заболевания [Varlik N., 2015: 11]. В трудах арабо-мусульманских врачей также могло быть использовано персидское слово хидж. Для более точного определения эпидемии средневековой чумы специалистами было предложено учитывать присутствие по отношению к месту вспышки болезни словосочетания «*макрух тахрими*» (сильно нежелательно). Именно туда, независимо от своих мыслей и убеждений и не рекомендовалось совершать поездки. Исключением из общих правил могла стать реальная необходимость лечь для лечения в больницу, расположенную в другой местности, или же выезд из района эпидемии человека из другой местности.

Если в целом судить о точке зрения арабско-мусульманских авторов на эпидемию «*Черной смерти*», то можно утверждать, что несмотря на наличие трудов таких известных врачей, как ал-Масихи, Ибн Сина, ал-Бируни, ал-Захаби и Ибн Хаджар ал-Аскалани, свидетельствовавших о достаточной большой проработке в исламском мире клиники эпидемии чумы, оценочные суждения данного исторического события у восточных авторов зачастую носили ярко выраженный характер господствовавших в средневековых исламских государствах представлений об окружающем мире. При этом в описаниях, наравне с простой передачей фактов, присутствуют сюжеты, которые невозможно объяснить ничем, кроме как массовым общественным психозом, возникшим в достаточно религиозном средневековом обществе на фоне активно распространяющихся слухов. Исходя из этого, не вызывают полного доверия приведенные в этих работах численные данные погибших от чумы. Однако, ценность произведений восточных авторов заключается не столько в фиксации фактов о распространении «*Черной смерти*» в исламском мире, сколько в передаче информации о психологическом состоянии средневекового религиозного общества, оказавшегося в условиях большого природного катаклизма.

§ 3. Византийские и латинские авторы о «Черной смерти»

Пожалуй, одними из первых с медицинской точки зрения оценку «Черной смерти» дали византийские авторы. Отчасти это объяснялось сохранившимися еще с античных и юстиниановых времен описаниями предыдущих массовых эпидемий. Поэтому, когда в 1330-м году до императорского двора в Константинополе стали доходить слухи о вспышке неизвестного ранее заболевания, приводящего к массовой гибели среди населения, многие стали поговаривать о возникновении в скором будущем подобной новой эпидемии уже на территории Византийской империи. Именно на фоне этих настроений скептически настроенный Никифор Григора по просьбе своих друзей публикует свой астрологический прогноз будущего события. По его мнению, массовое «*тление людей*» произойдет в результате попадания в воздух вредных веществ и разнесения их посредством ветра. Опасность, по мнению византийского астронома, случится тогда, когда произойдет столкновение дующих из нескольких сторон различных ветров. Последнее станет возможным, когда на небосводе будет наблюдаться пересечение Сатурна и Марса, совмещенное с затмением солнца. Пытаясь развеять эти страхи, византийский автор указал на то, что подобное не произойдет в ближайшие два года. Впрочем, по его мнению, нельзя было исключать возникновения подобной ситуации в будущем [Никифор Григора, 2013, Т. 1. Кн. 9. 11: 341–347]. Однако, свой прогноз ему все же пришлось скорректировать сразу после того, как летом 1337 г. византийскими астрономами было зафиксировано появление кометы [Никифор Григора, 2013, Т. 1. Кн. 11. 5: 414–415].

Как видно из приведенной истории с астрологическим прогнозом Никифора Григоры, первоначальное восприятие «Черной смерти» в византийском обществе практически ничем не отличалось от арабско-мусульманского. Однако, оценочные суждения начинают сильно претерпевать изменения во время произошедшей в 1347 г. константинопольской вспышки чумы.

Это наглядно показывает представленный в труде Никифора Григоры отрывок, посвященный вспышке «Черной смерти» на территории Византийской империи в 1347–1348 гг. «*Примерно в это*

время на людей обрушилась тяжелая и чумная болезнь, начавшаяся со скифов, Меотиды и устья Танаиса, когда веса только установилась, и продолжавшаяся весь тот год. Она переходила [из одной области в другую] и точно так же опустошала исключительно приморские части ойкумены – города вместе с селами, как наши, так и все последовательно простирающиеся вплоть до Гаур и Геркулесовых столбов. На второй год она перекинулась и на острова Эгейского моря. Затем коснулась родосцев и равно киприотов, а также жителей других островов.

Болезнь распространялась среди мужчин и женщин, богатых и бедных, молодых и старых – короче говоря, не щадила [людей] никакого возраста и никакого состояния. Множество домов разом опустошалось в один день или иногда в течение двух дней от всех жителей, и никто никому не мог помочь – ни соседям, ни кому-либо из членов или кровных родственников. Болезнь поражала не только людей, но зачастую и других живых существ, обитавших вместе с этими людьми в том доме, – я имею в виду собак, лошадей и все виды домашней птицы, и даже мышей, которые, случается, живут в стенах домов.

Признаками этого заболевания и предвестниками внезапной смерти были [кожные] высыпания, какие-то объемные наросты у основания бедер и предплечий и рвота кровью, которые достигнутых ими иногда в тот же день быстро уносили из настоящей жизни, сидели ли они [дома] или двигались. В то время умер также и Андроник, младший из сыновей императора» [Никифор Григора, 2014, Т. II. Кн. 16. 1: 190–191].

Текстологический анализ данного отрывка показывает, что византийские авторы при определении места возникновения нового заболевания сразу же указывали на ордынские земли, расположенные в устье реки Дон, побережье Азовского моря и Крымский полуостров. Также определенный интерес вызывает приведенный пример с параллельной вспышкой эпизоотии среди животных, что в целом встраивается в современные теоретические взгляды на «Черную смерть». Согласно последним, одним из сопутствующих

факторов заболевания среди популяции людей становилась массовая эпизоотия среди домашнего скота⁸.

Представленная в тексте сочинения Никифора Григора клиника заболевания стала впоследствии классическим описанием «*Черной смерти*». Более подробно она представлена в тексте хроники византийского императора Иоанна VI Кантакузина. «*У одних заболевших в районах сочленения плеч, под челюстью или в других местах наблюдаются большие или меньшие черные новообразования. У одних все тело покрыто черными метками. У других их число велико, но они разбросаны или же они сконцентрированы в одном месте и при этом большие. Но все больные, у которых развиваются похожие симптомы, умирают одинаковым образом. Даже если у некоторых встречаются все симптомы, а у других только один или несколько из перечисленных.*

Те немногие, кто пережил болезнь, второй раз не заражаются и находятся в безопасности. ... Большие скопления бубонов также наблюдались на бедрах и в подмышечных впадинах. В случае разрезания из них вытекала зловонная масса. Болезнь концентрируется в этих местах и прорывается наружу вредным веществом. Многим, которым были проколоты бубоны, смогли не только переждать болезнь, но и быть полностью спасенными» [Bergdolt K., 2000: 24].

Во многом столь подробное описание клиники болезни византийскими авторами можно объяснить наличием в Византии достаточно большой прослойки академически подготовленных врачей по сравнению с тогдашним мусульманским миром. Стоит при этом отметить, что, как у и исламских врачей, теоретическую основу составляла *галеновская теория миазмов*. Однако, в отличие от последних, византийские врачи смогли более научно подойти к оценке возникшего бедствия в следствии использования разработанных в

⁸ Эпизоотия (греч. ἐπί – на, среди; ζῷον – животное) – широкое распространение инфекционной болезни среди одного или многих видов животных на значительной территории (следует отличать от энзоотии), значительно превышающее уровень заболеваемости, обычно регистрируемый на данной территории. Говоря простым языком, эпизоотия – это «эпидемия у животных». Среди наиболее крупных массовых заболеваний среди животных учеными называются сеп, чума, туберкулез, бруцеллез и др.

условиях «*Юстиниановой чумы*» практических предписаний и требований по уходу за больными. В результате, именно их записи, а не мусульманских врачей легли в основу современной эпидемиологии и метода борьбы с этим бедствием.

К византийской традиции описания «*Черной смерти*» скорее всего можно отнести известную поэму-диалог «*Сказание*» иеромонаха Матфея. Согласно тексту данного произведения весной-летом 1396 г. в крымском княжестве Феодоро, скорее всего, произошла эпидемия чумы. Поэтому описание многочисленных погибших необходимо связывать с ней, а не с ходом военных действий [Герцен А.Г., 2007].

Первые западноевропейские оценки наступившей эпидемии чумы были сделаны уже в ходе первой вспышки 1347/48 гг. Так, каталонский врач Жакме д'Аграмонт в опубликованном 24 апреля 1348 г. трактате, указал на возможный регион возникновения эпидемии средневековой чумы. Придерживаясь точки зрения древнегреческого историка Фукидида, византийца Прокопия Кесарийского, и андалузца Ибн Халимаха, Жакме д'Аграмонт обозначил под таковыми Эфиопию и верхнее течение р. Нил [Bergdolt K., 2000: 14]. Саму же наступившую «*Черную смерть*» он именовал «*эпидемией или мором с высокой смертностью среди людей*», пришедшей в Льейду из «*граничащих с ней регионов*». При этом, исходя из текста труда, осталось не вполне ясным, что автор имел в виду под понятием эпидемия.

В целом, как и у Жакме д'Аграмонта, в первых описаниях европейцами «*Черной смерти*», сделанных непосредственно во время данного события, явно доминируют эмоциональные оценки восприятия непонятных явлений, помноженных на чувство страха перед сверхъестественным, что весьма схоже с оценками арабо-мусульманских авторов. При этом указание на эфиопское происхождение болезни, явно указывает на знакомство каталонского врача с трудами мусульманских коллег.

Одним из наиболее ярких примеров влияния мусульманской летописной традиции является текст одной из болонских хроник: «*Болезнь распространялась, как нам кажется, в 1347 г. в Китае и в Персии, как вода с червями выпадала в качестве осадков, и все лю-*

ди, и земли стали искать защиту. Размер падающих с неба огненных шаров достигал человеческой головы, общий объем осадков был равен снегопадам зимой. Падая на землю, они предавали огню всю землю и товары, как будто они были сделаны только из дерева. Люди рассказывали, что сначала чувствовался страшный запах, а те, кто пытался посмотреть, тот на месте падал замертво» [Bergdolt K., 1989: 55]. Аналогичные страшные описания событий встречаются в текстах других западноевропейских хроник. Иногда для устрашения средневековые европейские авторы использовали такие слова, как небесная кара и божественное чудо. Так, в 1348 г. один из каноников фландрийского диоцеза описывая события авиньонской чумы 1347 г. указывал на то, что «заболевания, пришедшие из Индии, проявились в виде осадков ядовитых животных (лягушек, змей, скорпионов), убившие множество животных и людей. На третий день многие выжившие были сожжены выпавшим с неба огненным дождем, усиленным страшным запахом. Через распространение запаха болезнь прошла по всем землям, расположенным на побережье Черного моря и соседним странам». Другие западноевропейские летописцы сообщали о зародившемся в Индийском океане страшном тумане, несущем всем странам и людям чуму и смерть. В первой болонской хронике хранится следующее сообщение о чуме в Болонье: «Между Китаем и Персией прошел сильнейший огненный дождь. Он падал словно снег зимой и сжег горы, низины и остальные земли, включая мужчин и женщин. При этом возник гигантский вонючий дым. И те, кто его видел, тот умирал в течении последующих полутора дней. Оставшиеся в живых мужчины и женщины, являясь свидетелями, подтверждали это» [Bergdolt K., 1989: 95].

Собственно западноевропейская летописная традиция описания «Черной смерти» берет свое начало в хрониках Маттео Виллани и Габриэле де Мусси. Оба автора акцентируют внимание на том, что болезнь в Каффе началась сразу же после произошедшей весной 1347 г. бомбардировки трупами территории города, произведенной войсками золотоордынского хана Джанибека. После чего, чума на торговых судах бежавших генуэзских купцов попала в Константинополь, Египет и Сицилию [Bergdolt K., 2000: 20].

Если проводить текстологический анализ обоих источников, то более достоверную информацию о крымской эпидемии чумы скорее содержит труд законоведа из Пьяченцы Габриэле де Мусси 1348 г. (*«История мора, или Великой смертности»*) оказавшегося внутри городских стен во время осады Каффы [Еманов Е.Г., 2013: 49]. Несмотря на то, что данное произведение дошло только в более поздних копиях, оно продолжает сохранять наибольшую исследовательскую ценность⁹.

Написанный сразу же после событий 1348/49 годов текст данного источника позволяет понять отношение западноевропейцев к новому заболеванию. И здесь, главным образом, обращает на себя внимание явно апокалиптические описания событий. Именно как посланную с небес кару за неверие восточных народов в Иисуса Христа, рассматривает автор текста начало эпидемии. В то же время, автор придерживается традиционной для этого периода точки зрения, согласно которой эпидемия имеет восточное происхождение. *«...В 1346 году и в странах Востока, бесчисленное множество татар и сарацин были сражены, принесшей им внезапную смерть, таинственной болезнью. В этих странах не осталось ни одной провинции, земель, городов, поселков и населенных пунктов, которые не оказались бы охвачены этой лишающей жизни местных жителей болезнью. Находящаяся под управлением татар восточная страна, начала осаду лежащей к северу от Константинополя Таны. После инцидента, часто посещаемый итальянскими купцами город был полностью заброшен, осажден и покорен быстро собравшимися из Золотой Орды татарами. Вытесненные силой христианские купцы оказались столь напуганы властью татар, и чтобы спасти себя и свое имущество, они вынуждены были на вооруженном корабле укрыться в основанной генуэзцами в той же части мира Каффе»* [Wheelis M., 2002: 972].

Далее, автор сообщает нам о начавшейся во время трехлетней осады города Каффы эпидемии. *«О, Боже! Теперь оказалась окруженной со всех сторон татарами Каффа, и христиане вынуждены были в течении 3-х лет быть в осаде. Окруженные*

⁹ Наиболее ранняя из сохранившихся датируется 1367 г.

огромной армией противника, вряд ли могли свободно дышать, хотя еда на кораблях доставлялась в город, что давало им хоть какую-то надежду. Но вот, в армии противников разразилась болезнь, которая как будто пролилась с небес дождем, сбила всю спесь с татар, стала ежедневно убивать их тысячами и тысячами. Все медицинские советы и меры были бесполезны. Татары начинали умирать, как только обнаруживались признаки заболевания на своих телах: отеки в подмышечной области или в области паха, вызываемые несворачиваемостью крови с последующей гнилостной лихорадкой...

Умирующие татары, оглушенные и ошеломленные необъяснимой катастрофой, вызванной болезнью, начинали понимать отсутствие у них надежды на спасение и тем самым теряли всяческий интерес к осаде. Однако это не помешало им использовать трупы умерших в качестве снарядов для катапульты. Делалось это в надежде, что невыносимая вонь убьет всех сопротивляющихся или хотя бы заставит еще живых оставить умирающий город. Христиане не могли скрыться или бежать от нее, хотя они и стали выбрасывать трупы в море. Но вскоре испорченный от гниющих трупов воздух загрязнил местный источник и настолько стал невыносим для окружающих, что несколько тысяч человек из татарского войска вынуждены были обратиться в бегство. Более того, выяснилось, что один зараженный человек мог заразить как несколько человек, так и то место, где он находился. Из-за того, что никто не знал или не мог видеть в себе средство борьбы с болезнью, все оставались с болезнью наедине» [Wheelis M., 2002: 973].

Если продолжить текстологический анализ данного источника, то можно заключить, что сам Габриэле де Муси одним из первых в Западной Европе, описал характерные признаки «Черной смерти»: быстрота протекания заболевания и рост нарывов. Кроме того, за автором данного источника можно признать западноевропейское первенство в деле признания планетарности данного явления. Прямым свидетельством этому является перечисление народов, пострадавших от эпидемии средневековой чумы. Среди последних он выделил китайцев, индусов, персов, мидян, курдов, армян,

килийцев, грузин, месопотамцев, нубийцев, эфиопов, турок, египтян, арабов, сарацин и греков.

В Крыму, по признанию путешественника, *«вымерли бесчисленные племена татар и сарацинов от неожиданной и необъяснимой болезни... огромные пространства земли опустели, наиболее населенные города почти обезлюдели. В Каффе из тысячи умерших в живых оставалось не более 10 человек»*.

Дальнейшее распространение эпидемии итальянским хронистом описано во всех подробностях. *«Родные и друзья, и соседи поспешили к нам... но мы принесли с собой убийственные стрелы, при каждом слове распространяли мы свой смертный яд.... Как это произошло среди тех, кто сбежал из Каффы. На лодке было несколько матросов, которые заразились ядом болезни. Некоторые суда отправились в Геную, Венецию и другие христианские направления. Когда матросы, достигнув этих мест, смешивались с местными жителями, то происходило так, как будто бы они приносили с собой злобных духов. Каждый город, каждый поселок, каждое место были отравлены заразным мором. Их жители: мужчины и женщины неожиданно стали погибать. И если один человек уже заразился этим заболеванием, то он, как правило, отравлял всю свою семью. И даже когда падал и умирал, он мог продолжить их убивать. Умереть мог даже тот, кто готовился захоронить его тело. Таким образом, смерть шла через окна. Города и поселки опустели, их жители оплакивали своих мертвых соседей»* [Wheelis M., 2002: 974].

Впрочем, классическим описанием «Черной смерти» для западноевропейской культуры и научных кругов на долгие годы стало произведение Дж. Боккаччо «Декамерон» [Бокаччо Дж., 2001]. Данное произведение скорее представляет из себя сборник новелл. Ценность данного произведения заключается в том, что оно создано непосредственно сразу же после флорентийской вспышки чумы 1348 г. Поэтому в тексте «Декамерона» нашли свое отражения темы, позволяющие понять психологическое состояние западноевропейского религиозного средневекового общества, оказавшегося в условиях масштабной эпидемии. Красной линией через весь текст произведения проходит тема бегства от смерти.

Последнего можно добиться путем достижения полного наслаждения от жизни или же познания любви. Причем Дж. Боккаччо постарался отразить в тексте все грани жизни, начиная от ее эротического начала и заканчивая ее трагическими аспектами.

Собственно, название данного произведения *«Декамерон»* дословно переводится с древнегреческого языка, как *«Десятиднев»*. Создав по образцу популярных в средневековой Европе произведений святого Амвросия Медиоланского *«Hexaemeron»* (*«Шестоднев»*), Дж. Боккаччо постарался в поэтической форме подвергнуть резкой критике устоявшиеся в тогдашнем западноевропейском обществе нормы морали и религиозные устои. Исходя из этого необходимо рассматривать вышеуказанное произведение наряду с трудами Ибн Баттуты и ал-Макризи, как очень важный исторический источник, позволяющий более глубинно реконструировать психологическое состояние человеческого сообщества, оказавшегося на сломе эпох и тем самым найти точку бифуркации в формировании современного общества.

* * *

Проведенный анализ корпуса нарративных источников по теме позволил нам заключить, что наиболее полно информация об этих событиях представлена именно в текстах русских летописей. Наиболее популярным сюжетом в них является описание средневековых эпидемий. Однако, для того, чтобы реконструировать картину исторического прошлого необходимо учитывать летописные традиции различные по подаче информации. Например, в текстах, относящихся к новгородскому и псковскому летописанию, могло просто отсутствовать описание произошедших на территории других русских княжеств некоторых эпидемических вспышек. Аналогичным образом данная практика распространялась на тексты, относящиеся к ростово-суздальскому, великокняжескому, тверскому или литовско-русскому летописаниям. В тоже время следует признать, что практически во всех источниках преобладали одни и те же оценки. В массе своей они акцентировали внимание не на политических

оценках и общественном восприятии, а на природно-эпидемической составляющей. Одним словом, данное бедствие рассматривалось исключительно как массовая гибель людей. Лишь за редким исключением данное бедствие могло получить политическую оценку происходящего.

Если в целом говорить о западноевропейской традиции описания «*Черной смерти на территории Улуса Джучи и близлежащих регионов*» то следует учитывать, что существует лишь небольшое число нарративных источников прямо или косвенно затрагивающих данную тематику. Если же в целом анализировать развитие источникового корпуса по теме «*Черной смерти*», то здесь можно отметить влияние, оказанное трудами античных и ранневизантийских авторов и врачей (Фукидид, Галлен и Прокопий Кесарийский). Следующий большой шаг в понимании природы «*Черной смерти*» внесли труды таких арабских врачей как ал-Масихи, Ибн Сина, ал-Бируни, ал-Захаби и Ибн Хаджар ал-Аскалани. Однако, если анализировать эволюцию их взглядов, то можно отметить, что на первоначальном этапе (X–XI вв.) она заключалась в простом следовании предписаниям христианских коллег. Самостоятельные оценки события и оригинальная методология борьбы с этим бедствием получила свое развитие только после начала «*Черной смерти*». Главным стало развитие идеи карантина, выдвинутой еще во времена второго правоверного халифа Умара. В то же время, все оценочные суждения данного исторического события у арабо-мусульманских авторов зачастую носили отражение представлений, господствовавших на исламском Востоке, о влиянии воли Аллаха на происходившие процессы. При этом в описаниях наравне с простой передачей фактов, присутствуют сюжеты, которые нельзя объяснить ничем кроме как массовым общественным психозом, возникшим в достаточно религиозном средневековом обществе на фоне распространяющихся слухов. Также следует отметить в текстах этой группы нарративных источников господство веры в сверхестественное или божественное происхождение «*Черной смерти*». Исходя из этого не вызывают полного доверия приведенные в этих работах численные данные погибших от чумы. Однако, ценность произведений арабо-мусульманских авторов заключается не столько в фиксации фактов

о распространении «*Черной смерти*» в исламском мире, сколько в передаче информации о психологическом состоянии средневекового религиозного общества, оказавшегося в условиях большого природного катаклизма.

Среди упомянутых выше нарративных источников, имеющих арабо-мусульманское происхождение, можно выделить в отдельную группу тексты, созданные на территории Золотой Орды и написанные на средневековом татарском (тюрко-татарском) языке. Однако, их число даже по сравнению с русскими летописями будет незначительным. Поэтому для понимания специфики «*Черной смерти*» на территории Золотой Орды важную роль будет нести информация, полученная из текстов надписей на найденных в районе озера Иссык-Куль и в Среднем Поволжье несторианских и волжско-булгарских надгробиях.

Куда более основательное в передаче информации об эпидемии «*Черной смерти*» выглядят труды византийских авторов (Никифора Григора и Иоанна VI Кантакузина). В большей степени это можно объяснить наличием в Византии достаточно крупной прослойки академически подготовленных врачей по сравнению с тогдашним мусульманским миром. Стоит при этом отметить, что как у их исламских врачей теоретическую основу византийских авторов составляла *галеновская теория миазмов*. Как и в трудах арабо-мусульманских авторов большую роль в понимании начала «*Черной смерти*» было отведено астрологическому прогнозу. Однако, в отличие от последних, византийские врачи смогли более научно подойти к оценке возникшего бедствия. Подобная особенность связана с наличием практических предписаний и требований по уходу за больными, разработанными еще в условиях «*Юстиниановой чумы*». В результате, именно их записи, а не идеи мусульманских врачей легли в теоретическую и методологическую основу современной эпидемиологии чумы.

Собственно, взгляды западноевропейских средневековых авторов на «*Черную смерть*» явились результатом длительной эволюции античной, византийской и арабо-мусульманской мысли. Поэтому, несмотря на использование популярных в библии мотивов «*бичей божьих*» («*чума Филистимлян*», «*чума Фукидида*» и «*чума*

Египетская») западноевропейцы стремились отказаться от точки зрения исключительно божественного происхождения «*Черной смерти*» и старались понять природу этого явления. Именно поэтому вплоть до конца XIX в. эти высказывания не подвергались критике со стороны ученого сообщества, а самым главным трудом в осмыслении темы «*Черной смерти на территории Улуса Джучи и близлежащих регионов*» оставался труд Габриэле де Мусси. Другим ярким примером популярности произведений средневековых западноевропейских авторов среди современных исследователей «*Черной смерти*» является «*Декамерон*» Дж. Боккаччо. Как и в случае с трудами Ибн Баттуты и ал-Макризи речь идет об очень важном историческом источнике, позволяющем более глубинно реконструировать психологическое состояние человеческого сообщества, оказавшегося на сломе эпох и тем самым найти точку бифуркации в формировании современного общества.

Таким образом, представленный обзор нарративных источников по теме позволяет в значительной степени реконструировать ход событий в Улусе Джучи и на близлежащих территориях во время самой «*Черной смерти*» и в период последующих ее вспышек.

ГЛАВА II

Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

§ 1. Зарождение современной отечественной историографии темы

Несмотря на то, что основная масса нарративного корпуса по теме была проанализирована зарубежными специалистами, следует отметить, что наибольший вклад в осмысление темы внесли все-таки отечественные специалисты. Современная отечественная традиция описания эпидемии «Черной смерти» берет свое начало с опубликованного в Москве в 1775 г. «Описание моровой язвы» [Шафонский А.Ф., 1775]. Ценность последнего заключается в том, что данная работа вышла в свет сразу же после московской чумы 1770–1772 гг. Текстологический анализ произведения показал, что здесь были хорошо описаны представления об эпидемиях чумы и способах борьбы с ними, господствовавшие в тогдашнем русском обществе. Отталкиваясь от миазматической теории древнеримского врача Галлена по происхождению и распространению заразного заболевания и взглядов древнегреческого историка Фукидида, А.Ф. Шафонский указывал на южное происхождение чумы. По его мнению именно в жарких африканских странах, особенно в Египте, появилась возможность распространения данной эпидемии. Из-за того, что болезнь передавалась через прикосновение с больными или через контакт с их одеждой, это бедствие затронуло и северные страны. Правда, в отличие от южных районов, северные территории подверглись этой беде в меньшей степени. Самый большой очаг данной эпидемии был локализован в Турции, так как, по заключению автора издания, там практически не применялись меры по ее предотвращению [Шафонский А.Ф., 1775: 2–3]. При описании клиники у больных чумой А.Ф. Шафонский выделил симптомы в следующем хронологическом

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

порядке: головная боль, ломота, помутнение, покраснение и выпученность глазных яблок, озноб, жар, тошнота, рвота, беспокойствие, слабость всего тела, невнятная речь, припадки, понос, кровотечение, бред или бешенство, жор во время облегчения. Также им было отмечено, что перед смертью у некоторых больных наступало облегчение. Поэтому их смерть становилась неожиданностью для многих, так как она заставляла больных во время движения. У беременных женщин из-за возникшего жара мог произойти выкидыш. В простом народе, по причине сильных головных болей, данное заболевание получило название «*голова́ная болезнь*». Однако, самыми заметными признаками «*моровой язвы*» являлись различные пятна. Всего было выделено четыре группы подобных новообразований. К первым автор отнес черные или багровые пятна, именуемые врачами того времени *марушками (petechiae)*. В основном они выпадают в районе груди, шеи, руках и на животе. Величиной они от макового зернышка до горошины. В отличие от остальных они не заразны, и многие больные вылечиваются. Ко вторым были отнесены черные чирки или «*язвенные угли*» (*carbunculus*), которые могли появиться в любом месте. Перед их возникновением у пациентов на месте будущего новообразования фиксировалось болевое ощущение. После некоторого времени появлялся наполненный белосиневатой жидкостью быстро растущий пузырь, который мог быть раздавлен больным, находящимся в горячке. Под ним обнаруживается как после теплого ожога почерневшая омертвевшая кожа. Наибольшее число больных с данным признаком было отмечено в августе и сентябре во время Московского мора.

К третьей группе новообразований были отнесены бубоны (*bubones*), или возникшие в различных местах опухоли, так называемые *желваки*. В основном они фиксировались в паховой области, реже в подмышечной области, шее и за ушами. Их проявление крайне индивидуально. У одних больных это может проявиться на первый, второй или третий день. У других они вообще могут не проявляться, но при этом у них фиксировался сильный жар и бред. К четвертой группе – язвенные знаки, *полосы (vibices)*, большие и малые синие пятна. Довольно редко перед смертью больного они могли проявиться на спине, ногах или на лице. Поэтому последние

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

получили наименование апоплексических полос [Шафонский А.Ф., 1775: 5–13].

Среди мер борьбы с данным бедствием предлагалось использовать промывку уксусом, нагревание на огне вещей больного, окуривание можжевельными ягодами или курительными порошками, ладаном, порохом или чем-то пряным (имбирь, калган, корень, «*называемый ирь*»). Для большего слюновыделения предлагалось использовать кислую пищу. При этом предлагалось уменьшить употребление мяса, курение табака, вина и ношение камфоры на шее. Помывочные и окуривательные работы проводить в отдельных помещениях. Всех домашних животных предлагалось изолировать на время эпидемии. В домах умерших вещи предполагалось продезинфицировать путем стирки в уксусе, нагревания или проветривания. Личные вещи должны были быть подвергнуты уничтожению [Шафонский А.Ф., 1775: 17–19].

Одним из самых главных способов по предотвращению данного заболевания был назван карантин, который должен был действовать на срок от шести до сорока дней. Всего было перечислено для различных видов групп населения три вида карантина. Первый действовал в отношении больных и лиц, проживавших на одной территории с больным. Второй – для выздоравливающих. И третий – действовавший в отношении здоровых, проживавших на зараженной территории [Шафонский А.Ф., 1775: 21–22]. Фактически «*Описание моровой язвы*» 1775 г. более чем на 50 лет определило основные теоретические взгляды русских исследователей на эпидемию чумы и практические методы борьбы с ней.

Первым специальным отечественным исследованием, посвященным истории медицины в России, стал опубликованный в 1814 г. труд лейб-медика и декана медицинского факультета Московского университета В.М. Рихтера [Рихтер В.М., 1814, Ч. 1]. Основываясь на данных, приведенных в исследованиях текстов русских летописей Г.Ф. Шлецера и французского автора Й.П. Папона, исследователь пришел к выводу, что опустошительная эпидемия, разразившаяся в 1090 г., во время правления в Киеве князя Всеволода, скорее всего, являлась чумой. На это указывает схожесть описания симптомов французской и антиохийской эпидемии 1089 г.

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

[Рихтер В.М., 1814, Ч. 1: 176]. Вплоть до начала «*Черной смерти*» (середина XIV в.) вспышки чумы (1128, 1187, 1230 и 1237) были зафиксированы в крупных городах Северо-Западной Руси (Полоцк, Смоленск, Новгород, Псков). При этом сам автор указывает на параллельное возникновение других эпидемий, вызванных, как правило, плохими климатическими условиями и масштабным голодом [Рихтер В.М., 1814, Ч. 1: 180]. По его мнению, самый массовый мор населения Руси пришелся на 1187, 1215, 1230, 1251 и 1278 гг. [Рихтер В.М., 1814, Ч. 1: 181, 188–190].

Однако, по признанию самого В.М. Рихтера, наиболее страшной эпидемией в истории России в средние века стала «*Черная смерть*». При этом автор не склонен оценивать положительное влияние ордынского ига на развитие медицины в русских землях [Рихтер В.М., 1814, Ч. 1: 191]. Исследователь считал, что первоначально эпидемия разразилась в районе Астрахани и уж после вспыхнула в Западной Европе. Лишь в 1351/52 гг. она вернулась в русские земли [Рихтер В.М., 1814, Ч. 1: 215–221]. В дальнейшем эпидемия не раз вспыхивала на территории русских княжеств. Самые крупные вспышки были отмечены в 1360, 1363, 1388, 1409, 1414, 1410, 1417, 1419–1430, 1442, 1465–1467, 1478, 1486/87, 1506, 1521, 1523, 1543, 1551, 1561/62, 1566, 1584–1598 гг. [Рихтер В.М., 1814, Ч. 1: 205–206, 232–239, 260–266, 308]

При этом, как отмечал В.М. Рихтер, ежедневная смертность в самые пиковые годы могла достигать от 70 до 100 человек в день, а в одну могилу могли быть захоронены от 7 до 20 трупов умерших. Наиболее показательным является факт, что во время вспышки эпидемии в Смоленске в живых осталось не более 10 человек [Рихтер В.М., 1814, Ч. 1: 206]. Главными причинами возникновения эпидемии и столь массовой смертности среди населения в русских княжествах, ученый назвал установившийся климат и отсутствие подготовленных в европейских университетах врачей [Рихтер В.М., 1814, Ч. 1: 207–208]. Массовая смертность среди населения продолжалась до тех пор, пока в конце XVI в. при царе Феодоре Иоанновиче не была создана система карантинных и не началась практика приглашения подготовленных специалистов из Европы [Рихтер В.М., 1814, Ч. 1: 318–319].

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

Одним из главных теоретических вопросов, на который попытался ответить В.М. Рихтер, был вопрос о существовании зависимости появления заболевания и распространения эпидемии на территории русских княжеств от вспышек, происходивших на ордынских территориях. Отвечая на этот вопрос, исследователь сошелся во мнении с хронистом XVII в. Петреем [Рихтер В.М., 1814, Ч. 1: 219]. Согласно замечаниям последнего хрониста *«Москвитяне, находящиеся за Казанью и в Татарии ничего не знают о моровой язве, а одни те только, кои живут на границах, как-то в Новгороде, Пскове, Смоленске и пр.»* [Petrejus de Erlafunda, 1620]. Тем самым В.М. Рихтер старался отрицать само существование первоочагов *«Черной смерти»* на территории Улуса Джучи. Таким образом, установившаяся в отечественной науке точка зрения о приносном характере эпидемии чумы из Западной Европы на Русь, исключительно через северо-западные русские города, брала свое начало во взглядах именно этого исследователя.

Следующий шаг в осмыслении темы *«Черная смерть на территории Золотой Орды и близлежащих регионов»* сделал выдающийся русский историк Н.М. Карамзин. В опубликованном им в 1816–1817 гг. труде *«История государства Российского»*, на основании подробного анализа текстов крупнейших летописных сводов (Ипатьевской, Троицкой и Никоновской летописи) историку удалось в целом передать информацию о многочисленных вспышках чумы в ордынских землях и русских княжествах. Однако, сделано это было без анализа формы заболевания и специального выделения вспышек чумы из общей массы исторических событий.

В своих общих оценках событий он придерживается точки зрения В.М. Рихтера. В 1346 г. мор разразился в ордынских городах (Орн при устье Дона, Бездеж, Астрахань и Сарай), в странах Каспийских, Черноморских, в Армении и в землях Абазинской, Леской и Черкесской. Началом этого мора, более известного как *«Черная смерть»*, согласно летописным текстам, стала жестокая язва в Китае. Истребив более 30 млн. человек, она очень быстро достигла Греции, Сирии и Египта.

В Западную Европу болезнь была занесена из Крыма на генуэзских кораблях. Весной 1352 г. чума пришла из немецкой земли и

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

Скандинавии в Новгород и Псков. До начала зимы мор унес до трети жителей этих городов. Он проявлялся в виде мягких впадин на теле, кровохарканием и быстрой смертью больного на третий день. Ежедневная смертность достигала 30 человек. Болезнь не щадила ни бедных, ни богатых, ни молодых, ни стариков. После чего язва посетила Новгород 15 августа 1352 г. Погубив множество новгородцев, мор смог покинуть пределы города только на Пасху 1353 г. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других русских княжествах: в Киеве, Чернигове, Смоленске, Суздале. В городах Глухов и Белозерск не осталось ни одного жителя. От этого мора погибли митрополит Феогност, Великий князь Московский Симеон, два его сына и брат Андрей Иоаннович. Тверской князь под влиянием массового мора людей постригся в монахи под именем Созонта.

Через 8 лет язва вновь вернулась на Русь. В 1364 году купцы и путешественники завезли на Русь болезнь из ордынского Бездежа. В Нижнем Новгороде, Коломне и Переславле в день умирало от 20 до 100 человек. Именно эта вспышка позволила русским летописцам записать основные признаки болезни: резкие грудные боли, кровохаркание, обильное потовыделение, а также выступление бубонов на шее, бедрах, подмышках и в паховой области.

В 1365 г. вспышка чумы зафиксирована в Ростове, Твери и Торжке. От болезни скончались: ростовский князь Константин Васильевич с супругой; ростовский епископ Петр; вдовствующая тверская княгиня Александра Михайловна с тремя сыновьями, Всеволодом Холмским, Андреем, Владимиром, и их женами; супруга и сын суздальского князя Константина Михайловича; ростовский митрополит Симеон; а также множество вельмож и купцов. В 1366 г. мор достиг Москвы, где погубил множество жителей. «*Сия жестокая язва*» несколько раз проходила и возвращалась. В Смоленске она свирепствовала три раза. Наконец, в 1387 г. осталось в городе только пять человек. По словам летописи оставшиеся пятеро жителей вышли и затворили город, наполненный трупами [Карамзин Н.М., 1988].

Еще одним основателем отечественной историографической традиции изучения темы «*Черной смерти*» на территории Золотой Орды и близлежащих регионов» считается С.М. Соловьев [Со-

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

ловьев С.М., 1860]. По его мнению, голод, мор и язва являлись в Древней Руси сопутствующим фактором всех крупнейших исторических событий. Наиболее крупные эпидемии были отмечены в 1092 г. в Полоцке, и в 1158 г. в Новгороде. Собственно, «*Черная смерть*» на территории русских княжеств была определена им под 1352–1353 гг. Именно с труда С.М. Соловьева в отечественной историографии закрепилась точка зрения о том, что именно эпидемия средневековой чумы являлась основной причиной смерти митрополита Феогноста, Великого князя Московского Симеона, двух его сыновей и брата Андрея, ростовских, тверских и суздальских князей, а также появление выморочных земель и обострения в Тверском и Нижегородско-Суздальском княжестве.

Однако, если в целом оценивать развитие отечественной научной мысли по теме, то вплоть до перевода на русский язык в 1867 г. труда немецкого ученого Г. Гейзера, теоретическая точка зрения на эпидемиологию чумы еще носила отпечаток миазматической теории Галена [Haeser H., 1865]. Те немногие работы отечественных исследователей, которые все же были опубликованы в России, в основном затрагивали эпидемиологию чумы и ее вспышки, произошедшие в XVIII–XIX в. [Левитский Д., 1816; Вилле Я., 1829; Добронравов С.Ф., 1837; Зейдлиц К.К., 1842]. Исключением в этом ряду следуют признать исследование Х. Витта, акцентировавшего внимание на влиянии природно-климатических условий на возникновение и распространение эпидемии чумы [Витт Х., 1842].

Определенным прорывом в отечественных научных кругах явилась публикация работы военного врача Л.Н. Рейтлингера в 1877 г. [Рейтлингер Л.Р., 1877]. Появление этого исследования было обусловлено разразившейся во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Восточной Анатолии чумы. Его исследование стало одной из первых попыток в отечественной науке систематизировать знания по клинике «*Черной смерти*» и средневековым эпидемиям, произошедшим в русских землях.

Если же в целом оценивать точку зрения Л.Н. Рейтлингера на данный исторический факт, то здесь явно прослеживается достаточно новаторский взгляд на распространение данного заболевания. Согласно высказанной исследователем гипотезе, одной из главных при-

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

чин попадания «Черной смерти» на Русь через Западную Европу, а не напрямую с территории Крымского полуострова, являлся контактный характер распространения болезни, то есть распространяющийся от взаимодействия с больным живым организмом. Медленное распространение эпидемии чумы из Западной Европы (4 года) и более быстрое из Золотой Орды, произошедшее 13-ю годами позднее, доктор Л.Н. Рейтлингер связывал с наличием оживленных торговых трактов между русскими княжествами и средневековым татарским государством. При этом он не отрицал наличие нескольких природных очагов чумы. Так, во время вспышки 1351/52 г. болезнь могла попасть на территорию русских княжеств как из Германии и Скандинавии, так и из Польши [Рейтлингер Л.Р., 1877: 57–58]. Кроме того, исследователь предположил, что наравне с чумой параллельное хождение имели несколько опасных для человека эпидемических заболеваний (сыпной тиф, сибирская язва) [Рейтлингер Л.Р., 1877: 63]. Исходя из этого, он смог определить не только основные направления проникновения крупных вспышек чумы на территории русских княжеств, но и одним из первых в отечественной научной среде представить единую хронологию данного бедствия [Рейтлингер Л.Р., 1877: 59–67]¹. Фактически мы можем признать первенство Л.Н. Рейтлинга в России в формулировке таких гипотез, как контактный способ распространения эпидемии чумы и ее очаговый характер. Именно его наработки в области эпидемиологии и истории средневековой чумы в конечном итоге составили основу всей теоретической базы отечественных исследований «Черной смерти».

Большой толчок в осмыслении эпидемии чумы в России сыграла произошедшая в 1878 г. в селе Ветлянки (Астраханская губерния) вспышка легочной чумы. Данному событию был посвящен це-

¹ Наиболее крупные русские вспышки чумы (второй половины XIV – второй половины XVII вв.) пришлось на 1360, 1363–1365, 1377, 1386–1390, 1403–1404, 1406, 1409, 1417, 1419, 1421/22, 1424–1427, 1442/43, 1465–1467, 1474, 1478, 1487, 1506/07, 1531/32, 1553, 1566–1571, 1592, 1596, 1654–1656 гг. Для Западной Европы такими годами были названы: 1360/61, 1369, 1372, 1382, 1449, 1460, 1473, 1482, 1527, 1557–1573, 1575–1579, 1582, 1585, 1593, 1599, 1600, 1603–1613, 1620, 1629–1631, 1635–1637, 1654–1657, 1665, 1675–1684.

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

лый номер сборника «*Известия и ученые записки Казанского императорского университета*». В данном номере журнала историческому анализу средневековых эпидемий чумы на территории России были посвящены три крупные статьи [Флоринский В.М., 1879; Высоцкий Н.Ф., 1879; Шпилевский С.М., 1879].

Выводы исследователей относительно чумных эпидемий были следующими:

1) в Средние века были распространены две формы чумы: бубонная («*мряха железую*») и «*Черная смерть*», характеризовавшаяся кровохарканием и быстрым протеканием болезни (от 1 до 3 суток);

2) болезнь проникала на Русь через северо-западные районы, но не отрицалось и восточное происхождение болезни;

3) самые крупные вспышки на Руси проходили в среднем раз в 8–10 лет. Чумными были обозначены произошедшие в 1352, 1404–1406, 1425, 1430, 1442, 1465–1467, 1487, 1521, 1553, 1556, 1567, 1654 гг. При этом не отрицалось параллельное хождение нескольких эпидемических заболеваний.

4) крупные вспышки заболевания происходили во вторую половину лета – осенью. С наступлением морозов эпидемия могла пойти на спад, но нередко повторялась следующей осенью;

5) основной способ передачи заболевания преимущественно контактный;

6) вплоть до начала XVII в. на Руси не существовало систематического лечения. Один из главных методов борьбы – простое окуривание помещения.

Чуть позднее профессор Н.Ф. Высоцкий, основываясь на исследовательских данных 1860-х гг. месопотамских и курдистанских эпидемических очагов, высказал предположение, что одним из возможных путей попадания чумы на Нижнюю Волгу были Закавказье и Персия. Персидский очаг был локализован в районе кладбищ священного для шиитов иракского города Кербела. При этом одним из ухудшающих эпидемическую ситуацию факторов была признана существовавшая у шиитов традиция близкого захоронения к гробнице имама аль-Хуссейна Ибн ‘Али аль-Кураши всех умерших. Это способствовало постоянному увеличению площадей городского кладбища, что в условиях ежегодного разлива реки Тигр, приводило

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

к вымыванию остатков трупов и их всплытию на огромной площади долин Кербелы и Керманчаха. Однако, русский исследователь вслед за доктором Фауэлом (Fauvel) признавал наличие у жителей города античумного иммунитета [Высоцкий Н.Ф., 1879: 44]. Кавказский эпидемический очаг русские исследователи вслед за французским врачом Й.Д. Толзаном локализовали в горных районах Западной Армении и Анатолии. При этом движение эпидемии в Персии происходило с севера на юг, то есть с гор в долины [Страхович И.В., 1907: 9]. Н.Ф. Высоцкий среди наиболее благоприятных факторов, вызывающих эпидемию чумы, называл, в том числе и грязь. Для купирования в будущем на территории России вспышек эпидемии чумы им была предложена организация систематических исследований Кавказа, Закаспийской области, Среднеазиатских владений, а также Уральской области и Оренбургской губернии [Протоколы комиссии, 1897: 4–5].

В середине 1880-х гг. отечественные ученые продолжили свои изыскания в области клиники и истории чумных эпидемий. Определенный исследовательский тренд в изучении в России внесла публикация археолога Д.А. Хвольсона. [Chwolson D., 1884]. Именно благодаря ей, в отечественной науке стала господствовать точка зрения о центральноазиатском происхождении «*Черной смерти*». Большую роль в закреплении этой теории сыграли полевые исследования нижеволжских степей. По их результатам в 1884 г. была опубликована крупная монография Н.К. Щепотьева [Щепотьев Н.К., 1884]. В ней автор обоснованно доказывал существование на территории тогдашней Астраханской губернии природного очага чумы. Наличие благоприятных природно-климатических условий, состав почвы и обширная дельта реки Волги были названы теми факторами, которые напрямую способствовали формированию на Нижней Волге различных эпидемических заболеваний (малярии, чумы и холеры). Главным недостатком данной работы, является то, что сам ученый относил чуму скорее к заболеваниям, передающимся посредством миазмов, что выглядело на тот момент времени уже явным признаком анахронизма. Однако, не смотря на это, все же главным достоинством этой работы следует признать первое подробное описание нижеволжского природного чумного очага. Сам

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

исследователь был склонен считать, что основной причиной быстрого распространения чумы в Средние века и в Новое время являлась географическая близость Нижнего Поволжья к странам Востока. Поэтому крупнейшие вспышки 1346, 1364 и 1655/56 гг., скорее всего, имели как местное, так и принесенное восточное происхождение [Щепотьев Н.К., 1884: 18–19].

В продолжение своих изысканий в области средневековых эпидемий чумы на территории России Н.К. Щепотьев опубликовал в 1897 г. специальную брошюру [Щепотьев Н.К., 1897]. В ней он на основании анализа летописных сводов определил, что из 47 эпидемий на Руси менее 20 можно отнести к чумным или имеющим чумообразный характер. В основном вплоть до нашествия татар в XIII в. вспышки заболевания были зафиксированы в Пскове, Новгороде, Полоцке и Смоленске, имевших торговые отношения со странами Запада. Установление постоянных контактов между татарами и русскими открыло новый путь для проникновения эпидемий с Востока.

Исходя из взглядов А. Хирша, В. Рихтера и Ю.Ф.К. Геккера², и на основании трудов Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева, а также из анализа опубликованных на тот момент времени летописных сводов, Н.К. Щепотьев попытался реконструировать протекание средневековых чумных эпидемий на территории России в XIV–XVII вв. В результате, он пришел к выводу, что «*Черной смертью*» собственно являлась вспышка 1346–1352 г. Она возникла на Востоке и, пройдя через Крым и Южную Россию по системе хорошо развитых торговых путей, оказалась в Западной Европе в 1348–1349 гг. Последними европейскими странами, где эпидемия средневековой чумы вспыхнула в конце 1349 г., стали Швеция и Польша. Правда, несмотря на существование постоянных торговых контактов, появление чумы на территории русских княжеств, произошло только в 1351 г. Для объяснения возникшей коллизии, Н.К. Щепотьев приводит теорию М. фон Петтенкофера о влиянии на возникновение эпидемий временных и местных факторов [Martin C., 1879]. По мнению отечественного специалиста, как правило, совпадение этих факторов, и определяло возникновение и распространение заболе-

² См. подробнее о взглядах этих исследователей в Главе III.

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

вания на территории русских земель именно в 1352 г. После чего чума неоднократно возвращалась на Русь³. Причем, автор особо отметил 14-летний перерыв между эпидемиями и влияние западноевропейских и турецких вспышек чумы [Щепотьев Н.К., 1897: 1–13].

§ 2. Доминирование в отечественных исследованиях «Черной смерти» естественно-научного направления

Подъем в конце XIX в. исследовательского интереса к теме «*Черной смерти*» среди отечественных специалистов был напрямую связан с началом в 1894 г. в Юго-Восточной Азии Третьей пандемии чумы и последующих научно-практических исследований в противочумной лаборатории форта «Александр I» в Кронштадте [Домарадский И.В., 1998: 14]. В результате исследовательских работ, проводившихся группой во главе с доктором В.И. Исаевым, лабораторным путем было доказано, что чума передается при непосредственном контакте с больным и его одеждой, а также при укусе зараженных от больных домашних животных паразитов (блох и клопов). Другими результатами данных исследований явилось подробное описание симптоматики больных легочной чумой [Стахович И.В., 1907: 56–66]⁴.

³ Самые крупные вспышки чумы на территории Руси были зафиксированы в 1360, 1364–1365, 1388, 1402, 1403, 1406–1407, 1417, 1420, 1424–1427, 1443, 1466–1467, 1477–1478, 1506–1508, 1521–1522, 1533, 1552–1553, 1654–1657 гг.

⁴ В результате проводившихся группой во главе с доктором В.И. Исаевым исследовательских работ лабораторным путем было доказано, что чума передается при непосредственном контакте с больным и его одеждой, а также при укусе зараженных от больных домашних животных паразитов (блох и клопов). При этом было отмечено, что даже после своей смерти последние на протяжении нескольких дней могут представлять угрозу здоровью окружающим. Из тех же опытов выяснилось, что заражение происходило на 3–5 сутки после укуса. Инкубационный период продолжался в среднем от 7 до 12 дней. Сама болезнь начинала проявляться в форме сильнейших головных болей, нередко сопровождавшихся обильной рвотой. Затем наступал полный упадок сил с чрезвычайно выраженной общей мышечной

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

Постоянные вспышки чумы на Нижней Волге предоставили группе доктора В.И. Исаева большой исследовательский материал.

слабостью, сопровождавшейся измученным выражением лица. Глаза – мутные с потухшим взором. В некоторых случаях в районе глазного зрачка фиксировалось кровоизлияние. Язык быстро становился сухим, растрескавшимся и покрытым белым налетом, постепенно принимавшим грязно-серый оттенок. Постепенно у больного фиксировалось полное отсутствие аппетита, сильная жажда, запоры, вздутие живота, резкий подъем в первый же день температуры до $+40^{\circ}$ и выше, частый слабый пульс, выступление из-под ребер увеличившейся в 4 раза селезенки и появление в разных частях тела бубонов. На коже в большинстве случаев появлялись петехии. Беспокойство во сне и активный бред наблюдались у молодых. У стариков, если он и был, то он был более пассивным. В массе своей у последних, до самой смерти, наблюдалось сильное угнетение психики.

В особую группу чумных больных русские ученые выделили заболевших легочной формой. У них могло наблюдаться перенесение болезни на ногах при быстром наступлении летального конца в течение нескольких часов. При этом характерными симптомами у таких больных была головная боль, общая слабость и резкое повышение температуры.

Как показали обследования чумных больных, чумной бубон на 3-й день болезни мог достигнуть величины куриного яйца. В некоторых случаях было зафиксировано сильное опухание желез и последовательное развитие вплоть до бедра в размере $1\frac{1}{2}$ – 2 ладони сплошного инфильтрата. При его вскрытии фиксировалось наличие увеличенных лимфатических желез от размера боба до крупной сливы и спаянных отечной геморрагической клетчаткой. Эти новообразования находились как выше, так и ниже пупартовой связки и даже заходили в забрюшинное пространство. При разрезе желез из ткани выделялась кровянисто-мутная, иногда густая гноевидная жидкость. При легочной форме чумы наблюдалось всякое отсутствие увеличения лимфатических желез при резком росте мышечных желез с небольшими точечными внутренними кровотечениями в сосудах слизистой желудка и без резких уплотнений увеличение бронхиальных желез.

Другим, выявившимся при вскрытии, признаком чумы является появление многочисленных экхимоз величиной от небольших ранок до размера небольшой монеты. Видимыми проявлениями последних и являются вышеуказанное кровотоchie в глазных яблоках, многочисленные петехи на теле и язвы на стенках желудка и кишечника, вздутие брюшной полости, возникновение бубонов в паховой области.

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

Используя новые бактериологические методы, представителям этой группы в лабораторных условиях удалось установить возможность совместного заражения живых организмов несколькими эпидемическими болезнями и невозможность создания из тел умерших животных искусственной бактериозной культуры. При этом было отмечено наличие неактивных переносчиков болезни. Главными выводами группы доктора В.И. Исаева относительно эпидемии чумы, стало признание наличия на Нижней Волге активных эпидемических очагов и значительное расширение списка природных носителей бактерий чумы за счет местных грызунов [Стахович И.В., 1907: 121–123]. При этом активно подчеркивалось влияние местных природно-климатических условий. Специфическими чертами последних являлось: наличие длительного засушливого весенне-летнего периода в незначительном отрезке времени с доминированием умеренного климата и выпадением достаточного количества влаги; существование в дельте Волги обширных влажных болотистых районов и песчаных районов в глубине материка [Польнова А.Л., 1907: 16–17, 68–69].

В связи с популярностью в европейской науке XIX в. теории распространения эпидемии посредством запакованного товара, была очень хорошо проанализирована местная дорожная сеть. Было выявлено, что основная масса товара из Хивы и Бухары поступала либо по суше, через расположенные севернее Уральск, Оренбург и станицу Казанку, либо южнее, по побережью Каспийского моря [Польнова А.Л., 1907: 71]. Однако, северная сухопутная дорога могла функционировать только в зимний период и то при условии веения южного и юго-западного ветра. Летом эти места становились просто непроходимыми. Вьючные животные могли просто завязнуть в зыбучих песках или погибнуть от нехватки воды [Польнова А.Л., 1907: 70].

Под влиянием этих исследований в 1897 г. в свет выходят три работы, посвященные русским средневековым морам [Из прошлого, 1897; История чумных эпидемий, 1897]. Исходя из представленной в этих исследованиях информации, можно открыто утверждать, что в конце XIX в. русскими дореволюционными специалистами было признано возможное существование наравне с чумным очагом на

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

Северо-Западе Руси и нижневолжского эпидемического очага, наличие взаимосвязи между эпидемиями, голодом и климатическими изменениями. На основании исследований летописных текстов были определены наиболее кризисные с этой точки зрения годы⁵. Впрочем, несмотря на подробный анализ русских летописных источников, отечественные исследователи старались придерживаться классической трактовки распространения чумы исключительно через Псков и Новгород. Однако, ими было признано, что еще одним пиковым периодом распространения чумы в русских княжествах наравне с 1360–1365 гг. являлся период с 1407 по 1430 гг. [Из прошлого, 1897: 20] Большую роль в процессе распространения эпидемий на Руси сыграли, существовавшие на тот момент времени, три больших трансконтинентальных торговых тракта. Первый, северный, соединял Восточную Азию с Константинополем через Черное море, татарский Крым и кыпчакские степи. Второй, средний, – Восточную Азию с Малой Азией, через г. Герат, южный берег Каспийского моря, Малую Армению и султанат Караман. Третий, южный, – Восточную Азию через Багдад, Междуречье р. Тигра и Ефрата, Аравийский полуостров, Египет и Северную Африку с Иберийским полуостровом [Из прошлого, 1897: 12].

На этом фоне достаточный исследовательский интерес представляет опубликованная в 1897 г. монография доктора медицины Я.Б. Эйгера [Эйгер Я.Б., 1897]. Фактически это была одна из первых в отечественной науке попыток общего обзора знаний о бубонной чуме. В этой работе, кроме исторических сведений о наиболее крупных средневековых вспышках чумы, был представлен анализ эволюции взглядов людей прошлого на само бедствие и способы борьбы с ней. Если говорить о наиболее крупных эпидемиях чумы до начала XIV в., то к периоду Античности автор отнес:

⁵ 1090–1092, 1128, 1187, 1215, 1228–1231, 1237, 1346, 1309, 1322, 1350–1353, 1360–1365, 1393, 1404 1407, 1409, 1417, 1419/20, 1422/23, 1425, 1430/31, 1435, 1440–1443, 1462, 1466–1468, 1472, 1478–1487, 1492, 1505, 1521, 1523, 1532/33, 1543, 1552/53, 1556/57, 1584, 1592, 1601–1603, 1606, 1611–1613, 1645–1658, 1665, 1672–1674 гг.

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

- 1) эпидемию, возникшую в стане греческого войска во время осады Трои;
- 2) эпидемию, описанную Платоном, как завезенную во времена правления царя Кекропса из Египта в Афины;
- 3) эпидемию, отмеченную Геродотом, как возникшую сразу после Троянской войны в 1184 г. до н.э. и быстро распространившуюся по всей Малой Азии и Греции;
- 4) Афинскую чуму 431 г. д.н.э., родиной которой являлась Эфиопия;
- 5) эпидемию чумы во время греко-персидских войн;
- 6) чуму Диодора 396 г. д.н.э.;
- 7) Марсельскую чуму 49 г. д.н.э.;
- 8) Антониеву чуму во время правления Марка Аврелия (164–180 г. н.э.);
- 9) эпидемию чумы в Марселе и в Провансальских городах в 503 г.

Одной из крупнейших эпидемий бубонной чумы прошлого, по мнению автора, считалась «*Юстинианова чума*». Исследователь отметил, что перед ее началом в 531 г. произошли важнейшие политические события (войны, переселения народов), рост различных природных явлений и сейсмической активности, а также популяризация среди населения различных суеверий о конце света. Начало данной эпидемии чумы было отмечено в Египте небольшой вспышкой. Однако, по заключению Я.Б. Эйгера, наибольший размах она смогла достигнуть в Константинополе в 536 г., когда от данного бедствия погибло порядка 40 тыс. жителей города. Спустя 11 лет после ее начала, в 542 г. эпидемия чумы смогла охватить Египет, Сирию, Малую Азию. На следующий год она была зафиксирована в Константинополе и в Европе. Так, в столице Византийской империи, бушевавшая на протяжении 4-х месяцев, эпидемия смогла унести около 500 тыс. человек. После чего, из-за застоя в торговле, в городе был зафиксирован масштабный голод. Далее чума отметилась в 545–546 г. на Дунае, а в 552 г. была зафиксирована в землях алеманнов.

Вторая половина VI в. д.н.э., по заключению автора монографии, не стала периодом относительной стабильности с эпидемической точки зрения. В 558 г. чума отметилась в Константинополе. В

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

565 г. – Лигурия и Венеция. В 572 г. эпидемия чумы перекинулась из Сирии в Персию, Среднюю Азию и остальную часть Византийской империи. В Западную Европу, по заключению Я.Б. Эйгера, бубонная чума попала через расквартированных в Италии солдат византийской армии. Именно с этой вспышки болезни, начинается фиксироваться появление в арабских медицинских книгах описания эпидемии чумы, сопровождавшейся появлением у больных опухания желез. После чего болезнь фиксировалась в различных частях Европы в 581, 589, 590, 591 и 603 гг. В результате последних численность населения в Византийской империи сократилась более чем наполовину.

В период между VII–X вв. эпидемия чумы неоднократно возвращалась. Особенно в IX в., когда была зафиксирована большая смертность среди населения Европы. Далее, крупные чумные эпидемии отмечались в Польше в 1003 и 1006 гг., в Германии – 1125–1127 гг., в Инсбруке – 1135 г., во время итальянского похода Фридриха Барбароссы – 1167 г., в войсках Венецианской республики и Генриха IV – 1172 и 1193 гг., в польских и русских землях – 1186 г. В начале XIII в. моровая язва вновь опустошила Грецию, Сирию, Италию, а также войско крестоносцев под руководством Балдуина. Страшными эпидемиями чумы были отмечены периоды с 1221 по 1224 и с 1242 по 1243 гг., а также 1270 и 1283 гг.

По мнению автора исследования, предтечей начала «*Черной смерти*» в китайских провинциях и европейских странах могли стать засуха, ливни, неурожай, землетрясения и голод. По мнению исследователя, к чуме нужно относить только вспышку чумы 1346–1352 гг. Все последующие вспышки заболевания необходимо считать лишь ее отголосками [Эйгер Я.Б., 1897: 1–7].

Следует признать, что данная монография стала одной из первых в отечественной науке, где были приведены примерные данные по количеству умерших во время «*Черной смерти*». При их определении исследователь исходил из данных, полученных в результате анализа текста грамоты папы Климента VI. По предварительным данным, без учета Китая, заключил Я.Б. Эйгер необходимо говорить о 23 млн. 840 тыс. чел. погибших, что составляло порядка $\frac{1}{4}$ от тогдашнего 105 млн. населения [Эйгер Я.Б., 1897: 9].

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

Если говорить о последующих средневековых вспышках бубонной чумы, то здесь исследователь выделял эпидемии чумы в 1360–1361 г. в Германии, в 1413 г. в Познани, в 1416–1439 г. в Италии, в 1426 г. в Пруссии, в 1451–1452, 1456, 1467–1468, 1508–1509 и 1512–1515 гг. в Польше, в 1464–1466 г. в Данциге, в 1472, 1482–1497, 1548 гг. в Кракове, в 1528–1533 гг. в итальянских городах, в 1529–1560, 1601–1627, 1629–1630 гг. в странах Западной Европы [Эйгер Я.Б., 1897: 9–11]. Относительно русских вспышек чумы Я.Б. Эйгер придерживался традиционной для отечественной науки хронологии. Единственным исключением можно признать хронологическое удлинение вспышки, начавшейся в 1417 г. на Северо-Западе Руси и проявившейся во многих русских городах до 1430 г. Скорее всего исследователь посчитал ее продолжением упомянутой аль-Макризи эпидемии, произошедшей в Золотой Орде в 1428–1430 г. [Эйгер Я.Б., 1897: 14–16].

Еще одна работа, опубликованная в 1897 г., представляет исследовательский интерес. В данном случае речь идет о статье В. Загорского [Загорский В., 1897]. Несомненным достоинством данного исследования является акцент на случившихся в Литве средневековых эпидемиях чумы, чего ни до, ни после него, не делал в отечественной научной среде ни один исследователь. Рассказ о данном историческом факте В. Загорский начинает с обзора взглядов древнегреческих и древнеримских авторов на само заболевание. Среди упомянутых им оказались Цицерон, Плиний, Гиппократ и Гален.

По заключению В. Загорского, относительно зафиксированных в древности эпидемий, только возникшая в 165 г. н.э. «чума Антониана или Галена» может считаться по-настоящему первой европейской вспышкой заболевания [Загорский В., 1897: 114]⁶. Из-за отсутствия описания клиники заболевания, возникшую в Африке в III в. н.э. «чуму Киприана», исследователь определил, как эпидемию оспы. Более точно он отнес к чумным эпидемиям «чуму Юстиниана» и «Черную смерть» (*mors nigra*). Собственно, последняя, по его

⁶ В. Загорский считал, что из-за нее погиб в походе Марк Аврелий и его войско.

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

заклучению, возникла в Китае, после чего, прокатившись с огромной силой по Европе, унесла из жизни 25 млн. человек. Впоследствии чума не раз возвращалась на европейский континент [Загорский В., 1897: 114–115].

Правда, до начала XV в. практически не сохранилось прямых указаний на данное бедствие на территории Литвы. Поэтому любое упоминание о пересечении эпидемии чумы из Польши, Венгрии, Пруссии на Русь и обратно, автоматически могло означать возникновение последней в Литовском княжестве. Исключением можно считать сообщения о вспышках чумы в 1312 и 1345 гг. В обоих случаях речь шла о заболевании, привнесенном извне. Так, в первом случае речь шла о польском городе Торн, во втором – о Венгрии [Загорский В., 1897: 115, 123].

Эпидемическая обстановка стала резко меняться, как только была налажена постоянная торговля с соседними странами, повлекшая военные нашествия и резкий рост городского населения [Загорский В., 1897: 121]. Среди крупных литовских вспышек чумы XV в., автором были названы эпидемии 1408, 1426, 1440, 1451–1452, 1465, 1506, 1571, 1601–1603, 1624–1625, 1630–1631, 1653 и 1657 гг. Основными разносчиками данного бедствия на территории Великого княжества Литовского автором были признаны татары, купцы и иностранные солдаты. Исследователь, исходя из анализа средневековых польских и русских источников, определил возникновение в 1493 г. вспышки эпидемии сифилиса, а в 1580 г. сыпного тифа [Загорский В., 1897: 123–130].

В 1905 г. состоялась защита докторской диссертации Ф.А. Дербека [Дербек Ф.А., 1905]. Главным достижением этого исследования следует признать анализ (проведенный исследователем одним из первых) применявшихся в Средневековой Руси способов лечения чумы: жжение костров на площадях и даже в жилищах, карантин охваченных чумой городов. Несмотря на то, что большая часть изложенной информации была посвящена вспышкам заболевания в северо-западных русских городах (Псков, Новгород и Смоленск), автор не оставляет без должного внимания и пришедшие с ордынских территорий. Здесь он выделяет 1346, 1364–1366, 1374–1377, 1396, 1417, 1428–1430, 1472 гг. При этом он одним из первых

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

в отечественной историографии высказал предположение, а не смогла ли ордынская вспышка 1346 г. продолжиться в 1347–1349 гг. свое победное шествие далее на север по р. Днепр [Дербек Ф.А., 1905: 17]. В отношении остальных вспышек чумы XIV–XVI в. исследователь придерживался уже сложившейся на тот момент времени в России исследовательской традиции.

В дальнейшем понимании средневековой эпидемии «*Черной смерти*» исследователи столкнулись с нехваткой конкретных данных по этому заболеванию. В результате проделанных в 1899–1910-х гг. полевых исследований было в целом завершено описание клиники и способов борьбы с чумой [Галанин М.И., 1897; Габричевский Г.Н., 1897]. Большую роль в этих изысканиях сыграла научная деятельность Д.К. Заболотного. В 1907 г. он публикует монографию, где открыто высказывается контагиозность передачи чумы к человеку от степных видов грызунов, проживающих на территории природных чумных очагов [Заболотный Д.К., 1907]. Только 1911 г. после поимки в Манчжурии больного легочной формой чумы тарабагана, ученому удалось доказать это предположение. Дальнейшие исследования фауны нижневолжских степей позволили ученому сформулировать в 1922 г. теорию природной очаговости трансмиссивных болезней человека⁷. Согласно ей, именно определенные виды степных диких грызунов, проживающих в природных очагах чумы, вследствие своей восприимчивости и легкой заражаемости, могут долгое время являться переносчиками чумных бактерий [Заболотный Д.К., 1922].

Фактически отечественный исследователь на практике подтвердил полученную экспериментальным способом гипотезу Л.Р. Рейтлингера, а также выводы отечественных эпидемиологов М.Г. Тартаковского и И.З. Шурупова. Последние склонялись к тому, что наиболее восприимчивыми к чуме являются земляные зайцы (род тушканчиков), суслики и полевые мыши. Наименее восприимчивыми к заболеванию оказались хомяки [Забалуев Е.В. 1913: 1].

⁷ Трансмиссивные болезни (лат. transmissio – перенесение на других) – заразные болезни человека, возбудители которых передаются кровососущими членистоногими (насекомыми и клещами).

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

В работе Д.К. Заболотного явно прослеживается влияние теории Луи Пастера, акцентировавшего внимание на взаимодействии природного очага – возбудителя – человека [Михель Д.В., 2010]. С большой долей вероятности можно говорить об учитывании Д.К. Заболотным так называемой «сусликовой» теории происхождения чумы. Подробно о ней еще в 1913 г. высказался земский санитарный врач Саратовской губернии В.Е. Забалуев [Забалуев Е.В. 1913]. Исходя из данных лабораторных опытов И.З. Шурупова, саратовский врач указал, что именно суслики являются в степной зоне основными распространителями чумы. Их самопроизвольное заражение происходит посредством вдыхания или поедания зараженной чумной бактерией пищи [Забалуев Е.В. 1913: 3]. Последующее заражение людей происходило вследствие вспышки эпизоотии вышеуказанного вида степных грызунов. При этом среди населения должен был развиваться голод, так как он является ярко выраженным признаком, напрямую свидетельствующим о возникшей в степи засухе и последовавшей вслед за этим массовой миграции степных грызунов [Забалуев Е.В. 1913: 7].

Не смотря на все достижения Д.К. Заболотного в области осмысления природы чумы, основой теоретических взглядов отечественных ученых в 1920–1940-х гг. стала климатическая гипотеза возникновения эпидемий крупного отечественного климатолога и географа начала XX в. М.А. Боголепова.

В опубликованной в 1908 г. монографии ученый исследовал влияние изменений климата на исторические события [Боголепов М.А., 1908]. В качестве доказательной базы автор привлекал климатические исследования венского профессора Э. Брюкнера. Последний с помощью многочисленных данных, полученных из письменных и природно-климатических источников, смог выдвинуть гипотезу о происходящих в природе каждые 35½ лет крупных климатических изменениях. При этом, согласно точке зрения самого М.А. Боголепова, наиболее сильные колебания климата на европейском континенте приходились на Великую Русскую равнину. В целом, для климата данной части Евразийского континента были характерны резкие чередования: зимой – сильнейших морозов и оттепелей, осенью – раннее наступление холодов, весной – поздних

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

заморозков. Причем, по мнению отечественного исследователя, наиболее резкие колебания проявлялись в годы близкие к 3, 6, 7 и 9-му десятилетию каждого века. Зачастую такие климатические изменения проявлялись в форме масштабных засух и сильных похолоданий. Именно последние оказывали непосредственное влияние на все крупнейшие политические события. Так, одним из самых неблагоприятных с климатических точек зрения периодов в истории России была вторая половина XIV в. Этот период отмечился чередованием крупных засух и политических кризисов. Среди последних М.А. Боголепов выделял: московско-тверское противостояние, нашествие Ольгерда и татар на Северо-восточную Русь, Куликовскую битву, возвышение империи Тамерлана и Белой Орды, приход к власти в Золотой Орде хана Токтамыша [Боголепов М.А., 1908: 4].

Климатическая гипотеза М.А. Боголепова легла в основу взглядов крупного советского ученого А.Л. Чижевского. Уже в самом начале своей научно-исследовательской деятельности в 1915 г. исследователь стремился доказать свой главный тезис: *«Периодичность вспышек эпидемий и пандемий, эпизоотий, эпифитий находится в прямой связи с возмущениями физических факторов внешней («космо-теллурической») среды»* [Чижевский А.Л., 1976: 4]. В 1930 г. ограниченным тиражом вышло исследование, посвященное эпидемиям, где на основе собранного из исторических хроник статистического материала советским ученым доказывалось существование теснейших связей коллективных реакций живых организмов с периодической активностью Солнца или с почти неуловимыми изменениями во внешней среде [Чижевский А.Л., 1930]. Фактически этой монографией А.Л. Чижевский завершает формирование хорошо обдуманной концепции *«эпидемических катастроф»*. В итоге, ему удастся достаточно полно представить изменения, происходившие в человеческом социуме. Наиболее показательным примером в данном случае выступает одна из самых страшных за всю историю человечества эпидемия *«Черной смерти»* (mors nigra). По замечанию ученого, практически все очевидцы событий отмечали восточное происхождение эпидемии средневековой чумы и сопровождавшие весь период эпидемии масштабные природные и космические явления (положение небесных тел, землетрясения, параль-

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

тельные эпидемии сифилиса и холеры, туманы и вредные испарения). В своих изысканиях А.Л. Чижевский признавал значение трудов профессора Д.К. Заболотного [Чижевский А.Л., 1976: 160].

Взгляды обоих отечественных ученых легли в основу теоретической базы исследований в отношении природных очагов чумы, располагавшихся на территории СССР. Практическую реализацию этих научных изысканий возглавил академик Е.Н. Павловский. В период с 1938–1946 гг. им были обобщены и сформулированы основные постулаты теории природной очаговости трансмиссивных болезней человека [Павловский Е.Н., 1964]. Согласно этой теории, одним из главных факторов возникновения эпидемии чумы является активная хозяйственная деятельность человека, приводящая как к быстрому изменению границ природных очагов заболевания, так и к ускорению миграционных потоков среди представителей животного мира. При этом большое значение для ускорения процесса возникновения заболевания играют климатические изменения. Таким образом, одним из идеальных регионов зарождения чумы являются слабозаселенные лесостепные или степные районы Евразии. При этом одним из важных факторов этого процесса выступает трансгрессия уровня Каспийского моря, напрямую влияющая на жизнедеятельность местных носителей чумы – различных видов мигрирующих степных грызунов [Павловский Е.Н., 1964: 158–160].

Под влиянием теории академика Е.Н. Павловского в середине 1950–1960-х гг. были опубликованы, отмеченные одним из крупнейших западных теоретиков эпидемии чумы второй половины XX в. Р. Поллитцером, исследования отечественных специалистов [Федоров В.Н., Рогозин И.И., Фенюк Б.К., 1955; Ралль Ю.В., 1965]. Главным образом в этих работах речь шла о влиянии экологических факторов на численность переносчиков бактерии *Yersinia Pestis*, а именно о внешних факторах, влияющих на гнезда грызунов, расположенные в природных очагах. При этом важную роль в начале эпидемии чумы, по мнению отечественных специалистов, играет эпизоотия среди носителей.

Указанные исследования стали логическим итогом развития отечественной эпидемиологии первой половины XX века. Пожалуй, новаторским выглядит, продвигаемая Ю.М. Раллем, идея о разделении

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

носителей чумной бактерии на несколько групп: «основных», «временных» и «распространителей». В результате был сформулирован «второй закон природной очаговости». Согласно ему, в каждом природном очаге есть свой основной носитель чумной инфекции (основные виды степных грызунов), тогда как другие грызуны вовлекаются в эпизоотии, но в поддержании очага роли не играют. При этом допускается, что носитель, являющийся в одном очаге «основным», в другом может переходить в разряд «второстепенных». Ярким примером этого процесса является передача от степных грызунов чумы к вторичным носителям – крысам. Собственно, по мнению советского исследователя, «природных очагов на крысах не бывает и «под зоной крысиной чумы» следует понимать область наиболее частых и упорных вторичных эпизоотий среди крыс». При этом не всегда удается напрямую локализовать наличие этих «крысиных» природных очагов. Поэтому последние стали получать свое название по месту выявления заболевания: «городские» или «портовые».

В отношении остальных природных очагов было принято решение обозначать их исходя из названия первоначального носителя. Таким образом, было определено наличие трех групп очагов *Yersinia Pestis*: «крысиный» (*ratti*), «сурочий» (*marmotae*) и «сусличий» (*citelli*). Как правило, именно в этих районах и происходит передача чумы от первичных к вторичным и третичным носителям заболевания. Собственно, носителями чумы становились лишь те виды, которые выживали после многократных «встреч с чумой». Однако, чума может как очень быстро проявить себя среди людей, так и находиться достаточно длительный период в спящем латентном состоянии⁸.

Одним из видимых результатов практической проработки в отечественной науке теории природной очаговости трансмиссивных болезней человека стало появление в 1960–1970-х гг. специальных исследований, посвященных природным очагам чумы, расположенным в различных регионах СССР. Так в 1960 г. на основе текста своей докторской диссертации по биологии А.А. Максимов опубликовал монографию, посвященную сибирским очагам туря-

⁸ Латентное – внешне не проявляющееся течение заболевания.

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

лемии чумы⁹. Согласно точке зрения исследователя, одной из причин возникновения эпидемий чумы является существующая в природе взаимосвязь между ландшафтной экологией и гелиобиологией [Максимов А.А., 1960].

Другим крупным исследованием этой группы работ стала докторская диссертация А.А. Лисицына. В отличие от работы А.А. Максимова, основной акцент был сделан на волго-уральский природный очаг туляремии чумы [Лисицын А.А., 1973]. По мнению последнего, данное природное образование на севере граничит с Сыртовым Заволжьем и Общим Сыртом, на юге – с Каспийским морем, на востоке – с рекой Урал, на западе – с рекой Волгой. Базируясь на исследованиях Е.Н. Павловского, Ю.Т. Ралля, Н.П. Миронова, И.Х. Султанаева и В.В. Кучерука, А.А. Лисицын заключил, что предком чумной бактерии стал возникший на сурках в Средней Азии в Кайназойскую эру паразит. Позднее он продолжил свою эволюцию в процветающих среднеазиатских пустынях эпохи плицена уже на виде степного кочующего грызуна – суслика. Появление природного очага чумы в волго-уральском регионе было обусловлено природно-климатическими условиями, сложившимися в результате отступления на юг вод Каспийского моря 4–5 тысяч лет назад. Именно трансгрессия и регрессия уровня Каспийского моря, по заключению исследователя, и определяли в историческом прошлом активизацию этого очага. Зафиксированные в районе очага крупные остатки широколиственных лесов в целом подтверждали предположение о наличии в прошлом периодов с благоприятными природно-климатическими условиями. С одной стороны, отличительной чертой местной биоты¹⁰ является близость к горизонту

⁹ Туляремия (от названия округа Туларе (англ. Tulare County) в Калифорнии др.-греч. αἷμα – кровь) – зооантропонозная эпидемия среди животных, которая имеет природную очаговость и может перекинуться на человека.

¹⁰ Биота – исторически сложившаяся совокупность видов живых организмов, объединенных общей областью распространения в настоящее время или в прошедшие геологические эпохи. В состав биоты входят как представители клеточных организмов (растения, животные, грибы, бактерии, протисты и пр.), так и бесклеточные организмы (например, вирусы).

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

грунтовых вод и сравнительно частое колебание их уровня. С другой стороны, здесь отмечен сравнительно хороший рост, обеспечивающий основную массу корма и защиту для многих травоядных животных, травянистой и кустарниковой растительности. Все эти факторы позволяют достаточно быстро увеличить численность местных видов. При этом ситуация кардинально может измениться из-за резкого наступления на территорию природного чумного очага вод Каспийского моря. В итоге, заключил А.А. Лисицын, это могло в прошлом повлиять на миграционную активность местных носителей чумной бактерии – полуденных и гребенчатых песчанок, домашних мышей и обыкновенных полевок [Лисицын А.А., 1973: 18].

Таким образом, можно констатировать, что к середине 1970-х г. в целом была проработана *теория природной очаговости трансмиссивных болезней человека*. Основными тезисами явились: 1) продвигаемая еще со времен Д.А. Хвольсона идея о центральноазиатском первоочаге чумы; 2) влияние на возникновение пандемий чумы внешних факторов (климатических изменений, сейсмическая и солнечная активность); 3) первичные и вторичные носители чумной бактерии *Yersinia Pestis*. Именно эти идеи, выдвинутые отечественными эпидимиологами, практиками и теоретиками, были не только восприняты западными специалистами, но и позволили отечественным историкам и историографам более осмысленно подойти к изучению темы «*Черной смерти на территории Золотой Орды и близлежащих регионов*».

Дальнейшая разработка в СССР вышеуказанной темы потребовала от отечественных специалистов расширения исследовательской тематики. Поэтому появление в середине XX в. научных изысканий в области исторической демографии явилось логическим результатом этого процесса. Одной из первых отечественных работ, осветивших именно этот аспект исторического процесса, стала, опубликованная в 1941 г. монография советского ученого-демографа Б.Ц. Урланиса [Урланис Б.Ц., 2007]. Согласно точке зрения исследователя, в Античность и Средние века именно эпидемии являлись факторами, приводившими к массовому сокращению населения наряду с войнами и голодом. Пожалуй, наибольшей по количеству смертей в истории считается вспыхнувшая в Китае и занесенная через Крым в 1348 г. в

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

Западную Европу «*Черная смерть*». Обогнув европейский континент, это бедствие в 1351–1352 гг., через скандинавские страны достигает территории Руси. Как правило, в каждом месте чума продолжалась от 4 до 7 месяцев, и редко до года.

Не успела Западная Европа оправиться от одной эпидемии, как в 1360–1361 гг. нагрянула новая, которая, согласно точке зрения Б.Ц. Урланиса, в некоторых местах принесла еще больше разрушений и опустошений, чем эпидемия 1348–1349 гг. В последующие столетия были отмечены целый ряд крупных чумных эпидемий. Так во Франкфурте-на-Майне в XIV–XV вв. было зафиксировано порядка 32-х лет высокой смертности, в том числе 17 лет от чумы. Советский демограф предположил, что вспышки бубонной чумы были отмечены значительно позже [Урланис Б.Ц., 2007: 269–271]. Хотя сам автор монографии и не говорит об этом напрямую, но учитывая его гипотезу, можно предположить, что, скорее всего, «Черная смерть» не являлась этой формой заболевания.

Сопутствующими эпидемиям чумы бедствиями в Средние века стали эпизоотии скота, голод и другие эпидемические заболевания. Например, в 1223 г. в Венгрии разразилась эпизоотия, позднее перекинувшаяся в соседние страны. Так, в 1224 г. эпизоотия была отмечена в Австрии, Моравии и Карпатии. В 1225–1226 гг. – в Тюрингии. За этой эпизоотией последовал большой голод и за ним – эпизоотия голодного тифа. Кроме того, в Средние века большое распространение получили оспа, проказа (в XII в. только в одной Франции функционировало 2 тыс. лепрозориев), сифилис (главным образом, в конце XV – начале XVI в.) [Урланис Б.Ц., 2007: 272].

Для Руси эпидемии не являлись таким уж редким явлением. Так крупнейшие эпидемии были отмечены в 1092 г. в Друцке и Полоцке, и в 1158 г. в Новгороде. После относительно благополучного с эпидемической точки зрения XIII в., считает Б.Ц. Урланис, наступление «*Черной смерти*», разразившейся на 2–3 года позже, чем в Западной Европе, привело к значительной убыли среди населения. Однако, из-за недостаточной плотности населения и неразвитости торговых путей в русских княжествах смертность среди населения в процентном соотношении была значительно ниже аналогичных показателей в Западной Европе. Если для Англии, Италии и других западноевро-

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

пейских стран речь идет о сокращении населения на треть или четверть, то для Руси речь может идти о сокращении, вероятно, не более чем на 5–6% или 1/20 населения. Согласно его подсчетам всего на территории европейской части СССР до «Черной смерти» проживало порядка 8 млн. 579 тыс. чел. [Урланис Б.Ц., 2007: 118]. Из них примерно 6 млн. 960 тыс. человек на территории русских княжествах и порядка 1 млн. 800 тыс. человек в поволжских землях Улуса Джучи. Свои подсчеты исследователь выстраивал исходя из соотношения обрабатываемых сельскохозяйственных угодий к средней численности одной семьи. За стандарт была взята близкородственная семья из 4,4 человека. При общей площади территории 1,1 млн. кв. км в русских землях в среднем приходилось 2,5 человек на квадратный километр. При этом было допущено, несмотря на естественную убыль населения, что ежегодный прирост составлял более чем в два раза. Таким образом, численность населения в русских землях выросла с порядка 3 млн. (около 1000 г.) до указанных Б.Ц. Урланисом накануне «Черной смерти» 6 млн. 690 тыс. человек.

Как и в Западной Европе на Руси повторная вспышка чумы проявилась через 10–12 лет после «Черной смерти». Так в Северо-Восточной Руси мор был отмечен в 1364 г. Начался мор в Нижнем Поволжье, а затем перекинулся на русские города. В последствии мор был отмечен в 1373, 1375, 1387, 1390, 1417, 1420, 1423, 1425, 1441–1443, 1467 гг. Но несмотря на столь неблагоприятные эпидемические условия, считает Б.Ц. Урланис, численность населения продолжала возрастать. Так к 1500 г. она уже составляла 15 млн. человек, то есть население прирастало в среднем 0,11% человек в год [Урланис Б.Ц., 2007: 120]. Куда более страшным и частым явлением для средневековой Руси являлся массовый голод. Зачастую он мог иметь общерусский характер. Подобное наблюдалось в 1230, 1279, 1309, 1422, 1429, 1579 и 1602 гг. Именно на эти годы и приходится основной пик смертности [Урланис Б.Ц., 2007: 262].

Произведенный Б.Ц. Урланисом примерный подсчет убыли населения от произошедшей в 1346–1352 гг. вспышки позволил говорить о следующих цифрах: 417 600 чел. во всех русских княжествах и 102 000 чел. в поволжских землях Золотой Орды. Несколько иную оценку численности населения этой эпохи в русских землях приве-

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

ли в своих исследованиях А.Е. Водарский, отечественный специалист, один из крупнейших в области исторической географии и демографии, и современный российский специалист С.А. Ершов [Водарский Я.Е., 1973; Ершов С.А., 1997]. Согласно их точке зрения примерная численность населения на территории русских княжеств между «*Батыевым нашествием*» и началом «*Черной смерти*», то есть с 1241 по 1300 г. упала с 6,5 млн. до 5,3 млн. человек. Следующие, приведенные в исследовании числовые данные, указывают на сокращение населения в 1380 г. примерно еще на 152 тыс. человек. Таким образом, по заключению ученых, это являлось наименьшим показателем с начала XIV в. Скорее всего, дочумных величин население русских княжеств достигло уже в 1400 г. и составило 5 млн. 387 тыс. человек. В дальнейшем вплоть до присоединения Казанского и Астраханского ханств в середине 1550-е г. фиксировался постоянный прирост. В результате, численность русского населения составила примерно 10 млн. 500 тыс. человек [Ершов С.А., 1997: 78]. Противостоящее им население обоих татарских ханств насчитывало порядка 650 тыс. человек (0,5 млн. человек – Казанское и 0,15 млн. человек Астраханское ханство) [Ершов С.А., 1997: 74]¹¹. Как видно, соотношение было явно не в пользу восточных соседей Московского государства. Фактически необходимо говорить о более чем 16-ти кратном превосходстве Великих князей московских. Последние данные были получены С.А. Ершовым, исходя из принятой в отечественной историографии усредненной величины, и просчитаны по предложенной отечественным исследователем оригинальной формуле¹².

Впрочем, данные выводы делались без учета достижений в области истории и археологии Золотой Орды. Британские исследователи из Оксфорда, исходя из позиции примерного численного равенства между татарскими и русскими территориями, предположили, что

¹¹ Соотношение поволжских народов было таковым: татары – 0,3107 млн. чел.; чувашаи – 0,0888 млн. чел.; башкиры – 0,649 млн. чел.; удмурты – 0,0369 млн. чел.; марийцы – 0,0314 млн. чел.

¹² Формула: $N = 6,5 - 2,8(\Gamma - 1241)10^{-2} + 13,195(\Gamma - 1241)^210^{-5}$, где N – население, Γ – год (календарный).

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

общая численность населения Великой русской равнины в начале XIV в. достигла 15 млн. человек. Уже в начале XV в. оно уменьшилось на 4 млн. человек, а в начале XVI в. вновь достигла прежних величин с тенденцией последующего демографического роста [Население Европы 1300–1800, 2015]. Однако, эти предположения строятся на анализе западноевропейских и ближневосточных письменных источников, а также теоретической возможности развития высокопродуктивного сельского хозяйства этих регионов. Как известно, последнее позволяло в кратчайший срок восстановить доэпидемическую численность населения. Исходя из этого, можно говорить о том, что данное предположение британских специалистов скорее выглядит гипотезой, нежели реальной оценкой численности населения региона.

Более приближенную оценку численности населения к реалиям Улуса Джучи высказали отечественные исследователи Д.М. Исаков и И.Л. Измайлов. В своей монографии, посвященной этнополитической истории татарского народа, авторы, используя численные оценки Ибн Баттуты и аль-Омари татарских эмиров и войск, приведенных в сборнике арабских и персидских авторов В.Г. Тизенгаузена, сошлись во мнении, что население Золотой Орды могло достигать в пиковые периоды 1,5–2 млн. человек. Данные числовые значения получались исходя из предположения соотношения общей численности войска золотоордынского хана к населению домена¹³.

При этом оба автора скорее всего учитывали только данные по ханскому домену Ак-Орды. В то время, как проведение аналогичных исследований по территории Кок-Орды, вследствие отсутствия письменных источников, представляется крайне затруднительным. Ана-

¹³ Согласно оценкам историков, численность ханского домена могла достигать 100 тыс. человек, то есть 10 часть населения. Из них порядка 50 тыс. приходилось на войска 70 эмиров. Остальные – 50 тыс. человек – это мобилизованные из подвластных земель. Однако, даже в этом случае не были исчерпаны мобилизационные ресурсы золотоордынских ханов. При этом самый густонаселенный Булгарский вилайет насчитывал порядка 500 тыс. человек, Крым и прилегающие территории 250 тыс. человек, Нижнее Поволжье и Кавказ – около 1 млн. человек. См.: [Исаков Д.М., Измайлов И.Л., 2007: 84, 88].

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

логичным образом ситуация складывается вокруг располагавшихся в Бессарабии и в Западной Сибири татарских территориях. Поэтому важное место для подведения окончательных оценок будут занимать числовые данные, приведенные в исследовании С.А. Ершова [Ершов С.А., 1997: 75]¹⁴. При этом необходимо учитывать несколько крайне специфических для демографии Золотой Орды факторов: 1) достаточно слабый естественный прирост населения среди кочевников; 2) низкий уровень развития сельского хозяйства Золотой Орды, даже по сравнению с зависимыми от нее оседлыми территориями русских княжеств. Исходя из всего вышесказанного, можно предположить, что общая численность населения, проживавшего на территории средневекового татарского государства, при благоприятных условиях могла достигать 3 млн. человек.

Впрочем, уже во время «*Черной смерти*» население Золотой Орды начало резко сокращаться. Сославшись на исследование советского ученого В.В. Самаркина [Самаркин В.В., 1976: 84], Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов пришли к выводу, что эпидемия 1346–1350 гг. привела к сокращению населения Золотой Орды в среднем на 25%. Наиболее пострадавшими оказались крупные города, где сокращение населения могло достигнуть 90%. Таким образом, оба историка сошлись во мнении, что численность населения средневекового татарского государства, после данного бедствия, могла приблизиться к 2,2–2 млн. человек, что в свою очередь могло негативно сказаться впоследствии на развитии культуры и экономики данного государственного образования [Исхаков Д.М., Измайлов И.Л., 2007: 114].

Если суммировать взгляды отечественных и зарубежных исследователей на численность населения Золотой Орды и зависимых от нее русских княжеств, можно отметить следующие оценки: 1) примерное количество населения на пространствах Великой Рус-

¹⁴ Согласно отечественному специалисту в Бессарабии могло проживать порядка 0,24 млн. человек, а численность населения Сибирского ханства, на момент вхождения в конце XVI в. в состав Московского государства, 0,54 тыс. человек. Скорее в отношении последних данных нужно говорить о суммарной численности населения территорий, оказавшихся под контролем Шибанидов (Западная Сибирь и Хорезм).

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

ской равнины достигало примерно 8,5–9 млн. человек¹⁵; 2) сокращение населения в татарских землях составило 25%, а в русских княжествах из-за наличия большого количества свободных территорий оно могло достичь 3–5%; 3) русские княжества, вследствие более высокого уровня развития сельского хозяйства и внедрения новых технологий в земледелие в 1460-х г., смогли не только достаточно быстро восстановить численность населения, но уже к середине XVI в. значительно превзойти по этому показателю татарские ханства; 4) «*Черная смерть*» негативно повлияла на развитие культуры, экономики и демографии Золотой Орды и татарских ханств.

В 1960 г. в историографии «*Черной смерти на территории Золотой Орды и близлежащих регионов*» появились первые специальные исследования Н.Г. Богоявленского, К.Г. Васильева и А.Е. Сегал. По мнению одного из крупнейших современных отечественных антропологов А.П. Бужиловой, наиболее значимой для медиков и для преподавателей курса «*Истории медицины*» стала книга Н.Г. Богоявленского «*Древнерусское врачевание в XI–XVII вв.*». В этом труде отечественный ученый на основе текстов Новгородских и Псковских летописей постарался географически локализовать эпидемический очаг средневековой чумы на Северо-Западе Руси. В результате эпидемическим эпицентром очага была определена территория с центром в Новгороде и Пскове с захватом соседних городов (Старой Руссы, Торжка и Твери). Исследователь одним из первых в отечественной историографии заявил, что движение «*мора*» 1364 г. происходило по водным магистралям от низовьев Волги из Золотой Орды к Нижнему Новгороду с последующим проникновением в центр Московской Руси через Оку и Верхнюю Волгу. Согласно данным, представленным в Псковской второй летописи и Новгородской первой летописи, основным временем возникновения мора и сроками протекания болезни являлась вторая половина года. В целом Н.А. Богоявленскому удалось не только реконструировать весь ход эпидемии средневековой чумы, выявить существование на Руси нескольких форм чумы, но и назвать основные причины этих эпидемий. Одной

¹⁵ 5,3 млн. человек на территории русских княжеств и 3 млн. человек на территории Золотой Орды.

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

из них могла стать страшнейшая эпизоотия сибирской язвы. Другими причинами чумы, по его мнению, могли стать как инфекционные заболевания (цинга, различные виды тифов), так и массовый голод среди населения, возникший от неурожая и гибели кормов для животных. Положение осложнялось из-за резких скачков цен на продовольствие [Богоявленский Н.Г., 1960: 111].

Развивая тему средневековых эпидемий на Руси, Н.Г. Богоявленский в другом своем исследовании обратился к опыту врачей Северной Руси [Богоявленский Н.Г., 1964]. Согласно точке зрения автора, распространению эпидемий в этом регионе не помешали холодный климат, малозаселенность, знания в области санитарии. Как показал анализ средневековых летописных текстов, русские писцы, не разбираясь в причинах повальной смерти (эпидемии, голод) среди населения, могли обозначить причину одним словом – «мор». Не облегчала понимание этой темы господствовавшая общественная точка зрения, что Север Руси свободен от моровых поветрий. Так, в одном из списков древней «Космографии» сказано, что «моророва поветря там никогда не бывает, временем бывает болезнь огневая, и та в коротких днях минется». Возможно, одной из причин господства подобного мнения, по мнению Н.Г. Богоявленского, являлось то, что русский север зачастую выступал местом спасения во время эпидемии для верхов богатых северо-западных городов (Пскова и Новгорода). Не облегчало положение и то, что вести о местных вспышках достигали Новгорода и Москвы лишь через достаточно продолжительный период. Все это приводило к тому, что поступившие данные подвергались резкой критике. Между тем, в летописях был зафиксирован целый ряд крупных вспышек на Севере Руси. В 1352 г. в районе Ладожского озера была зафиксирована легочная форма чумы. В 1424 г. после нескольких голодных лет в Карелии «мор бысть на людех в железую и охрак кровню» (бубонная и легочная чума). В 1471 г. «на самом Устюзе мор бысть силен налюди». В 1571 г. случилась крупная эпидемия чумы, охватившая множество городов и сел. В 1669 г. в летописях зафиксирован так называемый «Соловецкий мор».

Кроме чумы на Севере Руси были распространены сибирская язва (1571 г.), известный с начала XV в. и подробно описанный мо-

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

нахами Соловецкого монастыря сыпной тиф (1682 г), и обозначаемая в русских летописях словами «*бобушки*», «*шадрины*», «*шадры*» оспа [Богоявленский Н.Г., 1964: 72–75].

Основные способы и меры, принимаемые для борьбы с эпидемиями на Севере Руси, в отличие от остальных русских земель, по заключению Н.Г. Богоявленского, хотя и носили более целенаправленный и организованный характер, но в основном они ограничивались введением многочисленных запретов. В случае нарушений обвиняемые карались достаточно жестко: заточением на время в тюрьму, битьем кнутом, сажанием на цепь на базаре или на природе или «*там где живет, чтобы все было видно*». Зачастую введение подобных запретительных мер происходило лишь только в том случае, когда эпидемия приобретала повальный характер среди податного населения, влекущее за собой срыв ямской повинности или сбора ясака с «*иноземцев*» [Богоявленский Н.Г., 1964: 75].

Наиболее распространенной мерой было карантинирование населенных пунктов с помощью установки застав и засек, состоящих из стрельцов или местного населения, вокруг очагов эпидемии на основных торговых путях (*по шляхам*), «*стежей*» и водным переправам. Другими распространенными формами противоэпидемической борьбы в Средневековой Руси были: организация на основных торговых магистралях и близ домов постоянных костров из можжевельниковых ветвей или специальных (для дезинфекции одежды больных) окуривательных помещений, зимой – вымораживания жилых помещений, стирки уксусом мелких личных вещей. Особую категорию обрабатываемых вещей составляли деньги, которые промывались в проточной воде и протирались песком.

В условиях распространения массовых эпидемий подозрительные дома полностью сжигались со всей рухлядью, что приводило к удивлению иноземных купцов. Покойников старались хоронить в кратчайшее время, зачастую без свидетелей и традиционного церковного отпевания, в расположенных за городской чертой глубоких могилах. Здоровые старались выходить на улицу, намазавшись чесноком или опрыскавшись смесью дегтя с чесноком [Богоявленский Н.Г., 1964: 77].

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

Другой работой на данную тему, опубликованной в этот же период, стала монография К.Г. Васильева и А.Е. Сегала [Васильев К.Г., Сегал А.Е., 1960]. Базируясь на достаточно широком круге текстов русских летописей (Псковской I и II, Новгородской I и IV, Никоновской или Патриаршей) авторы пришли к следующим выводам: 1) слово мор могло обозначать любые крупные эпидемии; 2) большую роль в их распространении на Руси сыграло развитие торговых путей.

Первым зафиксированным в летописях является мор 1060 г, разразившийся среди «торков» во время похода великого киевского князя Изяслава. Следующая крупная Киевская эпидемия 1092 г. пришла из Полоцка. Первые контрмеры русские власти стали принимать чуть позднее. Во время антоновского мора 1128 г. в Новгороде были впервые в истории привлечены специальные похоронные команды. Эпидемии 1153 и 1158 гг. отличались совместным хождением эпидемией и эпизоотий. Мор 1168 г. был отмечен масштабными природно-климатическими явлениями. Вспышка 1187 г., скорее всего, являлась пришедшим в русские земли через Новгород, отголоском испанского гриппа 1181 г.

Одной из крупнейших эпидемий русского средневековья стал мор 1230 г. Причем после нее средневековыми русскими летописцами была отмечена существующая связь между мором и «гладом». Скорее всего, по мнению авторов монографии, подобное словосочетание могло обозначать распространение сыпного или брюшного тифа. При этом, как гласят летописи, скорее всего, наблюдалась эпидемия чумы. Подтверждением этих слов является описание смоленского поветрия 1230 г. [Васильев К.Г., Сегал А.Е., 1960: 24].

С эпидемической точки зрения нашествие Батая на Русь, да и в целом наступившая во второй половине XIII в. эпоха золотоордынского ига не стали исключением. Крупнейшие эпидемии в этот период были зафиксированы в Рязанском княжестве в 1257 г., Пскове в 1265 г., во многих русских землях 1278–1279 и 1282 гг., во время осады в 1283–1284 гг. войсками правителя западноордынских улусов Тохты городов Подолья, Волыни и Польши и в русских княжествах в 1286 г. Причем одной из причин возникновения эпидемии летописцы называют чародейство татар по отравлению колодцев.

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

Впрочем, полагают исследователи, скорее речь шла о занесенной с запада поляками или с востока татарами кишечной инфекции [Васильев К.Г., Сегал А.Е., 1960: 25].

Относительно эпидемии «*Черной смерти*», авторы монографии пришли к следующим выводам: 1) чума возникла в ордынских землях около 1346 г., 2) эпидемия «*Черной смерти*» вернулась на Русь в 1351/52 гг., 3) сопутствующим явлением чумы стал массовый голод, 4) было зафиксировано несколько крупных вспышек в 1346, 1351–1353, 1360–1364, 1387–1389, 1393, 1396 гг. [Васильев К.Г., Сегал А.Е., 1960: 27–32].

Оценивая положение дел в борьбе с эпидемиями в XV–XVII вв., исследователи исходят из того, что уровень образованности в Московском государстве в этот период оставался достаточно высоким. Поэтому уровень смертности в русских землях был гораздо ниже, чем в ряде европейских государств. Впрочем, в основной массе люди умирали, как и во второй половине XIII в. от чумы. Придерживаясь принятой в отечественной историографии хронологии вспышек данного вида заболевания и представленной в текстах русских летописей описания клиники заболеваний, К.Г. Васильев и А.Е. Сегал предположили, что в XV–XVI вв. имело место быть параллельное хождение нескольких эпидемических болезней. В частности, они предположил вспышку гриппа в 1409 и 1414 гг., сыпного тифа в 1419/20, 1550, 1563 и 1570 гг., сифилиса в 1527–1530 гг. и цинги в 1552/53 гг. [Васильев К.Г., Сегал А.Е., 1960: 33–48].

Менее заметно для отечественной историографии прошла опубликованная в 1966 г. статья Ю.К. Бегунова [Бегунов Ю.К., 1966]. В данном исследовании основной акцент был сделан на анализе «*Сказания о Железных вратах*», хранящегося под номер 537 в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина и вошедшего в рукописный сборник XVIII в. Н.С. Тихонравова. В самом тексте «*Сказания*» содержится следующее: «*Близ синева моря Астраханьскаго есть Железны врата. В первобытные лета бывал город и измер в моровом поветрие и запустило*» [Бегунов Ю.К., 1966: 126]. Автор статьи склоняется к тому, что речь скорее всего идет о Дербенте. Собственно, «*Сказание*», по заключению Ю.К. Бегунова, было записано в середине XV в. со слов русского путешественника, побывавшего в

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

Дербенте и Ширване между 1436 и 1447 гг. [Бегунов Ю.К., 1966: 131]. Если учесть разразившуюся в Центральной Азии и на Ближнем Востоке большую эпидемию 1434/35 гг. упомянутую Фасихом Хасафи и современным английским ориенталистом М.В. Долсем, то, возможно, в «Сказаниях» речь идет о вспышке чумы, произошедшей в этот период в самом Дербенте.

Вышеуказанные работы стали важным этапом для осмысления темы «*Черной смерти на территории Золотой Орды и близлежащих регионов*» в отечественной историографии. Однако, из-за господствовавшего в советский период отечественной историографии марксистского материализма, делавшего акцент на изучение эволюции в истории социальных и экономических отношений, указанные исследования были произведены в рамках «*Истории медицины*». Поэтому несмотря на достаточно подробную проработку источниковой базы, многие сопутствующие исторические темы были попросту не отмечены. Главным образом это коснулось тематики, связанной с анализом литературных произведений, а также психологии индивида и общества, попавших в условия масштабных природных катаклизмов. В большей степени это свидетельствовало об определяющем влиянии специалистов естественников в осмыслении эпидемии чумы. С другой стороны, это указывало на достаточно ограниченный источниковый корпус темы «*Черной смерти на территории Золотой Орды и близлежащих регионов*». Все это в значительной степени определило запаздывание отечественных исследователей в осмыслении данной тематики с последующим слепым копированием идей западных коллег.

В то же время, продолжавшееся теоретическое и методологическое лидерство отечественных специалистов естественных наук (биологии, эпидемиологии и климатологии), позволило в 1980-х г. более тесно рассмотреть взаимосвязь между климатическими изменениями и вспышками трансмиссивных заболеваний. Первую подробную реконструкцию хронологии эпидемий прошлого, на основе анализа текстов нарративных источников, сделали Е.П. Борисенко и В.М. Пасецкий [Борисенко Е.П., Пасецкий В.М., 1988].

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

Более подробно о средневековых эпидемиях в русских княжествах было написано в монографии С.И. Бараша [Бараш С.И., 1987]. В своем труде, посвященном истории голода на Руси, исследователь постарался реконструировать климатическую и эпидемическую картину исторических событий. Отталкиваясь от идей А.Л. Чижевского и отечественного климатолога и географа начала XX в. М.А. Боголепова, исследователь попытался связать влияние солнечной активности с возникновением и распространением инфекционных заболеваний (чумы, оспы, холеры, гриппа, кишечных заболеваний и других инфекций). При этом в исследовании большое внимание уделено климатическим изменениям, произошедшим в Золотой Орде и на Руси в период эпидемии «*Черной смерти*», что подтверждает предположения средневековых врачей о влиянии климата на эпидемическую обстановку. На годы ее наибольшей активности (1363–1365, 1371–1376, 1378 гг.), когда на солнце были видны «*места черные, аки звезды*», приходятся голод и вспышки чумы. В наиболее освещенном в русских летописях Пскове вспышки чумы в XIV–XV вв. фиксируются каждые 8–10 лет. Придерживаясь традиционной для отечественных историографии хронологии эпидемических вспышек чумы XIV–XV вв., С.И. Бараш пришел к выводу, что основной причиной появления болезни на территории русских княжеств является занесение ее купцами из Западной Европы.

Все климатические изменения второй половины XIV в., заключает исследователь, напрямую связаны с началом *Малого ледникового периода*, характеризовавшегося общеевропейскими суровыми зимами, жестокими засухами, неурожаями и массовым голодом. Причем, в годы близкие к 3, 6, 7 и 9-му десятилетию каждого века на Русской равнине наблюдались экстремальные климатические условия, пагубно влиявшие на урожай: избыток влаги, засухи, длительный жаркий или холодный период, появлении саранчи, энтовердителей и прочих патогенов [Бараш С.И., 1987: 111–129].

§ 3. Современное состояние отечественной историографии темы

В 1990-х – первой половине 2000-х годов, несмотря на отказ от марксистского материализма, в историографии «*Черной смерти на территории Золотой Орды и близлежащих регионов*» продолжилось теоретическое и методологическое первенство отечественных специалистов-естественников. Именно этим-то и можно объяснить появление в конце 1990-х гг. уже упомянутой монографии по исторической демографии С.А. Ершова и исследование крупнейшего отечественного эпидемиолога, академика РАМН И.В. Домарадского [Домарадский И.В., 1998]. В ней ученый естествовед попытался проанализировать развитие взглядов отечественных и зарубежных специалистов на это заболевание. Вспышки чумы, по его мнению, происходили как в античности, так и в средние века. В исторических источниках кроме легочной формы чумы перечисляются (включая молниеносные, при которых смерть наступала среди полного здоровья), все известные в современном мире формы болезни (бубонная, бубонно-септическая, кожная, кишечная и др.). Особое удивление И.В. Домарадского вызывает факт существования во время «*Черной смерти*» в зараженных городах целых незатронутых инфекцией кварталов и отдельных домов. При этом в источниках очень часто приводились примеры, как повторного заболевания переболевших людей, так и редких случаев заражения обслуживающего персонала. Именно в эпидемии «*Черной смерти*» XIV в. были зафиксированы подобные факты. Эпидемия началась в 1347 г. и продолжалась 60 лет. Ни одно из существовавших на тот момент государств не избежало чумы, даже Гренландия (однако болезнь почему-то обошла Исландию).

В подсчете общего числа погибших от эпидемии «*Черной смерти*» И.В. Домарадский исходил из точки зрения Р. Поллитцера о 25 млн. человек. Если же в целом оценивать теоретические взгляды отечественного автора на эпидемию средневековой чумы, то здесь, в целом, прослеживается влияние точки зрения на это бедствие западных специалистов. Собственно, именно поэтому в качестве «родины» «*Черной смерти*» у отечественного исследователя фигурирует сред-

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

неазиатская местность «Katau», а быстрое распространение заболевания и его попадание на территорию русских княжеств в 1351–1353 гг. напрямую связывается с существовавшей на тот момент времени хорошо развитой транспортной системой ведущей из Китая в Западную Европу. Но, замечает И.В. Домарадский, это была не первая на Руси эпидемия чумы. Так еще в XI в. летописец Нестор отмечал в Киеве «мор на люди» [Домарадский И.В., 1998: 10–11]. Вспышки чумы были зафиксированы в 1092 г. (Полоцк), 1158 г. (Новгород), 1187 г. (Русские княжества), 1230 г. (Смоленск), 1237 и 1241 гг. (Псков и Изборск), 1265 и 1278 гг. (Полоцк, Смоленск, Киев, Новгород и Псков), 1308 и 1321 гг. (Новгородское княжество и Новгород). Насколько были ужасны опустошения, вызванные чумой в средневековой Руси, можно судить хотя бы по данным о смоленской вспышке 1387 года, когда в городе осталось только 5 человек, вышедших из него и затворивших за собой город, наполненный трупами. К таким катастрофическим последствиям, по мнению исследователя, могла привести активизация нескольких природных очагов, располагавшихся между 48–49° северной и 40–41° южной широты [Домарадский И.В., 1998: 19]. Причем, согласно приведенным в исследовании таблицам, на территорию Улуса Джучи приходится порядка 70% от общего числа расположенных на территории стран СНГ современных природных чумных очагов [Домарадский И.В., 1998: 22–23]. Именно в этих очагах, по заключению исследователя, и произошло возникновение «Черной смерти». Наиболее опасными с эпидемиологической точки зрения (вирулентными) считаются очаги, находящиеся на стыках между районами распространения дикой чумы и поселениями. В Золотой Орде расстояние между ними было столь мало, что увеличившееся поголовье носителей чумной бактерии (крысы) в середине XIV в. привело к возникновению опасной для людей пандемии чумы [Домарадский И.В., 1998: 24].

В 2004 г. исследователями В.Г. Трифоновым и А.С. Кархаряном была предложена последняя на сегодняшний день *геодинамическая теория возникновения эпидемии чумы* [Трифонов В.Г., Караханян А.С., 2004]. Согласно ей одним из важных факторов в истории Нижнего Поволжья являлось изменение уровня Каспийского моря. Причем колебания его уровня, имевшие важные экологические по-

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

следствия, были обусловлены не только изменениями водного баланса вследствие климатических вариаций, но и смещением земной коры при сильных землетрясениях. При этом одним из важных последствий увеличения сейсмической активности становится изменение хромосом у живых организмов и растений – так называемые робертсоновские транслокации¹⁶. Отечественные исследователи Н.Н. Воронцов и Е.А. Ляпунова обнаружили подобные изменения в одном из подвидов слепушей (мелких грызунов) *Elobius talpinus*, обитавшем в высоко сейсмически активной зоне разломов на границе Памира и Тянь Шаня. Подобные мутагенные изменения были выявлены и у слепушей, обитавших в зонах активных разломов на Балканах и Ближнем Востоке, а также у полевков и домашних мышей в активных зонах Апеннин, Альп, Пиренеев, Динарид, Малого Кавказа, Тянь-Шаня, Алтая, Байкала, Курил, Японии и запада США.

Как считают оба исследователя, одной из важных причин подобных мутагенных изменений могли быть химически своеобразные «эманации» в активных зонах. В ходе аэро-космо-геологического эксперимента «Тянь-Шань-Интеркосмос 88», проводившегося в зонах Таласо-Ферганского, Файзабадского, Чонкучаркского, Центрального и Северного Тянь-Шанского разломов, удалось зафиксировать близ границ зон активный выход радиоактивного газа радона и ряда других тяжелых металлов (ртути, железа, марганца, мышьяка, цикрона, ниобия и др.). Активизация выброса этих химических элементов ускоряет мутацию обитающих в районе активных зон живых организмов и растений. С другой стороны, прямыми свидетельствами этих процессов становятся сейсмическая и вулканическая активность. При этом, авторами была отмечена, синхронность этих процессов с климатическими изменениями. Хотя исследователи напрямую и не говорят о существовании взаимосвязи возникновения эпидемических заболеваний с этими процессами, но, как показал анализ свидетельств очевидцев, такое развитие ситуации в реальности могло иметь место быть.

¹⁶ Робертсоновские транслокации – хромосомные перестройки (мутации изменяющие структуру хромосом), играющие важную роль в видообразовании, являются частым механизмом эволюции набора хромосом.

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

Геодинамическая теория возникновения эпидемии чумы В.Г. Трифонова и А.С. Кархаряна хоть и базировалась на данных, полученных в ходе проведенных в районе Тянь-Шаня масштабных полевых исследованиях, однако, в отечественных научных кругах поддержки она так и не получила. Вместо этого, под влиянием *теории природной очаговости трансмиссивных болезней человека*, продолжилось исследование «*Черной смерти*». Именно влияние этой теории прослеживается в опубликованной в 2005 г. статье М.В. Супотницкого [Супотницкий М.В., 2005]. Развивая далее данную теорию, исследователь указал на то, что на начало «*Черной смерти*» повлияло взаимодействие трех больших групп природных чумных очагов: *реликтового северо-западного, Русской равнины и Великого Евразийского чумного «излома»*.

Первая группа и вторая группа чумных очагов была локализована М.В. Супотницким в четырехугольнике Великие Луки – Вологда – Кострома – Смоленск. Ее активизация произошла еще до начала Второй пандемии чумы. Первая вспышка чумы в этом очаге зафиксирована в 1229–1230 гг. в Смоленске, где погибло до 32 тыс. человек. Во время Второй пандемии *Черная смерть* в этом очаге проявила свою активность в 1349–1353 гг. в Полоцке, Смоленске, Пскове, Новгороде, Белоозере. В 1364–1366 гг. наблюдалось распространение чумы в северо-восточных русских городах: Москве, Переславле, Коломне, Владимире, Суздале, Дмитрове, Можайске, Вологде, Рязани, Коломне и Волоке. В 1387–1390 гг. чума вновь проявилась в Новгороде и Пскове.

Третья группа природных очагов представляет собой гигантскую последовательность природных очагов чумы, расположенных от Йемена на юге и до южных отрогов Урала на севере. Самые крупные из них располагались на территории Улуса Джучи. Центр ордынских природных очагов находился близ города Бельджамен. Пик активизации этой группы очагов пришелся как раз на время распространения «*Черной смерти*», и именно в ордынских землях началось ее «*победное шествие*». Одним из факторов, приведших к возникновению болезни, стали, по мнению М.В. Супотницкого, климатические изменениями второй половины XIV в. [Супотницкий М.В., 2005: 20–30].

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

Другой важной теоритической работой, написанной под влиянием *теории природной очаговости трансмиссивных болезней человека* и опубликованной в середине 2000-х гг., считается монография супругов Сунцовых [Сунцов В.В., Сунцова Н.И., 2006]. В этом исследовании авторы постарались, используя экологический подход к изучению генезиса природных и антропогенных очагов чумы, реконструировать процесс возникновения пандемии чумы. В результате была предложена концепция двух этапов генезиса природных чумных очагов. На первом, естественноисторическом этапе, в эпоху конца позднего плейстоцена (22–15 тыс. лет назад), по мнению авторов исследования, на обширных степных пространствах Центральной Азии произошло формирование биологической паразитарной системы «монгольской сурок (*Marmota sibirica*) – блоха (*Oropsella silantiewi*)». На втором, биосоциальном этапе, человек в результате своей хозяйственно-экономической деятельности стал активно непреднамеренно оказывать неблагоприятное влияние на генезис первичных очагов чумы в Евразии. В результате произошло не только изменение естественных ареалов обитания грызунов, и создались условия для всемирной экспансии чумы. Исходя из гипотезы Р. Поллитцера, ученые пришли к выводу, что основной причиной начала «*Черной смерти*» стало проникновение сурочьего подвита из Центральной или Средней Азии через Крым (Каффу) в Европу и Северную Африку. Наиболее вероятно, вынос микроба чумы из природного сурочьего очага (*Marmota baibacina*) произошел в районе оз. Иссык-Куль и был связан с военными походами монголов на Запад в 1330–1340-х гг.

В начале 2010-х г. одесским исследователем И.Т. Русевым была предложена оригинальная концепция происхождения эпидемии чумы [Русев Т.И., 2011]. Автор исходит из того, что одной из важнейших причин начала любой эпидемии является не принесение морским путем основных разносчиков чумной бактерии черных крыс, а активное воздействие человека в результате хозяйственной деятельности на уже существующие древние эпидемические очаги чумы. Таким образом, изыскания Т.И. Русева в области изучения в целом коррелируется с установившейся в отечественной науке точ-

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

кой зрения на то, что одним из важных факторов проявления крупных вспышек чумы являлся антропогенный фактор.

Если рассматривать развитие в эти годы историографии темы «*Черная смерть на территории Золотой Орды и близлежащих регионов*», то следует отметить отказ в исследованиях от марксистского материализма и рост интереса к трудам западных специалистов. Одной из первых работ отечественных специалистов, созданных под влиянием достижений западной историографии, стала опубликованная в 1991 г. монография Ю.Л. Бессмертного [Бессмертный Ю.Л., 1991]. Автор, исходя из анализа французских средневековых источников, смог сделать выводы относительно изменений, произошедших во французском средневековом обществе. Наиболее заметные, по мнению исследователя, произошли сразу после «*Черной смерти*». Главным образом они привели к трансформации общественных взглядов на роль женщины в жизни средневекового общества, различные поколенческие и половозрастные проблемы, поведенческие мотивы различных социальных слоев, представления о болезни и смерти.

Еще больше подогрел интерес к теме исследования перевод на русский язык статей американского тюрколога Ю. Шамильоглу¹⁷. Под влиянием его взглядов отечественные исследователи смогли не только расширить исследовательскую тематику, но и за счет включения вновь открытых нарративных источников подробно рассмотреть проявление «*Черной смерти*» и ее последствия для Золотой Орды.

Одним из отечественных первопроходцев данной темы стал в конце 1990-х г. кишиневский историк Н.Д. Русев. В своей работе, посвященной расположенным в низовьях Дуная и Днестра ордынским городам, исследователь в качестве основного фактора, способствовавшего распространению на этих территориях «*Черной смерти*», обозначил существовавшую на этих территориях так называемую контактную зону пересечения интересов Запада и Востока [Русев Н.Д., 1999]. Для обоснования своей точки зрения, автор исследования обобщил практически все достижения в изучении отдель-

¹⁷ См. подробнее о его взглядах в Главе III.

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

ных сторон истории городов Нижнего Подунавья и Поднестровья. Используя данные письменных, археологических и нумизматических источников, Н.Д. Русев пришел к выводу, что большую роль в истории Молдавии сыграла вспышка средневековой чумы в 1346–1352 гг. Последняя, по его мнению, пришла из Улуса Джучи. Однако, из-за отсутствия достаточного количества письменных источников о распространения чумы в землях Дешт-и Кыпчак, нельзя точно определить временной промежуток появления на территории Молдавии данного средневекового бедствия. Единственным письменным источником, позволяющим понять суть событий, могут считаться византийские хроники Иоанна VI Кантакузина. Именно в них напрямую сообщалось, что «северные скифы» пострадали ничуть не меньше, чем жители Византийской империи. Впрочем, основной причиной массовой гибели населения, по мнению Н.Д. Русева, являлся не низкий уровень санитарии, а присутствие в нижневолжских степях природных очагов чумы. Причем большую роль в распространении эпидемии сыграл благоприятный климат и широкая сеть торговых путей [Русев Н.Д., 1999: 53].

Данные, полученные кишневским исследователем в ходе текстологического анализа византийской хроники Иоанна VI Кантакузина, в целом коррелировались с выводами отечественных нумизматов Л.Л. Полевого, М.Г. Мухамадиева и Ф.М. Шабульдо. На основании анализа нарративных и нумизматических источников кишневским исследователем было предположено, что одним из характерных итогов «Черной смерти» явилась массовая миграция населения в более безопасные районы. Однако, сам этот процесс не мог произойти ранее 751 г. (1350/1351 гг.) или позднее 753 г. (1352–1353 гг.). Однако, миграция населения с территории Бессарабии не была остановлена сразу после прекращения эпидемии чумы, а наоборот усилилась [Русев Н.Д., 1999: 55]. Параллельно с этим исследователь отметил усиление центробежных тенденции и рост внутривосточных противоречий между кочевой знатью и городским населением, являвшимся по преимуществу потомками покоренных оседлых народов. Именно эти разногласия и стали тем толчком, который приведет к окончательному распаду Улуса Джучи [Русев Н.Д., 1999: 57].

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

Еще одним опубликованным в эти годы исследованием, где на основе текстологического анализа ранее опубликованных нарративных источников реконструируется ситуация в Золотой Орде во время «Черной смерти», стала статья петербургского историка М.Г. Крамаровского [Крамаровский М.Г., 2002]. В ней на основе текста письма, написанного в 1367 г. в Венеции 63-х летним Франческо Петраркой к своему другу генуэзскому епископу Гвидо Сетте, автором исследования был сделан вывод о разразившемся страшном голоде во время первых вспышек средневековой эпидемии чумы в Причерноморских степях. Ситуация отягощалась последствиями венецианско-генуэзской войны 1350–1355 гг. за обладание Черным морем и начавшейся в Золотой Орде «*Великой заматней*». Однако, если следовать тексту письма, считает М.Г. Крамаровский, ордынско-генуэзская черноморская торговля, несмотря на резкий рост цен на хлеб, продолжала функционировать за счет увеличения работорговли в крымских городах [Крамаровский М.Г., 2002: 174–175, 180]. При анализе начала «*Черной Смерти*» автор статьи подчеркивает влияние неблагоприятных погодных явлений (засухи), а годом начала чумы в Золотой Орде называет 745 г. (17.06.1341 – 05.06.1342) [Крамаровский М.Г., 2002: 177].

Влияние «*Черной смерти*» на материальную культуру было отмечено в статье А. Апонасенко [Апонасенко А., 2004]. В этом исследовании автор обратил внимание на принятые в Новгороде и Пскове способы и методы борьбы с эпидемиями. Одним из самых распространенных, согласно летописным текстам, становилось возведение за день специального обыденного храма. Их значение для внутригородской жизни было велико. Само строительство здания велось на добровольных началах. Участие в строительстве рассматривалось жителями исключительно как награда за ведение праведной жизни. Значение этих религиозных зданий для городской жизни, по мнению А. Апонасенко, доказывает тот факт, что существовавший в XVII в. обыденный храм Похвала Богородицы, входил в число семи важных городских церквей. Распространение этого культа на Руси было связано с популярным у православных верующих праздником Покрова Богородицы, возникшим вследствие чудесного спасения Константинополя в VI в.

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

Во второй половине XVI в., по мнению исследователя, московскими властями с помощью возведения обыденных храмов, посвященных распространенным в Москве религиозным культам (Св. Кирилл Белоозерский и Св. Христофор), стали предприниматься попытки идеологического обоснования своего политического лидерства над Новгородом. Впрочем, закат традиций строительства подобной религиозной архитектуры во второй половине XVI в., считает исследователь, вызван экономическим кризисом вследствие Ливонской войны, массовыми эпидемиями и голодом.

Еще на одно последствие «*Черной смерти*» для Золотой Орды указал казанский исследователь И.М. Миргалеев. Согласно его точки зрения в 1395 г. после грабительского похода Аксак Тимура (Тамерлана) и последовавшего вслед за этим страшным голодом на территории Нижнего Поволжья разразилась 10 летняя эпидемия чумы [Миргалеев И.М., 2004: 140].

Более поздний период был освещен в монографии В.В. Трепалова [Трепалов В.В., 2004]. При освещении данной темы историк основывался на двух источниках личного характера: записках А. Дженкинсона и сочинениях князя Курбского [Дженкинсон А., 1937; Сочинение князя Курбского, 1914]. Согласно последним, эпидемия чумы разразилась в Ногайской и Заволжской Орде сразу же после занятия русскими войсками Астрахани в 1556 г.¹⁸ Причем мор стал развиваться на фоне масштабной засухи, чрезвычайно холодной зимы, туляремии домашних животных и последовавшим за тем массовым голодом среди населения Ногайской, Заволжской и Перекопской Орд. Такие масштабные бедствия ногайцев продолжались по крайней мере до 1559 г., что и нашло свое отражение в датированных 1558 г. записях А. Дженкинсона. Причем сам английский путешественник, описывая события ровно через два года после князя Курбского, указывает на множественность моров, что скорее всего свидетельствовало о параллельной вспышке нескольких эпидемических заболеваний. Об общем количестве погибших можно найти у князя следующие слова: «*И так того народу Измальтескаго мало за Волгою осталось, едва пять тысячей военных, его же было*

¹⁸ В работе В.В. Трепалова указан 1554 г.

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

подобно песку морскому». В целом, заключает отечественный исследователь, в Московском государстве о бедствиях в Ногайской Орде прекрасно были осведомлены, но не сочувствовали. Взаимное истребление и массовое вымирание «бусурман» воспринималось, как возмездие за прежние беспокойства, причиненные Руси, и в целом как Божья кара им. Этими соображениями и объяснялось отсутствие всяческого желания оказать помощь татарскому населению со стороны астраханской русской администрации и местных воевод. «Однако их плохо приняли и мало им помогли: большое число их умерло от голода; их мертвые тела кучами валялись по всему острову (на Волге под Астраханью. – В.В. Трепалов), непогребенные, подобные зверям» [Трепалов В.В., 2004: 285–286].

Более глубоко к осмыслению темы «*Черной смерти в Золотой Орде*» подошел Э.С. Кульпин-Губайдуллин. Согласно его точке зрения, основной причиной возникновения эпидемии средневековой чумы в Улусе Джучи в 1340-х г. являлось не общее падение санитарии в густонаселенных средневековых городах, а географическое расположение этих поселений в традиционных для эпидемий жарких районах [Кульпин-Губайдуллин Э.С., 2005: 55]. Причем сам исследователь, вслед за другим отечественным историком В.Л. Егоровым, считал, что одной из характерных черт ордынских городов являлось наличие центрального отопления, канализации и общественных бань [Егоров В.Л., 1985]. Наличие последних плюс учтывание при строительстве строений отхожих мест на расстоянии до 50 метров значительно снижало эпидемическую опасность [Кульпин-Губайдуллин Э.С., 2004: 144].

Главной причиной появления «*Черной смерти*» в Улусе Джучи, по мнению исследователя, стал резкий рост численности прожорливой полуденной песчанки, превратившейся на тот момент в основного вредителя ордынского сельского хозяйства. Согнанный с традиционных мест обитания степных районов этот вид грызунов, во время наступившей в середине 1340-х г. сильнейшей засухи, после отбора пищи у копытных животных, стал через распространение чумы опосредованно влиять на людей. Численно выросшее при Узбек-хане население Золотой Орды вынужденно было бороться за контроль над основными пастбищами. Контроль над распределени-

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

ем последних был потерян ордынскими ханами еще в начале XIV в., поэтому разразившуюся в 1360-х гг. «*Великую замаятню*», считает историк, нужно рассматривать как борьбу за ресурсы, маршруты кочевков, зимние пастбища – гарантии выживания населения [Кульпин-Губайдуллин Э.С., 2005, 112]:

Впрочем, единственным видимым недостатком исследований Э.С. Кульпина-Губайдуллина является указание только на две вспышки чумы в Улусе Джучи (1346, 1428–1429) [Кульпин-Губайдуллин Э.С., 2004: 144], хотя в приведенных в качестве письменных источников текстах русских летописей перечисляется несколько больше дат, связанных с чумными волнами. О них еще в начале XIX в. писал русский историк Н.М. Карамзин.

Во втором издании своей книги историк подвергает сомнению ранее высказанные тезисы в отношении эпидемии чумы в Улусе Джучи [Кульпин-Губайдуллин Э.С., 2011: 101–103]. В первую очередь за счет включения синантропических видов диких и домашних животных¹⁹ он значительно расширяет перечень носителей заболевания. При этом болезнь может быть вызвана как при помощи укуса зараженных блох, так и воздушно-капельным путем при разделке больных домашних животных. В отличие от Западной Европы, где основными носителями, как правило, выступали черные крысы, болезнь в Золотую Орду могла попасть посредством зараженных верблюдов и купцов. Здесь в городских караван-сараях и происходило проникновение среднеазиатской чумы.

Последствия этой эпидемии для татарского средневекового государства были более значительными, чем в Западной Европе. В первую очередь, это привело к увеличению численности населения нижеволжских городов и росту работоторговли. С одной стороны, это стабилизировало экологическую обстановку в Улусе Джучи, а с другой, привело к ускорению изменений в ландшафте лежавших на севере земель [Кульпин-Губайдуллин Э.С., 2011: 103].

¹⁹ Синантропные организмы, синантропы (от др.-греч. слов вместе и – человек) – животные (не одомашненные), растения и микроорганизмы, образ жизни которых связан с человеком и его жильем, например, тараканы, комнатные мухи, домовые мыши, постельные клопы.

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

Настоящим прорывом в теоретическом понимании «*Черной смерти на территории Золотой Орды и близлежащих регионов*» стало опубликованное в 2005 г. исследование одного из крупнейших отечественных антропологов современности А.П. Бужилова [Бужилова А.П., 2005]. Признавая значение для развития человеческих сообществ древности крупных эпидемий, исследователь все же подчеркивал роль биологических и социальных факторов возникновения последних [Бужилова А.П., 2005: 140]. При этом огромную роль, по ее мнению, играла способность человеческого организма быстро адаптироваться к изменяющимся природно-климатическим условиям.

Вероятность возникновения крупной эпидемии среди человеческих сообществ начинает возрастать в случае если человеческий индивид от воздействия с окружающей действительностью впадает в стрессовое состояние или же у него полностью отсутствует приспособленный к данным условиям иммунитет. Поэтому автор исследования обращает внимание на наличие в обществе мигрантов. Последние, вследствие того, что являются носителями специфических эндо- и экзопаразитов, обладают специфической иммунной системой и обменом веществ. В итоге, попадая в среду резко отличную от условий исторической родины, мигранты могут впасть, под воздействием внутренних средовых факторов, в состояние перманентного стресса. Возникший постоянный контакт между местным и пришлым населением нередко приводил как к эпидемическому проявлению некоторых заболеваний, так и к увеличению числа генетически наследуемых аномалий. Поэтому в вопросах взаимодействия местного и пришлого населения, заключает ученый, следует учитывать не только биологическую, но и социальную и этнопсихологическую сторону проблемы, поскольку любая вспышка заболевания является следствием как мирного, так и конфликтного взаимодействия. От понимания этих процессов зависит определение дальнейшего экономического и социального развития всего региона [Бужилова А.П., 2005: 147].

Одной из таких важных с исторической точкой зрения эпидемий являлась «*Черная смерть*». Основываясь в своих научных взглядах на *теорию природной очаговости трансмиссивных болез-*

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

ней человека, А.П. Бужилова большую роль для возникновения Второй пандемии чумы отводила сочетанию эпидемического и природно-климатического факторов, а также усилению накануне эпидемии миграционного потока людей, крыс, как носителей чумных блох, и других млекопитающих. Дальнейшее распространение данного заболевания напрямую было связано с плотностью человеческой популяции и интенсивностью контактов внутри нее. Поэтому автор исследования не исключал в дальнейшем циркуляции эпидемии средневековой чумы исключительно внутри человеческих сообществ. При этом необходимо было учитывать складывающуюся военно-политическую обстановку, так как вследствие масштабных военных конфликтов или интенсификации обмена товаров по Великому шелковому пути происходило постоянное перемещение из зараженных мест огромной массы людей и товаров на достаточно длительные расстояния [Бужилова А.П., 2005: 292].

Фактически с выходом в свет исследования А.П. Бужиловой в отечественной историографии «*Черной смерти на территории Золотой Орды и близлежащих регионов*» наметился новый этап развития, характеризовавшийся переходом к междисциплинарным исследованиям. При этом наблюдается активное использование достижений зарубежных коллег, критический анализ уже опубликованных нарративных источников и появление первых статей, посвященных осмыслению развития отечественной научной мысли [Ганин В.С., 2006; Михель Д.В., 2008].

Одной из первых отечественных работ, где критическому анализу были подвергнуты ранне опубликованные письменные источники эпохи «*Черной смерти*», стало исследование А.Г. Юрченко [Юрченко А.Г., 2007]. В ней отечественный специалист на основе текстологического анализа произведений мусульманских авторов Ибн Баттуты и ал-Макризи, Никифора Григоры и Габриэле де Мюсси попытался проанализировать восприятие катастроф и загадочных природных феноменов в Средние века [Юрченко А.Г., 2007: 236–358]. Попытка А.Г. Юрченко сделать выводы относительно клиники самой «*Черной смерти*», базируясь исключительно на работе XIX в. Г. Гейзера, выглядит на фоне примененного критического анализа нарративных источников несколько спорной. В то же

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

время, следует отметить, что исследователю удалось в целом успешно реализовать на практике критический анализ нарративных источников эпохи «*Черной смерти*».

Золотоордынская тематика была освещена в монографии казанских историков Д.М. Исхакова и И.Л. Измайлова [Исхаков Д.М., Измайлов И.Л., 2007]. Исходя из точки зрения Ю. Шамильоглу, авторы данного исследования указали, что возникшая в середине XIV в. эпидемия бубонной чумы легла на благоприятную почву в виде большого числа людей, скопившегося из-за голода в золотоордынских городах. В качестве главных причин, приведших к еще большей смертности среди населения Золотой Орды, были названы учеными резкое похолодание, массовый падеж скота, аридизация степи и, как следствие, масштабный голод²⁰. После чего чума несколько раз кругами возвращалась в Дашт-и Кыпчак, буквально выкашивая население, особенно в перенаселенных городах [Измайлов И.Л., 2009: 684].

Основными результатами нескольких эпидемических волн наряду с массовым сокращением населения, упомянутым американским тюркологом Юлаем Шамильоглу, стали, по заключению казанских историков: кризис трансасиатской торговли по Великому шелковому пути; общий кризис золотоордынской экономики; процессы деурбанизация и децентрализации Дашт-и Кыпчака; и последующее формирование новых независимых татарских государств-наследников (Булгария, Крым, Сибирь и Кок-Орда) в наиболее развитых феодальных окраинах страны [Исхаков Д.М., Измайлов И.Л., 2007: 202–205].

Другой статьей, опубликованной в эти годы и затронувшей золотордынскую проблематику, считается работа российского исследователя В.И. Артюхина [Артюхин Ю.В., 2009]. Основываясь на данных многочисленных исторических источников, экологических, геологических и биологических исследований, автора утверждал,

²⁰ Аридизация – это процесс сокращения количества выпавших осадков при увеличении испарений влаги с поверхности, вызванных бурным развитием сельского хозяйства и активной вырубкой местных лесных массивов.

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

что одним из важных факторов, предопределивших «*Черную смерть*» и «*Великую замаятню*», стало значительное повышение в начале XIV в. уровня Каспийского моря. Наступивший в конце XV – XVI вв. «*Малый ледниковый период*» не позволил ханам Золотой Орды завершить модернизацию экономики. Наглядным примером этих событий выступает история с г. Азак. В результате зимнего покрытия льдом водной акватории к 1475 г. произошла фактическая «*смерть*» нового ордынского морского порта [Артюхин Ю.В., 2009: 328]. Начавшаяся во второй половине XIV в. эпидемия «*Черной смерти*» в 1346 г. в ордынских городах *Орначъ, Сарае и Беждеджи*, еще более усугубила экономическое положение Золотой Орды. Таким образом, несмотря на меньшую плотность населения, его смертность, и прежде всего массовая убыль среди воинского сословия Улуса Джучи от эпидемии, имели куда большие последствия, чем для остальных стран [Артюхин Ю.В., 2009: 319].

Определенный исследовательский интерес для отечественных исследователей представляет статья Т.В. Куш [Куш Т.В., 2008].

Безусловным достоинством данного исследования следует признать то, что здесь впервые в отечественной историографии в центре внимания оказался регион, который ранее вследствие незнания первоисточников на языке оригинала, оказался вне рамок исследовательских интересов. Особо следует отметить приложенную к работе хронологическую таблицу крупнейших византийских вспышек, произошедших в период между 1347 и 1441 гг. Фактически, данное научное произведение является одним из первых удачных примеров комплексного исследования эпохи «*Черной смерти*». Пожалуй, единственным крупным недостатком данной статьи является акцент исключительно на бубонную форму заболевания. Скорее всего это вызвано доминированием классической точки зрения на это заболевание. Согласно ему признавалось распространение в эти годы именно этой формы чумы.

Культурологический аспект эпидемии «*Черной смерти*» попытался реконструировать тюменский исследователь Е.Г. Еманов [Еманов Е.Г., 2014]. Основываясь на данных знаменитых записок Габриэле де Муси, очевидца осады генуэзской Каффы войсками Джанибека в 1347 г., историк пришел к выводу, что факт появления

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

чумы в городе после бомбардировки трупами ошибочен и, что скорее всего она стала следствием разразившейся в Улусе Джучи эпидемии «*Черной смерти*». При этом он отметил, что фактически о каких-либо кардинальных изменениях основ средневекового общества говорить не приходится. Хоть и наблюдался рост религиозного фанатизма, но и он сильно не мог повлиять на развитие общественных отношений. В лучшем случае стоит говорить лишь об изменениях, произошедших в структуре экономики.

Если говорить о последних тенденциях в исследованиях «*Черной смерти на территории Золотой Орды и близлежащих регионов*», то здесь можно отметить активное привлечение новых данных, полученных в ходе критического анализа ранее опубликованных исторических источников и проведенных лабораторных исследований человеческих останков. В результате фиксируется значительное расширение представлений, как о самой средневековой эпидемии, так и о развитии общественных и политических отношений в Золотой Орде и зависимых от нее землях в эпоху «*Черной смерти*».

Среди работ, опубликованных начиная с 2010 г., можно отметить 2-х томное исследование уральского профессора С.А. Нефедова [История России, 2010–2011]. На основе периодически возникающих в истории из-за перенаселения неомальтузианских демографических циклов, исследователь пришел к выводу, что наиболее страшными по последствиям для средневековой Руси и Золотой Орды явилась не собственно «*Черная смерть*» второй половины XIV в., а ее повторные вспышки в конце XIV – начале XV вв. Положение ухудшили нашествие Идегея в 1408/09 гг., Феодальная война, начавшаяся в Великом княжестве Московском, крестьянские бунты, массовый голод и масштабное похолодание климата. Последствия этих волн чумы в русских княжествах на территории Золотой Орды и позднеордынских средневековых татарских государствах отмечались вплоть до 1500 г. Главным образом это выразилось более чем в двукратном сокращении населения, резком падении цен на хлеб и объемов каменного строительства, прерывании более чем на 50 лет русской летописной традиции. Именно после этих событий, в русской культуре утвердилось представление о

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

«*Великом море*», а некоторые сословия стали отсчитывать время от этих событий [История России, 2010, Т. 1: 159].

Более подробное осмысление собственно «*Черной смерти*» на территории Великого княжества Московского во второй половине XIV в. было сделано профессором МГУ Н.С. Борисовым [Борисов С.Н., 2014]. Согласно предложенной московским исследователем концепции, основой для возвышения Москвы стали следующие факторы: менее пострадавшее крестьянское население деревень Великого княжества Московского, увеличение числа выморочных княжеских земель, стабильное пополнение казны московских князей за счет резкого подъема на рынках цен на товары и услуги, желание ордынских правителей получить хоть что-нибудь из выхода. Не последнюю роль в этом процессе, согласно уже принятой в отечественной историографии традиции, отдается православной церкви. Последняя, в отличие от католической церкви, не только не потеряла свои позиции в обществе, но и укрепилась за счет союза с политической властью. Дальнейший ход исторических событий в Великом княжестве Московском видится историком закономерным результатом наметившейся тенденции.

Антропологический аспект в осмыслении темы «*Черной смерти на зависимых от Золотой Орды территориях русских княжеств*» был применен в исследовании А.Н. Медведя [Медведь А.Н., 2014]. Согласно его точке зрения, эпидемии на Руси вплоть до XIII в. были несчастным явлением, но как и в Западной Европе, древнерусским обществом они воспринимались скорее как Божье наказание за несправедную жизнь. Наиболее наглядно это отношение было отражено в сообщении о полоцком море 1092 г. Летописец в данном случае обвинил действовавших по божьему повелению бесов. Население же Полоцка полагало, что это духи мертвых мстят за что-то [Медведь А.Н., 2014: 49].

Собственно, «*Черная смерть*», которая согласно «*Летописи Авраамки*», пришла в Новгород в 1352 г., воспринималась, как закономерное явление, посланное людям Богом из-за любви к ним для искоренения людских грехов [Медведь А.Н., 2014: 51]. Если в целом говорить о летописных описаниях эпидемий, то, по мнению А.Н. Медведя, складывается ощущение, что жители русских горо-

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

дов воспринимали это бедствие как должное. Зачастую, при описании данного бедствия использовались эпитеты, взятые из популярного библейского сюжета «*О казни Египетской*». Поэтому ее нельзя было избежать и нельзя было от нее вылечиться. Скорее всего, даже попытки лечения в древнерусском обществе воспринимались, как прямое противодействие Божьей воле. По заключению автора исследования, прямо об этом в летописях не говорится, но этот вывод можно сделать исходя из анализа описаний новгородских и псковских эпидемий. Поэтому, единственными способами борьбы с мором считалось четкое соблюдение религиозной практики, выражавшееся в проведении крестных ходов, общегородских молебнов, возведение общими усилиями дневальных церковей или массовый постриг в монахи.

Несмотря на то, что летописцы в большинстве случаев усматривали в морах божью кару или в крайнем случае проявление стихийного бедствия, они не забывали оставить подробное описание симптомов болезни. Скорее всего, заключает А.Н. Медведь, это делалось из практических соображений. Предполагалось, что осведомленный человек мог на базе летописных записей минимизировать в будущем последствия возникших эпидемий [Медведь А.Н., 2014: 50]. Однако, это не означало еще, что для предотвращения в будущем эпидемий в русских землях предпринимались какие-либо действенные врачебные меры. Например, карантин вводились крайне редко. Более того, были часты случаи, когда создавались условия для дальнейшего распространения эпидемий. Известно несколько случаев, когда в 1352 и 1389 гг. в охваченный эпидемией Псков приезжали делегации новгородского владыки. Если в первом случае это закончилось смертью новгородского епископа Василия Калики и началом эпидемии в самом Новгороде, то в 1389 г. все закончилось благополучно [Медведь А.Н., 2014: 52–53].

Вместе с тем, очевидно и то, что существовали представления об опасности, которая исходила от тел людей, умерших во время эпидемий, и участие в санитарных мероприятиях было частью повседневной жизни русского общества XV в., а возможно, и более раннего времени. Правда, эти мероприятия сводились в основном к погребению мертвых тел в так называемых скудельницах – брат-

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

ских могилах. Обычно упоминания скудельниц относятся к периодам эпидемий. Однако, подобные захоронения существовали и в более спокойные времена. Так, в летописных сводах XV в. есть указание на существовании в Москве скудельниц для нищих и бродяг. Причем, в обязанность горожан входило каждый четверг седьмой недели заниматься засыпанием старой и открытием новой могильной ямы. Зачастую, это сопровождалось постановкой свечей и молебном, а общее количество участников было достаточно большим. *«И загребаху старую яму, иже полну мертвых накладену, а новую ископаху, тут же все и копають и засыпають землю Бога ради, но вси гражане, мужи и жены»*. Таким образом, заключает автор монографии, существовала некая общественная обязанность по предупреждению эпидемий, хотя, возможно, основа этих действий была связана скорее с религиозными установками – не допустить, чтобы непохороненное тело христианина лежало на улице в небрежении. Заметим, что сама процедура захоронений в московской скудельнице не исключала возможности распространения эпидемии, если бы такая возникла – мертвые тела, помещенные в общую могилу, могли лежать незасыпанными несколько недель и стать источником болезней [Медведь А.Н., 2014: 53–54].

Столь большое количество умерших не могло не сказаться на психологическом состоянии некоторых из его членов. Так, Волоколамский патерик рассказывает и том, что далеко не все воспринимали чуму как наказание, которому следовало смиренно покориться: *«Во время, когда был великий мор, в 6935 (1427) году, люди умирали от болезни, называемой «прыщ»: кому суждено было умереть, на том этот прыщ был синим, и после трех дней болезни человек умирал. И которые берегли свою душу, те в покаянии и монашестве кончали свою жизнь. Которые же были духовно неразумны и много пили, так как огромное количество меда было брошено и оставлено без присмотра, те в такое бесчувствие впадали из-за злого пьянства, что, когда один из пьющих внезапно падал и умирал, они, запихав его ногами под лавку, продолжали пить»*. Но такой «пир во время чумы» воспринимался все-таки как исключение из общих правил. Впрочем, не всегда причиной эпидемий, по мнению современников, являлся Божий гнев. Иногда летописцы видели

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

естественные причины массовых заболеваний. В этих случаях, включает А.Н. Медведь, чаще всего они увязывают болезни с недородом или с голодом («*глад*») [Медведь А.Н., 2014: 51–52].

Достаточно новаторским выглядит коллективный труд исследовательской группы во главе с И.А. Герасимовой и В.В. Мильковым [Сокровенные знания Древней Руси, 2015]. В этом исследовании на основе анализа философских и богословских произведений, а также трудов попрогностической астрологии XVII в. впервые в отечественной историографии реконструировано восприятие повседневности средневековым русским обществом. По заключению авторов, в эпоху наступления «*Черной смерти*» главенствовавший со времени принятия в Киевской Руси религиозный оптимизм, сменился ощущением тревоги. Поэтому период XIV–XV вв. получил наименование «*века тревоги*». Исследователей поразил царивший фатализм эпохи. В качестве примера приведен рассказ о старце Елезарова монастыря Филофее (ок. 1465–1542), возражавшем против предпринимаемых светской властью санитарных мер по борьбе с эпидемией чумы. «...*Якоже вы ныне, пути заграждаете, дома чечатлеете, попом запрещаете к болящим приходитьи, мертвых телеса из града далече измещете*». Собственно, эпидемию старец усматривал в качестве божьего наказания, которому нельзя противиться. Его нужно принять так, как есть, а те, кто погибает во время чумы «*со истинным покаянием к Богу и причащением тела и крови Христове, со освящением масла, друзии же с великим сердечным желанием ангельского образа сподобляются*» [Сокровенные знания Древней Руси, 2015: 285].

С ростом в русском обществе эсхатологических и хилиастических настроений, вызванных в конце XV – XVI вв. общим кризисом христианства, происходит успех ереси жидовствующих. Причем, по заключению авторов исследования, не обошлось без прямой поддержки со стороны правящей элиты. Итогом этих изменений, начиная с конца XIV в. и вплоть до 1492 г., явился рост апокалистических настроений и ожиданий второго пришествия Христа. Именно в это время большое хождение приобретают всевозможные астрологические альманахи, а в определенных кругах русского общества астрология вызывает повышенный интерес. Эти ожидания нашли

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

свое отражение в изобразительном искусстве и литературе. Ситуацию данной эпохи характеризует напряженное ожидание Страшного суда, страх перед которым стал доминантой религиозного сознания. «*Мимоходить бо житие се наше, и посещение приближается и страшный день онъ ждет суда и въдаание*» [Сокровенные знания Древней Руси, 2015: 286].

В области изучения средневекового штамма *Yersinia pestis* также наметился определенный прогресс. Так в 2016 г. коллективом Российского научно-исследовательского противочумного института «Микроб» была опубликована статья. На основе анализа штаммов *Yersinia pestis* средневекового биовара, полученных из расположенных на территории России и сопредельных странах современных очагов чумы, было установлено формирование в Средние века в районах Кавказа, Прикаспия, Средней Азии и Китая региональных популяций данной бактерии. Причем, одной из главных причин подобных изменений в геноме бактерии явилась адаптация штаммов к природным биоценозам различных ландшафтно-географических зон [Носов Н.Ю., Оглодин Н.Ю. и др., 2016].

Не последнее место в отечественной историографии в осмыслении средневековой эпидемии чумы занимают труды Т.Ф. Хайдарова. На основе текстов русских, арабских и византийских письменных источников второй половины XIV – начала XV вв. были определены основные крупные вспышки [Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А., 2014а; Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А., 2014b; Khaidarov T.F., Dolbin D.A., Kravtsova O.A., Tuchbatova R.I., 2015; Хайдаров Т.Ф., 2015]. При этом было доказано влияние крупных рек в распространении «*Черной смерти*». Если в случае с Волгой этот факт не вызывал отрицательной оценки в отечественной историографии, то вопрос с Днестром остается до сих пор не осмысленным. Однако, если строго следовать летописным текстам, то не вызывает вопросов указание на находившиеся в вассальной зависимости от Улуса Джучи днепровские русские города (Полоцк, Киев, Чернигов). Поэтому спорным становится тезис о возврате чумы в 1349 г. исключительно только из Германии и Скандинавии. Также анализ русских летописных текстов, позволил раскрыть некоторые подробности «*Великой замаятни*» и политиче-

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

ских процессов начала XV в. в Улусе Джучи, Великих княжествах Литовском и Московском.

* * *

Анализ развития взглядов отечественных историков на «*Черную смерть*» показал, что даже проведенные в XVIII – начале XIX в. исследования по эпидемии чумы нужно рассматривать в качестве исторических источников темы. Если говорить об исследованиях, опубликованных в конце 1880 – 1980 гг. То в них четко прослеживается проработка *теории природной очаговости трансмиссивных болезней человека*. Основными тезисами утвердившимися в исследованиях отечественных историков стали 1) продвигаемая еще со времен Д.А. Хвольсона идея о центральноазиатском первоочаге чумы; 2) влияние на возникновение пандемий чумы внешних факторов (климатические изменения, сейсмическая и солнечная активность); 3) первичные и вторичные носители чумной бактерии *Yersinia Pestis*. Именно эти, выдвинутые отечественными практиками и теоретиками эпидемиологии идеи, были не только восприняты западными специалистами, но и позволили отечественным историкам и историографам более осмысленно подойти к изучению темы «*Черной смерти на территории Золотой Орды и близлежащих регионов*».

В результате, на основе анализа небольшого корпуса нарративных источников была полностью реконструирована хронология средневековых эпидемических вспышек и масштабных голодов, определены основные районы бедствий и даны оценки уровня демографического развития русских княжеств и Золотой Орды. Однако, из-за господствовавшего в этот период в отечественной историографии марксистского материализма, делавшего акцент на изучение эволюции в истории социальных и экономических отношений, указанные исследования были произведены в рамках «*Истории медицины*». Поэтому, не смотря на достаточно подробную проработку источниковой базы, многие сопутствующие исторические темы были попросту не отмечены. Главным образом это коснулось тематики, связанной с анализом литературных произведений и психологии индивида и общества, попавших в условия масштабных природных

ГЛАВА II. Основные теоретические аспекты изучения темы в отечественной историографии

катаклизмов. Все это в значительной степени определило к началу 1990-х г. запаздывание отечественных исследователей в осмыслении вышеуказанных тем.

В 1990-х – первой половине 2000-х гг., несмотря на отказ от марксистского материализма и продолжение доминирования *теории природной очаговости трансмиссивных болезней человека*, в историографии темы «*Черной смерти*» на территории *Золотой Орды и близлежащих регионов* наметилась тенденция к широкому привлечению работ зарубежных специалистов (Ю. Шамильоглу, У.Х. Макнилл и др.). В результате это позволило, за счет привлечения опубликованных ранее нарративных источников, значительно расширить исследовательскую тематику.

Настоящим прорывом стала публикация в 2005 г. исследования одного из крупнейших современных отечественных антропологов А.П. Бужиловой. Именно с ее работы произошел переход к междисциплинарным исследованиям, которые потребовали критического анализа ранее опубликованных нарративных источников, а также построения выводов, исходя из достижения современных лабораторных исследований. В результате, впервые в истории отечественной историографии удалось вписать средневекового человека и общество в исследовательскую тематику.

ГЛАВА III

Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

§ 1. Зарождение современной западной исследовательской традиции темы

Современная западная научная исследовательская традиция изучения «*Черной смерти*» берет начало в работе доктора медицины и профессора математики Дж. Шейцера, сделанной во время марсельской чумы 1720 г. [Pollitzer R., 1951: 475]. Однако вплоть до начала XIX в. в трудах западноевропейских исследователей продолжала главенствовать эмоциональная оценка данного события. Причем, большое влияние на работы западноевропейских исследователей продолжали оказывать, как труды арабских, византийских и католических авторов, так и литературные произведения Джованни Боккачо «*Декамерон*» и Данте Алигьери «*Божественная комедия*».

Одной из первых работ, созданных в этот период, затронувших частично тему «*Черной смерти в Золотой Орде*», можно считать многотомное исследование французского ориенталиста Й. де Гуни [De Guignes J., 1756–1758]. Опубликованное во второй половине XVIII в., оно в целом ориентируется на взгляды средневекового египетского историка ал-Макризи, считавшего, как уже было сказано выше, что эпидемия средневековой чумы имела восточное происхождение [De Guignes J., 1758, vol. 4: 223–226]. Аналогичную точку зрения отстаивает в крупнейшем немецком исследовании первой половины XIX в. Ю.Ф.К. Геккер [Hecker J.F.C., 1832]. В то же время, следует отметить, что именно в этот период западноевропейские естествоиспытатели Й.П. Папон и Ю. Либих сформулировали основные постулаты данной научной проблематики. Придерживаясь *миазматической теории* Галена, оба исследователя считали, что главными причинами возникновения повальных эпи-

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

демий в Средние века являлось либо отсутствие санитарии в западноевропейских городах, либо употребление населением зараженной воды.

Дальнейшие исследования в области средневековой эпидемии чумы были связаны с анализом доступных на тот момент времени нарративных источников. В большинстве своем это были труды западноевропейских мыслителей и хронистов. Поэтому в центре внимания оказалась Западная Европа. Ни Русь, ни уж тем более Византия и Ближний Восток, не имели такой теоретической и практической проработки.

Во второй половине XIX в. взгляды Й.П. Папона и Ю. Либиха были подвергнуты жесткой критике со стороны немецкого ученого Г. Гезера. Базируясь на современных, на тот момент времени, полевых исследованиях заболевших чумой в индийских городах и анализа текстов древнеиндийских источников, ученый пришел к выводу, что основным местом зарождения средневековой чумы могли стать Индийские Гималаи. Так как именно здесь в Средние века были зафиксированы вспышки схожей по описанию с «*Черной смертью*» заболевания «*пали*».

В своих штудиях он исходил из уже упоминавшегося выше труда Габриэле де Мюсси. Поэтому Г. Гейзер начинал описывать победное шествие болезни с Китая. Среди основных факторов, вызвавших болезнь, им были названы популярные среди средневековых авторов зловонные испарения, тучи саранчи, появление на небосводе кометы и масштабные наводнения. Кроме того, исходя из *миазматической теории Галена*, в качестве основной причины повальной смертности среди населения в Западной Европе ученый называл полное отсутствие санитарных условий в средневековых городах. При этом сам немецкий ученый склонялся к тому, что в распространении «*Черной смерти*» важную роль сыграли трансконтинентальные торговые тракты и крупные перевалочные пункты (Тана и Каффа). Именно благодаря им болезнь посредством больных людей, прибывших с Востока торговыми караванами и их личными вещами очень быстро попала в Западную Европу. Тем самым, Г. Гезер стал основоположником популярной в западноевропейских научных кругах *теории крымского происхождения «Черной смерти»*.

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

Не последнюю роль в формировании западной историографической традиции сыграло указание ученого на несколько последствий эпидемии средневековой чумы, сыгравших важную роль в развитии западного европейского общества: рост протестных движений и религиозного радикализма [Гезер Г., 1867, Т. 1: 91–95].

Еще одной исследовательской традицией, заложенной немецким ученым, стало приведенное описание заболевания. Вот как об этом писал сам исследователь: *«Возникшая чума имела различные формы проявления. Некоторые из заболевших умирали в день заражения, а некоторые через несколько часов. Тем, кому удавалось прожить два или три дня, тех охватывал сильнейший жар. После того, как чума заражала все тело, у больных начинался паралич языка и прежде всего не позволявшее ему воспринимать окружающих помутнение рассудка, а далее следовало впадение больного в беспамятство. Если же больной и приходил в себя, то он не мог заговорить из-за парализованного языка. Для окружающих не были понятны его желания, так как отмирали его нервы на затылке. После чего больной очень быстро умирал. ... Болезнь попадает в организм не через голову, а через легкие, вызывая у больного сильные грудные боли. Кроме-того у заразившихся наблюдаются кровохаркание и очень подозрительное и дурно пахнущее дыхание из внутренней части тела. Глотка и язык больных сухие от жара, а кроме того окрашены в черный цвет и кровоточат. И не имеет большого значения количество выпитого больным. В общем и целом, больные страдают от отсутствия сна и других симптомов»* [Haeser H., 1865, Bd. 2: 23].

Из всего вышесказанного можно заключить, что Г. Гезер одним из первых отметил фактор торговых путей в распространении эпидемии, подробно описал основные симптомы «Черной смерти» и указал на произошедшие многочисленные изменения в средневековом обществе. Но стоит тут же добавить, что в целом, ученый продолжал придерживаться тех представлений о данном бедствии, которые устоялись в западных научных кругах на тот момент времени.

Один из самых больших вкладов, до открытия бактерии *Yersia Pestis*, в осмысление эпидемии «Черной смерти» в Западной Европе

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

внес другой немецкий исследователь – А. Хирш. В своей книге, опубликованной сразу же по возвращению из экспедиции в село Ветлянки (Астраханская губерния), пострадавшее в 1878 г. от эпидемии легочной чумы, ученый высказался о возможном параллельном хождении во время знаменитой «*Черной смерти*» сразу нескольких эпидемических заболеваний [Hirsch A., 1883]. Причем, данная эпидемия не являлась первой в истории Европы вспышкой бубонной чумы. Впервые она была занесена с Ближнего Востока с прибывшими в XII в. на кораблях крестоносцев крысами (*rattus*). Впрочем, заключил А. Хирш, переход к пандемии «*Черной смерти*» произошел вследствие пересечения нескольких факторов: 1) благоприятных природно-климатических условий; 2) прибытия на Запад из восточных стран новой массы переносчиков заболевания – крыс.

В 1894 г. французским врачом А. Йерсеном и японским микробиологом С. Китасато практически одновременно был открыт возбудитель заболевания – чумная палочка (*Yersinia pestis*). Таким образом, произошло закрепление в западной научной мысли *контагиозной теории* распространения некоторых эпидемических заболеваний. Большую роль в ее формировании сыграли исследования Луи Пастера и Роберта Коха. Согласно данной теории, ведущую роль в начале любой эпидемии играет обитающий в природе возбудитель. Исследователи Кл. Бернард и М. Баудримонт пришли к выводу о параллельном хождении в Средние века нескольких эпидемических заболеваний.

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что вплоть до открытия в конце XIX в. бактерии *Yersinia pestis*, теоретические взгляды западноевропейских исследователей в массе своей базировались на взглядах древнеримского врача Галена. Однако, в отличие от своих предшественников, западными исследователями во главе угла было поставлено рациональное восприятие данного исторического факта. Поэтому изначально было отмечено влияние природного и человеческого факторов на возникновение и распространение средневековой эпидемии чумы.

§ 2. Развитие темы в западной историографии XX в.

Дальнейшее изучение в западной научной среде темы «*Черной смерти*», по мнению современного отечественного исследователя Д. Михеля, было осложнено профессиональной экспансией специализированного медицинского знания. Отчасти это объяснялось общим кризисом гуманитарных наук конца XIX – начала XX вв. и возникшим вследствие этого определенным пиетета к естественным наукам и их исследовательской методологии. Поэтому, когда 1924 г. Марк Блок в своей знаменитой книге о королях-чудотворцах указал на существование взаимосвязи распространения болезни золотухи со становлением абсолютизма в западноевропейских странах, многие представители цеха историков посчитали данные суждения маргинальными и не требующими отдельного исследования. Впрочем, у самого Марка Блока использование в работах естественнонаучных методов носило явно несистемный характер.

Сразу же после окончания Второй мировой войны, одному из ярких сторонников идей Марка Блока, Фернану Броделю при помощи целенаправленного использования вышеуказанных методов удалось обосновать существование взаимосвязи уровня развития производства с демографической ситуацией, определявшейся общим состоянием климата и распространением инфекционных и паразитарных заболеваний. Впрочем, по заключению Д. Михеля, для броделевского поколения историков (Й.К. Руссел и С.Л. Трупп) оставались открытыми многие вопросы, касающиеся в первую очередь изменений, произошедших в европейских сообществах [Михель Д., 2008: 226].

Если в целом оценивать взгляды представителей школы «*Анналов*» на «*Черную смерть*», то наиболее ярко об этом историческом явлении высказался знаменитый французский историк второй половины XX в. Жак Ле Гофф. Последний считал, что накануне «*Великой чумы*» 1348 г. наметился серьезный экономический, политический и демографический кризис. Его главной причиной явились: масштабные неурожай (вызванные резким изменением климата в

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

1315–1317 гг.) и, как следствие, всеобщий голод. Все это привело к снижению физической сопротивляемости человеческого организма. Демографическая кривая во время «*Черной смерти*» пошла резко вниз, что, по мнению историка, и проявилось в последующей демографической катастрофе [Ле Гофф Ж. 2005: 133].

Собственно, «*Черная смерть*», считал французский историк, являлась самой страшной эпидемией бубонной чумы, охватившей в середине XIV в. средневековую Европу. Признавая распространение в этот период легочной формы заболевания, он в то же время считал, что именно бубонная чума стала причиной смерти большинства населения. Фактически являясь продолжением разразившейся в VI в. «*Юстиановой чумы*», она проявилась в 1347 г. во время осады монголами Каффы (нынешняя Феодосия), города генуэзской колонии в Крыму. Монголы осуществили бомбардировку осажденной крепости трупами умерших от болезни. В то же время, чума проявлялась время от времени в Центральной Азии, а иногда в восточной оконечности Африки. Далее бацилла чумы, разносившаяся крысиными блохами, через контакты с людьми, попала на борт кораблей, отплывших из Каффы на Запад. В Западной Европе она бушевала вплоть до 1720 г. После чего вернулась на Восток.

Основная клиника у всех заболевших была следующая: после короткого инкубационного периода, длившегося от 24 до 36 часов, наступала смерть. Кроме того, у всех без исключения наблюдались тяжелые психические расстройства, которые в массе своей совпали с масштабными физиологическими и социальными изменениями, как среди отдельных людей, так и среди общества в целом. Как правило, у больных наблюдались тяжелые нервные расстройства вследствие неспособности их семей, общины и местных властей справиться с постигшим их бедствием.

Видимым последствием практически для всех европейских стран стало окончательное разрушение общины и переход к малой семье, росту индивидуализма и масштабный демографический спад. Так, по мнению Ж. Ле Гоффа, спад населения в Англии к 1400 г. составил порядка 70%, то есть с 7-ми млн. оно снизилось до 2-х млн. человек. Огромная смертность среди населения привела к усилению в обществе апокалиптических настроений. Видимым последствием этого

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

явилась популяризация в европейском обществе идеи Божьего гнева, а также снижение авторитета католической церкви. В результате стал наблюдаться рост протестных движений и насилия в обществе.

Последствия чумы осложнились тем, что она возобновлялась в равные промежутки времени примерно с равной силой. После знаменитой вспышки 1348–1349 гг., чума вспыхнула вновь в 1360–1362, 1366–1369, 1374–1375, 1400, 1407, 1414–1417, 1424, 1427, 1432–1435, 1438–1439, 1445, 1464 гг. и далее. Причем вторая вспышка очень сильно поразила детей. Кроме того, хроники одновременно отметили хождение нескольких опасных для людей эпидемических заболеваний: дифтерии, кори, свинки, скарлатины, тифа, оспы, гриппа и коклюша.

Существовавших медицинских знаний не хватало для эффективной борьбы с проявлением «*Черной смерти*». Однако, были выработаны некоторые точные и полезные рекомендации. В частности, запрещалось собираться для прощания у постели больного или во время похорон умершего. Так самой действенной мерой во время эпидемий, отмеченной Бокаччо во вступлении к «*Декамерону*», становилось бегство из густозаселенных городов в малонаселенную сельскую местность. Впрочем, данный способ был доступен далеко не всем. Поэтому в европейском обществе стало распространяться учение о гигиене. Власти стали проводить борьбу с роскошью, которая стала считаться одной из причин Божьего гнева и наказанием свыше. Произошло изменение в ритуалах поклонения христианским святым. Так, в частности, возросла роль нескольких святых, которые заняли важнейшее место в духовном мире всей Европы. Например, святой Себастьян, стрелы в теле которого стали считаться символом бедствий XIV века. В Западной и Южной Европе стали поклоняться святому Роху, ставшему еще при жизни известным, как защитник от чумы. Среди новых культурных форм можно отметить популярность следующих сюжетов: «*встреча*» троих живых и трех мертвецов, «*Memento mori*» («Помни о смерти»), «*триумф смерти*», «*пляска смерти*» – макабр [Ле Гофф Ж., 2007: 189].

В 1930-х – 1940-х гг. в западной научной среде, в области осмысления «Черной смерти», было признано целесообразным использовать для формирования научных выводов наработки в облас-

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

ти эпидемиологии чумы. Одними из первых ласточек подобного поворота стали исследования группы Ву Ли-тена и К. Мейера [Liente Wu, Chun J.W.H., Pollitzer R., Wu C.Y., 1936; Mayer K., 1942]. Рассматривая данную проблематику через призму медицинской экологии¹, последние пришли к выводу: 1) «*Черная смерть*» являлась легочной формой чумы, так как именно схожая по симптоматике опасная болезнь была описана в индийских и китайских источниках; 2) в ее возникновении важную роль сыграло взаимодействие окружающей среды и климата – *Yersinia pestis* – переносчиков чумы (крысы и блохи) – человека.

Идейным продолжателем этих изысканий стал Р. Поллитцер, опубликовавший в 1954 г. важнейшую для исследований чумы монографию «*Plague*» [Pollitzer R., 1954]. Фактически исследователь продолжил заложенную еще А. Хиршем и Л. Пастером традицию учитывания при возникновении эпидемий влияния биотического и антропогенного фактора биоценоза. Поэтому одной из своих главных задач исследователь поставил обнаружение первоочага «*Черной смерти*». В своем исследовании он исходил из наработок советских и китайских коллег, а также ссылался на упомянутые в работе английского историка Дж. Стюарта огромное количество несторианских надгробий, датированных 1338–1339 г., найденных в районе оз. Иссык-Куль еще в 1860–1870-х гг. отечественным археологом Д.А. Хвольсоном [Stewart J., 1928: 209]. В итоге, Р. Поллитцер определил «*родину*» «*Черной смерти*» как достаточно обширный район Центральной Азии: Русский и Китайский Туркестан, Внутренняя и Внешняя Монголия, предгорья Гималаев, расположенные на севере Индии, Курдистан, Северная и Центральная Африка. По его наблюдениям, именно в этих районах и располагаются практически все активные на сегодняшний день природные очаги

¹ Данное научное теоретическое направление, разработанное американским и французским микробиологом Рене Дюбо, рассматривало взаимосвязь окружающей среды с различными заболеваниями. По мнению сторонников данного направления, большую роль в этих процессах играли экологические факторы, нозологические формы заболеваний и генетические особенности человека.

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

чумы. Причем, сам исследователь не отрицал негативной роли в распространении эпидемии средневековой чумы как миграции носителей *Yersinia Pestis* степных грызунов, так и военных походов на Запад, совершенных в 1330–1340-х гг. татаро-монголами. В результате, начавшаяся в глубине Центральной Азии и Северной Африки эпидемия «*Черной смерти*» смогла очень быстро достичь Европы.

В своих оценках людских потерь от «*Черной смерти*» ученый исходил из цифры в 25 млн. человек, упомянутой еще в XIX в. немецким исследователем Ю.Ф.К. Геккером [Pollitzer R., 1954: 478]. Поэтому на момент публикации собственных исследований Р. Поллитцера, эти данные могли уже значительно устареть.

Однако, несмотря на этот прорыв в области теоретического осмысления «*Черной смерти*» в 1960-х гг. в западной историографии продолжало наблюдаться достаточно скептическое отношение к подобным исследованиям. В то же время под влиянием наработок представителями французской школы «*Анналов*», западные исследователи проявили интерес к теме восприятия «*Черной смерти*» различными социальными группами. Иначе говоря, центральной темой становится не сама болезнь, а эволюция представления о ней. В большей степени это можно объяснить практической выработкой собранного ранее источникового материала, и, как было сказано выше, действием негласного правила по запрету изучения тем, связанных с медицинскими и естественными науками. В этом плане, переход в начале 1960-х к психологическому и культурологическому аспекту в изучении средневековой эпидемий чумы выглядит достаточно естественным для западной историографии. Наиболее ярко это проявилось в творчестве французского философа П.-М. Фуко. В своем знаменитом исследовании «*История безумия в классическую эпоху*» он на обширном практическом материале впервые анализирует становление в Средние века европейских специальных институализированных медицинских учреждений и культурное восприятие массовых эпидемий [Фуко М., 1997]. П.-М. Фуко делает вывод, что в отношении «*Черной смерти*» нужно рассматривать не столько саму эпидемическую обстановку, сколько ее влияние на развитие общественных отношений, так как «*Черная смерть*» в итоге превратилась для властей в символ социального беспорядка, торжество анархии и

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

хаоса. Именно дальнейшая мобилизация ресурсов в постчумную эпоху и привела к ускоренному развитию общественных отношений [Фуко М., 1999: 288–289].

В конце 1960-х г. на фоне общего поворота в сторону марксизма в западной историографии получают популярность исследования последствий «*Черной смерти*», таких как: реорганизация сельского хозяйства и структуры экономики западноевропейских стран. Одним из первых, отметивших данные изменения, стал американский историк Д. Хэрлихе [Herlihy D., 1967; Herlihy D., 1968; Herlihy D., 1978; Herlihy D., Cohn S.K.Jr., 1997]. В своей работе он основывался на точке зрения своего учителя Р.С. Лопеса [Lopez R.S., Miskimin H.A., Udovitch A., 1970] и на данных, полученных из анализа средневековых записей по сборам налогов на имущество и флорентийского каталога 1427 г. В итоге, американский исследователь пришел к выводу о возрастании социального неравенства среди населения вследствие смерти основной массы представителей среднего класса. При этом было подчеркнуто включение административного фактора в процесс более справедливого распределения среди населения социальных благ [Herlihy D., 1978: 139]. При этом Д. Хэрлихе поставил под сомнение чрезмерно большую смертность населения от «*Черной смерти*». По его мнению, скорее всего медленное восстановление численности населения в Западной Европе было связано с масштабным голоданием в предущие годы и с общим снижением репродуктивной способности [Herlihy D., Cohn S.K.Jr., 1997: 2]. В то же время, как показали средневековые источники накануне начала Второй пандемии чумы фиксировался так называемый «*Мальтузианский кризис*» перенаселения². Поэтому в качестве краткосрочных последствий «*Черной смерти*» исследователь усматривал рост популярности определенных профессий, а в качестве долгосрочных им были названы – рост заработной платы у специалистов, инфляция и рост цен на продовольствие. В то же время наблюдалось снижение арендной

² Мальтузианский кризис или мальтузианская ловушка (англ. *Malthusian trap*) – типичная для доиндустриальных обществ периодически повторяющаяся ситуация, в результате которой рост населения в конечном счете обгоняет рост производства продуктов питания.

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

платы на землю, что в свою очередь привело к расширению пастбищ в ущерб возделанных полей [Herlihy D., Cohn S.K.Jr., 1997: 31–33].

1970-ые гг. ознаменовались для западной историографии «*Черной смерти*» периодом активного внедрения в исследовательскую практику наработок в области эпидемиологии чумы. Фактически это привело к господству географического детерменизма. Среди наиболее крупных исследований этого периода можно выделить работы французского исторического демографа Й.-Н. Бирабена и английского исследователя-теоретика У.Х. Макнилла [Biraben J.-N., 1976; McNeill W.H., 1976]. Следует отметить, что оба ученых склонялись к выделению географических аспектов в распространении «*Черной смерти*». С точки зрения анализа взглядов западных ученых на эпидемию средневековой чумы прошедшей по территории Золотой Орды и русских княжеств особый интерес представляет исследование Й.Н. Бирабена. Последний считал, что зародившаяся в глубинах Центральной Азии эпидемическая вспышка чумы достигла итальянской Мессины благодаря генуэзским галерам, прибывшим из района Черного моря, груженных восточным товаром осенью 1347 г. Данный факт, по мнению французского исследователя, напрямую способствовал нарушению, длившегося веками бактериологического покоя. В итоге, болезнь в конце 1347 г. смогла достичь в Италии области Реджо-ди-Калабрия, и возможно Геную. Таким образом, начав свое триумфальное шествие, чума за какие-то четыре-пять лет затронула весь европейский континент. К концу 1349 г. эпидемия поразила не только Италию, но и Испанию, Францию, Англию, южную Германию, Швейцарию и Австрию. В конце 1350 г. она отметилась в Шотландии, на побережья Северного и Балтийского морей. В 1352 г. – Польше и России.

Однако, это была всего лишь первая из регулярно повторявшихся волн. Так, в Италии чума отметилась в 1360–1363, 1371–1374, 1381–1384, 1388–1390 и 1398–1400 гг. В Испании хронология вспышек чумы практически совпадает с Италией. В остальной части Европы прослеживается схожая периодичность. На другом конце европейского континента – в России – в период с 1347 по 1534 г. было отмечено, повторявшихся в среднем каждые 11,1 года, 17 волн чумы. В период между 1536 и 1683 гг. таких волн было отмечено 11. После

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

чего ритм их немного замедлился. Теперь вспышки фиксировались каждые 13,4 года. До середины XV в. эпидемии чумы развивались с определенной периодичностью и протекали почти синхронно, как будто бы каждый раз брали начало из какого-то внешнего очага. Впоследствии чума становится эндемической и возникает в том или ином месте, когда тому благоприятствуют обстоятельства, и только тогда эпидемии начинают утрачивать свою синхронность.

Впрочем, по заключению Й.-Н. Бирабена, имели место быть случаи локальных вспышек. К ним можно отнести испанскую чуму в 1648–1652 и 1676–1685 гг., итальянскую чуму в 1630–1631 и 1652–1657 гг., французскую чуму в 1657–1670 гг., вспышку чумы на Британских островах в 1647–1648 и 1663–1670 гг., а также в районе Балтийского моря в 1669–1670 гг. Таким образом, к 1670 г. основная часть Европы оказалась свободной от чумы. В более поздний период в основном фиксировались вспышки чумы, завезенной с Ближнего Востока и Африки. В России чума из-за наличия прямых контактов с азиатскими природными очагами продержалась дольше остальных. Последней зафиксированной вспышкой становится «*чумной бунт*» в Москве 1770–1772 гг. Говоря об общем числе погибших в результате всех вспышек чумы во время «*Черной смерти*», исследователь склонялся к 50% убыли населения Западной Европы [Баччи М.Л., 2010: 107–110].

Теоретический аспект возникновения эпидемии «*Черной смерти*» рассмотрел в своей работе У.Х. Макнилл [McNeill W.H., 1976]. Он исходил из того, что эпидемии были вовсе не периферийным явлением всемирной истории, а, напротив, определяли ее течение как фактор, повлиявший на судьбы целых цивилизаций. Усвоив естественнонаучный взгляд на болезнь как на природный феномен, исследователь показал, что первопричина волн эпидемий, накатывавших на целые континенты, заключалась в том, что человеческие сообщества, жившие изолированно друг от друга, периодически вступали в контакт друг с другом. Те народы, у которых не было иммунитета, должны были понести наиболее жестокие потери от встречи с «*новыми заболеваниями*». Так было и в эпоху «*Великого переселения народов*», монгольского завоевания, установления трансатлантических контактов. Именно во время последнего пери-

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

да Западную Европу накрыла волна эпидемии сифилиса, а Америка подверглась опустошению из-за оспы.

Новаторским шагом У.Х. Макнилла стало использование при анализе исторического прошлого понятий, принятых в естественных науках. Наиболее ярко это проявилось в его оценках социальных процессов. В частности, эксплуатация социальными «макропаразитами» или элитой (бюрократии, духовенства или купечества) крестьянства и городских рабочих была сравнена с зарождением в человеческих сообществах новой инфекционной болезни или с «инвазией», обитающей внутри нее популяции микропаразитов. Таким образом, по мнению ученого, человеческая история дает многочисленные примеры появления «*новых заболеваний*», которые выступают как особые формы эколого-исторического опыта. В ходе его освоения разрушается баланс сосуществования больших и малых популяций и их паразитов. Такие болезни, как правило, оказываются «*новыми*» из-за того, что общество не обладает по отношению к ним биологической, культурной и институциональной памятью. Поэтому в сообществах людей к возникшим вызовам изначально нет окончательных ответов или правильной модели поведения. По заключению ученого, именно Всемирная история предоставляет возможность найти ответы на вызовы, которые могут возникнуть в будущем [Михель Д., 2008: 226].

Прямым результатом появления новых теоретических исследований в области эпидемиологии чумы явилось расширение в середине 1970-х годов исследовательского интереса к неохваченным ранее регионам мира. Одним из таковых стала Россия. Так, в 1974 г. американским историком Д.Т. Александером был опубликован первый в западной историографии обзор отечественных работ по теме эпидемии чумы [Alexander J.T., 1974]. Главным образом в статье анализировалась опубликованная сразу же после «*Московского чумного бунта 1771 г.*» работа Д.С. Самойловича, члена противочумной комиссии и заведующего всеми госпиталями во время эпидемии чумы 1770–1772 гг.

Средневековая эпидемия чумы на территории русских княжеств была подробно проанализирована в статьях другого американского исследователя Л.Н. Лангера [Langer L.N., 1975; Langer L.N., 1976].

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

Изначально признавая практически полное отсутствие в западной историографии наработок в области изучения «Черной смерти» на территории России, американский исследователь, исходил из точки зрения видного русского историка XIX в. С.М. Соловьева, перечислившего в своем труде, произошедшие на территории русских княжеств, наиболее крупные вспышки средневековой чумы. Однако, Л.Н. Лангер решил не ограничиваться представленной в труде русского дореволюционного историка информации о данном историческом факте. Соотнеся с приведенными в опубликованных исследованиях отечественных ученых В.Т. Пашуто и А. Кахана [Пашуто В.Т., 1964; Kahan A., 1968] хронологическими данными природных бедствий, исследователь пришел к выводу о необходимости начала проведения в западной историографии систематических исследований «Черной смерти» на территории России [Langer L.N., 1975: 53].

При реконструкции хронологии чумных вспышек на Руси Л.Н. Лангер активно использовал данные, полученные в результате анализа древнерусских летописных сводов. В частности, в тексте опубликованной в 1975 г. статьи, можно отметить ссылки на следующие источники: Новгородская первая летопись старшего и младшего извода, Летописцы последней четверти XVII в., Московский летописный свод конца XV в., Троицкая летопись, Псковская первая летопись, Никоновская летопись и Рогожский летописец. Все это свидетельствует о достаточно хорошей проработке американским специалистом русских летописных сводов. Таким образом, в статье 1975 г. наиболее ценной является представленная хронологическая таблица происходивших в период между 1124 и 1488 гг. на территории русских княжеств эпидемических вспышек и масштабных голодных лет [Langer L.N., 1975: 60–61].

Исходя из полученных данных, содержащихся в письменных источниках, Л.Н. Лангером в качестве чумных эпидемий XII – первой половины XIV в. были определены эпидемии в 1158, 1187, 1230, 1278, 1299, 1309, 1318 и 1341 гг. В отношении «Черной смерти» было признано китайско-центральноазиатское происхождение заболевания и ее значение в дальнейшем распространении на территории Золотой Орды. Как и в остальных исследованиях западных специалистов, посвященных данной проблематике, особо подчер-

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

квивался факт первого ознакомления западноевропейцев с неизвестным заболеванием сразу же после бомбардировки Каффы (генуэзской колонии в Крыму) осажденной войсками ордынского правителя Джанибека [Langer L.N., 1975: 55].

Как считает американский специалист, дальнейшее распространение эпидемии средневековой чумы на территории России происходило не с территории Золотой Орды, а из Западной Европы. Именно оттуда «*Черная смерть*» в 1349 г. впервые была отмечена в Полоцке. Основная волна пришла на Русь двумя годами позднее. Как и эмигрировавший в США русский историк Г.В. Вернадский, Л.Н. Лангер видел причину этого в том, что русская степь была малонаселенной и, следовательно, действовала как буферная зона между Золотой Ордой и Северо-Восточной Русью [Vernadsky G., 1953: 206].

Последующий ход событий вызывает у американского исследователя массу вопросов. Традиционно считается, что после Пскова и Новгорода «*Черная смерть*» отметилась в 1352–1353 гг. в Новгородской земле, Глухове, Белоозере, Смоленске, Киеве, Чернигове, Суздале, Москве и «*всей русской земле*». Автор не ставил под сомнение факт занесения болезни в Новгород, Псков и Полоцк из Германии. Однако, столь широкий размах она могла получить только вследствие прихода еще одной эпидемической волны с ордынских земель, расположенных в низовьях р. Днепр. Более того, заключает Л.Н. Лангер, в этом процессе возможно участие торговых путей, расположенных на территории Литвы, Крыма и Причерноморских степей [Langer L.N., 1975: 56].

Среди дальнейших вспышек средневековой чумы Л.Н. Лангером была выделена псковская чума 1360 г. По размаху и региону ее распространения данная вспышка была охарактеризована исследователем как локальная. Куда большей по размаху и по количеству погибших являлась вспышка 1364–1367 г. В дальнейшем «*Черная смерть*» отметилась: в 1374 г. по «*всей русской земле*» и Золотой Орде, 1376 г. в Киеве, 1386 г. в Смоленске, 1389 г. в Пскове, 1401 г. в Смоленске, 1403 и 1406–1407 г. в Пскове, 1408 г. в Москве и городах Великого княжества Московского, 1414 г. вновь «*вся русская земля*», 1417 г. в Новгороде и Пскове, 1419–1420 г. в Киеве, Новгороде, Пскове, Торжке, Костроме, Ярославле, Юрьеве Поль-

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

ском, Владимире, Суздале, Переяславле, Галиче, Плесе и Ростове, 1423–1427 г. и 1448 г. снова «*вся русская земля*». Причем, по замечанию исследователя, произошедшие в 1420-х г. вспышки эпидемии чумы совпали с разразившимся масштабным голодом. Поэтому их последствия были куда масштабнее, чем это казалось на первый взгляд [Langer L.N., 1975: 57]. Сравнивая данные по русским эпидемиям чумы с западноевропейскими данными, Л.Н. Лангеру удалось хронологически определить годы наиболее крупных вспышек чумы второй половины XIV – первой половины XV вв. (1352–1353, 1364–1366, 1374, 1408, 1414, 1417, 1419–1420, 1423–1427 и 1448 гг.), годы развития чумы на фоне масштабного голода (1364–1366, 1374, 1409, 1421–1423 гг.) и годы «*большого голода*» (1361–1362, 1436, 1438, 1442–1445, 1468 и 1485 гг.) [Langer L.N., 1975: 61].

Если не считать междоусобные войны русских князей и набеги татар главными причинами массового сокращения населения на Руси, то эпидемии чумы и голод признавались исследователями основными причинами этого явления. В своем исследовании, Л.Н. Лангер исходил из примерного числа жителей русских земель, упомянутого советскими исследователями. По их мнению, накануне «*Черной смерти*» население этих земель составляло цифру в районе 6 млн. 700 тыс. человек. Отталкиваясь от этого значения, американский историк, пришел к выводу, что по сравнению с Западной Европой, депопуляция населения русских земель была относительно небольшой. Стоит отметить, что из-за перманентных повторных вспышек второй половины XIV – XV вв. убыль населения в русских княжествах достигла примерно 25% – самое минимальное значение в Европе. Стабильный прирост населения на 1% в год стал возможен только после внедрения в сельском хозяйстве Великого княжества Московского технологии трехполья, в период между 1460–1500 гг. [Langer L.N., 1975: 62]. Но, не смотря на это, в городах ощущалась нехватка квалифицированных ремесленников. Главным образом это коснулось области строительства. Поэтому даже в богатых городах, по мнению Л.Н. Лангера, было распространено рабство или насильственное удержание специалистов. В тоже время, скорее всего, наблюдался рост заработной платы. Однако, отсутствие письменных источников не позволило исследователю точно на-

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

звать процент ее повышения. Причем, проблема обострялась тем, что монастыри старались за счет предоставления налоговых льгот решить свои проблемы с нехваткой ремесленников [Langer L.N., 1975: 64]. Причем налоговые каникулы коснулись не только вышеуказанного сословия, но и крестьян, обитавших на территориях пострадавших от эпидемии чумы. Церковь, обозначив свое присутствие в большинстве крупных русских городов богатыми монастырскими подворьями, смогла установить непосредственный контакт между подчиненными ей крестьянами и городским рынком. В конечном итоге, резюмирует американский исследователь, это позволило монастырям стать для окрестных земель основными драйверами развития экономики и городов русских земель. Фактически нужно говорить, что в развитии русской городской культуры именно эти церковные структуры стали играть ту же роль, что для западноевропейских городов ремесленные цеха и купеческие гильдии [Langer L.N., 1975: 66–67].

В опубликованной в следующем году статье, Л.Н. Лангер акцентировал внимание на экономических и социальных последствиях «Черной смерти» для русских земель [Langer L.N., 1976]. По замечанию самого исследователя, одной из главных сложностей в раскрытии данной темы, считается небольшой корпус нарративных источников. Зачастую, необходимую информацию по экономической и социальной стороне жизни средневекового русского общества можно получить лишь при помощи анализа литературных произведений, а также данных, полученных в ходе археологических раскопок. Однако, даже они зачастую будут носить фрагментарный характер.

Поэтому, по заключению исследователя, большую помощь в осмыслении «Черной смерти» могут оказать данные, полученные в ходе эпидемиологических исследований чумной бактерии *Yersinia pestis*. Последние показали, что под «Черной смертью» необходимо понимать параллельную вспышку бубонной, септической и легочной чумы. При этом фиксировались вспышки нескольких эпидемических заболеваний: дифтерии, оспы, голодной лихорадки. Ссылаясь на совместную статью Й.-Н. Бирабена и Ж. Ле Гоффа [Biraben J.-N., Le Goff J., 1969], Л.Н. Лангер отметил, что для начала любой эпидемии чумы важную роль играют наличие двух факторов:

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

1) благоприятные природно-климатические условия, 2) наличие на определенной территории природных эпидемических очагов. Именно совпадение этих двух факторов и привело к началу «*Черной смерти*». Географический район, который был локализован в качестве возможного первоочага начала эпидемии средневековой чумы, по мнению американского историка, располагался на обширной территории, охватившей несколько районов: волжско-донское междуречье, Нижнее Поволжье и дельта реки Волги. При этом отягощающимися факторами были названы климатическое похолодание и миграция диких степных грызунов (сусликов) [Langer L.N., 1976: 354]. Именно на степные районы Северо-Восточной Руси, как о возможном регионе возникновения данного бедствия, указывают произведения русского фольклора. Исходя из того, что средневековая чума на Руси являлась неотъемлемой частью «*Черной смерти*», американский специалист выступил за продолжение систематического исследование данной темы. Вследствии того, что русские летописные своды зачастую противоречат друг другу, а полученная информация достаточно неточна, исследователь заключил, что важную роль в реконструкции событий будет нести анализ монастырских грамот.

Данная группа письменных источников позволяет понять крайне специфическое русское явление эпохи «*Черной смерти*»: выморочные земли и их последующее скапливание монастырями. Собственно, появление подобного рода земель Л.Н. Лангер связывал именно с эпидемиями и масштабным голодом, а не с татарскими набегами. Хотя сами вылазки золотоордынцев воспринимались крайне негативно местными жителями, но они не наносили сколь-нибудь существенного вреда развитию сельского хозяйства русских княжеств. Примером тому является нашествие Батыея в 1237–1238 гг. и поход Токтамыша на Москву в 1382 г. И в том, и в другом случае летописи не фиксировали наступления голода. В то же время, к его возникновению могли привести поход Идегея на Москву 1408/09 гг., вторжение Улуг-Мухаммеда, а также татарское нашествие на Литву в 1438 г. [Langer L.N., 1976: 358–359]. Однако, в целом, заключил исследователь, не существует корреляции между этими двумя факторами. В то же время, комбинация «голод – легочная форма чумы» привела к значительному сокращению населе-

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

ния. По его подсчетам, оно составило от 25 до 50% от дочумных величин [Langer L.N., 1976: 353].

Другим последствием «*Черной смерти*» для русских земель, по мнению американского историка, стало увеличения численности служилого дворянства. Причем, если для Западной Европы результатом явилось ослабление аристократии и усиление буржуазии, то в Москве сразу же после «*Черной смерти*» стало наблюдаться усиление московских боярских родов, а также, при непосредственной поддержке последней, последующее оформление абсолютной власти Великого князя Московского [Langer L.N., 1976; 352].

Еще одним регионом, оказавшимся в центре внимания западных исследователей, стал Ближний Восток. В конце 1970-х г. в свет вышла монография одного из крупнейших английских ориенталистов М.В. Долса [Dols M.W., 1977]. В ней автор, на основе анализа средневековых источников на арабском языке, реконструировал восприятие данного события в мусульманском обществе, что автоматически сделало данное исследование одним из новаторских в современной западной историографии. Используя в своей работе последние достижения в области биологии чумы и работы отечественных эпидемиологов (Н.В. Федорова, Ю.М. Ралль), изучавших природные очаги заболевания, а также исследования Р. Поллитцера, ученый, пришел к выводу, что прародиной «*Черной смерти*» нужно считать районы обитания диких грызунов байбаков (сусликов). В данном случае он указывал на Забайкалье, Монголию, Маньчжурию и территорию советских среднеазиатских республик. Для обоснования своей точки зрения он, в качестве примера, привел сюжет, взятый из культуры местных народов. Так, согласно бурятским и монгольским легендам, именно байбаки являлись носителями таинственной болезни. О последней, заключил исследователь, сообщают древнетибетские священные книги. На юго-востоке России, Иранском Курдистане и в Каспийском регионе носителями чумы могли выступать песчанки, наиболее распространенного вида грызунов в этом регионе [Dols M.W., 1977: 71].

Впрочем, передача чумы от животных к человеку зачастую не являлась прямым следствием изменения миграционных потоков местных представителей фауны. В большей степени необходимо гово-

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

речь о роли изменения их численности в районах природных очагов заболевания. Поэтому, по мнению М.В. Долса, для начала эпидемии крайне необходима вспышка заболевания среди ее носителей (эпизоотия). Как следовало из исследований советских ученых – дальнейшее распространение чумы во многом зависело от выживаемости зараженной блохи. Последняя, в благоприятных условиях, могла прожить до 50 дней без пищи, в одежде и товарах, в зерне, что в условиях развития трансконтинентальной торговли делало чумную блоху одним из самых опасных существ на земле. В то же время, по заключению британского специалиста, данные выводы были сделаны без учета изменений в окружающей среде. В то время как многие летописцы отметили накануне начала «Черной смерти» многочисленные климатические изменения [Dols M.W., 1977: 72].

На сегодняшний день известно несколько видов чумы, различающихся не только способами передачи, но и основной клиникой протекания заболевания. Хорошо описанное в средневековых источниках появление бубонов на теле больного, набухание желез и лимфатических узлов, судороги, повышение температуры, рвоты, головной боли, головокружения, бессонницы и апатии больше всего соответствует бубонной форме чумы. В то же время, приведенные описания заболевших во время «Черной смерти» (дрожь с затрудненным и торопливым дыханием, кашель и крово-отхаркивание), скорость заражения и протекания болезни менее 3-х дней, а также количество погибших свидетельствуют скорее о легочной форме данной эпидемии³.

При этом, М.В. Долс предположил, что во время «Черной смерти» могла наблюдаться септическая чума, вызываемая укусом человеческой блохи (*Puplex irritans*). Протекание данной формы заболевания могло носить крайне острый характер. Буквально через несколько часов после резкого повышения температуры мог наступить летальный исход. Причем, данная форма эпидемического за-

³ Главной причиной приводящей к бубонной форме эпидемии является укус больной блохи. При легочной форме – попадание болезнетворных бактерий в организм человека посредством вдыхания.

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

болевания могла развиться на фоне уже существующих (бубонной и легочной).

Английский ориенталист отметил, что чума являлась постоянным спутником в истории человека. Чего стоит фиксация арабскими средневековыми врачами других форм заболевания (целлюлокальной, карбункулярной, тонзиллярной, спиральной и везикулярной). Однако, по мнению исследователя, для того чтобы эпидемия чумы переросла в пандемию, крайне необходимо, чтобы произошло совпадение нескольких факторов: численный рост населения, климатические и экологические изменения [Dols M.W., 1977: 73].

Одним из главных факторов в начале и дальнейшем распространении «*Черной смерти*», по мнению М.В. Долса, стало северное ответвление Великого шелкового пути, созданное военной силой Чингисхана в начале XIII в. Возникновение данного ответвления позволило соединить в единую транспортную и торговую систему обширный регион от Китая до Черного моря. В XIV в. основными торговыми центрами этой транспортной системы стали итальянские колонии в Крыму, нижневолжские ордынские города: Отрар, Талас и Баласагун (расположенный на западе от оз. Иссык-Куль). Причем, одно ответвление от кыргызского озера шло по рекам Черный Иртыш и Урунгра, далее продолжалось по горному хребту Тянь-Шань, Каракорум и Пекин. Другое же ответвление включало Алмалык, р. Верхний Или, Бешбалы (нынешний Джимса), Хама, Кансу и далее уходило в Китай. На западной оконечности данного трансконтинентального торгового тракта также имелось два ответвления. Оба торговых тракта, начинавшиеся в районе Отрара (Трансоксания), выходили потом в районе нижневолжских городов. Если первое шло далее на север к Каспийскому морю, то второе пролегало через Хорасан, южный берег Каспийского моря далее в Тебриз, Дербент, Сарай и в итальянские колонии, расположенные на берегу Черного моря. Скорее всего, по мнению М.В. Долса, именно южное ответвление стало тем путем, откуда шло дальнейшее распространение на Запад пандемии «*Черной смерти*» [Dols M.W., 1977: 48]. Причем большую роль в ее распространении сыграло безбарьерное и безопасное пространство по транспортировке товаров, созданное

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

военной силой монголов⁴. Именно об этом свидетельствуют многочисленные записи западноевропейских купцов и миссионеров. Среди последних исследователь выделял Плано Карпини, Вильгельма Рубрука, Никколо и Матео Поло, Джованни да Мариньолли и Пеголотти. Одной из главных причин в прекращении функционирования этого пространства ученый указал на военные походы Тамерлана [Dols M.W., 1977: 49].

Отвечая на вопрос о значении среднеазиатских сухопутных путей в распространении «*Черной смерти*», М.В. Долс указал лишь на существование единственного достоверного упоминания о данном заболевании в магическом трактате, написанном в Кашгаре (Шуфу) в XVI в. В данном случае наиболее значимыми свидетельствами выступили три несторианских надгробных плиты, датированные 1338–1339 гг., найденные русским археологом Д.А. Хвольсоном в районе озера Иссык-Куль. По замечанию самого английского ориенталиста, приведенные на них даты, в целом, соотносятся с полученной из арабских источников информацией о дальнейшем распространении эпидемии, начавшейся в 732 г. (1331/32 г.) в Монголии⁵. По всей видимости, заболевание могло начать свое успешное продвижение на Запад из монгольских степей, как с торговыми караванами, так и с переселением местных племен [Dols M.W., 1977: 50].

Самый большой удар «*Черная смерть*», по заключению М.В. Долса, нанесла по территории Золотой Орды. Именно на ее территории заканчивались два ответвления северного рукава Великого шелкового пути. В центре данного государства располагался город Великий Сарай, основанный в 1253 г. Он представлял собой важнейший центр международной торговли, культурный и образовательный центр мусульманского Востока. Причем, по замечанию самого ученого, становление Улуса Джучи в целом, и ее столицы в

⁴ Сам М.В. Долс склонялся, вслед за отечественным исследователем В.Н. Федоровым, что одними из переносчиков чумы могли выступать верблюды. См.: Fedorov V.N., 1960.

⁵ В самом исследовании ученый приводил, как арабскую датировку событий, так и принятую в современной историографии христианскую датировку.

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

частности, происходило в одно и то же время, что и возвышение Мамлюкского султаната в Египте. Связанные трансконтинентальными торговыми дорогами Сарай, Астрахань и другие расположенные на Нижней Волге крупные золотоордынские города «*Черная смерть*» поразила в 745–746 г. / 1345–1346 гг. Оттуда, согласно Джалаириду и армянским летописцам, ее шествие продолжилось далее на Южном Кавказе, Азербайджане и Великой Армении. О пришествии эпидемии средневековой чумы из земель Золотой Орды также свидетельствовали византийские хронисты Никифор Григора и Иоанн IV Кантакузин. Основной акцент в записях Ибн ал-Варди и Габриэле де Мусси был сделан на произошедшую в 1346–1347 гг. бомбардировку трупами умерших от чумы города Каффы, генуэзской колонии в Крыму, осажденной войсками хана Джанибека [Dols M.W., 1977: 51].

В целом, если оценивать вклад монографии М.В. Долса в осмысление темы «*Черной смерти на территории Улуса Джучи и в близлежащих регионах*», следует подчеркнуть использование автором источников Мамлюкского Египта, близкого в культурном и этническом плане к средневековому татарскому государству. При этом некоторые выводы, сделанные ученым, для ближневосточных стран относительно последствий данного исторического явления в области политической, социальной, культурной и последующей демографической картины, можно, с некоторыми оговорками, использовать для осмысления схожих процессов, происходивших в Золотой Орде. Одной из самых устоявшихся в западной науке точек зрения М.В. Долса является примерная оценка убыли населения в результате разразившейся эпидемии: от 1/4 до 1/3 тогдашнего населения, то есть между 4,2 и 8 млн. человек [Dols M.W., 1977: 218].

Следует отметить, что данное исследование британского ориенталиста дало толчок для западной историографии к осмыслению «*Черной смерти*» на Ближнем Востоке и в Османской империи [Schamiloglu U., 2004; Pamuk Ş., Shatzmiller M., 2014; Varlik N., 2015a]. Одним из крупных исследований, написанных под влиянием взглядов М.В. Долса, следует признать опубликованную в 1980 г. монографию американского руссиста Д.Т. Александра [Alexander J.T., 1980]. Хотя в ней нет прямых ссылок на работу британско-

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

го ориенталиста, но без учета выводов, сделанных М.В. Долсом, трудно представить и данную монографию. Особенно это заметно в части, касающейся описания форм и методов борьбы с данным эпидемическим заболеванием. Безусловным достоинством исследования американского специалиста явился критический анализ летописных текстов, произведенный в зарубежной историографии впервые. Продолжая высказанную Л.Н. Лангером мысль о том, что вспышки эпидемии чумы происходили на Руси еще до эпохи «*Черной смерти*», исследователь, на основе анализа текстов русских летописных сводов, смог выделить несколько понятий, обозначающих чуму. Главным образом речь шла о часто встречаемом слове «*мор*». По мнению американского историка, оно имело древнеславянское происхождение и могло обозначать любую массовую эпидемию среди людей. В более поздний период в русском летописании получают популярность понятия, которые конкретно обозначали чумную заразу – «*моровое поветрие*», «*ветренная нечисть*». Иногда летописцы могли использовать более укороченную форму («*прилипчивая зараза*», «*язва*»).

Впрочем, заключает Д.Т. Александер, единой формы для обозначения данного заболевания на Руси не существовало. Зачастую использование того или иного слова для обозначения эпидемии могло зависеть не только от сложившихся в том или ином русском княжестве письменных традиций, но и исходя из институциональных и культурологических особенностей регионального формирования терминологического аппарата. При этом определенную сложность вызывает идентификация эпидемии чумы во временном промежутке и в ее местоположении. Зачастую простая фиксация данного вида исторического события зависела от простого волеизъявления местных властей. Поэтому сделать определенные выводы можно только после соотнесения всех летописных списков. Ярким примером может служить эпидемия кори, которая в Средние века уносила куда больше жизней, чем сейчас [Alexander J.T., 1980: 13].

Основываясь на исследованиях советских исследователей, Д.Т. Александер пришел к выводу, что в период с 1060 по 1760 гг. на территории Руси / России было зафиксировано примерно 60 крупных эпидемий. Из них только 27 он идентифицировал, как эпи-

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

демии чумы. При этом некоторые эпидемии, не вошедшие в этот перечень, могли являться повторными вспышками данного заболевания. В то же время, заключает исследователь, при окончательном определении того или иного эпидемического заболевания, а также при подсчете погибших от эпидемий необходимо учитывать убыль населения в результате природно-климатических катаклизмов, голода и миграций. Зачастую в русских летописях присутствуют явно завышенные оценки смертности населения. Более или менее точную информацию, считает исследователь, предоставляют статистические данные времен Петра I.

Одной из первых, зафиксированных в русских летописях, стала эпидемия, вспыхнувшая в 979 г. в Киевском княжестве. По мнению Д.Т. Александера, главными факторами способствовавшими ее началу, стало развитие торговых путей с евразийскими степями и рост новых русских городов и деревень. Поэтому нет сомнения, что местные неокрепшие восточнославянские княжества породили местные локальные формы эпидемий, охватившие не такое большое число жителей. Впрочем, о какой-то системной работе русских летописцев, по учету данных по бедствиям, говорить не приходится. Лишь начиная с 1060 г. в русских летописях начинают появляться систематические записи о произошедших эпидемиях и эпизоотиях.

Более подробная информация об эпидемиях в русских княжествах начинает появляться в летописных сводах только в XIII в. Наиболее крупная из них, унесшая порядка 32 тыс. человек, была зафиксирована в 1229–1230 гг. в Новгороде и Смоленске. Вторая по мощности эпидемия в XIII в. произошла в 1237–1240 гг. в Пскове, Новгороде и Минске. Причем, по мнению исследователя, не вполне понятно насколько мощно данная эпидемия затронула эти территории. Она могла, как ограничиться городом и его округой, так и распространиться по всей территории княжества [Alexander J.T., 1980: 13].

Соглашаясь с позицией советских исследователей, Д.Т. Александер считал, что последовавшее в конце 1230-х гг. нашествие монголо-татар не предотвратило угрозу возникновения эпидемий в русских княжествах. Наоборот, за счет непосредственного усиления контактов со странами Востока, значительно увеличилась сама возможность возникновения эпидемий в русских землях.

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

До начала «*Черной смерти*», произошедшей во второй половине XIV в., наиболее крупные эпидемии были отмечены: в 1265 г. в Пскове и Псковском княжестве, 1278–1279 г. в Северо-Восточной Руси, в 1282 г. в Суздале, 1283–1284 г. в Юго-Западной Руси, в 1286 г. в Центральной Руси, в 1299 г. в Пскове. В первой половине XIV в. крупные эпидемии прокатились: в 1309, 1318, 1341, 1344 и 1349–1350 гг. Впрочем, не все данные эпидемии можно отнести к чумным. Так, например, эпидемия 1229–1230 гг. скорее всего, являлась эпидемией брюшного тифа, а эпидемия 1286 г. скорее относилась к дизентерии. В тоже время, заключает исследователь, анализ данных вспышек показал три основных направления попадания чумы на территорию русских княжеств. Первое – западное направление (Полоцк, Псков, Новгород, Смоленск). Второе – юго-западное, через понтийские (черноморские) степи. Третье – восточное, через Кавказ и Центральную Азию, вверх по реке Волга [Alexander J.T., 1980: 13].

По заключению ученого, одним из важнейших источников в понимании движения «*Черной смерти*» являются тексты русских летописей. В них можно обнаружить информацию, касаемую «*проникновения*» из Китая и Индии в 1346 г. данного заболевания в Крым, и последующего «*победного шествия*» в Западной Европе и в средиземноморском регионе. Однако, если исходить из текстов данной группы нарративных источников, то эпидемия, пришедшая в 1351–1352 г. с берегов Балтийского моря в Новгород и Псков, стала только первой волной начавшейся пандемии средневековой чумы. Большую роль в ее распространении сыграла существующая на тот момент времени система торговых путей. Вторая волна, достигла русских городов в 1364–1365 гг., пройдя вверх по Волге из оазисных центров степной торговли. Правда, по мнению Д.Т. Александера, до сих пор в науке остро стоит один из главных вопросов, затрагивающих основные теоретические причины распространения «*Черной смерти*» в русских землях. Суть вопроса заключается в том, что во время первой волны в 1351–1352 г. эпидемия не пошла из ордынских земель далее на север, а проникла чуть позднее с территории Балтийского моря. Скорее всего, по заключению ученого, имело место быть соприкосновение среднеазиатской формы чумы, пришедшей с восточными товарами, с местными локальными ее формами. Вполне оче-

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

видно, что зародившаяся в глубокой древности в природных очагах (в понтийских степях, Кавказе и на Севере Ирана), «*Черная смерть*» могла посредством развития караванной торговли попасть в XIII–XIV вв. с территории *Pax Mongolica* в расположенные на севере русские княжества. Полученный на севере Ирана во второй половине XX в. штамм чумы в целом подтвердил предположение Д.Т. Александра о североперсидском происхождении «*Черной смерти*».

Автор исследования признавал хождение по Руси двух форм заболевания: бубонной и легочной. Этим-то и объяснялся столь высокий уровень смертности среди не только городского, но и сельского населения. При этом явно проявились некоторые специфические для средневекового русского общества социальные последствия. Одним из главных стало снижение численности старого боярства и, как следствие, рост на северо-востоке Руси абсолютизма. Другими последствиями были признаны: падение авторитета Новгорода; усиление позиции Русской православной церкви в обществе Великого княжества Московского; а также более активная колонизация ранее незаселенных земель Северо-Восточной Руси, произошедшая вследствие массового бегства населения из городов. В отличие от средневековой Западной Европы, где еврейские погромы стали своеобразной общественной реакцией на происходившие катаклизмы, в русских княжествах аналогичная реакция проявилась в отношениях с татарами. Впрочем, общей реакцией, как для западноевропейского, так и для средневекового русского общества явилась охота на колдунов и ведьм. Так, в Пскове в конце XIV в. на костре были сожжены одиннадцать «*женщин предсказателей*». Подобная ситуация повторилась в 1411 г.

В последующие периоды эпидемии чумы хотя и встречались, однако они не носили столь масштабный характер, как первые две волны чумы. Вплоть до начала XIX в. на территории Российского государства не реже чем раз в десятилетие фиксировалась крупная эпидемия чумы. Свидетельством тому, по мнению Д.Т. Александра, является присутствие в названиях населенных пунктов Северной Руси корня «язва» (Язцово, Язвище). Если в целом анализировать все последующие после «*Черной смерти*» вспышки чумы, то можно говорить о долгосрочном воздействии данного историческо-

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

го факта. Однако, только вспышки второй половины XIV–XV вв. являлись непосредственными продолжениями знаменитой первой волны Второй пандемии чумы [Alexander J.T., 1980: 14].

Псковская вспышка 1360 г., хотя и являлась «*Черной смертью*», но, скорее всего, имела локальный характер. Более интересной с исследовательской точки зрения представляется вторая волна эпидемии средневековой чумы. Начавшаяся в 1364–1365 гг. на юго-востоке, пройдя через Нижний Новгород, она достигла Москвы. Здесь она повторно отмечается в 1366 г. Причем охваченной оказалась и Литва. Скорее всего, из-за «*прицепных*» эпидемий она продолжалась вплоть до 1369–137 гг.

В 1374–1377 гг. вспышки чумы были зафиксированы в Золотой Орде, Тверском княжестве, Киеве и Смоленске. Следующая вспышка данного эпидемического заболевания отметилась в Пскове, Новгороде и Смоленске в 1387–1390 гг. Последняя из вспышек XIV в. разразилась в 1396 г. в шедшем на город войске Аксак Тимура, которая смогла несколько снизить татарскую угрозу для Москвы.

В целом XV век Д.Т. Александер характеризовал уменьшением масштабности вспышек эпидемий чумы и их частоты. Так крупные из них были отмечены в Смоленске (1401 г.), Пскове (1403–1404 гг.) и по всей Руси (1408 г.). В период между 1417 и 1428 гг. они непрерывно продолжались. Причем летописцы при описании этих эпидемий старались использовать термины, которые использовались ими ранее при передаче информации о бубонной и легочной форме данного заболевания. То же относилось к указанию общего числа погибших в результате данной эпидемии. При этом автор исследования считал, что из-за того, что в это время на Руси были отмечены масштабные голоды, вызванные чрезвычайными холодными зимами, и систематически чередовавшиеся другие заболевания, близкие по симптоматике к бубонной чуме (тиф и голодная лихорадка) численные данные, приведенные в летописных сводах, могли соответствовать действительности. Причем, наиболее широкое хождение на территории Руси в этот период получил эрготизм, отравление, возникшее как следствие недоедания зимой и ранней весной, или интоксикация микотоксинами животных и людей после употребления в пищу неправильно хранившихся злаковых. Именно по-

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

добный случай был отмечен в Новгороде в 1420–1421 гг. Собственно масштабный голод был зафиксирован здесь и на следующий год.

После длительного затишья эпидемия чумы была зафиксирована в Пскове в 1442–1443 г., Новгороде в 1465–1467 гг. и снова в Пскове в 1487–1488 гг. Скорее всего это были вспышки бубонной чумы. Через полтора столетия после своего начала ослабевающая «*Черная смерть*» превратилась в важный военно-политический фактор во взаимоотношениях между русскими княжествами и распадающейся Золотой Ордой. Так, например, по заключению Д.Т. Александера, именно чума «*помогла*» Москве завоевать Новгород в 1478 г., а чуть позднее вытеснить татарские государства – наследники Золотой Орды – с политического пространства Евразии, и превратить Россию в Евразийскую империю [Alexander J.T., 1980: 15–16].

§ 3. Современное состояние западной историографии «*Черной смерти*»

В 1980–2000-х гг. в западной историографии «*Черной смерти*» стал наблюдаться рост критики устоявшихся ранее догм. Первое, что было поставлено под сомнение западными исследователями, – определение самого заболевания. Так, Грэхем Твиг в опубликованном в 1984 г. исследовании подставил под сомнение общепринятую точку зрения, что вспышка средневековой чумы являлась легочной формой чумы [Twigs Gr., 1984]. Свое мнение он обосновал тем, что климат и экосистемы Западной Европы, особенно Англии, исключали возможность самого распространения заболевания посредством крыс и блох. Поэтому, заключил он, скорее всего это была даже не бубонная чума (*Yersinia pestis*), а возникшая в более жестких условиях легочная форма сибирской язвы (*Bacillus anthracis*).

В области исторических исследований по теме «*Черной смерти*» можно выделить работы К. Бергдольта [Bergdolt K., 1989; Bergdolt K., 2000]. В них ученый высказал традиционную оценку западных специалистов на данное историческое событие. Используя средневековые источники, немецкий профессор попытался реконструировать культурную составляющую эпохи «*Черной смерти*» в

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

разных европейских регионах. Однако, он ограничился лишь первой волной Второй пандемии чумы (1346–1352).

Более основательно к осмыслению «*Черной смерти*» подошел американский тюрколог Ю. Шамильоглу. Основной акцент он сделал на анализе данного исторического факта в Золотой Орде. В опубликованной в 1993 г. статье он отталкивался от точек зрения на Вторую пандемию чумы У.Х. Макнилла и Д.Т. Александера [Schamiloglu U., 1993]. Впрочем, не последнюю роль в формировании его оценки событий сыграли исследования казанского историка М.А. Усманова, посвященные письменным источникам Золотой Орды, а также Д.Г. Мухаметшина, исследовавшего средневековые татарские надгробия [Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С., 1987; Усманов М.А., 1972; Усманов М.А., 1979].

Исходя из данных, полученных в ходе анализа русских летописных текстов и мусульманских надгробий, найденных от Булгара и до Средней Азии, Ю. Шамильоглу пришел к выводу, что эпидемия в Крыму вспыхнула через 7–8 лет после чумы, произошедшей в районе озера Иссык-куль. Западноевропейцы впервые смогли познакомиться с этим заболеванием во время осады Каффы (генуэзской колонии в Крыму) войсками хана Джанибека. Впрочем, сам исследователь старается придерживаться традиционной для западной историографии точки зрения на крымскую вспышку. Согласно последней массовой смертность среди населения Каффы возникла не в результате активности близлежащих природных очагов чумы, а вследствие первого в истории применения бактериологического оружия. Впрочем, дальнейшее победное шествие «*Черной смерти*» на территории Золотой Орды и русских княжеств в 1364–1367, 1374–1377 и 1396 г. происходило, как правило, с территории татарского средневекового государства, что фактически привело к необратимым процессам на пространствах Великой Русской равнины. Среди наиболее заметных, можно выделить: масштабную смену этнического состава населения Улуса Джучи, его политическую децентрализацию, культурный и технологический регресс, а также полное исчезновение из обихода волжско-булгарского языка.

Наиболее значимые теоретические статьи Ю. Шамильоглу по теме «*Черной смерти на территории Улуса Джучи*» хоть и были

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

написаны в 1990-ые г., но их публикация произошла только в середине 2010-х гг. В них исследователь попытался подробно рассмотреть причины возникновения «*Черной смерти*». Одним из важных факторов, приведших к возникновению «*Черной смерти*», по мнению американского тюрколога, стало похолодание климата в 1280–1400 гг., проявившееся в форме изменения количества выпадения осадков и изменение уровня Каспийского моря, [Шамильоглу Ю., 2016а]. Первыми звонками грядущей эпидемической катастрофы в Золотой Орде явилось усиление голода в перенаселенных ордынских городах и последовавшая за этим масштабная депопуляция населения. Возникшая на фоне этого политическая анархия сказалась не только на деятельности политических институтов, но и на экономическом, культурном и социальном уровне средневекового татарского государства. Однако, главными последствиями для Улуса Джучи, по мнению исследователя, стали усиление миграции, углубление исламизации и кипчакизация татарского населения. В этом Ю. Шамильоглу в целом повторил выводы американского историка Д. Херлихе. Переосмыслив их и сопоставив с реалиями Улуса Джуса, американский исследователь указал на то, что к моменту возникновения в середине XV в. татарских государств-наследников Золотой Орды местное тюркское население серьезно притерпело изменение в этническом, культурном и политическом плане, что отразилось на всей структуре управления татарских ханств [Шамильоглу Ю., 2016б].

В своих оценках смертности населения Золотой Орды Ю. Шамильоглу склоняется к оценкам У.Х. Макнилла и М.В. Долса, то есть ее величина могла достигнуть от одной трети до одной четвертой дочумных величин [Шамильоглу Ю., 2016б: 680]. Впрочем, отсутствие письменных источников помешало американскому исследователю говорить, как о конкретных числах погибших, так и о произошедших в политической сфере изменениях. Однако, зная о специфике политического устройства средневекового татарского государства, ему удалось обоснованно доказать нарастание политического противостояния с последующим распадом западной части Улуса Джучи, возвышение восточных улусов и управлявших здесь татарских кланов. И все же, одним из главных научных открытий Ю. Шамильоглу следует признать его относительно влияния фактора «*Черной смер-*

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

ти» в возвышении Москвы и ее последующее доминирование в XV–XVI вв. над остальными татарскими государствами – наследниками Золотой Орды [Шамильоглу Ю., 2016b: 682].

В конце 1990-х гг. было опубликовано крупнейшее теоретическое исследование последних лет в области «*Черной смерти*» – работа итальянского профессора М.Л. Баччи [Васси М.Л., 1998]. Один из главных тезисов, высказанных исследователем, заключался в том, что возникновение и дальнейшее распространение эпидемии чумы напрямую зависело от уровня роста популяции основных переносчиков, так называемых синантропических видов живых организмов. Именно когда достигалась критическая масса последних, и происходил переход от единичных случаев проявления чумы к масштабной эпидемии. Во время этого временного промежутка, возбудитель болезни (блоха) начинал активно заниматься поиском и приспособлением через укусы к новому хозяину. После чего у жертвы начинали наблюдаться следующие симптомы: болезненное распухание лимфатических желез («*бубонов*»), высокая температура, воспаление внутренних органов и кома. Уровень смертности у заболевших бубонной формой мог колебаться между двумя третями и четырьмя пятими. В отсутствии должного лечения может возникнуть легочная форма чумы, сопровождающаяся осложнением в виде воспаления легких. Летальность при этом составляет порядка 100%. Смерть хозяина-человека лишь приводит к ускоренному распространению эпидемии. Другими факторами, повлиявшими на скорость передачи болезни, по мнению М.Л. Баччи, являлись:

- а) размеры, плотность и мобильность популяции крыс;
- б) выработка человеческим организмом иммунитета;
- в) интенсивность паразитизма блохи;
- г) соседство человеческих поселений с популяциями грызунов [Баччи М.Л., 2010: 105].

Таким образом, исходя из гипотезы итальянского профессора, можно заключить, что носителем чумы может выступить любое живое существо, содержащее белковую среду. Будь то мигрирующие, синантропические виды грызунов (крысы, суслики, сурки, песчанки и луговые собачки), или имеющие с ними контакт птицы, верблюды, домашние животные. Собственно, сам М.Л. Баччи выдвинул гипоте-

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

зу, согласно которой одну из определяющих ролей в процессе распространения эпидемии чумы сыграл сам человек. Однако, как на первоначальном этапе, так и в последствии, укусы больной блохи становились основным движущим элементом процесса передачи данного вида заболеваний внутри человеческих сообществ. И чем больше было число зараженных, тем быстрее первоначальная латентная форма чумы «*двигалась*» в сторону «*Черной смерти*».

Непосредственную роль в этом процессе сыграли вызванное длительным голодом снижение у людей иммунитета, а также длительный стресс, «*разбуженный*» масштабными политическими противостояниями, быстрой сменой образа жизни и среды обитания. Поэтому борьба с этим недугом, по заключению самого ученого, потребовала от европейцев применения нестандартных решений, что в конечном итоге вылилось в формирование учения о гигиене, соединившее в себе целый комплекс противочумных мер. Однако, для последней было крайне необходимо наличие городской среды, что в условиях Монгольской империи было сложно представить [Баччи М.Л., 2010: 101]. Таким образом, можно заключить, что итальянский профессор М.Л. Баччи, одним из первых в мире определил процесс распространения средневековой чумы именно, как антропоценоз⁶. Тем самым, он поставил под сомнение господство теории исключительной роли представителей животного мира в «*лобедном шествии Черной смерти*».

В начале XXI в. в связи с появлением новых эпидемических заболеваний, перед западными исследователями встала проблема интерпретации событий, происходивших во времена начала Второй пандемии чумы. Под сомнение была поставлена устоявшаяся точка зрения на «*Черную смерть*», как на исключительное проявление чумы. Так, в опубликованной в 2001 г. монографии эпидемиологов С. Скотта и Кр. Дункана было высказано предположение, что произошедшая в середине XIV в. эпидемия, скорее всего, была вызвана

⁶ Антропоценоз (от греческого *anthropos* – человек, *koinos* – общий, общность) – биоценоз (динамическая саморегулирующая система) организмов, в которых человек является доминирующим видом, а его деятельность-определяющей состоянием всей системы.

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

вирусом типа Эбола [Skott S., Duncan Ch.J., 2001]. В том же году английский историк Н.Ф. Кантор предположил, что «*Черная смерть*» являлась комбинацией нескольких опасных для человека эпидемических заболеваний (сибирская язва, ящур) [Cantor N.F., 2001]. В обосновании своей точки зрения он опирался на то, что представленное в исторических источниках описание симптоматики заболевания соответствовало больше сибирской язве, нежели легочной или бубонной чуме. Именно споры сибирской язвы были найдены в общей могиле умерших от чумы в Шотландии. Их попадание было объяснено тем, что умершие могли употреблять перед смертью мясо инфицированного скота. Исходя из всего вышесказанного, исследователь пришел к мнению, что общее количество погибших во время «*Черной смерти*» от различных эпидемических заболеваний могло достичь 40%.

Подробно основные теоретические проблемы осмысления «*Черной смерти*» попытался осветить С. Конн. В своей статье 2003 г. он очертил основные хронологические рамки данного исторического события [Cohn S.K.Jr., 2003: 98–101]. По его мнению, данная эпидемия зародилась в Индии, Китае и степях России, и к осени 1347 г. она смогла достичь даже самых укромных уголков Европы (о. Гренландия). Однако, это была лишь первая вспышка данной эпидемии. Повторные вспышки последней периодически фиксировались вплоть до конца XVIII – XIX вв. Одной из последних стала унесшая в 1771 г. 100 тыс. человек эпидемия в Москве [Cohn S.K.Jr., 2003: 98].

По признанию самого исследователя, наиболее спорным вопросом в осмыслении эпидемии «*Черной смерти*» являлся вопрос о скорости распространения заболевания. В наиболее пиковые периоды она смогла преодолеть за 91 день расстояние в 385 км. В то время бубонная чума, даже при наличии современных средств передвижения (реактивная авиация, скоростные поезда, автомобили), сможет продвинуться в год максимум на 12–15 км. При этом, по заключению С. Конна, смертность среди населения во время «*Черной смерти*» порой достигала 76%. В то время максимальная смертность от бубонной чумы в Мумбаи в 1903 г. составила всего 0,3% [Cohn S.K.Jr., 2003: 99]. При этом во время средневековой эпидемии основной массой погибших являлись дети. А так как на ее распро-

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

странение не влияют ни климатические, ни географические условия, то «*Черная смерть*» не может считаться заболеванием, вызываемое бактерией *Yersinia pestis*.

Если говорить о важных последствиях данного исторического события XIV в., то здесь С. Конн склонялся к тому, что в Западной Европе стали наблюдаться: отмена крепостного права; конец эпохи феодализма; переход от официального латинского к «народным» языкам; реформация и формирование современного научного знания; усиление миграционных процессов и сельскохозяйственная революция. Однако, главными последствиями «*Черной смерти*» явились значительные изменения в психологической и культурной сфере западноевропейского социума. Вместо панического страха перед гневом Божиим и борьбы с чужаками (евреями), стала формироваться вера в возможность излечения от данного заболевания. В то же время, было признано, что наиболее страшная по количеству умерших стала европейская вспышка 1360-х гг. Однако, ее восприятие в европейском обществе было куда менее критичным, чем оценка произошедшей в 1346–1352 гг. первой вспышки «*Черной смерти*». Именно после второй европейской вспышки был зафиксирован, с одной стороны, рост авторитета людей, способных бороться с данным бедствием – врачей, а с другой стороны, постепенная стабилизация европейских сообществ, вызванная адаптацией человеческого иммунитета к бактериям *Yersinia pestis*. Данные изменения напрямую способствовали тому, что последующие вспышки эпидемии не так четко проявились в форме социальных потрясений [Cohn S.K.Jr., 2003: 101].

В условиях продолжавшихся в западной научной среде теоретических споров вокруг «*Черной смерти*», традиционную оценку данного исторического факта попытался отстоять в своей монографии современный норвежский исследователь О.Й. Бенедиктов [Benedictow O.J., 2004]. В ней он поставил под сомнение все выдвинутые в последние годы гипотезы о небактериальном происхождении «*Черной смерти*». Базируясь на данных полевых исследований эпидемиологов и современных лабораторных наблюдений генома чумы, норвежский ученый склоняется к бактериологическому происхождению «*Черной смерти*». Однако, сам процесс возникновения

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

столь масштабной эпидемии был разнесен им во времени. По мнению О.Й. Бенедиктова, это было напрямую связано со способностью бактерии *Yersinia pestis* передавать свой генетический материал. Именно достижение чумой определенного уровня вирулентности в конечном итоге и определило начало новой пандемии [Benedictow O.J., 2004: 21–22]. Доказательством этому являлась активизация основных носителей зараженных блох черных крыс. Именно, через сезонную активность данного синантропического вида грызунов и объясняет норвежский исследователь период хождения эпидемии в Западной Европе (с весны до поздней осени).

Относительно региона происхождения эпидемии «*Черной смерти*» О.Й. Бенедиктов усматривал сразу три географических района. Первый был локализован им в районе северо-западного побережья Каспийского моря, на Северном Кавказе и полуострове Крым. Второй – восточное побережье Каспийского моря, большая часть среднеазиатских степей, расположенных до восточных берегов о. Балхаш. Третий – Алтай, Монголия, северные районы китайских провинций, Внутренняя Монголия и Маньчжурия [Benedictow O.J., 2004: 45]. Тем самым были подвергнуты критике точки зрения в этом вопросе, строившиеся на воззрениях руководителя международной исследовательской группы китайца Ву Ли-тена и русского археолога Д.А. Хвольсона.

Главным образом критике подверглись исследования русского дореволюционного археолога. Одна из главных ошибок последнего, по мнению О.Й. Бенедиктова, что при переводе текста надписи с несторианского надгробия было некорректно использовано слово «*чума*». В то время, как изначально на данном памятнике присутствовало слово «*болезнь*». К тому же, по заключению норвежского специалиста, некорректным будет использование слова «*эпидемия*», так как общее количество надгробий с указанием аналогичной причины смерти и датированных 1338–1339 гг. всего 10 штук. В то время как общее число обнаруженных несторианских надгробий достигло 330 штук. На последних было зафиксировано порядка 650 имен, умерших в период с 1186 по 1349 гг. Поэтому норвежский исследователь посчитал не совсем корректным использовать данный источник в качестве основного доказательства происхождения

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

«*Черной смерти*» исключительно из района озера Иссык-куль. Аналогичным образом, из-за нехватки прочной доказательной базы, спорным является популярная в современной западной научной среде точка зрения, рассматривающая начало средневековой эпидемии чумы сразу же после бомбардировки войсками хана Джанибека трупами умерших от болезни осажденной Каффы в 1345–1346 гг. Также исследователь считал дискуссионным факт распространения «*Черной смерти*» посредством шедших из Китая торговых караванов [Benedictow O.J., 2004: 48].

В этом плане, считает О.Й. Бенедиктов, самое достоверное указание на район возможного начала средневековой эпидемии чумы содержится в средневековых исторических источниках. Наиболее точное указание содержится в тексте «*Никоновской летописи*». Перечисленные в этом нарративном источнике золотоордынские города, страны и народы явно указывают на то, что «*Черная смерть*» все же имела восточное происхождение. Вслед за британским ориенталистом М.В. Долсом, норвежский исследователь склонился к точке зрения важности в процессе распространения эпидемии средневековой чумы северо-западного ответвления Великого шелкового пути. Именно по нему данное бедствие в кратчайший срок смогло из глубин Центральной Азии достигнуть территории Золотой Орды. Пройдя далее по-восточному и южному берегу Черного моря, через небольшой временной промежуток времени, она разразилась в Малой Азии, на Ближнем Востоке и Персии. Впрочем, заключает исследователь, не существует пока прямых доказательств об исключительно прикаспийской и южнорусской вспышке данного заболевания. Однако, присутствие в сообщениях византийских, арабских и западноевропейских средневековых авторов указаний на разразившуюся в Скифии большую эпидемию позволяют говорить о роли в процессе распространения «*Черной смерти*» именно территории Золотой Орды [Benedictow O.J., 2004: 50–51].

Наиболее дискуссионным вопросом по теме «*Черной смерти на территории Улуса Джучи и близлежащих регионов*», по заключению О.Й. Бенедиктов, по-прежнему остается чумная бомбардировка Каффы. В западной историографии последняя получила обозначение, как один из первых в истории примеров ведения биологической войны.

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

В условиях, когда ни монголы, ни татары, ни арабы и уж тем более христиане ничего не знали о простейших микроорганизмах, данный факт, по мнению норвежского исследователя, не может быть признан в качестве одного из главных аргументов, подтверждающих вероятность развития данной ситуации. Если исходить из логики события, то и обслуга катапульта, и защитники стен должны были также заразиться. К тому же, для того чтобы эпидемия набрала свою мощь, необходим был достаточно продолжительный временной отрезок. Чего здесь мы не наблюдаем. Поэтому, скорее всего, здесь речь шла о возникшем на фоне общей боязни западноевропейского общества к набегам кочевых «варваров» новом идеологическом штампе, обвинявшем «татар» во всех смертных грехах.

Впрочем, сам исследователь не отрицал полностью самой возможности возникновения чумы в Каффе. По его мнению, чумные блохи не попали в город с трупами, а были за достаточно продолжительный период занесены просачивающимися крысами. Первые заболевшие стали появляться только весной 1347 г., что заставило некоторых генуэзцев бежать из зараженной крымской колонии. Достигнув к осени 1347 г. итальянского берега, они превратились из простых заболевших в носителей опасной эпидемии [Benedictow O.J., 2004: 53].

Описывая дальнейший ход «Черной смерти» норвежский историк основывался на текстах Ибн ал-Варди и Никифора Григора. Исходя из информации, полученной из этих источников, он предположил, что, скорее всего, первоначально эпидемия чумы разразилась весной 1346 г. в волжско-донском междуречье. В октябре – ноябре того же года, охватив многие земли и города Золотой Орды, «Черная смерть» стала продвигаться по торговым дорогам на юг и юго-восток. Уже зимой 1346–1347 гг. эпидемия чумы была зафиксирована на Кавказе и Персии [Benedictow O.J., 2004: 60].

Для населения Золотой Орды начавшаяся весной 1346 г. эпидемия «Черной смерти» стала ужасной повседневной реальностью, приведшей к официальному росту популярности среди населения ислама и фанатизма новообращенных. Последней каплей стали военные походы хана Джанибека. Все это привело к тому, что на время были прекращены торговые отношения между русскими княжест-

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

вами и Золотой Ордой. Этим-то, по мнению О.Й. Бенедиктова, и объяснялось то, что эпидемия средневековой чумы несколькими годами позднее пришла на Русь не из расположенных на юго-востоке ордынских земель, а с северо-запада [Benedictow O.J., 2004: 54]. Если исходить из общих оценок смертности среди населения в период «*Черной смерти*», то, по мнению норвежского исследователя, она в среднем достигала 60% [Benedictow O.J., 2004: 380–384].

Впрочем, несмотря на достаточно сильную теоретическую проработку, монография О.Й. Бенедиктова была подвергнута резкой критике. Так в опубликованном в 2006 г. исследовании, М.Г.Л. Бэйли предположил о возможном влиянии на возникновение «*Черной смерти*» пролета близ поверхности Земли кометы Галлея [Bailie M.G.L., 2006]. Используя полученные при помощи дендрохронологического анализа данные, исследователь пришел к выводу, что, скорее всего, перед началом данного исторического события произошла экологическая катастрофа, приведшая к ослаблению иммунитета у большинства населения Земли, что сделало их более восприимчивым к бактериям/вирусам, вызывающим масштабные эпидемии. Сравнив годовые кольца деревьев и ледяных кернов, он определил за последние 1500 лет вызванные кометами 4-е возможные даты экологических катастроф: 539 г., 626 г., 1014 г. и 1908 г. Причем для «*Черной смерти*» было характерно изменение климата и сейсмическая активность, что нашло отражение в текстах исторических источников.

Окончательно разрешить научный диспут вокруг первопричин возникновения «*Черной смерти*» помогло внедрение лабораторного метода полимеразной цепной реакции (ПЦР). В 1970-х г. этот метод теоретически обосновал норвежский биохимик Хьелль Клеппе, а затем в 1983 г. экспериментально опробовал американец Кэри Муллис, но применяться массово в исследованиях генома «*Черной смерти*» он стал только в 2010-х гг.

В основу данного метода было положено удвоение исходной молекулы ДНК с помощью фермента ДНК-полимеразы. Это позволяет выявить на основе анализа биологических находок человеческих останков (зубов, копчиковой кости) наличие тех или иных заболеваний у человека в историческом прошлом. Одно из самых первых исследований, где на практике был применен данный метод, описано в

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

статье китайской исследовательской группы во главе с Куи Юуном [Cui Y., Yu C. et al., 2013]. В результате лабораторных исследований костных останков погибших в Китае во время «Черной смерти», авторы статьи подтвердили предположение, что причиной возникновения данной эпидемии явилась переносимая крысами бактерия *Yersinia pestis*. Кроме того, применение во время своих изысканий метода ПЦР, позволило китайским ученым определить: 1) временной промежуток эволюции чумной бактерии *Yersinia pestis* из относительно безвредного почвенного патогена *Yersinia pseudotuberculosis* (4394 г. до н.э. – 510 г. н.э.); 2) возможный регион возникновения «Черной смерти» Цинхай-тибетского нагорье; 3) появление бубонной формы чумы было датированно во временном промежутке между 6409–1505 г. д.н.э. [Cui Y., Yu C. et al., 2013: 578].

Представленные выводы способствовали проведению аналогичных исследований в других регионах мира. Одной из обсуждаемых в 2015 г. явилась статья международной исследовательской группы датчанина С. Расмуссена [Rasmussen S., Allentoft M.E., et al., 2015]. На основании данных из расположенных на территории Сибири, Кавказа, Урала, Прибалтики, Польши археологических памятников бронзового века, а также современных образцов из Китая были в целом подтверждены выводы группы Куи Юуна. Однако, главным достижением группы С. Расмуссена явилась конкретизация с точностью до 95% временного интервала возникновения чумной бактерии *Yersinia pestis* (78803–34659 г. д.н.э.). Предложенный временной промежуток в полтора / два раза удрежнял первоначальные оценки временного промежутка этого события (28–26 тыс. д.н.э.). Аналогичные выводы были сделаны относительно возникновения чумы бубонной формы (7022–5021 г. д.н.э.). Являясь сторонниками гипотезы отнесения «Черной смерти» именно к легочной форме чумы, группа С. Расмуссена определили примерную дату ее появления – 2746 г. д.н.э.

Выводы, сделанные данной группой, позволяют заключить, что о существовании опасных для человека штаммов чумы можно говорить, начиная с конца IV – начала III тыс. д.н.э. Именно в этот период, согласно данным исторических источников, и были зафиксированы: крупные вымирания населения, масштабные миграции

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

народов, основная масса социальных и политических потрясений. Возникновение распространенных во время «Первой и Второй пандемий чумы» штаммов заболевания произошло только в начале I-го тыс. д.н.э. Именно тогда, по предположению членов группы С. Расмуссена, и возникла полная адаптация бактерии *Yersinia pestis* к блохам и их носителям – синантропическим видам мигрирующих степных грызунов

Более подробный анализ генома средневековой чумы был сделан исследовательской группой Йоханнеса Краузе [Spyrou A.M., Tukhbatova R.I., et al., 2016]. Сравнив данные, полученные из результатов анализа погребений времен «Черной смерти» в Барселоне (Испания), Эльвангене (Германия) и Булгаре (Республика Татарстан, Россия), исследователями были сделаны следующие выводы, что практически все зафиксированные в исторических источниках эпидемии чумы были вызваны одним и тем же штаммом бактерии *Yersinia pestis*. Радиоуглеродный анализ сопутствующего материала из археологических раскопок (вещественных источников и монет) позволил определить примерный временной промежуток крупных вспышек в вышеуказанных трех городах (Барселона (1300–1420), Булгар (1298–1388), Эльванген (1486–1627)), что в значительной степени коррелируется с данными, указанными в письменных источниках (1362–1363 гг. для булгарских данных) [Spyrou A.M., Tukhbatova R.I., et al., 2016: 875].

Для более глубокого понимания процессов все полученные методом ПЦР данные были сравнены с опубликованными ранее результатами исследований современных проб чумы, полученные в мире и на территории стран бывшего Советского Союза. На основе них исследователями были сделаны выводы:

- 1) определяющую роль в начале «Черной смерти» сыграли не африканские и южнокитайские, а расположенные восточнее Каспийского моря и связанные с Великим шелковым путем несколько крупных эпидемических очагов;
- 2) на всем пространстве европейского континента во время Второй пандемии чумы активность проявлял штамм бактерии чумы, имеющий восточное происхождение, то есть пришедший из глубин Центральной Азии по Великому шелковому пути;

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

3) в распространении эпидемии участвовали не только крысы, но и другие виды степной фауны [Spyrou A.M., Tukhbatova R.I., et al., 2016: 876].

Таким образом, исследовательской группе Й. Краузе, благодаря анализу данных полученных из захоронений г. Булгара, удалось несколько по-иному взглянуть на проблему возникновения и распространения бактерии чумы во время Второй пандемии. Тем самым была создана совершенно иная, чем это принято в западной научной среде, картина распространения «Черной смерти». Правда для дальнейшего осмысления этого процесса, по признанию членов исследовательской группы, крайне важно получить новые данные с территорий Кавказа и Поволжья, а также продолжить наблюдение за миграционными путями степных грызунов [Spyrou A.M., Tukhbatova R.I., et al., 2016: 880].

Среди наиболее крупных критиков взглядов Й. Краузе можно выделить американского исследователя Монику Г. Грин. Она акцентировала внимание на палеобиологии и филогенетике происхождения бактерии *Yersinia pestis* [Green M.H., 2015a; Green M.H., 2015b; Green M.H., 2015c]. Исходя в вопросах начала «Черной смерти» из выводов группы Куи Юуна, американский специалист опеределил важную роль в этом процессе изменения климата, последовавшего после масштабных извержений вулканов. Наиболее крупные из них были зафиксированы в районе 535, 1257 и 1340-х гг. Именно вокруг этих дат современные ученые отметили значительные изменения климата и последующее возникновение крупных пандемий. Прямым примером подобного взаимодействия является климатическое похолодание середины VI в. н.э. и «чума Юстиниана».

Возможно, аналогичная взаимосвязь существовала между «Черной смертью» и похолоданием начала XIV в. Однако, по мнению М.Г. Грин, это окончательно не снимает вопрос с определением возможного периода активизации формы чумы, распространенной во время Второй пандемии. Исходя из позиции уже упомянутой группы Куи Юуна, американский исследователь определяет возможную дату начала этого процесса около 1268 г.

В вопросе определения времени эволюции бактерии *Yersinia pestis* из менее опасной для человеческого вида *Yersinia pseudo-*

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

tuberculosis, американский исследователь склонялся к временному промежутку 20436–1056 г. д.н.э. Собственно, появление «*Черной смерти*» было датировано М.Г. Грин временным промежутком между 4394 г. д.н.э. и 510 г. н.э. [Green M.H., 2015b: 35]. При этом было признано, что основными носителями и переносчиками данного заболевания, скорее всего, были как грызуны (дикие белки, крысы, байбаки, суслики), так и другие млекопитающие (овцы, лошади, верблюды). Кроме того, вши наравне с крысиными блохами были признаны американским исследователем одними из возможных переносчиков чумных бактерий. Впрочем, без наличия на пространствах евразийского континента широкой сети торговых путей эпидемия средневековой чумы не достигла бы таких масштабов, а уровень смертности не вырос бы до таких катастрофических величин [Green M.H., 2015b: 32–34].

Если же в целом говорить об оценках убыли населения во время «*Черной смерти*», то М.Г. Грин исходила из месторасположения поселения. Чем выше была его транспортная связанность или близость к природным очагам, тем выше был среди населения процент потерь. В целом, по подсчетам исследователя, смертность среди населения составила от 30% до 60% [Green M.H., 2015a: 34]. При этом здесь не учитывались потери предшествующие «*Черной смерти*» вспышек, так как на всем протяжении афроевразийского пространства между двумя пандемиями чумы фиксировались постоянные вспышки локальных эпидемий. Таким образом, Вторая пандемия чумы явилась своеобразным средневековым эпидемическим пиком [Green M.H., 2015b: 34].

Подробно роль климата во время «*Черной смерти*» в своей статье рассмотрели швейцарский климатолог У. Бюнген и норвежский исследователь Б.В. Шмидт [Schmid B.V., Buentgen U., et al., 2015]. В ней на основе результатов, полученных в 2013–2014 гг. в ходе дендрохронологического анализа европейской и азиатской раститель-

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

ности⁷, прокси-климатических исследований осадочных пород, взятых близ чумных очагов водоемов⁸, была выявлена в период с 1347 по 1837 г. корреляция между крупными европейскими эпидемиями и природно-климатическими изменениями в Центральной Азии.

По мнению авторов статьи, прямыми следствиями произошедших климатических изменений стало резкое увеличение количества чумных блох, переносимых одной песчанкой, сусликом или алтайским сурком. Численный рост блох в итоге и способствовал ускорению процесса поиска альтернативных хозяев. Одной из самых крупных для них «добычей» стал живущий поблизости наиболее массовый живой организм – человек. Поскольку исследователям не были доступны данные климатических изменений в районах расположе-

⁷ В этой статье были рассмотрены несколько популярных на сегодняшний день исследовательских методов. Среди перечисленных выделяется метод дендрологического анализа. Последний основывался на исследовании зависимости годичного радиального прироста дерева от комплекса метеорологических факторов и, прежде всего, от количества тепла и влаги. При помощи дендрохронологического анализа получают так называемый индекс прироста древесных колец, который затем возможно перевести в температурные значения. Однако в настоящий момент удовлетворительных климатических реконструкций для центральной части территории Русской равнины, построенных с использованием дендрологических данных, не существует. Связано это с тем, что оптимальные результаты этот метод дает, когда в качестве индикатора колебаний температуры используются характеристики роста деревьев, произрастающих в условиях недостатка тепла, а именно – на северных границах леса или в предгорьях. См.: [Кренке А.Н., Золотокрылин А. и др., 1989]. В статье, для получения климатических данных по Золотой Орде, были использованы исследования проб полученных из пород Каракорумского хребта.

⁸ В отечественной науке более распространены палинологический анализ данных, полученных из верхних фрагментов наиболее представительных разрезов торфяников. Эти материалы содержат ископаемую пыльцу растительности, видовой спектр которой определенным образом связан с важнейшими климатическими параметрами. Привлекательность палинологических данных заключается в том, что они дают конкретные значения температур, правда в лучшем случае лишь по двум сезонам – зимнему и летнему (подробнее см. [Климанов В.А., Никифорова Л.Д., 1982]).

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

ния природных очагов чумы, ими было высказанно предположение, что начало крупных европейских вспышек чумы было напрямую связано с масштабными климатическими изменениями и миграцией из природных очагов Центральной Азии диких животных⁹. Таким образом, по заключению Б.В. Шмидта и У. Бюнгена, важную роль в начале «*Черной смерти*» сыграла миграция из района Каракорума в прикаспийский регион песчанок, зараженных чумными блохами. Тем самым, фактически были поставлены под сомнение тезисы, господствующие в западной научной мысли: 1) процесс возникновения «*Черной смерти*» имел неожиданно взрывной характер; 2) она являлась формой европейской портовой бубонной чумы [Schmid B.V., Buentgen U., et al., 2015: 3023].

Путем сравнения с приведенными в монографии М.В. Долса данными по ближневосточным вспышкам средневековой чумы, авторами статьи были определены наиболее крупные эпидемии юга России второй половины XIV – первой половины XIX вв.¹⁰. При этом была определена повторность появления эпидемий в Западной Европе: через 16–20 лет после больших вспышек на Нижней Волге и около 30 лет после крупных центральноазиатских вспышек. Таким образом, по заключению авторов исследования, именно произошедшие в 1331, 1394, 1741 и 1747 гг. в Средней Азии крупные эпидемии чумы явились первоотлчками последующих крупных нижеволжских вспышек (1346, 1408/09, 1757, 1763 гг.). При этом было отмечено, что перед каждой крупной эпидемией чумы фиксировались резкие перепады зимних и летних температур. В своих оценках общего количества погибших оба исследователя склонялись к точке зрения Й.-Н. Бирабена.

Если в целом оценивать основные современные исследовательские тенденции в западных научных кругах последних лет в области изучения «*Черной смерти*», то можно отметить доминирование исследований генома бактерии *Yersinia pestis*. В результате прове-

⁹ В статье У. Бюнгена и Б.В. Шмидта для получения климатических данных по Золотой Орде были использованы исследования проб, полученных из пород Каракорумского хребта.

¹⁰ 1346, 1408, 1409, 1689, 1693, 1719, 1730, 1737, 1757, 1760, 1762, 1780, 1783, 1828, 1830, 1837 гг.

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

денных лабораторных изысканий в данной области было признано появление во время Второй пандемии более стойкого штамма чумной бактерии по сравнению с современным [Bos K.I., Herbing A., Sahl J., et. al., 2016]. При этом было обоснованно доказано влияние на формирование «*Черной смерти*» различных климатических факторов и экосистем [Green M.H, 2015a: 14]. В этом случае развитие международной торговли и военная активность ставились в прямую зависимость от факторов, ускоривших возникновение и дальнейшее распространение эпидемии средневековой чумы [Alfani G., 2013b; Curtis D.R., 2016]. В то же время, в западной историографии продолжилось признание влияния «*Черной смерти*» на социальное развитие западноевропейского общества [Alfani G., 2013a].

Появление исследований западных специалистов, посвященных «*Черной смерти*» на территории Золотой Орды и близлежащих регионов, в целом соответствует общемировой практике расширения исследовательского поля. На сегодняшний день была получена информация о средневековой эпидемии чумы в Северной Африке и Леванте [Andreozzi D., 2015; Varlik N., 2015b; Blažna T., Blažina Zl., Blažina V., 2015]. Это привело к изменению среди западных специалистов оценок интенсивности чумы и общего количества погибших [Fusco Id., 2009; Rommes R., 2015]. При этом прямым следствием «*Черной смерти*» были названы изменения экономических и управленческих структур европейских городов и государств. В качестве одного из новшеств в развитии западноевропейского общества явилось формирование новой социальной политики в отношении беднейших слоев населения. Кроме того, по мнению зарубежных авторов, одним из действенных социальных методов борьбы с эпидемией средневековой чумы стало внедрение мест карантина для зараженных [Alfani G., Melegaro A., 2010]. Однако, это не означало еще появления эффективной системы защиты от заболевания. Среди форм девиантного поведения в обществе были отмечены попытки убийств бедняков посредством больных чумой, а также борьба с инокультурными элементами в западноевропейских сообществах (еврейские погромы), поддержанная на уровне местных элит [Cohn S.K.Jr., 2007: 3–4]. Судя по всему, это являлось психологической и культурной реакцией общества на происходящее. Поэтому

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

последнее рассматривается в качестве основного поведенческого мотива [Voitgländer N., Voth H.-J., 2012].

К сожалению, из-за малого количества нарративных источников по Золотой Орде, пока не представляется возможным получить выводы по численности населения и отчасти экономическим реалиям Улуса Джучи. В то же время, более богатый в этом плане ближневосточный регион позволяет лишь косвенно проанализировать аналогичные процессы, происходившие тогда в татарском средневековом государстве. Проанализировав ситуацию, сложившуюся сразу же после вспышки «*Черной смерти*» на Ближнем Востоке, современные исследователи пришли к выводу о долгосрочном повышении реальной заработной платы [Pamuk Ş., 2007]. Вместе с тем, эпидемия средневековой чумы в относительно малонаселенных районах евразийского континента путем нарушения баланса между скудным населением и богатыми ресурсами, привела к полной деградации экономики. И лишь в конце XVI в. можно говорить о временном восстановлении экономики [Nogal Á.I.C., De la Escosura L.P., 2013: 3]. При этом характерной чертой восточно-европейских стран стало ускорение процесса повторного закрепощения крестьян [Acemoglu D., Robinson J., 2013: 100–101], а также ускорение процесса внедрения новых технологий в сельском хозяйстве [Vorsh S.J., 2005; Vorsh S.J., 2015].

Для теоретического осмысления темы «*Черной смерти*» определенный интерес представляют исследования, опубликованные в 2016–2017 гг. Одним из самых крупных исследований является монография профессора Белфастского университета Б.М.С. Кэмпбелла [Campbell B.M.S., 2016]. Еще в опубликованных в 2010 г. статьях он обратил внимание на определяющую роль вспышек солнца, климатических изменений, антропологического и экологических факторов в процессе возникновения эпидемии средневековой чумы [Campbell B.M.S., 2010a; Campbell B.M.S., 2010b]. Данные выводы современного британского исследователя близки взглядам Б.В. Шмидта, У. Бюнгена и М.Г. Грин. Достаточно новаторским выглядит его предположение относительно систематического возникновения перед вспышками эпидемии чумы крупных эпизоотий среди домашних животных. Для «*Черной смерти*» такое бедствие было зафиксировано в 1314–1321 годах. Также профессором Белфастского университе-

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

та было подмечено, что определенную роль в этом процессе сыграли климатические аномалии и снижение солнечной активности [Campbell В.М.С., 2010а: 14; Campbell В.М.С. 2016: 229–230]. Результатом чего стало наступление около 1280 г. «*Малого Ледникового периода*». Правда, по заключению самого исследователя, это не был единый процесс. Б.М.С. Кэмпбеллом были определены два пика климатических изменений в 1282–1342 и 1416–1534 гг. Причем сюда наложился период солнечного минимума (с 1270 по 1480 гг.) [Campbell В.М.С., Ó Gráda С., 2011: 865]. Внешним проявлением этих процессов стало около 1340 г. обострение политической ситуации на всем пространстве Европы и Ближнего Востока. Другим последствием, и куда более важным, по мнению исследователя, явился кризис сельского хозяйства и животноводства, что ускорило наступление масштабного голода [Campbell В.М.С., 2016: 253–262]. Проанализировав цены на пшеницу в Англии и Тоскане, исследователь определил самый голодный период – 1328–1333 гг. В условиях сформировавшейся единой торговой и транспортной системы голод в этот период принял катастрофический масштаб. Если сюда добавить ухудшение климата накануне вспышки «*Черной смерти*», проявлявшееся в чередовании суровых зим, масштабным выпадением осадков в весенне-летний период и засушливым летом, то становится понятна основная причина большой смертности среди населения в 1346–1352 гг. [Campbell В.М.С., 2011: 144–147].

Таким, образом, по мнению Б. Кэмпбелла, именно глобальное изменение климата напрямую способствовало возникновению Второй пандемии чумы в расположенных в глубине евразийских степей природных очагах [Campbell В.М.С., 2016: 277–289]. В своих взглядах на биологию «*Черной смерти*» ученый исходил из того, что регионом возникновения данного заболевания необходимо считать Цинхай-Тибетское нагорье. Именно в период средневекового климатического оптимума в этом регионе сложились наиболее благоприятные условия для жизнедеятельности и развития популяции самых массовых местных видов синантропических грызунов (сусликов и сурков), являвшихся основными носителями бактерии *Yersinia pestis*. Масштабные изменения начались в тот момент, когда вследствие колоссальных климатических изменений начала XIV в., произошло

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

усиление миграционных потоков выше указанных видов степной фауны с последующим численным сокращением их популяции. В этих условиях чумные блохи нашли себе нового носителя – крыс. Скорее всего, по мнению Б.М.С. Кэмпбелла, произошло это в районе озера Иссык-Куль и в районе Каспийского моря. Профессор Белфастского университета одной из главных причин смены носителя назвал тот факт, что данный вид грызунов, как биологический организм, является более восприимчивым к заболеванию, чем те же сурки или суслики. Именно, после этого стало возможным начало «*Черной смерти*», то есть менее опасная эпизоотия смогла эволюционировать в сторону панзоотии¹¹, более опасной для человека.

Так в период между 1346 и 1475 гг. вспышки средневековой чумы были зафиксированы в Западной Европе в 1348–1350, 1360–1362, 1369, 1374, 1399–1401, 1438–1439, 1450–1452, 1454–1457 и 1463–1475 гг.) [Campbell B.M.S., 2016: 344–351]. Прямым следствием последних, по признанию самого исследователя, явился резкий рост количества политических и экономических кризисов в XVI в. на всем пространстве Евразийского континента. Впрочем, из-за недостаточной доказательной базы, заключает ученый, подобная оценка событий должна рассматриваться исключительно, как гипотеза, так как пока не совсем ясен основной механизм возникновения «*Черной смерти*» [Campbell B.M.S., 2016: 286–289]. Фактически Б.М.С. Кэмпбелл стал рассматривать данное историческое явление,

¹¹ Эпизоотия – широкое распространение инфекционной болезни среди одного или многих видов животных на значительной территории (следует отличать от энзоотии), значительно превышающее уровень заболеваемости, обычно регистрируемый на данной территории. Говоря простым языком, эпизоотия – это «эпидемия у животных». Панзоотия – необычайно широкое распространение инфекционной болезни животных, охватывающее страну, группу стран, континент. Является высшей степенью эпизоотии. Она может начаться при соблюдении трех условий:

- 1) появление новой, ранее не наблюдавшейся болезни;
- 2) заражения нескольких распространенных видов животных, вызывающие тяжелую болезнь.
- 3) инфицирующий агент легко и жизнеспособно распространяется среди животных.

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

как своеобразную точку бифуркации развития современной человеческой цивилизации.

Наиболее комплексную оценку последствий средневековой эпидемии чумы дал в своей статье Дж. Белич [Belich J., 2016]. Согласно его точке зрения, наиболее пострадавшим среди государств Восточной Европы стало довольно урбанизированное и оседлое средневековое государство татар – Золотая Орда. Именно на ее территории были зафиксированы одни из самых крупных вспышек. Начиная с 1346 г. «*Черная смерть*» еще несколько раз проявлялась на пространствах Улуса Джучи. Относительно остальных государственных образований европейского континента можно сказать, что здесь потери в среднем составили от 45 до 60% от доэпидемической численности населения. В то же время она практически обошла стороной такие страны как Богемия и Финляндия.

Если говорить об экономических последствиях, то исследователь исходит из уже озвученных выше точек зрения Ш. Памука и Б.М.С. Кемпбелла. Дж. Белич выделил несколько параллельно идущих процессов. Причем, как для Западной, так и для Восточной Европы они имели свои специфические черты. Так, если на Западе наблюдалось повышение реальной заработной платы оставшихся в живых специалистов, то на востоке континента наблюдалось повторное закрепощение крестьян. Пожалуй, одним из главных итогов экономического развития в постчумную эпоху (1340–1650-х гг.) стало доминирование крупных транснациональных торговых корпораций во главе с Генуей, Венецией и Любеком. При этом не последнюю роль в этом процессе сыграли следующие обстоятельства: установление транснациональными торговыми корпорациями контроля над стратегически важными регионами (Корсика, Крит и Скандинавия) и не прямое воздействие на местные власти. В этом же ряду можно отметить и экономическое стимулирование скорейшего внедрения в сельское хозяйство следующих технологических ношеств:

- 1) унавоживание почвы и ее прополка;
- 2) трехполье, повторное использование земель, ранее непригодных для ведения сельского хозяйства;

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

3) массовое использование на практике новых сельскохозяйственных орудий, выполненных по новой технологии плавки металла и обработки дерева;

4) увеличение количества новых видов сельскохозяйственных культур и специально выведенных пород домашних животных.

Все это в итоге позволило, с одной стороны, благодаря снижению общего количества свободных рабочих рук резко увеличить продуктивность пахотных земель и обеспечить стабильный рост потребления среди населения европейских стран. С другой стороны, за счет объединения средиземноморских и атлантических морских технологий совершить судостроительную революцию, а также за счет усовершенствования повозок для сухопутных путешествий объединить в единую транспортную сеть города. Причем объединению подверглись даже те населенные пункты, которые располагались в глубинах евразийских степей. Теперь алюминий из Анатолии, посредством доставки на генуэзских судах, мог быть обменен в Брюгге на фламандскую и английскую шерсть. Отчасти, ускорение этого процесса было напрямую связано с закатом черноморской торговли, которое было вызвано масштабной средневековой эпидемией. В то же время, заключает Дж. Белич, резкий рост торговли в целом привел к ускорению передачи других эпидемических заболеваний (тиф, оспа, грипп), что в свою очередь сказалось на замедлении процесса урбанизации в Европе [Belich J., 2016: 99–100].

Впрочем, главными результатами средневековой эпидемии чумы стала. обособление экономик европейских стран и их территориальная экспансия. Наиболее сильно этот процесс проходил на территории русских княжеств, находившихся в вассальной зависимости от Золотой Орды. К началу эпидемии «*Черной смерти*» Великий Новгород, являвшийся одним из самых больших городов на континенте и контролировавший обширную территорию на севере, стал известен как крупнейший поставщик меха в Западную Европу. Собственно, привязка к меховой торговле негативно сказалась на эпидемической ситуации в данном русском городе. По мнению ученого, одним из возможных распространителей чумы в Новгородской земле могла стать местная белка. Следовательно, вспышки чумы в данном русском княжестве, скорее всего, имели местное ло-

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

кальное происхождение. Поэтому не было ничего удивительного в том, что здесь она являлась достаточно частым явлением. В итоге средневековая чума хотя и приостановила территориальное расширение Новгородского княжества, но полностью не сняла с повестки дня данный политический процесс. И как только удалось преодолеть негативные последствия «*Черной смерти*», подталкиваемые возросшим европейским спросом на пушнину, новгородцы с 1455 г. начали расширять свою империю в Приуралье. Завоевание Новгорода в 1470 г. Великим княжеством Московским не прекратило этот процесс территориальной экспансии. Поэтому покорение Сибири, по заключению исследователя, началось Москвой еще в 1490-е гг., а не спустя столетие во время походов Ермака [Belich J., 2016: 102].

Среди последних опубликованных западными исследователями теоретических работ по «*Черной смерти*» можно также выделить статью Х.М. Гомеса и М. Верду. В ней авторы сделали акцент на сетевой теории распространения в городах средневековой эпидемии чумы [Gomez J.M., Verdu M., 2017]. По их мнению, большую роль в этом процессе сыграли торговые и транспортные артерии. При этом контакт между переносчиком и заболевшим мог носить как экономический и социальный, так и сексуальный характер. Для возникновения и дальнейшего распространения эпидемии очень важно было, чтобы транспортные сети обладали двумя типологическими и структурными свойствами: транзитивностью¹² и централизованностью. Поэтому, наибольшая эффективность распространения любой эпидемии, по заключению исследователей, достигается в высокотранзитивных сетях посредством более плотно расположенных поселений, наличия близко расположенных центральных узлов (крупных торговых городов) и одновременном распространении нескольких инфекционных заболеваний. Любой разрыв связей между центральными узлами транспортной сети, посредством структурных дыр, зачастую приводил к снижению распространения эпидемий. В то же время, дальнейшее развитие центральных узлов сетей намного сильнее увеличивает вирулентность патогенов, уровень смертно-

¹² Используемое в математике понятие для определения уровня отношений между первым, вторым и третьим элементами.

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

сти и возникновение реинфекций. Поэтому, по мнению ученых, куда большее значение для развития эпидемий имеют именно данные узлы системы, нежели находящиеся на периферии. Именно в центральных узлах эпидемии достигают своего пика. И чем выше находится уровень транзитивности в них, тем выше будет в них смертность среди населения.

Выбор изучения транспортных сетей во время «*Черной смерти*» в 1346–1352 гг. был обусловлен тем, что в наличии имелось достаточное количество письменных источников, позволивших реконструировать транспортную сеть Евразии, существовавшую на тот период. Изучив информацию о более чем 2084-х торговых и паломнических контактах в 1311 городах Старого света, Х.М. Гомесом и М. Верду были определены 403 города, обладавших наибольшим значением для экономической и религиозной жизни тогдашнего населения. Получив данные по 58-ми крупнейшим городам того периода, авторы сошлись во мнении, что смертность в них могла достигать порядка 70%. В то же время, в населенных пунктах, расположенных на периферии, она могла быть на уровне среднестатистических данных. Определенным открытием для исследователей стало выявление взаимосвязи между уровнем заболевания и количеством инфицированных. Было признано, что снижение эпидемической активности происходило в тот момент, когда болезнь достигала своего пика, а передача происходила в кратчайшие сроки. Кроме того, было выявлено, что средневековые города имели очень тесные контакты с близлежащими населенными пунктами. Из 1311 крупнейших городов того периода, лишь 19 считались международными центрами. Именно они и создавали единые сети из обладавших одинаковыми значениями городами-мостами. Следовательно, распространение «*Черной смерти*» зависело от пропускной способности всех элементов этих сетей. В то же время, динамика распространения эпидемии напрямую свидетельствовала о локальном характере ее протекания, так как заражение центров в большинстве своем зависело от окружающих их близлежащих городов, нежели от тех, которые находились на удалении. Таким образом, скорость распространения инфекции напрямую зависела от степени транзитивности сетей. Поэтому в обладавших хорошо развитыми связями центральных городах, эпидемия на-

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

чиналась раньше, чем у расположенных на периферии. По заключению ученых, это объясняет тот факт, что в наиболее урбанизированных районах Евразийского континента «*Черная смерть*» достигла наибольшего размаха за очень короткий промежуток времени. В то же время, наличие высокоразвитого центрального города позволяло в условиях непрекращающихся эпидемических волн, путем внедрения радикальных практик, значительно снизить негативные последствия массовой смертности среди населения.

Современные генетические исследования бактерии *Yersinia Pestis*, позволили ученым утверждать, что во время «*Черной смерти*» средневековое общество оказалось подвержено патогенным формам чумы. Наличие такого большого количества патогенов чумы, вызванных рекуррентными (последовательными) эпидемическими волнами, в целом подтверждает роль центральных городов в распространении данного заболевания. Причем большую роль в этом процессе играли паломники, товары и купцы, передвигавшиеся между городами-мостами.

Еще одной интересной статьей 2017 г. стало исследование, посвященное изучению содержания свинца в осадочных породах [More F.A. et al., 2017]. Проанализировав пробы, полученные из ледника, расположенного в швейцарско-итальянских Альпах, авторы данной публикации сошлись во мнении, что во время «*Черной смерти*» вследствие демографического и экономического кризиса произошло резкое снижение производства металла в Западной Европе. Всего за один только 4-х летний период (1349–1353 г.) было зафиксировано на всем европейском континенте порядка 70% убыли населения и сокращение производства металла на 40–50%. Аналогичные данные были зафиксированы в 1367–1369 и 1460–1465 гг. Именно в эти годы после «*Черной смерти*» были зафиксированы самые мощные вспышки чумы. При этом, из-за превышения содержания свинца в атмосфере, в предшествующие перед ней годы у населения наблюдались галлюцинации и рост заболеваний верхних дыхательных путей. Однако, такая оценка авторов вызывает массу споров. Поэтому, если соглашаться с предоставленными авторами данными относительно содержания вышеуказанного металла в атмосфере, то скорее

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

речь могла идти о последствиях вулканической активности и именно на нее указывают средневековые авторы.

* * *

Таким образом, можно заключить, что начиная с XVIII в., западная научная мысль прошла достаточно длительный путь развития в осмыслении темы «*Черной смерти на территории Золотой Орды и близлежащих регионов*». Однако, вплоть до 1860-х гг. при взгляде на этот исторический факт доминировали в основном точки зрения средневековых хронистов. Одним из самых популярных в западной историографии сюжетов оказался описанный Габриеле де Муси факт возникновения эпидемии чумы в Каффе сразу же после уникальной бомбардировки города, произведенной войсками Джанибека, когда вместо снарядов использовались трупы. Практически в неизменном виде он просуществовал вплоть до начала XXI в., когда на базе уже имевшихся полевых и лабораторных исследований бактерии *Yersinia pestis*, норвежским исследователем О.Й. Бенедиктовым было высказано предположение об относительно длительном периоде возникновения данного заболевания в осажденной ордынскими войсками Каффе.

Вместе с тем, существовала и иная популярная точка зрения, согласно которой эпидемия возникла из миазмов. Если говорить о теории миазмов, представленной еще в начале нашей эры древримским врачом Галеном и поддержанной арабскими и византийскими хронистами и врачами, то она нашла свое опровержение только в самом конце XIX в. Весомую роль в этом сыграло открытие основного возбудителя заболевания чумной палочки или бактерии *Yersinia pestis*, совершенное в 1894 г. французским врачом и бактериологом Пастеровского института Александром Йерсенем (1863–1943 гг.) и японцем Китасато Сибасабуро. Однако, несмотря на это открытие, западная историография «*Черной смерти*» практически до начала 1970-х гг. старалась не использовать наработки в области эпидемиологии. Подобное было следствием общего методологического кризиса гуманитарных наук, определенного пиетета к естественным наукам и их исследовательской методологии. Теоретиче-

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

скую основу западных исследований составляли взгляды Г. Гейзера и А. Хирша. Согласно точке зрения немецких ученых второй половины XIX в., «*Черную смерть*» необходимо рассматривать исключительно как возникшую на фоне неблагоприятных природно-климатических условий, вспышку бубонной чумы, вызываемую укусом зараженных блох, живущих на спинах черных крыс. Другой характерной чертой исследований западных историков этого периода являлось переосмысливание опубликованного ранее западноевропейского нарративного материала. В результате, наиболее проработанной по теме «*Черной смерти*» оказалась Западная Европа, а главные выводы коснулись в основном произошедших изменений в западноевропейском обществе и экономике.

Изучение же других регионов во время вспышки эпидемии средневековой чумы в западной историографии начались только в середине 1970-х в. Большую роль в этом сыграли исследования Р. Поллитцера в области медицинской экологии, опубликованные в начале 1950-х. Именно с его подачи в западной научной среде получила популярность гипотеза центральноазиатского происхождения «*Черной смерти*». В результате, западноевропейскими учеными данный исторический факт стал рассматриваться исключительно, как планетарное явление. Все это напрямую способствовало расширению источниковой базы. Поэтому появление в середине 1970 – начале 1990-х гг. исследований Л.Н. Лангера, М.В. Долса, Д.Т. Александера и Ю. Шамильоглу, базировавшихся на достаточно широком круге письменных источников на русском и арабском языках, стало своеобразным прорывом. Однако, даже после этого, в западных научных кругах крайне скептически относились к данным, полученных отечественными и китайскими эпидемиологами. Лишь после начала научного диспута в 2000-х гг. вокруг формы заболевания «*Черной смерти*» и проведения в первой половине 2010-х гг. филогенетического анализа генома средневековой чумы (метод ПЦР), окончательно был снят вопрос о месте и роли территории Золотой Орды в зарождении и дальнейшем распространении данного заболевания.

ГЛАВА III. Основные теоретические аспекты изучения темы в западной историографии

В то же время, следует признать, что, начиная с трудов К. Бергольда и О.Й. Бенедиктова, в западной историографии была сформулирована точка зрения, согласно которой собственно «*Черная смерть*» хронологически была определена между 1346 и 1353 гг. Более поздние вспышки чумы стали рассматриваться исключительно как последствия первой волны. Наметившийся в середине 2010-х гг. переход к синергетике, позволил западным исследователям утверждать, что эпидемия средневековой чумы напрямую способствовала ускоренному переходу к новой политической, культурной и экономической эпохе. В этом плане территория Улуса Джучи была признана одной из самых перспективных для дальнейших исследований.

ГЛАВА IV

«Морь и гладь» на Руси и в Золотой Орде

§ 1. «Морь и гладь» на Руси в X–XIII вв.

Суммируя выводы, сделанные зарубежными и отечественными специалистами относительно «Черной смерти», нужно учитывать тот факт, что основным возбудителем данного заболевания выступал одноклеточный микроорганизм – чумная палочка или бактерия *Yersinia pestis*. Для ее жизнедеятельности крайне необходимо существование природных очагов, то есть территории, на которой происходит непрерывная циркуляция возбудителя заболевания между носителями и ее «жертвами». Значительное число природных очагов было отмечено на степных пространствах Евразии. Наиболее крупные и активные из них до сих пор располагаются в Нижнем Поволжье, Причерноморье, Северном Кавказе и Центральной Азии. Причем, большую роль в активизации последних могут сыграть, как климатические изменения, солнечная или сейсмическая активность, так и антропогенный фактор.

Последующее распространение заболевания происходит посредством переноса на нового носителя через укусы последнего болезнетворной блохой или вошью. Однако, в отличие от почвенной, новая экосистема¹ является менее устойчивой. Хотя в ней возбудитель может сохраняться десятилетиями, но любой экстремальный фактор может привести к вспышкам эпизоотии или к небольшим вспышкам эпидемического заболевания даже среди местных сообществ людей. В то же время, вторичные экосистемы со временем могут разрушиться, и вспышки чумы прекратятся. После распада новых экосистем

¹ Экосистема или экологическая система (от др.-греч. – жилище, местопребывание и система) – биологическая система, состоящая из сообщества живых организмов, среды их обитания, системы связей и осуществляющая обмен веществом и энергией между ними.

остаются значительные территории – реликтовые природные очаги, в которых возбудитель продолжает сохраняться как паразит, который под воздействием внешних факторов имеет возможность нового перехода в другие формы. Наиболее наглядным примером такого природного очага, является располагавшийся в районе Новгорода, Пскова и Изборска Реликтовый Северо-Западный природный очаг, а также в районе Смоленска и Твери – Реликтовый природный очаг Великой Русской (Восточно-Европейской) равнины.

Сейчас эпидемию чумы рассматривают, скорее как антропоноз, то есть распространяющуюся среди человеческой популяции без помощи синантропических видов живых организмов. Можно предположить, что укус больных блох первоначально приводит к распространению латентной формы заболевания. Первоукушенными становятся без ярко выраженных симптомов неактивные носители заболевания. Дальнейшее распространение чумы происходит традиционно, через укус блохи. Есть предположение, что без общего снижения иммунитета у человека болезнь не может принять форму пандемии. Поэтому важную роль в процессе формирования эпидемии чумы сыграл длительный стресс. Последний может быть вызван, как изменением пищевого рациона, так и прибытием из совершенно иной климатической зоны большой массы людей, обладавших иной внутренней микрофлорой. Как правило, это ускоряет процесс проникновения совершенно чуждых для данной экосистемы новых болезнетворных микроорганизмов. Прямым следствием этого процесса становится коэволюция² возбудителей заболевания и формирование видоизмененных местных заболеваний, от которых у местного населения не существовало иммунитета. Впрочем, как показали современные исследования в области эпидемиологии чумы, большую роль в переходе от локальных вспышек к пандемии сыграли вторичные носители живых организмов и домашние животные, имевшие с ними непосредственный контакт. В данном случае, необходимо рассматривать в качестве последних следующие виды: черные крысы, мыши-полевки, белки, перелетные и домашние пти-

² Коэволюция – совместная эволюция биологических видов, взаимодействующих в экосистеме.

цы, верблюды, кошки и собаки. Поэтому эпизоотии зачастую выступали одним из самых заметных признаков надвигающейся пандемии чумы.

При этом в процессе дальнейшего распространения эпидемических заболеваний наиболее важную роль играли районы пересечения нескольких транспортных артерий. Именно здесь становилось возможным взаимодействие на достаточно ограниченном пространстве и в очень короткий временной промежуток времени, как различных по региону происхождения штаммов одного заболевания, так и различных видов эпидемических заболеваний. Причем, процент вероятности обострения эпидемической ситуации зачастую зависел от снижения транспортных издержек в виде плохо развитой транспортной инфраструктуры. Именно поэтому, наиболее масштабные эпидемии происходили в периоды наибольшего ускорения перемещения товаров и людей.

Таким образом, можно утверждать, что возможная модель возникновения пандемии чумы и ее последующее распространение будет выглядеть следующим образом:

- 1) первоначальный природный очаг;
- 2) активизация под воздействием внешних факторов (изменение климата, солнечная или сейсмическая активность, антропогенный фактор) бактерии *Yersinia pestis* и ее попадание из почвы в местную экосистему;
- 3) заражение чумной бактерией первичных носителей через употребление пищи наиболее восприимчивых доминантных видов живых организмов, представителей животного мира (байбаков, луговых собачек, сусликов, белок);
- 4) ухудшение под воздействием внешних факторов среды обитания носителей и последующее изменение миграционных потоков указанных видов;
- 5) последующее заражение через укусы зараженных блох вторичных носителей: наиболее восприимчивых синантропических видов грызунов (черных крыс, мышей-полевок, песчанок), домашних животных (верблюдов) и птиц;
- 6) первичное заражение человека через взаимодействие со вторичными носителями;

7) вспышка крупных эпизоотий среди домашних животных и эпидемических заболеваний среди людей;

8) ослабление под воздействием внешних факторов и голода иммунитета населения (стресс);

9) усиление стресса за счет массовой миграции пришлого населения;

10) локальная вспышка эпидемии чумы и сразу же в нескольких местах параллельная вспышка других эпидемических заболеваний;

11) концентрация больных людей в располагавшихся на месте крупнейших природных очагов чумы районах пересечения нескольких транспортных артерий. В этом плане наиболее интересными выглядят: Цинхай-Тибетское плато, Мавераннахр, Хорезм, Тебриз, восточная часть Северного Кавказа, Нижнее Поволжье, Дунае-Днестровское междуречье и Подолия, Константинополь (Стамбул), Междуречье Тигра и Ефрата, Нижний Египет, Северная Африка, Эфиопия, Прованс и Северная Италия, междуречье Дуная и Рейна, Панония, устья Рейна, Эльбы и Шельды, Скандинавия, устье Одры и Вислы, междуречье Днестра и Двины, Северо-Западная Россия;

12) возникновение из обострения новой и более опасной для человека формы чумы (вторичная форма);

13) масштабное заражение населения и гибель основной массы носителей от новой формы чумы;

14) возврат в исходное состояние.

Если обратиться к истории возникновения и распространения чумной бактерии, то согласно современным генетическим исследованиям, возникновение на пространствах Центральной Азии *Yersinia pestis* произошло в период между 78803 и 34659 г. д.н.э., то есть когда завершилось формирование биологической паразитарной системы «монгольской сурок (*Marmota sibirica*) – блоха (*Oropsella silantiewi*)». Формирование бубонной формы заболевания было определено между 7022 и 5021 г. д.н.э. Около 2746 г. д.н.э. была зафиксирована в Приуралье ее мутация и появление легочной формы чумы. Именно с этим стали связывать произошедшие в конце IV – начала III тыс. д.н.э. крупные социальные, политические экономические потрясения на Евразийском континенте, проявившиеся в

первом, зафиксированном в истории, сокращении населения, и миграции населения из степей.

В древности были зафиксированы крупные эпидемии, но многие из них не являлись чумными. Только «чума Филистимлян», «чума Юстиана» и «Черная смерть» (*mors nigra*) являлись непосредственными вспышками чумы. Однако, происходившие в древности эпидемии, такие как «чума Египетская», «чума Антонина», «чума Галена», «чума Киприана», которые не считаются эпидемиями чумы в собственном смысле, очень сильно отразились на эпистолярной традиции описания крупной эпидемии. Поэтому зачастую в исторических источниках очень сложно определить вид заболевания.

Единственной из эпидемий прошлого, которая очень хорошо определяется по симптоматике, является «Юстинианова чума». Согласно современной точке зрения, данное заболевание явилось Первой пандемией чумы. По дошедшим до нас нарративным источникам, она началась в 542 г. в районе византийского города Пелусий и продолжалась до 750 г. Как считают современные исследователи, это была вспышка бубонной чумы, унесшая порядка 100 млн. человек. Именно после нее произошло формирование средневековой феодальной Европы. Причем, одним из важнейших факторов при ее возникновении было определено резкое похолодание климата в Северном полушарии, вызванное вулканической зимой 535–536 гг.

На смену похолоданию VI–IX вв. пришел средневековый климатический оптимум X–XIII вв. Он характеризовался мягкими зимами, сравнительно теплой и стабильной погодой, отсутствием сильных засух. Однако, это не означало еще полного отсутствия на пространствах Великой Русской равнины вспышек эпидемических заболеваний. Большую роль в получении информации о последних представляют русские летописные своды.

Одной из первых, зафиксированных в русских летописях, стала эпидемия, разразившаяся в 979 г. на территории Киевского княжества [McNeill W.H., 1964: 8–9; Alexander J.T., 1980: 14]. «Въ лето 6487 быша знаменія въ луне, и въ солнце и въ звездахъ, и быша громи велцы и страшни, и ветри силни съ вихромъ, и много пакости бываху человекомъ, и скотомъ, и зверемъ леснымъ и полскимъ» [ПСРЛ 9: 39]. Одними из первых, кто ввел данную вспышку в науч-

ный оборот стал Д.Т. Александер [Alexander J.T., 1980: 13]. Если исходить из позиции американского руссиста, данная эпидемия, охватившая небольшое число жителей, являлась местной локальной вспышкой чумы, возникшей на территории восточнославянских княжеств. Более пристальный взгляд на данный отрывок раскрывает несколько иную картину происходящего. Однако, нельзя получить конкретную информацию как о месте и времени промежутке происходящего, так и определить конкретную форму заболевания. В то же время, приведенное описание небесных явлений и мор среди животных указывает на достаточно крупную вспышку эпидемического заболевания среди людей. Один из главных вопросов, возникающих при анализе данного отрывка, на который хочется ответить, заключается в определении самого заболевания. Если исходить из представленной в хрониках Никифора Григора о разразившейся во время «Черной смерти» эпизоотии среди животных, то также вызывает вопрос локализация данного бедствия на пространствах Великой Русской равнины. Скорее всего, из представленной в Никоновской летописи годовой записи указание на прибытие ко двору Ярополка печенежского князя Илдея, может свидетельствовать о возможной вспышке эпидемии в районе Киева, а также указывать на ее степное происхождение. Из всего выше сказанного можно заключить, что это, скорее всего, была вспышка чумы. Возможность одновременной и параллельной вспышки нескольких эпидемических заболеваний была подтверждена лабораторными исследованиями отечественных эпидемиологов еще в конце XIX в. Однако, нельзя понять из приведенного летописного отрывка: являлась данная вспышка локальной или же была продолжением «Юстиниановой чумы». В то же время, можно говорить о том, что описание «мора лета 6487» заложило в русском летописании нормы и словесные формы в передаче информации об эпидемиях.

Следующей зафиксированной в летописях, стала эпидемия 1042 г. Е.П. Борисенко и В.М. Пасецкий были единственными в отечественной историографии, кто в 1980-е гг. указал на нее [Борисенко Е.П., Пасецкий В.М., 1988: 243]. «Въ лето 6550. Иде Володимерь, сынъ Ярославъ, на ямъ, и победи а, и плени множество Ями; и помроша кони у Володимерыхъ вой, яко еще дышуцимъ конемъ,

сдираху кожи съ нихъ съ живыхъ; таковъ бо бе море на кони» [ПСРЛ 9: 82]. Как показывает текстологический анализ представленного отрывка, во время похода в земли финского пленени ямь, в войске сына Ярослава Владимира разыгралась, по всей вероятности, вспышка сибирской язвы.

Если говорить о следующей вспышке чумы в степи, то скорее всего она произошла в 1060-м г. во время похода великого киевского князя Изяслава в земли «торков». *«В лето 6568 Изяславъ, Всеволодъ и Всеславъ съвокупиша вои бе-щисла и придоша на конехъ, в лодяхъ, бесчисленное множество, на Торки. Се слышавъ, Торци побегоша и до сего дні, и пороша бегяущи, Божіимъ гневомъ гоними; ови отъ зимы оумроша, а друзии голодомъ, иніи же моромъ и соудомъ Божіимъ. И такои избави Богъ крестьяны отъ поганыхъ»* [ПСРЛ 4, 1915: 120]. Главное, что здесь можно отметить – наравне с эпидемией среди кочевников был зафиксирован масштабный голод. Все эти бедствия, так или иначе, летописцы связали с «гневом Божьим», а сами ее последствия со счастливым избавлением крестьян. Таким образом, можно отметить, что во второй половине XI в. в русской летописной традиции сформировалось достаточно четкое представление об эпидемиях.

Подтверждением этому является описание вспышки 1094 г. Вместе с тем, традиционно в отечественной историографии указан 1092 г. Однако, в самих летописных сводах четко указывается на «лето 6602». *«Знаменіе. Предивно бысть въ мечте, бываше въ ноши станяше тутно по улицамъ, аки человеци рищуще беси: аще кто вылазаше изъ храмины, хотя видети, и уязвень бываше невидимо отъ бесовъ язвою, и съ того умираше, и не смеаху излазити не хоромовъ; и по семь начаяша во днехъ являтися на конехъ, и не бе ихъ видети самихъ, но коней ихъ видети копыта; и тако уязвляху люди Полотьскыя и ихъ область; темъ бо и человеци глаголаху: яко навіе бѣють Полочаяны. Се бо знаменіе поча быти отъ Дрютьска. Того лета бысть знаменіе на небеси, яко кругъ бысть посреди неба превеликъ. Того же лета ведро бяше, яко изъгораше земля, и мнози боры возгараху сами и от болота; и многа знаменіа бываху по местомъ; и рать велика бяше отъ Половецъ и отсюду, и взяца 3 грады: Песочень, Переволку, Прилукъ; и многы села повоеваша, и*

стояше Половци по обема странама. Того же лета воеваша Половцы Ляхи съ Василкомъ Ростиславичемъ. Того же лета умре Рюрикъ, сынъ Ростиславль. Того же лета мнози человеци умираху различными недугы, якоже глаголаху продающей корсты: яко продахомъ корсть отъ Филипова дни до мясопуста 7000. Се же бысть грехи наша, яко умножишася греси наши и неправды; се же наведе на ны Богъ, веля намъ имети и покаяние и востягнути ся отъ греха, и отъ зависти, и отъ прочихъ злыхъ дель и неприязныхъ сетей» [ПСРЛ 9: 118–119].

Достаточно подробно этот летописный отрывок был проанализирован в работе А.П. Бужиловой. Согласно ее интерпретации, болезнь началась в Друцке и очень скоро охватила Полоцк и все окрестные земли. Судя по приведенному описанию клиники заболевания, данное бедствие воспринималось современниками как нечто необычное. Внезапность эпидемии, ее широкое распространение, быстрое наступление летального исхода, все это побудило летописцев объяснять это явление как проявление сверхъестественных сил. Впервые в русском летописании при описании подобного бедствия можно встретить указание на период распространения заболевания (с 14 ноября по 1 февраля) и общее количество погибших (7 тыс. человек).

По мнению современного отечественного антрополога, приведенная в данном тексте клиника заболевания указывает на ее достаточно большую скорость распространения и особую остроту протекания. Ввиду того, что летописец вначале обозначал заболевание словом язва, а чуть ниже – рана, можно предположить, что данная эпидемическая вспышка имела инфекционную природу. Однако, диагностировать из представленных внешних признаков конкретный вид заболевания не представляется возможным [Бужилова А.П., 2005: 286].

Если же говорить об общих чертах с описанием «*мора лета 6568*», то в качестве одной из главных причин начала эпидемии был назван «*гнев Божий*». Кроме того обе вспышки проходили на фоне обострения военной обстановки. Но, в отличие от эпидемии 1060-го года, вспышка 1094 г. разыгралась на фоне складывания неблагоприятных природно-климатических условий. Скорее всего, в обоих

случаях природные очаги эпидемий необходимо искать в степных районах.

В XII в. ситуация с фиксацией эпидемий в русских летописных текстах оставалась на уровне XI в. В целом ее можно охарактеризовать, как не системную. Среди наиболее часто упоминаемых в отечественной историографии вспышек 1000-х г. указываются «*мор лета 6662*» (1154 гг.) [ПСРЛ 9: 198]. Фактически речь шла о совместном хождении эпидемий и эпизоотий.

Другой, отработанной в отечественной историографии вспышкой XII в., является «*мор лета 6695*» (1187 г.). «*Въ томъ же лете бысть болеть силна въ людехъ, не бяше бо ни одного двора безъ болищаго, а въ иномъ дворе никогоже не бяше здравого, некому бяше и воды подати, ано все лежить болно. Богъ казнить рабы своа напастми различными, водою, огнемъ, болезными тяжкими. Соломонъ бо рече: болестымъ в теле часто пребывающимъ, не обленится и сама смерти прийти*» [ПСРЛ 15, 1863: 277–278]. Данная вспышка была хорошо проанализирована в начале XX в. отечественным исследователем Ф.А. Дебреком. Согласно его точке зрения, эта вспышка заболевания, разразившись в Новгороде, очень скоро охватила окрестные земля. Исходя из того, что в это время в Западной Европе бушевало несколько эпидемий, то скорее всего именно там и надо искать истоки данного мора. Ни о форме, ни о времени начала заболевания узнать из приведенного источника невозможно [Дебрек Ф.А., 1905: 8].

В то же время, присутствие указания на описанные в Библии «*соломоновы страдания*» свидетельствует о достаточных знаниях русских летописцев о природе данного заболевания. Скорее всего, в описании вспышки в Новгороде речь шла об «*Антониевом огне*» или эрготизме – отравлении, вызываемом употреблением в пищу продуктов из муки, изготовленной из зараженного спорыньей зерна. Одной из главных особенностей данного заболевания являлось наличие взаимосвязи с неблагоприятными природно-климатическими условиями. Впоследствии, именно вспышка данного заболевания среди населения русских княжеств часто возникала в голодные годы.

Следующий XIII в. не принес спокойствия на пространство Великой Русской равнины. Согласно русским летописным сводам ос-

новной причиной смертности среди населения становился голод и сопутствующий ему «*Антониев огонь*». Наиболее крупный мор был зафиксирован в 1229–1230 гг. Подробно об этом сообщается в рассказе «*О потрясенъи земли*», вошедшем в Никоновскую летопись.

«Въ лето 6738. Мѣсяца Маѣя въ 3, во время святыя Богородица въ Володемири потрясея земля, и церкви, и трапеза, и иконы подвижашася по стенамъ, и светилна поколебашася, людѣ же измушася, и мняхуться яко глаза обошла каждо ихъ, и тако другъ другу сказоваху еже бысть имъ, и въ домехъ господьскихъ, и во иныхъ цекрвахъ и въ домехъ господьскихъ, и во иныхъ градехъ сіе. Въ Києве же граде боле того наипаче бысть потрясеніе: въ манастири Печерскомъ церкви святая Богородица каменная на 4 части раступися; ту суцу митрополиту Кирилу, и князю Володимеру, и бояромъ и множьству людей съшедиуся: праздникъ бо бе томъ дне отца Феодосія. Потрясе же трапезница каменною, уже привнесену бывшу въ ню корму и питью, и все же трапезница не паде, ни верхъ ея. Въ Переяславлѣ же Русскомъ церкви святого Михаила разседеся на двое, паде же и переводъ трехъ комаръ и съ кровлею, и потре иконы, и паникадила со свечами со свечами и светилна; бысть же то единого дне и единого часа по всей земли во время литургія. Того же мѣсяца 10, видѣша нецъи солнце рано восходяще, и бысть на три углы, потомъ же мало взыде съ своемъ чину. Того же мѣсяца 14, въ 3 часъ дне, солнце начя погигати зрящимъ всемъ людемъ, и остана его мало, бысть бо яко мѣсяце 3-хъ дней, и начя опять полнитися. Мнози же мняху мѣсяць идуць чресъ чересъ небо, бяшетъ бо межимѣсячье тогда; друзіи же мняху солнце идуще въспятъ, понеже бо оболочи маліи части съ полунощныя страны борзо бѣжаху на солныце на полуденну страну. Того же дне и часа бысть тако и того грознее въ Києве всемъ зрящемъ, и бастъ солнце мѣсяцемъ, и бысть солнце мѣсяцемъ, и явишася оба полы его стольпове червьлены, зелени, сини, также сниде огонь съ небесе, акы облакъ великъ надъ ручай Лыбедь, людемъ же всемъ отчаявшемся живота своего и мневшемъ свою кончину суцу, и начаша целовати друг друга, прощеніе пріемлюще и горце плачюще, и возопиша вси къ Богу со слезами; всемилостивый же Богъ преведе страшный той огонь чресъ весь градъ бес пакости, и впаде въ Днепръ реку, ту и погиге.

Се же сказаши намъ самовидцы, въ то время бывше тамо.... Того же лета бысть силенъ моръ силенъ, въ Смоленце створиши 4 скудельницы и положиши во дну 16 тысящъ, а въ третьей 7000, а въ четвертой 9 тысящъ, се же бысть по два лета.

Того же лета въ Новеграде Стефанъ Твердиславичъ и Иванъ Тимофеевичъ разкорастася съ Водовикомъ посадникомъ, и биша Ивана Тимофеевича слуги Водовиковы, и заутра вече бысть на Водовика на посадника, и разграбиша домъ его. Водовикъ же посадникъ оскорбися, и собра Новеграде весь на Ивана Тимофеевича, и на Якима Лукіановичя, и на Проконіа Яковличя, и сихъ осудиши дома ихъ на разграбленіе, а Ивана Тимофеевича убиши и въ Волховъ ввергоши, и иныхъ многихъ смерти предаши. И разгневался Богъ, и опустоши землю, и поиде дождь отъ Благовещеніа до Ильина дни, день и ночь, и возста студень, и быша мрази велици, и побѣ всяко жито, и купиши хлебъ по осми кунъ, а четверть ржы по 20 гривень Новгородцкихъ, а в-ыныхъ местехъ пустыхъ селскихъ четверть ржы по 30 гривень, а пшеница по 40 гривень Новгородцкхъ, а овса четверть по 12 гривень, и бысть моръ въ людехъ отъ глада великъ, яко не моци и погребати ихъ. Гладъ же наипаче простеся не точію въ Новеграде, но и по всей земли Русской, точію кроме единого Кіева, и толико гневъ Божій бысть, яко не точію мертвыа человеки ядыху, но и живыа человечеки другъ друга убиваху и ядыху, а еже конину, и пси, и кошки и иная такова, где кто палезъ, ядыше, иніи же мохъ, и сосну, илемъ, и кору липовую и листь ядыху. Зліи же человеци, где аще слышаху у кого жито, силою прихожаху въ место такое, грабаху и убиваху, и протреся гневъ Божій, и помрошиа люди по всей земле, имъже не бе числа. Сія же бысть по два лета 7-мъ и во 8-мъ» [ПСРЛ 10: 99–102].

Если обратиться к отечественной традиции интерпретации «мора лета 6737–6738», то здесь доминирует точка зрения о наличии вспышки инфекционного заболевания, продолжавшегося на протяжении двух лет. Указание на общее количество погибших, массовые захоронения (скудельницы) и хождение в первой половине XIII в. в Западной Европе различных эпидемий, лишь подтвердило предположение о возможном остром проявлении именно чумы [Богоявленский, 1960: 11; Дебрек, 1905: 10].

Если же обратиться к приведенному в Никоновской летописи описанию бедствий, постигших русские земли, то сразу бросается в глаза, что наравне с уже упомянутыми «элементами», сопутствовавшими любому «средневековому русскому мору», перечисляются: землетрясение, небесные явления и ухудшившиеся погодные условия. Кроме того, как видно из приведенного рассказа «*О потрясенныи земли*», сами бедствия обозначаются традиционным определением «*божим гневом за грехи человеческие*». Несомненным плюсом данного рассказа стало подробное указание на конкретное число погибших и названия русских городов. Фактически налицо один из первых примеров систематического описания мора на Руси.

Из всего выше сказанного, можно предположить, что на лицо была, скорее всего, вспышка нескольких эпидемических заболеваний. Причем, если в 1229 г. могла произойти вспышка «*Антониева огня*», то в 1230 г. вполне могла иметь место, и вспышка упомянутой выше чумы. Впрочем, говорить конкретно о чем-либо без проведения текстологического анализа русских летописных сводов, а также полевых и лабораторных исследований захоронений погибших во время «*мора 6737–6738*» пока будет преждевременно.

Следующий крупный «моръ» случился в 1237 г. в Псковской земле. «*Въ лето 6745. Бысть знаменіе въ солнци августа 3 в полудні; быть таково знаменіе: и тма бысть въ солнци съ запада, аки мѣсяць 5 нощіи, а со востока светло, и опять съ востока тма бысть такожде, акі мѣсяць 5 нощіи, и съ запада светло, и тако исполнися*» [ПСРЛ 4, 1915: 214]. Стоит отметить, что в приведенном отрывке нет прямого указания ни на мор, ни на место и время его возникновения. Однако, на эти вопросы позволяет ответить приведенное далее сообщение о походе немецких крестоносцев в Восточную Прибалтику и посылке Псковом 200 воинов. По мнению отечественного исследователя Ф.А. Дербека, возникший в Пскове и Изборске мор, возможно имевший западноевропейское происхождение, скашивает большую часть населения. Смертность была высокой, и, для того чтобы успевать хоронить умерших вовремя близ церковей рылись могилы на 7–8 умерших [Дербек, 1905: 11]. Полноценно доверять этой записи не стоит, так как в тексте работы Ф.А. Дербека не указан первоисточник. Поэтому данное высказы-

вание можно скорее рассматривать как гипотезу, базировавшуюся на знании записей моров, почерпнутых из других летописных источников.

§ 2. Возникновение и распространение «Черной смерти» на территории Золотой Орды и русских княжеств (конец XIII – начало XV вв.)

Дальнейшее комплексное понимание природы эпидемий на Руси без освещения складывающейся на пространствах Великой Русской равнины военно-политической обстановки будет достаточно сложным. К 1250-м г. ханам из рода Джучи удалось при помощи сильной руки объединить обширные территории Западноевразийских степей. Под их властью оказалась огромная территория от Дуная на западе до Иртыша на востоке, от Дербента и Хорезма на юге до Прикамья и Причудымья на севере [Исхаков, Измайлов, 2000: 62–66]. Восхищаясь размерами владений *«царства Хорезма и Даит-и Кыпчак»*, арабский путешественник Ибн-Халдун в середине XIV в. описывал эти земли как *«обширное царство на севере, раскинувшееся от Хорезма до Яркенда и Согда и Сарая, до города Маджара и Аррана и Судака и Болгара и Башкирда и Чулмана; и в границах этого царства город Баку, из городов Ширвана, и возле него «Железные ворота», а на юге до границ Константинополя»* [Тизенгаузен В.Г., 1884: 378]. По сведениям других арабских авторов, длина этого государства простиралась от моря Константинопольского до р. Иртыш, то есть восемь месяцев в пути или 800 фарсахов. В ширину от Баб-ал-Абваба (Дербент) до города Болгар, то есть шесть месяцев или приблизительно 600 фарсахов [Тизенгаузен В.Г., 1884: 175, 206].

Несмотря на всю изначально централизующую мощь власти ордынских ханов, процесс объединения в единую государственную систему земель Улуса Джучи занял порядка 70–80 лет. Исследователи называют несколько причин, объяснявших длительность этого процесса. Одной из самых важных считается нестабильность природно-климатических условий. Исследователи Золотой Орды (Гу-

милев, Алексин и Кульпин) пришли к выводу, что земли Дешт-и-Кыпчак, расположенные в полосе между 48° и 52° северной широты, постоянно были подвержены перепадам температур [Мордкович В.Г., Гиляров А.М. и др., 1997: 129, 140, 142]. Кроме того, в степной зоне наблюдалось неустойчивое выпадение влаги. Причем, примерно 80% неравномерно выпавших осадков приходилось на летние месяцы. После чего может наступить длительный засушливый период.

Все эти природно-климатические особенности способствовали формированию уникального малодревесного ландшафта и, как следствие, – специфическому сезонному земледелию. Его функционирование было возможным только на узкой полосе земли, растянувшейся от города Кызыл (Бурятия) до Секешфехервар (Венгрия). Этот район, получивший в научной среде название – «*Большая климатическая ось Евразии*», служил своеобразным ветроразделом, разделившим расположенные на севере более оседлые районы с умеренным климатом от южных кочевых районов, отличавшихся более континентальным климатом [Кульпин-Губайдуллин Э.С., 2004: 136]. При этом следует отметить гораздо большую подверженность южных районов угрозам, идущим от климатических изменений и нехватки водных ресурсов [Иванов И.В., Луковская Т.С., 1997: 33–35].

Еще одной специфической чертой местных природно-климатических условий являлось значительное влияние колебания уровня Каспийского моря на изменения в крупномасштабных ландшафтных перестройках пойм долин рек Волги, Ахтубы, Урала, Кумы, степей и полупустынь Северо-Восточного и Западного Прикаспия [Бадюкова Е.Н., 2010: 103; Рычагов Г.И., Коротаев В.Н., Чернов А.В., 2010: 75]. Одним из первых, кто начал осмысливать данный факт, стал выдающийся теоретик истории Л.Н. Гумилев. Согласно его концепции ритмов увлаженности степи, ведение сельского хозяйства в низовьях Волги напрямую зависело от возможности водной глади Каспийского и Аральского морей обеспечить циркуляцию влаги в атмосфере [Гумилев Л.Н., 1966: 82–83]. Это в свою очередь напрямую влияло как на кормовую ценность состояния ландшафтов региона, так и на уровень подтопления наиболее плодородных низинных земель и засоление грунтовых вод [Артюхин Ю.В., 2009: 316].

Как показали проведенные на территории современной Калмыкии почвоведческие исследования, понижение уровня Каспийского моря лишь на 1 м. способствует резкому наступлению среднеазиатских песочных масс в течение двух-трех десятилетий на территории 500–1000 км². При повышении уровня на 1 м – резкая смена растительности. Главными отличиями новой от старой биоэкологической системы являлись: 1) малая пригодность для выпаса скота; 2) относительный разреженный травяной покров; 3) слабо развитая корневая система местной фауны; 3) большая зависимость от засоления почв; 4) периодическое поступления с илстыми частицами морских соленых вод [Залибеков З.Г., Баламирзоев М.А., Биарсланов А.Б., 2011: 90]. При этом, по мнению отечественных исследователей, большую роль в изменении уровня этого водоема играл объем поступления донных илстых отложений, важных для нижне-волжской растительности. Непоследнюю роль в этом процессе, скорее всего, играла солнечная активность [Ковалев В.В., Астахов В.В., Нечипорова Т.П., 2011: Лилиенберг Д.А., Яценко В.Р., 1991; Рихтер В.Г., 1965].

В этих условиях важным становилось установление стабильного уровня Каспийского моря. Именно от него зависел необходимый для поддержания в дельте Волги хозяйственной деятельности и существований местных человеческих сообществ общий уровень сброса местными пресноводными водоемами объема воды и последующее его испарение (аридизация) [Аллахвердиев Ф.Д., Аллавердиева Д.Ф., 2011: 46].

Еще одной экологической «ахиллесовой пятой» Улуса Джучи можно признать наличие территориально близких к поселениям людей активных природных очагов чумы. О существовании последних в дельте р. Волги и Дона, в среднем течении р. Урала, Западной Сибири, в Западно-Каспийской области и в Закавказье свидетельствуют данные систематических исследований, проведенных отечественными учеными, начиная с 1878 г. [Олсуфьев Н.Г., Доброхотов Б.П., 1965: 230]. При этом основными носителями чумы были признаны синантропические виды мигрирующих грызунов (суслики, сурки, песчанки и луговые собачки), распространенные в этих районах и имевшие большой контакт с человеком. По мнению

академика Е.Н. Павловского, активная деятельность человека является тем фактором, который способствовал, как быстрому изменению границ природных очагов заболевания, так и ускорению миграционных потоков среди представителей животного мира. При этом сам исследователь подчеркивал значение изменения климата и трансгрессии уровня Каспийского моря в ускорении процесса взаимодействия между носителями и неносителями [Павловский Е.Н., 1964: 158–160].

Еще одним специфическим фактором развития Золотой Орды являлось сосуществование территорий, различных по уровню развития внутривластной культуры и экономических связей, в рамках одной политико-экономической системы. Так если в крымских, болгарских, русских и хорезмийских землях, территории были хорошо развиты, то для остальных подвластных земель опыт их развития ограничивался небольшим периодом существования на них крупных государственных образований степных народов (Хазарского, Западно-Тюркского и Аварского каганатов). При этом, положение осложнялось наличием конфликтных зон на всем протяжении границ Улуса Джучи, оттягивавших из центра значительные людские и денежные ресурсы. В случае ухудшения природно-климатических условий это могло в лучшем случае привести к усилению центробежных сил в средневековом татарском государстве. В худшем случае, наблюдалась бы полная потеря политическим центром контроля над развитыми окраинами.

Самой конфликтной зоной для Золотой Орды считалось находившееся на границе с Персией Закавказье. Именно в этом регионе шло пересечение интересов нескольких больших игроков (Персия, возродившая Византийская империя, крестоносные королевства на Пелопонесском полуострове, Генуя и Венеция). Поэтому становятся понятны сложности, с которыми столкнулись ордынцы при установлении своей власти над наиболее важными местными городами Закавказья (Нахичиван, Марагу, Тебриз) [Исхаков Д.М., Измаилов И.Л., 2007: 92].

Другой конфликтной зоной считалось Пруто-Днепровское междуречье. Территориальная отдаленность от центральных районов страны, а также экономическая ориентация на внешние рынки – вот

лишь не полный список первопричин, подтолкнувших местных ордынских сановников на проведение собственной политики, порой расходящейся с целями и задачами центральных ордынских властей [Егоров В.Л., 1985: 79].

Также связанность между областями в Золотой Орде осложнялась тем, что на всем протяжении ордынско-русского пограничья существовало большое количество территорий, опустевших в связи с массовым уходом населения. В этих условиях ханам Золотой Орды, стремящимся к установлению полного контроля над всей территории Улуса Джучи, потребовалось создать на опустевших землях новые экономические центры – города. Основной задачей последних должно было стать экономическое притяжение не только окружающих ордынских земель, но и близлежащих соседних территорий. Однако, если следовать типологизации городов по Броделю-Валлерстайну, новые города, основанные ханами Золотой Орды, скорее являлись «*квазиворотами*» в мировой экономической системе [Бродель Ф., 2007, Т.3; Wallerstein I., 1974]. Эти города по общему объему международной торговли и были близки к классическим городам-«*воротам*» Западной Европы и даже могли на короткий отрезок времени стать экономическими лидерами. Однако, в отличие от последних, экономическое развитие первых целиком и полностью зависело от наличия достаточно «*сильных личных контактов с властной иерархией*», а не от развития взаимодействия, при помощи фискальных и административных методов, торгово-финансовых центров с эксплуатируемой ими провинцией-«*хоры*» [Сергеев В.М., Казанцев А.А., 2007]. Вследствие снижения транзакционных издержек (сбор и обработка информации, ускорение переговорного процесса, снятие всяческих экономических барьеров, юридическая защита иностранных купцов на территории Золотой Орды) практически вся международная торговля в ордынских городах, зачастую сводилась лишь к простому обмену ресурсов. Таким образом, ордынские города смогли экономически развиваться исключительно как крупные перевалочные пункты и то только при помощи сильной власти «*харизматических правителей*» Улуса Джучи [Abu-Lughod J.L., 1989].

Еще одной специфической чертой развития золотоордынских городов исследователи считают географическое месторасположение этих поселений. Зависимость от наличия доступных водных ресурсов и возможность судоходства напрямую диктовали правителям Золотой Орды места создания новых городов. Поэтому не было случайностью, что все новообразованные города возникли на берегу крупных судоходных рек. Неизвестно существовал ли единый план застройки городов. Однако, изначальная ориентация новых поселений на Великий шелковый путь и отсутствие оборонительных сооружений в этих городах, позволяло правителям Улуса Джучи обеспечивать безопасное и стабильное развитие общегосударственной торговли [Кульпин-Губайдуллин Э.С., 2004: 136].

По мнению отечественного исследователя В.Л. Егорова, развитие градостроительства в средневековом татарском государстве прошло несколько стадий:

1. Период восстановления и использования старых городов, существовавших до прихода монголов – 40-е годы XIII в.
2. Начало градостроительства в степях во время правления Бату – первая половина 50-х годов XIII в.
3. Подъем градостроительства при Берке – с середины 50-х до середины 60-х годов XIII в.
4. Период замедленного роста городов – с 70-х годов XIII в. до начала второго десятилетия XIV в.
5. Расцвет градостроительства при Узбеке и Джанибеке – со второго десятилетия до 60-х годов XIV в.
6. Затухание и упадок градостроительства – с 60-х годов XIV в. до 1395 г.

В целом точка зрения советского исследователя на то, что каждый период развития золотоордынских городов отражал основную линию политического и экономического развития средневекового татарского государства на определенном этапе, представляется достаточно объективной [Егоров В.Л., 1985: 78]. Однако, она полностью не раскрывает процесс развития ордынских городов. Главным образом исследователь упирает на экономический детерминизм в этом процессе.

Опираясь на новые данные можно несколько иначе рассмотреть развитие Улуса Джучи на различных этапах.

Важным толчком к становлению независимости Золотой Орды стало строительство на Нижней Волге первой столицы Сарай-Бату и трех поселков со смешанным русско-татарским населением на перекрестках крупных торговых путей. Возникновение этих поселений являлось, скорее всего, политической акцией, нежели результатом достижения определенного уровня развития внутри ордынских экономических связей. Проводившиеся во второй половине XX в. археологические раскопки определили место расположения ордынской столицы близ современного поселка Селитренного (Астраханская область). Вызывает большое сомнение, что появившийся в безлюдных районах Нижнего Поволжья новый город мог возникнуть без прямой поддержки сильной центральной власти. Поэтому к созданию новой ордынской столицы можно выявить несколько предпосылок.

Одной из главных предпосылок к ее появлению, ученые называют выгодное географическое место. Центральные районы Золотой Орды (Крым, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ) еще с античности традиционно являлись регионами пересечения основных трансконтинентальных торговых путей.

Начало строительства этих поселений в целом совпало с установлением уровня Каспия на отметке минус $-32-30$ м относительно уровня Мирового океана. При этом отечественный исследователь А.Ю. Артюхин считает, что именно в это время в степях установился относительно благоприятный климат, чем в последующее столетие [Артюхин Ю.В., 2009: 317]. Доказательством этому служит достаточно широкое распространение широколиственных лесов в Нижнем Поволжье, Северном Кавказе и Причерноморских степях. На это указывают многочисленные находки костей лесных животных и птиц, золы и многочисленные остатки бересты, деревянных вещей, накатов и перекрытий [Артамонов М.И., 1937]. Однако, следует отметить, что в большинстве своем это были байрачные или пойменные леса, расположенные вдоль водных артерий, склонов водоразделов и балок. Растительность в таких лесах, как правило, имеет низкий бонитет и небольшой размер [Рулев А.С., 2013: 60]. Эти выводы по достаточно

широкому распространению лесов на юге России дополняют данные исследований Р.В. Федоровой и П.В. Матекина по полуфоссильной наземной малакофауне Нижнего Поволжья и Северного Кавказа [Матекин П.В., 1950; Федорова Р.В., 1954].

Наличие близ ордынских центров крупных лесных массивов не только ускорило строительство городов, но в то же время делало функционирование этих поселений зависимым от крупных поставок леса. Однако, установившийся климатический оптимум для степей Дашт-и-Кипчака [Рысков Я.Г., Демкин В.А. и др., 2006: 60] и целенаправленная градостроительная политика ордынских ханов, начиная с Берке, напрямую способствовали резкому экономическому подъему ордынских городов. Временная задержка в развитии ордынских городов во второй половине XIII в. была в большей степени обусловлена не отсутствием желания ханов продолжать политику Берке на мусульманизацию Золотой Орды, а скорее внутривосточным конфликтом с Ногай мурзой, всесильным правителем западно-ордынских улусов. В то же время, следует отметить, что именно на этот период приходится окончательное включение ордынских городов в мировую экономическую систему. Становым хребтом последней, по мнению многих историков, считался Великий шелковый путь, соединивший ордынские города (Сарай, Астрахань, Сарайчик, Ургенч (Хорезм)) с крупными азиатскими торговыми городами (Оттаром, Алмалыком, Кашгаром, Ханбалыком (Пекин)) [Скржинская Е.Ч., 1971: 50–52]. Именно эта трансконтинентальная система позволяла поддерживать товаропоток на высоком уровне.

Одними из первых экономический эффект от этого включения ощутили уже существующие хорезмские, болгарские и крымские города Золотой Орды. В кратчайший срок они превращаются в очень крупные перевалочные пункты восточных и европейских товаров. Главным образом это объяснялось целенаправленной политикой ордынских ханов, которые при помощи установления тесных дипломатических контактов с мамлюкским Египтом, Генуэй и хулагуидским Ираном смогли расширить свои торговые связи. Не последнюю роль здесь сыграла раздача так называемых «царевых грамот» новгородскому и суздальскому купечеству, что позволило

значительно расширить контакты с европейскими контрагентами [Недашковский Л.Ф., 2010: 207].

Прямыми следствиями такой политики стали скорее не бурный экономический подъем собственно ордынских городов, а развитие сухопутных путей в Золотой Орде и подъем городского строительства в старых урбанистических центрах (Хорезм, русские княжества, Крымский и Булгарский вилаеты). Это подтверждают данные археологических раскопок. Собственно, ордынские города на тот момент представляли из себя простое скопление юрт и кибиток, и в очень редком случае – стационарные постройки. В отличие от городов, расположенных в старых урбанистических центрах, культурный слой ордынских городов второй половины XIII в., либо вообще не был зафиксирован, либо имел очень маленький уровень [Зеленева Ю.А., 2010: 116]. Это не позволяет археологам с точностью говорить о значительной экономической деятельности городского населения и активном антропологическом влиянии на окрестности.

В то же время, бурное развитие сети внутриордынских сухопутных дорог ускорило процесс распространения эпидемических заболеваний. Так в русских летописных текстах отмечен «*моръ лета 6785*». «*Того же лета мнози человеци умираху различные недуги*» [ПСРЛ 10: 156]. Однако, в целом из данного летописного отрывка невозможно узнать подробно о времени, регионе распространения и форме заболевания. Куда больше информации содержится о «*море лета 6791–6792*». Вот как эти события отмечены в Ипатьевской летописи: «*Тое же зимы и в Ляхохъ бысть моръ изомре ихъ бесчисленное число множество (1283)....Тое же зимы не токмо во единой Руси бысть гневъ божий моромъ, но и Ляхохъ; тое же зимы и в Татарехъ изомре все кони и скоть и овць, все изомре, не остася ничегоже (1284)*» [ПСРЛ 2, 1871: 590–589].

В отечественной историографии сложилась точка зрения, что возникший мор являлся прямым следствием западного похода Толебуки хана (Туле-Буги) и беклярбека Ногая. Поэтому, зачастую в качестве одной из главных причин начала эпидемии обозначали отравление колодцев татарскими воинами, а сама эпидемия определялась как кишечная инфекция [Бужилова А.П., 2005: 287; Васильев К.Г., Сегал А.Е, 1960: 25]. «*Много же зла тогда сотвориша татаре Рус-*

ской земле, аще не мечем и огнемъ, понеже Русь помогаху имъ, но чарами своими: иземше бо сердце человеческое мочаху во ядъ аспидномъ и полагаху въ водахъ, и отъ сего великий моръ по всей Русской земле» [ПСРЛ 2, 1843: 347]. С этой позицией можно лишь отчасти согласиться, в особенности когда речь шла о территории, охваченной набегом татар. Поэтому логичным выглядит указание на общее количество погибших в русских княжествах и Польше. «По отшествии же Телебузне и Ногаев, Левъ князь сочте колко погибло во его земле людей: што поимано, поимано, избито, и што ихъ Божию волею измерло, – полътретинадесять тысяче» [ПСРЛ 2, 1871: 589]. Однако, приведенные в тексте Ипатьевской летописи сообщения о большом количестве погибших в Золотой Орде и последовавшей вслед за этим крупной эпидемической вспышке в русских землях, скорее указывают на иную природу заболевания.

«Въ лето 6792. Попусти же Богъ казнь свою на Татарь: поблудивше бо Татаре межи горами, въ пустыняхъ, яко нетокмо кони ядоша, но и людей ядыху отъ глада, и умре ихъ тамо отъ глада около ста тысячей, Телебугъ же едва въ мале дружине выблудился» [ПСРЛ 2, 1843: 346].

Исходя из традиций русского летописания по фиксации мора, можно отметить в данном отрывке указание на масштабный голод, возникший среди татар. По мнению современных исследователей, данное бедствие являлось прямым следствием наступления масштабных климатических изменений. Наступление последних около 1280-х г. было отмечено Ю. Шамильоглу и Б.М.С. Кэмпбеллом [Шамильоглу Ю., 2016а; Campbell B.M.S., Ó Gráda C., 2011: 865]. Согласно их точке зрения, одним из видимых последствий этого, скорее всего, стало ужесточение политической ситуации в регионе. *«Въ сія много которяхуся Русь со Мазошаны, имеюще въ помощь Лътву; такожде и въ Лясахъ бысть междособная брань» [ПСРЛ 2, 1843: 346]. Другими следствиями изменения климата стало обострение эпидемической ситуации. Правда, скорее всего, речь шла о локальной вспышке острого эпидемического заболевания. Причем, важную роль в распространения последнего могла сыграть существующая дорожная сеть. Поэтому неслучайным выглядит указание на достаточно обширный регион распространение «мора». Однако,*

продолжавшиеся процессы урбанизации и миграции в Золотой Орде могли скорее всего ускорить переход от локальных вспышек к будущей пандемии. Поэтому «моры лета 6785 и 6791–6792» могли вполне считаться одними из первых проявлений грядущей «Черной смерти». Прямым доказательством этому может служить выделенный исследовательской группой Й. Краузе из единичного захоронения 1278 г. города Булгара геном штамма чумной бактерии *Yersinia pestis*, распространенного в Средние века [Spyrou A.M., Tikhbatova R.I. et al., 2016: 876–879].

Фактически нужно говорить, что именно территория Золотой Орды стала тем регионом, где происходило становление этого заболевания. В то же время, процесс перехода от локальной к более масштабной вспышке крайне вирулетной формы средневековой чумы был достаточно длителен. По крайней мере, можно говорить о 50-летнем периоде проявления первичной формы «Черной смерти» (1280–1320-е гг.).

Несомненно, важную роль в этом процессе сыграло ускорение в начале XIV в. процесса урбанизации в средневековом татарском государстве. Пришедший к власти в этот период Узбек-хан был изначально заинтересован в стабильном развитии торговли. В итоге, это напрямую способствовало тому, что в этот период была сформирована целая индустрия ордынской экономики, которая целиком и полностью была завязанна на перевалочной торговле европейскими и восточными товарами. Важными элементами этой отрасли, по мнению крупнейшего отечественного исследователя Золотой Орды Г.А. Федорова-Давыдова, являлись: строго централизованная система управления торговых путей, состоявшая из целого корпуса переводчиков на кыпчакский язык, погонщиков лошадей и верблюдов, и мест ночевок равномерно расположенных по торговым путям (караваны, сараи и колодцы). Однако, одним из главных элементов всей ордынской торговой системы являлся стабильный размер ввозной пошлины в 3%, не пересматривавшийся вплоть до второй половины XIV в. [Федоров-Давыдов Г.А., 1971: 80]. Следует отметить, что залог успеха ордынской экономики целиком и полностью был связан с денежной реформой, проведенной при хане Тохте в 1311 г. В результате этого официальный курс сарайского дирхема целиком и полностью стал

зависеть от рыночных цен на драгоценные металлы (золота, серебра и меди), из которых была отчеканена монета. Такой подход к монетарной системе Улуса Джучи являлся необходимым условием при проведении безналичных расчетов на всем протяжении от Европы и Индии [Федоров-Давыдов Г.А., 1971: 156].

Стабильность в финансовой системе Золотой Орды не только способствовал стабильному развитию внутреннего рынка, но и активизировала внешнеполитические связи с основными торговыми партнерами в Европе и Средней Азии. Это привело к тому, что уже в первом десятилетии XIV в. в Улусе Джучи окончательно сформировались несколько основных транспортных сухопутных трансконтинентальных торговых путей: северо-западное ответвление Великого шелкового пути; Карпатская дорога, Волжский и восстановленный Днепровский путь. В итоге, это позволило не только ускорить перемещение между Западной Европой, Центральной Азией и Дальним Востоком товаров, услуг, технологий, знаний и людей, но и включить в мировую экономическую систему ранее не затронутые регионы. В частности, можно говорить об Урале и Западной Сибири. В свою очередь, это обстоятельство вызвало большой интерес к ордынским городам со стороны венецианцев и генуэзцев. В результате в причерноморских и бессарабских степях возникли 38 торговых факторий итальянских республик, две из которых: Каффа (Феодосия) в Крыму, и Тана (Азов) в устье р. Дон. Наравне с ордынскими городами в Крыму, эти два города очень быстро превращались в экономические центры притяжения окрестных земель [Крамаровский М.Г., 1997: 106]. Последовавший за этим экономический рост напрямую способствовал возникновению в первой половине XIV в. большого числа новых ордынских городов, расположившихся на берегах крупных рек в причерноморско-азовском бассейне.

Причем следует отметить, что аналогичный всплеск градостроительства стал наблюдаться повсеместно в Золотой Орде. Крупные городские центры появляются в ранее малозаселенных районах: г. Наручад (улус Мухша – Сурско-Свияжское междуречье); г. Старый Орхей (Пруто-днестровское междуречье); г. Шерх ал-Джедид (степное левобережье р. Днепр); г. Азак (устье р. Дон); г. Маджар (Северный Кавказ); г. Сарайчик (правобережье р. Урал); а

также многочисленные города и поселения в Сибири и в Средней Азии. В целом, считает В.Л. Егоров, общее количество существовавших на начало XIV в. ордынских городов составляет примерно 110 объектов. В то же время, 30 поселений, указанных в генуэзских и венецианских картах этого периода, не могут быть локализованы на местности, из-за недостаточной археологической изученности [Егоров В.Л., 1985: 139].

Исходя из анализа итальянских средневековых карт, основным политическим и экономическим центром Улуса Джучи к началу XIV в. становятся города, расположенные в центральных районах Золотой Орды. Это объяснялось тем, что именно в этот период происходит восстановление Византии и наступление мира в Монгольской империи.

Дальнейшее развитие торговли привело к полной трансформации ордынских городов. Определенную роль в этом процессе сыграло провозглашение ханом Узбеком ислама в качестве официальной религии всего Улуса Джучи. Однако, несмотря на это ордынская верхушка продолжала поддерживать и культивировать свое монгольское происхождение. Поэтому в ордынских городах Нижнего Поволжья этого периода явно прослеживаются как кочевые, так и оседлые черты. Так, например, при исследовании новой столицы Зотой Орды Сарай ал-Джадид (Царевское городище) выделяются две части: торговоремесленная (с квартально-уличной застройкой) и район свободно стоящих усадеб зажиточного населения. По мнению отечественного исследователя Г.А. Федоров-Давыдова, подобное расположение, в целом, напоминает планировку монгольской столицы Каракорум, а ориентировка юг-север в планировке домов знати и ханского дворца сохраняет традиции монгольской архитектуры [Федоров-Давыдов Г.А., 1994: 16]. При этом следует отметить серьезный рост числа городских строений, выполненных в мусульманской традиции Ближнего Востока [Федоров-Давыдов Г.А., 1997: 96–97, 99]. Историки объясняют это приростом во время персидско-ордынских войн второй половины XIII в. пленных из мусульманских регионов Кавказа и Средней Азии.

Резкий прирост населения в ордынских городах привел как к положительным, так и отрицательным последствиям. С одной стороны,

произошли существенные изменения в духовной и бытовой культуре, что способствовало ускорению процесса складывания городского сословия в Золотой Орде [Зеленева Ю.А., 2010: 118]. С другой стороны, резкий прирост переселенцев из совершенно иной природно-климатической зоны не могло не вызвать резких изменений в экологии и эпидемической обстановке Нижнего Поволжья. Активное градостроительство на пике климатического оптимума привело к резкому сокращению байрачных и пойменных лесов, что в свою очередь стало сказываться на: ускорении эрозии земель, резком падении уровня грунтовых вод (при столь же скором засолении почв) и наступлении песчаных масс из Средней Азии. Это подтверждают данные анализов почв и галофитной растительности Среднего и Нижнего Поволжья, проведенных в 1994–2005 г. Т.М. Лысенко, старшим научным сотрудником лаборатории проблем фиторазнообразия Института экологии Волжского бассейна РАН [Лысенко Т.М., 2006].

Еще одним, на первый взгляд не замеченным для современников, негативным фактом, явилось массовое переселение населения, обладавшего совершенно иной внутренней микрофлорой. В условиях существования местных природных эпидемических очагов, подобная миграция стала приводить к накоплению среди местного населения новых болезнетворных микроорганизмов. Однако, наличие достаточного количества продуктов питания и благоприятных климатических условий отводило на второй план проблему возникновения среди местных человеческих сообществ новых масштабных эпидемий. Поэтому, скорее всего, именно массовый голод являлся основной причиной моров начала XIV в., указанных в летописных списках.

«Въ лето 6816 бысть казнь отъ Бога, на моръ и на кони, а мыши поядоша жита; и бысть хлебъ дорогъ зело» [ПСРЛ 3, 1841: 223]. *«Въ лето 6817 мышь поела рожь, пшеицу, овесь, ячмень и всяко жито; и того ради бысть дороговъ веліа, межина зла, и гладъ крепокъ по всей земле Русской земле, и кони и всякъ скоть помре»* [ПСРЛ 10: 177]. Как отметила один из крупнейших современных отечественных антропологов А.П. Бужилова, в текстах данных летописных отрывков наравне с острым мором от неурожая и недостатка пищи сообщается о сопутствующих среди животных и людей эпизоотии [Бужилова А.П., 2005: 287]. Согласно сложившейся в

отечественной историографии традиции последняя была определена как сибирская язва, имевшая симптоматику, схожую с чумой.

Исходя из теоретических взглядов на возникновение «*Черной смерти*», именно эпизоотия была обозначена, как один из первых звонков приближающейся большой эпидемической вспышки средневековой чумы. Однако, скорее всего, это было лишь косвенным свидетельством. Куда более показательным является указание в вышеприведенных летописных отрывках на поедание мышами урожая зерновых. Скорее всего, увеличивавшееся в условиях благоприятных природно-климатических условий поголовье местных синантропических видов грызунов (серые мыши), в поисках необходимого количества пищи, вступило в контакт с человеческими сообществами. В результате этого и произошло ускоренное попадание болезнетворных микроорганизмов внутрь человеческого организма. При этом часть из них могла осесть и в организмах домашних животных, что в условиях продолжения жизнедеятельности последних привело, как к их совместной коэволюции в организме нового носителя с последующим проявлением в виде иных обших для человека и животных эпидемических заболеваний, так и к переходу к латентной форме заболевания с последующим появлением формы более опасной для человека. Однако, для последующего перехода к масштабной вспышке эпидемического заболевания крайне необходимо нахождение человеческого организма в состоянии перманентного стресса. Как уже было сказано выше, к последним относятся: голод, изменение климата и прибытие новой массы переселенцев.

Если продолжить далее текстологический анализ летописных сводов, то новгородские и псковские летописцы сообщают о возникновении в Северо-Западной Руси через нескольких лет после событий «*лета 6817–6818*» масштабного голода. «*Въ лето 6822. Хлебъ беаше дорогъ в Новегороде; и [во Пскове] почали беаху грабити недобри людие села в городе, и избиша ихъ Псковици 50, человекъ, и потомъ бысть тихо. Избиша Корела городчанъ в Корельскомъ городке и введоша Немець, Новгородци же с наместникомъ Феодоромъ идоша на нихъ; на нихъ; и предашася Корела, наши же избиша Немець и Корелолу переветниковъ*» [ПСРЛ 4, 1915: 255; ПСРЛ 5, 1851: 11]. Исходя из представленной в отрывке информа-

ции, можно заключить, что голодом оказались охвачены: Новгород, Псков, Корела и округа. Причем о масштабности данного события свидетельствует не только перечисление поселений, но и возникшие на фоне этого конфликты между сельскими и городскими жителями, немецкими купцами и новгородцами. Фактически налицо проявление стрессового напряжения древнерусского общества, оказавшегося в условиях масштабного голода.

Произошедшая через несколько лет вспышка эпидемического заболевания явилась закономерным итогом углубления стрессовой ситуации. «*Въ лето 6826. Тое же зимы бысть моръ во Твери на люди*» [ПСРЛ 10: 181–182]. При локализации формы возникшего заболевания следует обратиться к седующей записи: «*Въ лето 6825. Тое же осени бысть знаменіе на небеси, месяца Сентября, въ день суботный до обеда: кругъ надъ Тверью, мало не съступился на помощь, имея три лучи: два на востокъ, а третей на западъ*» [ПСРЛ 15, 1863: 409]. Если обратиться к русской летописной традиции описания моров, то приведенное здесь описание небесных явлений могло являться завуалированной формой сообщения о вспышке эпидемического заболевания. Скорее всего, это была локальная вспышка чумы, которая, согласно более поздним описаниям в летописных сводах, проявлялась на территории русских княжеств во второй половине года. Поэтому можно говорить о ее проявлении в 1317 году, что в свою очередь несколько корректирует точку зрения, устоявшуюся в отечественной историографии. Согласно ранним взглядам, данный мор датировался 1318 г. Подтверждает это предположение, составленное относительно чумы, присутствие указаний на разразившиеся военные бедствия против Тверского княжества, а также смерть сестры Узбек-хана княгини Агафьи [ПСРЛ 10: 180]. Скорее всего, аналогичная последовательность эпизоотии, массового голода и локальных вспышек чумы наблюдалась в этот период и на территории Золотой Орды.

Исходя из данных современных исследований, большую роль в завершении процесса возникновения «*Черной смерти*» сыграло ускорение климатических изменений. Начавшаяся в 1280-е г. коррекция движения атмосферных фронтов (вследствие изменения теплового атлантического течения Гольфстрима), привела к тому, что около

1320-х г. увеличился общий сток пресных водоемов, окружавших Каспийское море, и последующее повышение уровня последнего [Берг Л.С., 1934: 20–21; Варущенко С.И., Варщенко А.Н.: 1984: 65]. Это привело к быстрому крупномасштабному подтоплению обширного пространства Северного Прикаспия и Приаралья с пастбищами, многочисленными поселениями и столицей Золотой Орды в XIII–XIV вв. [Артюхин Ю.В., 2009: 318]. Причиной тому, по мнению отечественных исследователей, стала сейсмическая активность в районе южного берега Каспия, проявившаяся в опускании дна Астрабадского залива и рост грязевулканической деятельности на Северном Кавказе [Вознесенский А.В., 1927: 780]. Именно в этот период путешественники массово зафиксировали внешние проявления активизации вулканов (землетрясения, огненные явления, бурление воды, появление резкого запаха сероводорода и метана, возрастание мощности выхода через трещиноватые горные породы радиоактивного газа радона).

Еще одним видимым результатом активизации сейсмических процессов в каспийском регионе, по мнению отечественных исследователей, стало резкое изменение течения и стока р. Амударьи, приведшее к увеличению уровня Каспийского и Аральских морей на 10–12 метров [Вайнбергс И.Г., Ульст В.Г., Розе В.К., 1972: 86]. Произошедшее нашло свое отражение в итальянском портолане Каспийского моря XIV–XVI вв. [Волков И.В., 2003: 110]. Последовавшая затем мгновенная аридизация окрестных степей и плоскогорий способствовала увеличению числа контактов человека с синантропическими видами грызунов, основными носителями чумных блох.

Положение осложнилось тем, что в период между 1328–1333 г. на всем пространстве Евразии прокатилась волна масштабных голодов. В русских княжествах большой «глад» был отмечен в 1332 г.: *«Въ лето 6840 бысть меженина въ земле Русской и дороговъ велика; сїю же дороговъ неци глаголотъ рослюю рожь»* [ПСРЛ 10: 206]. В данном летописном отрывке не конкретизируется место возникновения голода в русских княжествах. Если дополнительно к этому учесть установившиеся тесные контакты с Золотой Ордой, то можно предположить о возможном проявлении данного бедствия также и на территории средневекового татарского госу-

дарства. Однако, это не значит, что окончание данного масштабного голода автоматически привело к началу «*Черной смерти*». Скорее всего, имел место быть процесс учащения локальных вспышек с последующим наложением эпидемической волны легочной формы средневековой чумы, пришедшей из глубин Центральной Азии. Этим то и можно объяснить фиксацию летописцами в 1341 г. крупной эпидемии произошедшей в Северо-Западной Руси: «*Въ лето 6849. Бысть же въ то розратье, грехъ ради нашихъ, бяше моръ золь на людехъ во Пскове и въ Изборске: мряху бо старыя и молодыя люди, и чернци и черница, мужи и жены и малыя детки, не бе бо ихъ где погребати, все могилье воскопано бяше по всемъ церквамъ; а где место воскопають или жене, и ту съ нимъ положатъ малыхъ детокъ, семеро или осмеро головъ въ единъ гробъ*» [ПСРЛ 4, 1848: 188–189].

Данная вспышка была хорошо проанализирована А.Е. Бужиловой. Согласно ее точке зрения, это была очень крупная эпидемия, затронувшие все слои городского населения. Хотя упоминание о ней не встречается в других летописных сводах. Однако, указание на неожиданное снятие «*немцами*» осады в 1341 г. могло свидетельствовать о начале нового витка заболевания и последующем увеличении числа больных. Впрочем, отметил исследователь, отсутствие веских доказательств не позволяет подтвердить это предположение.

Если говорить собственно о начале «*Черной смерти*», то с большой точностью можно утверждать, что ее предшествованием явилась эпидемия, разразившаяся в конце 1320 – начале 1330-х гг. в китайских и монгольских землях Великого хана. Как показали исследования генома чумы, наиболее вероятным регионом появления начала этой эпидемии чумы стало Цинхай-Тибетской плато. Это в свою очередь подтверждают арабские и китайские источники. Последние отметили смерть от неизвестной ранее болезни представителей династии Юань: Есун-Тэмура, Туга-Тэмура и его сыновей. Также жертвами последней стали 16 правителей окрестных земель, а также большое число воинов из войска Великого хана.

Дальнейшее распространение болезни было зафиксировано в тексте персидского летописца Фасиха ал-Хавафи. В тексте этого

источника напрямую указывалось, что эпидемия 1336–1337 гг. вспыхнула сразу после землетрясения в районе между селениями Заузана и Джизаде. В результате, в районе между селением Завы и городом Дугабады (Исламабад) погибло порядка 11 тысяч человек. Именно оттуда, скорее всего, по торговым путям чума в 1338/39 гг. попала в район озера Иссык-Куль. Об этом напрямую свидетельствуют найденные здесь надгробия несториан. После чего вспышка средневековой чумы была зафиксирована в Хорезме в 1345 г. Другим возможным вектором распространения эпидемии стали Северная Персия и Месопотамия. Именно, здесь позднее были зафиксированы самые крупные вспышки чумы.

Около 1346 г. эпидемия средневековой чумы, через торговые пути, шедшие по территории Хорезма и Тебриза, оказалась на территории Золотой Орды³. Наиболее ранние сведения о «Море 6854–6860» были сделаны в Троицкой летописи. Согласно предположению советского исследователя Г.Н. Моисеева, последняя, возможно, являлась более поздним списком свода 1408 г., созданного при дворе митрополита Киприана, жившего непосредственно в эпоху «Черной смерти». Поэтому данный источник очень важен в понимании восприятия данного исторического события жителями русских княжеств, зависимых от Золотой Орды. Из текста источника следует, что: «*в лето 6854 бысть казнь от бога на люди под восточную страну в Орде и в Орначи, и в Сарае, и в Бездежь, и въ прочихъ градахъ и бысть мор великъ на люди, и на Жиды, и на Фрязи, и на Черкасы, и на прочие человеки, тамо живущая в нихъ. Толь же силенъ бысть моръ въ нихъ, яко не бе мощно живымъ мертвыхъ погребати*» [Приселков М.Д., 1950: 336–337]. Аналогичные оценки «Черной смерти» можно встретить в источниках, относящихся к тверской летописной традиции. Наиболее полно данная информация представлена в тексте Рогожского летописца и Симеоновской летописи [ПСРЛ 15: 57; ПСРЛ 18: 95].

Заметные изменения по отношению к тексту Троицкой летописи характерны для новгородско-псковской летописной традиции.

³ См. подробнее о взглядах восточных авторов на начало «Черной смерти» в главе I.

Здесь, в отличие от остальных летописных сводов, явно заметно влияние библейских сюжетов. «Черная смерть» здесь описывается как «казнь Египетская» [ПСРЛ 4, 1851: 276; ПСРЛ 6: 419; ПСРЛ 16: 78]. Подобная оценка событий в целом была присуща текстам, созданным в более позднее время.

Наиболее спорным моментом в описании первой волны «Черной смерти», считается упоминание города Ворначь (Орначь). Зачастую бытует мнение, что под ним подразумевается среднеазиатский Ургенч. Однако, в свете биологических исследований природных очагов чумы, такое предположение будет иметь некорректное значение. Скорее всего, под этим названием следует понимать один из золотоордынских городов, находившихся: либо на Северном Кавказе, о чем свидетельствуют указанные в тексте сообщения народы; либо в устье Дона, о чем говорит Н.М. Карамзин, и упоминание в летописной записи ближайших ордынских городов (Хаджи-Тархан, Сарай, Бельджамен). Отчасти доказательством этого предположения может служить тот факт, что в перечислении не указываются другие среднеазиатские центры.

К предположению об усть-донском происхождении этого города склонялась отечественный историк Г.Н. Моисеева. Ссылаясь в своей статье на карту венецианского космографа Фра Мауро, посетившего в 1388 г. Нижнее Поволжье, исследователь приходит к выводу, что располагавшиеся в устье Дона город *Organsa*, скорее всего, являлся легендарным городом Орнач. Правда, факт присутствия на карте рядом с надписью наименования города изображения надгробия с надписью «*Sepulcrum real*» («в действительности могила») напрямую свидетельствовал об исчезновении в конце XIV в. этого города [Моисеева Г.И., 1979: 225]. На северокавказское месторасположение города Орнач указывает немецкий хронист Иоанн Шильтенбергер. Попав в 1396 г. в плен к туркам? он смог описать восточные земли и города. Одним из увиденных крупных ордынских поселений на Кавказе стал город Оригенс (*Origens*), расположенный на берегу реки Эдил близ горной страны Джулад [Шильтенбергер И., 1867, Т. 1]. Впрочем, о существовании единой точки зрения на месторасположение этого города в российской историографии говорить не приходится.

Подобное упоминание исторического события можно встретить во многих русских летописях⁴. Причем в тексте «Русского хронографа» упоминается иная дата возникновения чумы: «В лето 6856 (1348) казнь бысть отъ Бога – моръ на бесермены въ Орначи и Сарраи и во Азътаракани и инымъ градомъ, ако неможно ихъ и погребати» [ПСРЛ 22, 1911: 410]. Это может свидетельствовать лишь о том, что эпидемия продлилась в западных ордынских землях более двух лет, а именно с 1346 по 1348 г. Косвенно о массовом море людей в этот период в зависимых от Улуса Джучи землях говорят Холмогорская и Новгородская 4-я летописи. Они свидетельствовали о начавшейся в 1349 году борьбе за Волынъ между Великим княжеством Литовским и польским королевством: «В лето 6857 Король краковский пришед, взя лестию землю Волынскою и церкви претвори в латынство богомерзское служение. Того же лета князь великий литовский Олгерд посла в Орду ко царю Чанибеку братию Кориада да Михаила, да Семена Свикличевского просити помочи на великого князя Семена. То же слышав, князь великий посла ко царю своих киличеев Федора Глебовича, да Аминя, да Федорова Шибачеева заловатись на Олгерда. Слышав же то царь, яко Олгерд улус его пустошит, а князя великаго обидит, и выда послов литовских, братию Олгердову киличеем великого князя, приведении на Москву послом царевым Тутуем» [ПСРЛ 4: 276; ПСРЛ 33: 83].

Если следовать данным, приведенным в 1-й главе западных хронистов, и учитывать современные исследования, то можно заключить, что «Черная смерть» начала свое смертоносное шествие по территории Старого света из Крыма. Однако, ее начало не было связано напрямую с бомбардировкой осенью 1346 г. войсками Джанибека осажденной Каффы трупами умерших от чумы. Скорее всего, вспышка началась в генуэзской колонии весной 1347 г., когда на территорию города стали проникать уже зараженные вторичные

⁴ Рогожский летописец, Ермолинская летопись. Троицкая летопись, Холмогорская летопись, Новгородская летопись, Летопись Аврамики, Новгородская 4-я летопись, Софийский временник, Софийская первая летопись, Патриаршая или Никоновская летопись, Сименовская летопись, Львовская летопись. Московский летописец.

носители чумы (крысы). Именно, отправившиеся в весенние месяцы из городской гавани суда генуэзских купцов и стали разносить новую форму чумы.

Однако, не только генуэзский фактор сыграл важную роль в ее дальнейшем распространении. Скорее всего, существовали и другие пути распространения эпидемии средневековой чумы. Именно, поэтому в 1347 г. вспышки нового заболевания фиксировались на достаточном отдалении от торговых путей генуэзских купцов. Подтверждением этому служат приведенные в тексте хроники Никифора Григоры указания на продолжение на территории Византийской империи «*Черной смерти*», возникшей в причерноморских степях [Никифор Григора, 2014, Т. II. Кн. 16. 1: 190–191]. Собственно, столь масштабный охват не был бы возможен без взаимодействия уже активных местных локальных вспышек и вновь прибывшей «*Черной смерти*». Именно, поэтому в источниках фиксируется столь разнообразная клиника чумы. Фактически, необходимо говорить о параллельном хождении нескольких форм чумы (бубонной, септической и легочной).

Дальнейшее распространение «*Черной смерти*» в Западной Европе напрямую свидетельствовало о влиянии балканского, ближневосточного и североафриканского регионов на этот процесс. Чего нельзя сказать о территории Улуса Джучи. На сегодняшний день возникло много споров вокруг нераспространения заболевания далее на север, вглубь ордынской территории, во время первой волны Второй пандемии чумы. В этом смысле, правомерной выглядит точка зрения норвежского исследователя О.Й. Бенедиктова, который связал приостановку распространения «*Черной смерти*» с противостоянием хана Джанибека с генуэзскими купцами, повлекшим временную приостановку торговли в северном направлении. Однако, в большей степени это было связано с активным использованием центральными властями Улуса Джучи карантинной системы, известной со времен второго правоверного халифа Умара. Чего нельзя было сказать о находившемся в вассальной зависимости Полоцке, расположенном на восстановленном днепровском торговом пути [ПСРЛ 23: 110], здесь вспышка эпидемии была отмечена в 1349 г.

Несколько по-иному проявилась «Черная смерть» в Золотой Орде. Если взять за основу современную точку зрения отечественных исследователей А.Е. Володарского, С.А. Ершова, Д.М. Исхакова и И.Л. Измайлова, то общая численность населения на пространствах Великой Русской равнины накануне первой волны Второй пандемии чумы составляла примерно 8,5–9 млн. человек. Из них 5,3–5,5 млн. в русских княжествах и около 3-х млн. в Золотой Орде. Предложенный процент убыли населения указал на возможное число погибших: 275000 чел. (русские) и 750000 (татары).

Скорее всего, численные потери средневекового татарского государства к середине 1350-х г. оказались еще выше, так как во время первой волны Второй пандемии чумы в степи разразился масштабный голод. Прямым свидетельством этому, могут служить тексты писем Франческо Петрарки к своему другу Гвидо Сетте, архиепископу Генуи: *«...ибо в Греции бедствие давнее, в Скифии же недавнее, так что оттуда, откуда прежде обычным делом было прибытие ежегодно в этот город (Венецию) на судах огромного урожая хлеба, теперь точно так же прибывают суда, отягченные грузом, который побуждаемые нуждой продают родственники. И вот уже непривычного вида и неисчислимое скопище немощных людей обоего пола этот прекрасный город скифским обличем и безобразным сбродом – как чистейший источник мутным потоком – поражает. И если бы этот запруживающий тесные улочки люд не был бы милее тем, кто их покупает, нежели мне, и не привлекал их взоры более, нежели привлекают мои, и не гадок, и не омрачал прохожих дурного вида скоплением, то во всей Скифии, вместе с изнурительным и бледным голодом в каменистом поле, куда поместил его Назон, редкую траву зубами и ногтями щипал бы и поныне»* [Крамаровский М.Г., 2002: 170]. Подтверждает слова Петрарки сообщение арабского летописца аль-Омари: *«Во время голода и засухи они продают своих сыновей. При избытке ж они охотно продают своих дочерей, но не сыновей, детей же мужского пола они продают не иначе, как в крайности»* [Тизенгаузен В.Г., 1884: 241].

Косвенным свидетельством этих событий могут служить цены на ордынский хлеб на генуэзском рынке. Так в 1290 г. мина зерна в Генуе стоила порядка 16 сольди. Уже после первой волны чумы в

1357 г. она составила 40 сольди, а в 90-х гг. XIV в. – от 38 до 55 сольди. Другими свидетельствами ордынского голода во время «*Черной смерти*» стали как записи о поступлении «*живого товара татарского происхождения*», зафиксированные в торговых книгах итальянских купцов из Каффы, Танны и из других причерноморских городов, так и законодательные акты итальянских городов, запрещавшие ввоз этого вида товара. Таким образом, эти данные свидетельствовали о стабильной ежемесячной продаже на крымских рынках порядка 47–67 чел. [Карпов С.П., 1986: 141]. И такой высокий уровень торговли сохранялся вплоть до разграбления Таны войсками Тамерлана в 1395 г. [Карпов С.П., 1990: 1990].

Положение ухудшалось тем, что вследствие разности уровня развития сельского хозяйства кочевых и оседлых человеческих сообществ, скорость воспроизводства населения в средневековом татарском государстве оказалась более медленной, чем в русских княжествах. Следовательно, потеря любого специалиста в Золотой Орде оказывалась более чувствительной утратой. Именно этим и можно объяснить начавшиеся в данном государственном образовании процессы децентрализации страны, деурбанизации, экономической деградации и изменения культурного кода среди населения [Schamiloglu U.: 1993: 453].

В то же время, скорее всего, в Улусе Джучи, как и в других человеческих сообществах, оказавшихся в условиях масштабной эпидемии, стало наблюдаться усиление религиозности населения. В ордынском случае речь шла об исламе. С одной стороны, видимым проявлением данного процесса стало закрепление в средневековом татарском государстве принятой в исламском мире системы сакрализации и легитимизации верховной власти [Измайлов И.Л., 2009: 359]. С другой стороны, стала активно применяться принятая в исламе практика оставления местным населением зараженных территорий. В результате, на территории Улуса Джучи стал наблюдаться процесс повторного заселения прежних районов, что в свою очередь позволило запустить процесс постепенного восстановления численности населения. Однако, приостановила этот процесс *Великая жамия*, разразившаяся после смерти Джанибека в 1360-х г. [Кульпин-Губайдуллин Э.С., 1998: 113].

Куда большей по последствиям была крупная эпидемическая вспышка, возникшая около 1364 г. на территории Улуса Джучи. В русских летописях она получила собственное название «*Великий мор*». Фактически это были проявления начавшейся около 1360 г. второй волны Второй пандемии чумы. Многие отечественные исследователи связывали ее с продолжением эпидемии, возникшей в 1360 г. в Пскове. Но если исходить из данных исторических источников «*псковский мор лета 6852*» скорее являлся либо местной локальной вспышкой, либо продолжением европейской чумы. Поэтому, исходя из данных эпидемиологических исследований, скорее всего, как и в случае с 1346–1348 гг., речь идет о вспышке, произошедшей на Нижней Волге или южнее. Именно об этом свидетельствует запись, сделанная персидским летописцем Фасих ал-Хавафи, указавшим на произошедшую в 1359/60 гг. вспышку эпидемии в Айзербаджане.

Наиболее подробно эти события, как и в случае с ордынским «*мором лета 6854*», были описаны в Троицкой летописи. Ценность представленной в этом летописном своде информации заключается в том, что в ней присутствуют личные оценки летописца о происшедших событиях. Сам текст отрывка имеет ярко выраженный хаотический характер, что зачастую приводит к повторению уже упомянутых фактов.

Согласно точке зрения автора данного летописного свода, разразившаяся эпидемия чумы является божьим наказанием за грехи человеческие. Местом ее начала был обозначен Нижний Новгород «*и на уезде Сару, и на Киши, и по странамъ и по волостемъ*». Скорее всего речь могла идти о приходе чумы именно с юго-востока, так как татарская крепость Сары Кылыч (Саров) и село Киши находились от данного города именно в этом направлении. Это предположение подтверждает сам летописец, когда чуть ниже указывает на ордынский город Бельджамен. «*Пришел изъ Низу отъ Бездежа в Новгородъ Нижній*».

Далее, если следовать тексту «*Троицкой летописи*», возникшая летом 1364 г. эпидемия продолжила собирать свой урожай поздней осенью и зимой в Коломне и в Рязани. Летом 1365 и 1366 г. – Переславле и Москве. Причем наибольший размах эпидемии пришелся именно на Переславль. Здесь, если верить летописцу, «*мерли люди*

по многу на день, по 20, по 30 на день, иногда на день 60, 70 человекъ, а иногда по 100». Погибших было столь много, что «мало живыхъ, темъ не успеваху живыи мертвыхъ, понеже уможишиася, множество мертвыхъ, а мало живыхъ, темъ не успиваху живыи мертвыхъ опрятывати, ниже довольну бяху здравые и десятерымъ болемъ на потребу да послужить. Погребаху же овогда два, три въ едину могилу, овогда же 5, 6, иногда можно до десяти, есть же другоици егда боле 10 въ едину могилу прокладаху, а въ дворе инде единъ человекъ остана, а инде мнози двори пусти беша».

Именно на «Черную смерть» указывает приведенное в тексте источника описание симптоматики заболевания и большое число погибших: «и овии хракаху кровию, а друзи железною, а не долго боляху, но два дни или три, или единъ день поболевше, тако умираху; на всякъ же день умираху, и толико множество их, яко не успиваху живыи мертвыхъ погребати». Подтверждают «Черную смерть» следующие слова: «болестъ была такова: прежде какъ рогатиною ударить за лопатку или противу сердцу подъ грудью или межъ крыль, и разболится человекъ; и начнетъ кровию харкати и огонь разбьетъ, и по семь потъ, потомъ дрожъ иметь, и тако в болести полежав, овии день единъ поболевше умираху, а друзи два дни, а инии 3 дни; прежне моръ былъ кровью храюще мерли, потомъ железною разболевшися, ти такоже два дня или 3 дни полежавше умираху; железа же не одинако, но иному на шее, иному на стегне, овому подъ пазухою, овому подъ скулою, иному же за лопаткою» [Приселков М.Д., 1950: 383].

В дополнение к уже упомянутым в тексте «Троицкой летописи» Нижнему Новгороду, Коломне, Переславлю и Москве, автор созданного в 1432 г. «Софийского временника» добавил Кострому, Ярославль и Ростов. Причем, в последнем из перечисленных городов одной из причин массовой смертности среди населения в 1365 г., наравне с эпидемией, была обозначена засуха [ПСРЛ 6, 2000, Ч. 1: 340]. Как следует из анализа этого текста, можно говорить по крайней мере о распространении трех форм чумы: бубонной, бубонно-септической и легочной.

К ранним летописным сводам, хранящим данные о «Великом море», можно отнести созданный в середине XV в. «Рогожский ле-

тописец». На то, что данный летописный свод был создан в более поздний период, указывает выделение сообщений об этой вспышке в отдельный рассказ «*О мору великом*» [ПСРЛ 15: 76–77]. Если анализировать последний, то записи, относящиеся к 6872 и 6874 гг., в целом повторяют аналогичные статьи «*Троицкой летописи*».

Безусловный исследовательский интерес здесь будут представлять события, описываемые в 1365 г. В этот год чума отметилась летом в Переславле, Кашине, Твери и Ростове, где число ежедневно умерших могло достигать от 20 до 100 человек. В зиму 1365/66 гг. чума вспыхнула в Москве, откуда к лету-осени она разошлась по городам и «*властемъ Московскимъ*» и территории Литвы. «*И тако раздеся въ все грады, и въ Володимерь, и въ Суздаль, и въ Дмитровъ, и въ Можайскъ, и на Волокъ, и по все грады разыдеся моръ силенъ и страшень*» [ПСРЛ 15: 76–77]. Скорее всего, движение «*мора*» 1364–1367 гг. происходило по водным магистралям от низовьев Волги из Золотой Орды к Нижнему Новгороду с последующим проникновением в центр Московской Руси через Оку и Верхнюю Волгу. Также определенный исследовательский интерес вызывает период активности вспышки чумы, указанный в Рогожском летописце. Согласно данным, представленным в данном летописном своде, эпидемический пик приходился на конец лета – начало зимы: «*от Семена дни летопрводца до рождественского говения*». Практически без особых изменений именно рогожский вариант описания событий о «*Великом море*» вошел в тексты двух крупных летописных сводов конца XV в. [ПСРЛ 18: 102–104; ПСРЛ 23: 113].

Определенные завершающие выводы по «*Великому мору*» были представлены в «*Никоновской летописи*». Особенно, следует подчеркнуть, что в тексте данного летописного свода кроме традиционного описания начала данной вспышки, городов, пострадавших от данного бедствия, и подробного описания клиники заболевания, присутствуют указания на нестабильные погодные условия: «*сухмень и зной, великъ и въздухъ куряшеса и земля горяшеса, и бысть хлебнаа дороговъ повсюду и гладъ велій по всей земле, и съ того люди мряху*» [ПСРЛ 11: 3–4, 6, 12, 21, 94–95]. В подаче материала о «*Великом море*» летописные своды XVI–XVII вв. в большей степени акцентируют свое внимание на самом историческом факте, а не

на его деталях [ПСРЛ 20: 190–191; ПСРЛ 34: 112, 115, 116, ПСРЛ 35: 36–37].

Если обобщить информацию о второй ордынской (нижневолжской) вспышке чумы, представленной в русских летописных сводах, то она была куда мощнее первой вспышки и затронула практически все крупные городские центры Поволжья и Северо-Восточной Руси. Если исходить из текстов русских летописных сводов, то эта вспышка чумы возникла в ордынских землях в 1364 г. близ городов Бельджамен и Сарай. Далее поднявшись вверх по Волге, чума стала распространяться не только по реке, но и по сухопутным торговым путям. Доказательством чему является упоминание в тексте *«Рогожского летописца»* уезда Сары и села Киши. В отношении первого названия можно сказать, что здесь, скорее всего, речь шла о татарской крепости Сары Кылыч (Саров). Также подтверждает роль торговых путей в распространении чумы во время *«Великого мора»* указание в тексте Троицкой летописи о пострадавших осенью 1364 г. Нижнего Новгорода и его волости, Рязани и Коломны [Приселков М.Д., 1950: 383].

Летом 1365 г. чума вспыхнула в Переславле, Кашине, Твери и Ростове, где число ежедневно умерших могло достигать от 20 до 100 человек. В зиму 1365/66 гг. чума отметилась в Москве, откуда к лету-осени она разошлась по городам и *«властемь Московскимь»* [Приселков М.Д., 1950: 383] и территории Литвы [ПСРЛ 11: 12].

Кроме собственно информации о самом заболевании и путях его распространения летописцам удалось отметить и климатические изменения. Так, летом 1364 г. после суровой, снежной и продолжительной зимы, приведшей к массовому звериному мору, наблюдалась необычайная жара, засуха и духота. Аналогичные погодные условия наблюдались в последующие три года. *«В солнце черно аки гвозди, и мгла великая стояла около двух месяцев»*. При этом отмечались массовые лесные пожары. *«Того же лета солнце бысть аки кровь и по нем места черны и мгла стояла с полета и зной и жары бяху велицы, леса и болота и земля горяше и реки пересохшиа, иныя же места водные до конца исхоша и бысть и страх и ужас»*. В конечном итоге в 1365 г. разразился большой пожар, практически уничтоживший Москву. *«Того же лета бысть пожаръ на Москве,*

загореса церковь Всех святыхъ и оттого погоре весь городъ Москва и посадъ и кремль, и загородье и заречье. Бяше бо было варно въ то время, и засуха велика и знои, еше же къ тому вѣстала буря велика ветреная за десять дворовъ метало головни, и бревна съ огнемъ кидаше буря; единъ дворъ гасяху людѣ, а инуде чересъ десять дворов, и въ десяти дворехъ огонь загарашеса, да темь людѣ не възмогша угасити; не токмо не гасили дворовъ и хоромъ отнимати, но имени своихъ никтоже не успели вымчати, и приде пожаръ и погуби вся, и поясть я огонь и пламенемъ испелишася, и таковъ въ единъ часъ или въ два часа весь градъ безъ остатка погоре. Такова же пожара передъ того не бывало, то ти словеть великии пожаръ, еше отъ Всехъ святыхъ» [ПСРЛ 18: 102–103].

Таким образом, можно предложить, что представленные отрывки свидетельствовали не только о возникшем на фоне экстремальных погодных условий и разразившемся большом пожаре в Москве в 1365 г., но и в традиционной для средневековой летописи иносказательной форме передавалась информация о параллельном распространении эпидемии чумы.

Наиболее серьезные последствия второй волны Второй пандемии чумы сказались на развитии золотоордынских городов. Как фиксируют археологии с карты практически исчезают города, расположенные в Пруто-днестровском междуречье [Русев Н.Д., 1999: 101]. Относительно поволжских городов можно говорить об их торможении в развитии. В то же время, археологические данные этого периода свидетельствуют о резком подъеме золотоордынских городов, напрямую связанных с итальянскими городами Генуей и Венецией. В целом эта точка зрения подтверждается словами советского исследователя Г.А. Федорова-Давыдова о большом значении для функционирования транзитной торговли Улуса Джучи наиболее ликвидного товара: рабов и хлеба [Федоров-Давыдов Г.А., 1997: 81].

Однако, самые большие изменения произошли во внутривосточной политической картине как в Северо-Восточной Руси, так и в Улусе Джучи. Эти события впоследствии имели титанические последствия, приведшие к полной перезагрузке всей политической картины Восточной Европы. Именно после данной ордынской вспышки за счет выморочных земель Суздальско-Нижегородского и Тверского кня-

жеств был запущен процесс территориального расширения Великого княжества Московского. Что в итоге привело к открытому противостоянию между московским князем Дмитрием Ивановичем (Донским), сначала, с правителем левобережной орды (Мурадам), а затем, с правителями Литвы и Булгарского Улуса (Ольгердом и Булатом-Темиром). В конечном итоге, московский князь сближается с темником Мамаем, также конфликтующим с вышеуказанными правителями. Это позволяет первому закрепить за собой и за своими наследниками ярлык на Великое княжество Владимирское.

Более серьезные последствия второй волны Второй пандемии чумы имели в Улусе Джучи. Ее приход на территорию средневекового татарского государства осложнил и без того запутанную внутривосточную обстановку. После смерти хана Бердибека в 1359 г. золотоордынский престол стал объектом борьбы между различными кланами Ак-Орды и Кок-Орды. Важным обстоятельством, вызвавшим эту борьбу, явилось то, что во время правления последнего прокатилась волна репрессий, а сам правитель не оставил прямых наследников. Все это послужило толчком к нарастанию центробежных сил среди представителей различных ордынских султанов, находившихся в той или иной степени родства с родом Джучи. Это давало повод отдельным кланам как выдвигать своих претендентов на власть, так и начать процесс отделения подвластных им территорий [Шамильоглу Ю., 2009: 699].

Если коснуться географической привязки противоборствующих сторон, то можно определить регионы, пострадавшие менее всего от первых двух волн «Черной смерти». Можно предположить, что к таким регионам явно относились: Хорезм, Крым, Московское княжество и отчасти Булгарский вилайет. Именно, эти территории стали точками центробежных сил в Улусе Джучи. В 1363 г. внутривосточная обстановка в Золотой орде настолько обострилась, что можно говорить обо всех этих центрах, как о полунезависимых государствах. В этих условиях возникновение военно-политического союза между некоторыми участниками конфликта стало лишь вопросом времени. Великий князь Московский Дмитрий Иванович и правитель Крыма ордынский темник Мамай смогли очень быстро найти общий язык. Однако, продолжавшаяся в 1364 г. эпидемия чумы помешала

дальнейшему усилению этого союза. Причем, это проявлялось у обоих членов союза не только в нехватке собственных сил для окончательной победы над своими политическими противниками, но и в роете противостояния с ближайшим окружением.

В конце 1364 г. ставленник Мамаю в Сарае ал-Джадиде был смещен представителем Кок-Орды Азиз-Шейхом. Он пробыл в столице Золотой Орды достаточно долго – почти до 1367 г., что можно объяснить не только поддержкой ордынской аристократии и слабостью действий самого Мамаю [Измайлов И.Л., 2009], но и продолжавшейся эпидемией чумы. К тому же, самому Мамаю в этот период приходится расплять свои силы в борьбе сразу же с несколькими сильными противниками (Булгарским вилайетом, Кок-Ордой и Литвой). Только после уступок в 1365 г. Великому княжеству Московскому мордовских земель и Великому княжеству Литовскому Волыни и Подолии, темнику удалось начать наступление против Азиз-Шейха, засевшего в Сарае.

Вполне вероятно, что Мамай вплоть до 1365 г. в своих действиях опирался на финансовую поддержку генуэзцев. Это сближение, скорее всего, произошло в условиях начала доминирования Генуи в Черноморском регионе, сразу же после третьей венецианско-генуэзской войны 1350–1355 гг. [Скржинская Е.Ч., 1949]. При непосредственной поддержке со стороны темника, генуэзцам удается даже в 1365 г. захватить венецианскую колонию в Крыму Сурож (Судак), что фактически приводит к восстановлению прямых торговых связей с метрополией. Как следствие была на некоторое время решена проблема с голодом в Улусе Джучи. Однако последовавшие затем со стороны генуэзцев требования отмены пошлины для итальянских купцов (в размере 5%) привели к резкому обострению и, как следствие, прямому военному столкновению [Скржинская Е.Ч., 1971]. Вот как это описывается в источниках: *«...Написано это... в городе Каффе, в армянском (квартале) в 814 (1365) г., 23 августа, в обстановке всеобщей тревоги. Так, по всей стране, от Керчи до Сарукара (Херсонеса), собрались здесь люди, сила и скот, а Мамай уже в Крыму с несметным числом татар. Город трепещет от страха... Война принесла скорбь всему городу, так как власти, не сумев оказать сопротивление, изловчились и сбежали. И нагрянуло*

войско, забрало 2000 человек, их имущество и увезло в Сол (хат)» [Тизенгаузен В.Г., 1884: 142–143]. После ограбления Каффы Мамай отобрал у генуэзцев 18 поселений на юго-восточном побережье полуострова [Бертъе-Делагард А.Л., 1920]. В итоге, установление контроля над Крымом позволило Мамаю сконцентрировать все силы для окончательного установления своей власти сначала в Среднем, а потом и в Нижнем Поволжье. Впрочем, добиться этой цели полностью ему так и не удалось.

Великому князю Московскому в этот период приходится защищать свои новые земли (земли Мордвы, Рязанского и Суздальско-Нижегородского княжества) сначала в 1365 г. от правителя мордовских земель хана Тагая, а затем в 1367 г. от болгарского правителя Булата-Темира. Итогом оборонительных действий Дмитрия Ивановича явилось значительное усиление позиции Московского княжества на пространствах Золотой Орды, что не могло не вызвать опасения как со стороны литовских князей, так и со стороны правителей Ак-Орды. В итоге, это приводит к первой московско-литовской войне (1368–1372 гг.), где оба противника Москвы выступают в качестве союзников с хорошей координацией ведения военных действий. Пик противостояния с Великим княжеством Московским приходится на последний год войны. Именно тогда Дмитрию Ивановичу удается остановить литовцев в Тверском княжестве.

Впрочем, о каком-либо серьезном конфликте Дмитрия Донского с беклярбеком Мамаем в этот период говорить не приходится. Скорее всего, обострение московско-ордынских отношений было вызвано стремлением некоторых золотоордынских князей с помощью набегов на ослабевших соседей решить свои внутривосточные проблемы. *«Въ лето 6873 Тагаи, князь ордынскыи, изъ Наруцади прииде ратью Татарскою на Рязанскую землю и позже градъ Переяславль. Князь же великйи Олегъ Рязанскыи съ своею братею съ Володимеромъ Проньскымъ и Титомъ Козельскимъ, събрав силу свою, и иде вследъ его, и постиже его на месте, нарицаемемъ Шишевскимъ лесомъ, на Воине, и бысть имъ бои, брань зело люта и сеча зла, и поможу Богъ великому князю Олгу, и братиу его Проньскому и Козельскому, а Тагаи въ мале дружине одва убежалъ»* [ПСРЛ 18: 102–103]. В ответ на этот набег состоялся неконтролиру-

руемый Великим князем московским военный поход новгородских ушкуйников на территорию Золотой Орды. *«В лето 6874 (1366) проидоша изъ Новагорода изъ Великаго Волгою полтораства ушкуевъ. Новгородци разбоиници ушкуиници избиша Татаръ множество, Бесермень и Ормень въ Новгородѣ в Нижнемъ, множество мужей и женъ и дети, и товар ихъ безчислено весь пограбиша, а съсуды их, кербати и лодьи, и учаны, и пасубы, и струги, то все посекоша, а сами отъидоша въ Каму и проидоша до Болгаръ, тако же творяще и воююще»* [Приселков М.Д., 1950: 338].

В 1374–1377 гг. в ордынских землях вновь вспыхнула эпидемия «Черной смерти». Если анализировать ее «победное» шествие, то, как и во время эпидемии 1364–1367 гг., важную роль в начале данной вспышки сыграл североперсидский регион. В реконструкции хронологии распространения эпидемической волны средневековой чумы важное место занимает описание «*мора лета 6882–6885*». Однако, в отличие от «*мора лета 6872–6874*» упоминаний о данной вспышке достаточно немного. Всего можно говорить о четырех летописных сводах. Причем наиболее раннее отражение событий содержится в тексте Рогожского летописца, составленном в середине XV в.: «*Въ лета 6882 бышет[ъ] ведро, а на кони и коровы моръ, тако и на люди*» [ПСРЛ 15: 106]. Из приведенного отрывка видно, что в Тверском княжестве в 1374 г. произошла вспышка эпидемического заболевания. Верхняя хронологическая граница данной вспышки, скорее всего, приведена в тексте Летописи Авраамки, написанном в последней четверти XV в.: «*Въ лето 6885 моръ бысть в Смоленске*» [ПСРЛ 16: 103]. Нельзя исключать, что это, скорее всего, было продолжение западноевропейской эпидемии чумы 1372–1375 гг. В то же время, могла повториться ситуация 1352 г., когда произошло возможное пересечение нескольких эпидемических волн.

Более подробная информация содержится в тексте Никоновской летописи: «*Въ лето 6882 быша знои велицы и жары, дожда сверху ни едина капля не бывала въ все лето, и на кони, и на коровы, и на овцы, и на всякъ скотъ былъ моръ великъ. А князю великому Дмитрею Ивановичу Московьскому бысть розмирие съ Татары и съ Мамаемъ, а у Мамаа тогда в Орде бысть моръ великъ. ... Въ лето 6884 моръ бытъ на Киевѣ*» [ПСРЛ 11: 22, 25].

Если анализировать приведенные выше отрывки, то можно говорить о том, что изначально в 1374 г. вспышка произошла в Золотой Орде. Причем положение осложнилось тем, что в степи разразилась засуха и последовавший вслед за этим масштабный голод среди населения. То, что болезнь распространялась, как среди животных, так и среди людей могло напрямую свидетельствовать, как о предшествующей ей крупной эпизоотии среди животных, так и о параллельной вспышке сибирской язвы и средневековой чумы. Похожее описание эпидемии можно встретить в записях, датированных 1309 г.: «*был мор на люди и кони и на всякий скот*», в 1321 г. – «*мор на люди и на кони*», в 1433 и 1448 гг. – «*мор на конех и люди мерли*». В целом, это напоминает сибирскую язву⁵, имевшую симптоматику, схожую с бубонной чумой. Однако, зафиксированные заболевания в Западной Европе, Северной Персии и Анатолии в период с 1369/1370–1376 г. напрямую свидетельствуют именно о вспышке «*Черной смерти*»⁶. Причем налицо наличие нескольких первоначальных очагов данного бедствия. Доказательством их взаимодействия может служить указание на «*киевский мор лета 6884*» и «*смоленский мор лета 6885*» (1376 и 1377 гг.).

Как и во время «*мора лета 6872–6874*», эпидемия средневековой чумы также оказывала влияние на ход политических событий, главным из которых считалось обострение московско-ордынских взаимоотношений. Толчком к новому кризису явно послужила осада в 1375 г. Великим князем Московским Дмитрием Иоанновичем Твери, а также совершенные ушкуйниками несколько крупных походов вглубь ордынской территории в 1374–1375 г. Результатом разбоя стало разграбление многих расположенных в нижнем течении р. Волги ордынских городов. В итоге, разразившаяся в нижневолжских ордынских землях очередная вспышка чумы и постоянные набеги ушкуйников, привели к тому, что темник Мамай не смог вовремя предупредить своих политических оппонентов во главе с эмиром Хаджи-Черкесом, правителем Хаджи-Тархана (Астрахани), из-

⁵ Темные пятна на теле, короткий инкубационный период до 3–4 дней, потеря сознания, высокая температура, кровохарканье, рвота.

⁶См. хронологическую таблицу вспышек чумы (Приложение).

вестным в русских летописях под именем Салчеи. Единственным положительным результатом для него стало политическое объединение Нижнего Поволжья [Тизенгаузен В.Г., 1884: 389, 391]. Впрочем, вместо окончательной победы темника Мамайя во внутриордынском конфликте, произошло нагнетание внутриордынского и ордынско-московского конфликтов, что в итоге вылилось в победу Дмитрия Донского на Куликовом поле [Измайлов И.Л., 2009: 704].

Традиционно в историографии последней чисто ордынской вспышкой принято считать «мор лета 6904» (1396 г.). В большинстве своем исследователи исходят из информации, взятой в Никоновской летописи: «Тое же осени бывшу царю Темиръ-Аскаку на Ордынскихъ местехъ, въ приморіи, и приде на него гневъ Божій, моръ силенъ на люди и на скоты» [ПСРЛ 11: 162]. Согласно приведенному отрывку крупная эпидемия, или эпизоотия, произошедшая в тылу войска, заставила Тамерлана прекратить северный поход на Русь.

Современный казанский историк И.М. Миргалеев одним из первых дал комплексную оценку данной вспышке. Исходя из анализа текста надгробной эпитафии начала XV в., обнаруженной в селе Кубайчи и располагавшейся над входом в медресе, исследователь заключил, что после грабительского похода Аксак Тимура в 1395 г. и после страшного голода, возникшего на территории Нижнего Поволжья, разразилась 10-летняя эпидемия чумы [Миргалеев И.М., 2004: 140]. В целом, данная оценка исторических событий носит достаточно объективный характер, но не позволяет полностью раскрыть данное явление.

Если же обратиться к уже упомянутому тексту персидского летописца Фасиха ал-Хасафи, то здесь указывалось, что в 1391–1392/93 гг. в районе северо-персидского города Тебриз и в Ширване произошла одновременная вспышка чумы и холеры [Фасихов свод, 1980]. Следует вспомнить, что предыдущие персидские вспышки чумы (1359/60 и 1369/70 гг.) предшествовали ордынским вспышкам 1364–1367 и 1374–1377 гг. Поэтому, скорее всего, одним из возможных путей попадания данного бедствия на территорию Золотой Орды мог стать торговый тракт на Кавказе, через Дербент. Кроме того текст персидского автора позволяет говорить об одновременной и параллельной вспышке сразу нескольких инфекционных за-

болеваний (чума, сибирская язва, сыпной тиф). Причем, если исходить из уже упомянутого отрывка Никоновской летописи, то, скорее всего, охваченными оказались Северный Кавказ, прикаспийские и причерноморские территории Золотой Орды.

На столь масштабный охват территорий данным бедствием косвенно повлияли действия войск Аксак Тимура. Последовавший вслед за началом вспышки эпидемии голод среди населения лишь усугубил и без того сложную эпидемическую ситуацию в ордынских землях [Sticker G., 1908: 81]. Прямыми свидетельствами этому являются: 1) поход 1398 г. Великого князя Литовского Витовта в расположенные в Днепро-Донском междуречье западно-ордынские улусы; 2) поход 1399 г. войск Великого князя Московского Василия I Дмитриевича на территорию Булгарского вилайета.

Возвышение в эти годы такой сильной и харизматичной фигуры, как Идегей можно объяснить удачной службой при дворе Тамерлана. Однако, скорее всего, большую роль в этом процессе сыграло географическое месторасположение Мангытского юрта. Именно близость к нижневолжским городским центрам и относительная удаленность от основных торговых трактов позволили этой области, в условиях непрекращающихся войн и постоянных эпидемически вспышек на Нижней Волге, стать местом переселения основной массы беженцев, идущей из ордынских городов. Поэтому, когда Идегей в конце XIV в. взял курс на утверждение в Сарае своей власти, он смог опереться на значительные людские и материальные ресурсы Мангытского юрта. Это и объясняет, почему даже Идегей в 1399–1400 гг. смог не только остановить Витовта и Василия I, но и после изгнания Токтамыша фактически стать при новом ордынском хане Шадибеке верховным правителем Золотой Орды.

Однако, вскоре между темником Идегеем и пожелавшим освободиться от его давления Шадибеком разгорелась борьба. Победителем из нее вышел Идегей, а Шадибек бежал в Дербент, где вскоре и умер. С большой долей вероятности можно утверждать, что причиной его смерти, скорее всего, стала местная вспышка эпидемии чумы. Доказательством этому является надпись, находившаяся над входом в медресе села Кубайчи: *«И построено это благородное медресе в дни поражение чумой, в восемьсот седьмом году. Уста-*

новления и устои жизни – религия Аллаха» [Эпиграфические памятники Северного Кавказа, 1966: 129]. Советский исследователь Л.И. Лавров, предположил, что в 807 (1404/05 г.) возникла эпидемия чумы, которую кубачинцы рассматривали как божье наказание за грехи. Поэтому чтобы заслужить прощение, они постановили построить у себя медресе [Эпиграфические памятники Северного Кавказа, 1966: 200].

Также возможность возникновения крупных эпидемий на Кавказе подтверждают современные исследования отечественных ученых [Котенев Е.С., Дубянский В.М. и др., 2016]. Согласно их точке зрения, в настоящее время на территории Северного Кавказа расположены, характеризующиеся различной эпидемической и эпизоотической активностью, пять наиболее вирулентных природных очагов чумы (Центрально-Кавказский высокогорный, Терско-Сунженский, Дагестанский равнинно-предгорный, Прикаспийский песчаный, Восточно-Кавказский высокогорный). В перечисленных очагах (за исключением Восточно-Кавказского высокогорного) циркулирует наиболее опасный для человека возбудитель чумы основного подвида *Yersinia pestis subspecies pestis*. В Восточно-Кавказском высокогорном очаге циркулирует подвид *Yersinia pestis subspecies caucasica* с пониженной вирулентностью. Проявления эпизоотической активности происходят циклически, в виде спорадических случаев, либо развитых эпизоотий в популяциях грызунов, иногда с вовлечением случайных видов диких животных или синантропных грызунов [Котенев Е.С., Дубянский В.М. и др., 2016: 613]. Поэтому не было ничего удивительного в том, что в историческом прошлом в районе Дербента с периодичным постоянством вспыхивали эпидемии чумы.

Если ориентироваться на данные, представленные в книге М.В. Долса, реконструированную им хронологическую таблицу вспышек, а также на информацию по эпидемии средневековой чумы, взятую у персидского автора Фасиха ал-Хавафи и в русских летописных сводах, то можно заключить, что вспышки, произошедшие в 1391–1393 г. в Тебризе и Ширване, 1396–1399 гг. в Улусе Джучи и 1404–1405 гг. на Северном Кавказе являлись проявлением начала третьей волны Второй пандемии чумы (1380-е – 1430/31 гг.) [Dols M.W., 1977: 309–310].

В этом случае аналогичным образом можно рассматривать и вспышку чумы 1408/09 гг. в Северо-Восточной Руси. Ее существование подтвердили данные международной исследовательской группы, полученные в 2013–2014 гг. Используя естественнонаучные методы (дендрохронологический анализ европейской и азиатской растительности, метод СЕИ осадочных пород), исследователи пришли к выводу, что в указанный период на территории Северо-Восточной Руси и Улуса Джучи разразилась крупная эпидемия чумы. Исходным источником последней явилась среднеазиатская вспышка 1391 г. При этом было отмечено, что перед большими вспышками в 1346–1348, 1364–1367 гг. фиксировались резкие перепады зимних и летних температур [Schmid B.V., Buentgen U., et al.]. Именно о резких перепадах температур и свидетельствуют летописные тексты: «*Того же лета, месяца Августа, засуха бысть и мрази велицы*» [ПСРЛ 11: 203].

Однако, наиболее точное указание на вспышку 1408/09 гг. предоставляют тексты русских летописей. Так в тексте Симеановской летописи можно найти следующие слова: «*Въ лето 6916. Того же лета моръ бысть на люди по многымъ странамъ коркотою въ волостей Ржевскихъ, Можайскихъ, Дмитровскихъ, Звенигородскихъ, Переславскихъ, Володимерскихъ, Юрьевскихъ, Рязанскихъ, Торускихъ; были и инде въ Московскихъ волостехъ*» [ПСРЛ 18: 155]. Ссылки на это событие можно найти по крайней мере в 8 летописных сводах [ПСРЛ 5: 257; ПСРЛ 11: 203–205; ПСРЛ 18: 155; ПСРЛ 25: 237, ПСРЛ 26: 175; ПСРЛ 27: 265; ПСРЛ 28: 257; ПСРЛ 42: 172–174; ПСРЛ 43: 167–169].

В отечественной науке пока не существует однозначной оценки этой вспышки. Так авторы крупнейшего исследования по истории эпидемий в России считали, что это был грипп [Васильев К.Г., Сегал А.Е., 1960: 33]. Другой отечественный исследователь С.И. Бараш склоняется к оценке, что это была все же черная оспа [Бараш С.И., 1987]. Определенность в этих вопросах опять же предоставляют летописные источники, где говорится об одном симптоме, характерном для чумы: «*Того же лета моръ бысть на люди силенъ коркотою*» [ПСРЛ 5: 257]. Впрочем, проведенные в конце XIX – начале XX в. специалистами форта «Император Александр I» в

Кронштадте лабораторные исследования, подтвердили возможное параллельное протекание сразу нескольких эпидемических заболеваний [Домарадский И.В., 1998: 14].

В любом случае, нужно учитывать, что одним из главных последствий вспышки 1408/09 гг. явился московский поход эмира Идегея. Для того чтобы понять предпосылки начала этого похода нужно обратиться к политической обстановке, сложившейся на тот момент в Улусе Джучи. Сразу же стоит отметить, что в период между 1405–1407 гг. один за другим ушли из жизни основные противники правителя Мангытского юрта (Тамерлан, Шадибек и Токтамыш). Таким образом, перед Идегем была открыта дорога для восстановления территориальной целостности Улуса Джучи.

Для узаконивания своей политики темник утверждает на троне приходившегося ему внучатым племянником Пулада, сына Тимура-Кутлуга. Скорее всего, это произошло где-то в Крыму, так как в 1406 г Пулад начал чеканить монеты от своего имени в Каффе [Рева Р., 2016: 707]. Если анализировать всю ордынскую политику эмира Идегея, то, можно заметить, что, действовал известный еще со времен темника Мамай принцип: *«преболи всехъ князи ордынскихъ, иже все царство единъ держаше и по своей воле царя поставляйте, его же хотяше»*. Поэтому, как и Мамай, он стремился закрепиться на политическом олимпе за счет игры на противоречиях между основными своими противниками. В итоге, это могло привести к тем же результатам, что и у предшественника. Ничего не было удивительного в том, что Идегей должен был предпринять поход на Москву.

В отечественной историографии господствует мнение, что одной из главных причин похода сарайского правителя стало переселение на Русь сыновей Токтамыша, убитого в Тюмени в 1405 г. В действительности же, по мнению отечественного историка А.П. Григорьева, имела место быть неудачная попытка проведения Идегемом в отношении русских земель политики «разделяй и властвуй» [Григорьев А.П., 1988]. Впрочем, данная оценка событий 1408 г. была подвергнута резкой критике со стороны А.А. Горского. Согласно его точке зрения, основной причиной этого похода явилось фактическое непризнание сюзеренитета Золотой Орды над Москвой, характеризо-

вавшееся неуплатой дани, начиная с 1396 г., и началом чеканки монет с указанием «*князь великий Василий Дмитриевич*» [Горский А.С., 2016: 129].

Ясно одно, что согласно данным, представленным в хронологически близких летописных текстах (Рогожского летописца и Симеоновской летописи), поход Идегея стал неожиданностью для Московского княжества. Татарское войско появилось между 23 и 30 ноября 1408 г., обороной города вместо отсутствующего великого князя Василия Дмитриевича руководили бояре. Великое княжество Московское вынуждено было выплатить дань и признать свое подчиненное положение. Впрочем, из-за того, что эти события пока еще очень плохо отражены в отечественной историографии, остается очень много белых пятен.

Как известно поход Идегея на Москву состоялся поздней осенью 1408 г. Если учесть, что на Руси эпидемии происходили в период «от Семена дни летопроводца до рождественского говения», то есть со второй половины лета по начало зимы, то становится понятна причина появления татарского войска в конце ноября [Приселков М.Д., 1950: 381–382]. При этом в наиболее пиковые годы смертность среди населения могла достигать от 20 до 100 человек в день [ПСРЛ 18: 102], что превращало любую оборону города в практически невыполнимую задачу.

Предположение о влиянии фактора мора на московский поход Идегея подтверждает приведенный в летописных сводах список разграбленных татарским войском русских городов, которые на тот момент, если верить тем же летописным источникам, уже пострадали от эпидемии. Среди пострадавших были названы Ростов Великий, Юрьев-Польский, Переславль-Залесский, Дмитров, Коломна, Нижний Новгород, Городец и др. [ПСРЛ 11: 208, 209, 216, 218]. Впрочем, даже несмотря на то, что ордынскому хану так и не удалось взять Москву, результаты этого похода для татарской стороны были более чем успешными. Великий князь Московский Василий I Дмитриевич вынужден был выплатить дань за несколько лет в размере 3 тыс. рублей, перестал действовать московско-литовский антиордынский военный союз, что позволило на время продлить существование единого татарского государства.

Несмотря на это, великой князь Московский начал систематически выплачивать дань только в 1412 г. Причем общая сумма полученной законным чингизидом Джелал-ад-Дином (Зелени-Салтана Токтамышевича в русских источниках) равнялась 7 тыс. рублей, то есть равнялась установленной еще в 1399 г. сумме ежегодного «ордынского выхода». Скорее всего, это была первая выплата дани в XV в. в рамках установленных ранее правил финансовых отношений с Сараем [Горский А.С., 2016: 129]. Причиной такого хода событий, как и в 1408 г., стала эпидемическая вспышка 1409/10 г. При этом, в отличие от 1408/09 гг., где первоисточником выступал расположенный в районе г. Дербента природный эпидемический очаг, вспышка 1409/10 гг. скорее всего, имела персидский первоисточник. Если учесть, что ордынским вспышкам (1364–1367, 1374–1375 гг.) предшествовали эпидемии, произошедшие за 2–3 года до этого в Закавказье и Персии, то последствием крупной тебризской вспышки 1407 г. стала как раз последняя вспышка [Фасихов свод, 1980].

Хотя об этих событиях практически и не сохранилось летописных свидетельств, но о масштабах и возможных районах распространения этой вспышки чумы косвенно могут свидетельствовать ход военных столкновений между Московским и Нижегородским княжествами, Витовтом и Идегеем, а также сообщение о походе 1409 г. ушкуйников в Булгар и вглубь ордынской территории [Горский А.С., 2016: 130; ПСРЛ 11: 211; ПСРЛ 15: 485; ПСРЛ 34: 158]. Исходя из этого, можно говорить о море 1408–1410 гг. как о едином историческом событии. Впрочем, и по общему количеству умерших и по масштабности политических последствий, эпидемия 1408–1410 гг. меркнет перед эпидемическим десятилетием в истории России (1414–1431 гг.). Таким образом, можно говорить о данной эпидемии, как об одной из первых вспышек надвигавшегося большого мора XV в.

§ 3. «Черная смерть» в Северо-Западной Руси (вторая половина XIV – начало XV вв.)

Для того, чтобы понять происходившее между 1414 и 1448 гг. на пространстве Улуса Джучи необходимо проанализировать события второй половины XIV – начала XV вв. на Северо-Западе Руси и Литве. Стоит сразу же отметить, что из-за развитости летописания на Северо-Западе Руси, были хорошо отмечены многие вспышки эпидемических заболеваний. Не последнюю роль в начале последних, по заключению современных отечественных исследователей, сыграла активизация *Реликтового Северо-западного природного очага чумы* и *Реликтового природного очага Русской равнины*. В отличие от нижневолжского, среднеазиатского и кавказских природных очагов, пик их активизации пришелся на XIII в. Традиция описания «Черной смерти» в северо-западных русских летописных сводах базировалась на большом количестве зафиксированных ранее «моров». Однако, в условиях прихода в 1352 г. неизвестного ранее заболевания, создатели местных летописных сводов были вынуждены заново ее формировать.

Традиционно считается, что «Черная смерть» пришла на Русь в 1352 г. из Германии. Наиболее полно эти события отображены в летописи Авраамки, Новгородской четвертой, Новгородской Карамзиновской и Псковской первой летописи. Если исходить из географо-хронологического принципа отбора материала в летописных сводах, то наиболее раннее описание «*мора лета 6860*» присутствует в Псковской первой летописи [ПСРЛ 4, 1848: 190–191]. Основной акцент в данном письменном источнике, безусловно, был сделан на Псков и его округу. Главное, что следует отметить в рассказе, посвященном «*Псковскому мору*», это то, что болезнь затронула «*мужи, и жены, и старые, и молодые, и малыя детки, и попове, и черноризцы*». Собственно, бедствие начинало проявляться «*смертное сице: аще кто охракнетъ кровь*». Больные, как правило, умирали на 2 или 3 день. В предчувствии смерти многие отправлялись в монастыри или приходские церкви. Умерших было так много, что представители церкви фиксировали до 30 погибших за ночь. В результате приходилось класть «*по трое или по пяти головъ во единъ гробъ*». Болезнь не

шадила ни бедных, ни богатых. В некоторых богатых семействах не оставалось в живых ни одного наследника. Здоровые могли начать ненавидеть своих живых больных родственников, но и могли начать помогать в уходе за больными или в захоронении умерших. Собственно, «Черная смерть» началась в городе «изъ весны на Цветной недели, тоже и до самыя осени; уже предъ зимой преста», т.е. примерно с 15 апреля и по 1 декабря. Если говорить о мерах, предпринятых в городе по борьбе с эпидемией, то в летописи перечисляются крестные ходы. Для этой цели был даже приглашен новгородский владыка Василий, который после проведения крестного хода на обратном пути «преставися на рече на Уже» (р. Уза, приток р. Шелонь). Псковские летописцы, одними из первых на Руси, признали восточное происхождение новой эпидемии: «моръ из Индейской земли, от Солнца градъ».

Если сравнивать данный текст с Новгородской четвертой летописью, то в вариантах текста источника, опубликованного в 1848 и 1915 гг., можно отметить, что указание на восточное происхождение заболевания сообщили иностранцы: «Немци же реша: той моръ пришелъ изъ Индейския страны, отъ Солнца града». Кроме того, в тексте данного летописного свода присутствует указание точной даты смерти заболевшего во время крестного хода в Пскове новгородского владыки Василия и последующее его захоронение в соборе Св. Софии. Впрочем, данный исторический источник интересен еще и тем, что в нем подробно описывается вспышка эпидемии уже в самом Новгороде и ее дальнейшее шествие вглубь Новгородской земли (Ладога). «Той же осени бысть моръ силенъ въ Новегороде и въ Ладозе; се прилучися приити на ны, по человеколюбію Божію, праведному суду его: вниде смерть въ люди тяжка и напрасна, отъ Господина дни паче же и до Велика дни, веліе множество безчисленое людей добрыхъ помре по всемъ улицамъ; не токмо же въ единомъ Новегороде бысть сія смерть, и иною, яко по лицу всея земли походи, ему же Богъ повель, тотъ умре, а его же снабди, сего наказаетъ, да почи дни о Господе целомудрено и безгрешно поживемъ» [ПСРЛ 4, 1848: 60; ПСРЛ 4, 1915: 282–285]. Как следует из приведенного отрывка, «Черная смерть» охватила Новгород и окрестные земли осенью. По охвату, количеству умерших и

остроте восприятия в обществе, данная эпидемия была аналогична эпидемии в Пскове. Практически без изменений сведения об эпидемии в 1352 г. на Северо-Западе Руси содержатся в двух других летописных списках [ПСРЛ 42: 130–131, ПСРЛ 43: 118–120].

Гораздо более информативно выглядит текст Новгородской первой летописи. Так в списке, опубликованном в 1841 г., присутствует указание на смерть весной 1353 г., после длительной болезни, митрополита всея Руси Феогноста [ПСРЛ 3, 1841: 58; ПСРЛ 3, 1888: 351; ПСРЛ 3, 1950: С. 362]. Скорее всего, речь не может идти о «Черной смерти», так как согласно летописным сводам, человек умирал за 3 дня. Здесь же речь скорее шла о длительной болезни. Поэтому не имеет смысла считать смену митрополита всея Руси исключительно прямым последствием эпидемии средневековой чумы, как и саму вспышку средневековой чумы в Москве в 1353 г. Скорее нужно говорить о косвенных последствиях данного исторического события, когда в результате массовой смертности среди церковных иерархов произошла смена руководителей Русской православной церкви. Аналогичный процесс наблюдался и среди политической элиты русских княжеств.

Если возвратиться к опубликованному в 1841 г. тексту Новгородской первой летописи, то еще одной формой борьбы с напастью, наряду с крестным ходом, называется и окуривание. *«Въ лето 6860. Добиша челомъ Новъгородъцы, бояре и черные люди, архієскопу Новъгородьскому владыце Василію: чтобы еси, господине, ехалъ нарядилъ костры Орехове – и онъ ехавъ костры нарядилъ, и приѣха въ Новъгородъ»* [ПСРЛ 3, 1841: 58]. Аналогичное указание на этот способ борьбы приведен и в другом варианте Новгородской первой летописи [ПСРЛ 3, 1888: 329].

В плане исследования дальнейшего шествия «Черной смерти» по территории русских княжеств, представляет интерес отрывок, приведенный в написанном во второй половине XV в. Рогожском летописце: *«В лето 6860. Того же лета моръ бысть великъ въ Смоленьске на люди»* [ПСРЛ 15, С. 60].

Обращаясь к общерусским летописным сводам, нужно отметить, что древнейшей является летопись Авраамки, которая базировалась на основе более старых летописных источников и была со-

ставлена в последней четверти XV в. в Пскове или Новгороде. Впрочем, приведенная здесь информация «о море лета 6860 г.» полностью повторяет запись, приведенную в Псковской первой летописи [ПСРЛ 16, С. 83–86]. Более информативным выглядит текст Никоновской летописи, написанный в начале XVI в. Безусловным достоинством данного летописного свода следует признать наличие указания на вспышки «Черной смерти» в тех русских городах, указание на которые практически нельзя встретить в других летописных сводах. «Въ лето 6860 бысть моръ силенъ зело въ Смоленске, и въ Кіеве, и въ Чернигове, и в Суждале, и во всей земли Русстей смерть люта, и напрасна и скоро; и бысть страхъ и трепеть велій на всехъ человецехъ. Въ Глухове же тогда ни единъ человекъ не остася, вси изомроша; сице же и на Белоозере» [ПСРЛ 10, 223–224]. Судя по представленной информации в данном летописном своде можно говорить о продолжении вспышки в других русских княжествах. Однако, нельзя исключать, что данная вспышка средневековой чумы имела исключительно новгородское или псковское происхождение. Судя по приведенным записям Никоновской летописи можно говорить о совпадении нескольких эпидемических волн: немецко-польской, скадинавской и ордынской. Именно перекресток дорог из этих регионов и находился в районе Смоленска и Киева. Информация о чуме в 1351–1352 гг. также представлена в летописных сводах XVI в. [ПСРЛ 30: 110; ПСРЛ 37: С. 72].

Следующей отмеченной русскими летописцами вспышкой средневековой чумы на Северо-Западе Руси стал псковский «мор лета 6868» (1360 г.). Информация о нем содержится лишь в одном летописном своде: Псковской второй летописи. «В лето 6868. Бысть во Пскове дрюггыи моръ лют зело; бяшо бо тогда се знамение: егда кому где выложится жолоза, то вскоре оумираше; мнози же оумираху тою болезнию, много время той смерти належащи на людех» [ПСРЛ 5, 1851: 14]. В представленном летописном отрывке очень четко фиксируется симптоматика, характерная для бубонной формы чумы. Отсутствие указаний в других летописных сводах на данный исторический факт или присутствие перечисления иных пораженных данным бедствием может свидетельствовать о локальном характере данной эпидемии.

Аналогичная ситуация сложилась вокруг описания псковского «*мора лета 6877*» (1369/70 г.). «... много бѣдъ претерпешиа, болѣзнь и моромъ и ратьми, и всехъ настоящихъ золь на ны грехы наша» [ПСРЛ 4, 1848: С. 193]. В отличие от «*мора лета 6868*» в представленном отрывке отсутствует описание симптоматики заболевания. Поэтому для того, чтобы убедиться в том, что в Пскове в 1369/70 г. случилась вспышка именно эпидемии чумы, нужно обратиться к текстам западноевропейских хроник. Согласно преставленной в них информации, европейские страны подверглись опустошительной эпидемии чумы в 1366–1368 гг. Поэтому налицо продолжение данной вспышки в русском городе.

Куда больше информации в летописных сводах содержится о «*море лета 6896–6899*» (1387–1391 гг.) на Северо-Западе Руси. Одним из важнейших политических факторов, определивших развитие этих русских земель, стало начало стратегического наступления Великого княжества Литовского. Первотолчком к нему стали развернувшиеся в 1386 г. события вокруг города Мстиславль. Данный населенный пункт был основан в 1135 г. смоленским князем Ростиславом Мстиславовичем. Литовским город стал только в 1358 г. Поэтому было вполне объяснимо желание со стороны смоленских князей вернуть его под свой контроль. Однако, реализовать на практике задуманное смоленским князьям не удалось. Наоборот, как следует из летописных записей, 29 апреля 1386 г. смоленскому князю Святославу Ивановичу пришлось встретиться со всем литовским войском. Вот как об этом сообщается в Никоновской летописи. «*И затворишася во граде, и стояху Смоляне подъ городомъ Мстиславлемъ, 11 дней, но успеха ничтоже. И бысть уже наутріе, въ Фомину неделю, въ полъутра появишася къ городу со единыа страны полки рати Литовскіа, и узрѣшиа Смоляне въ поле стяги Литовскіа рати. В первомъ же полце бе князь великій Скригаило Олгердовичь, а въ другомъ полку братъ его Корибутъ Олгердовичь, а в третіемъ полку братъ ихъ князь Семен Лунгвень Олгердовичь, а в четвертый полк Витовтъ Кейстутьевичь со множеством, бесчисленными силами Литовскими, грядуще борзо на поле во граду. Смоляне же, видевше ихъ, смятошася восколебашася, и начаша вскоре рядити полки своя и противу себя бой и съступишася подъ*

градомъ подь Мстиславлемъ на поле на реке на Верхе, а людѣе гражане стояху на забралехъ и з города зряху. И бысть межъ ихъ брань велѣа и сеча зла и падоша мертвиѣ на реце на Вехре. И посемъ князи Олгердовичи одолеша, а Смоляне побѣени быша, а инѣи побегоша. И ту убѣенъ, бысть на суйме князь великѣи Святославъ Ивановичъ Смоленскѣи, внукъ Александровъ, правнукъ Глебовъ Ростиславича, праправнука Ростиславль, преправнука Мстиславль, пращурца Давидовъ, прапращуръ Мстиславль Владимерь Маномахъ Всеволожь сынъ, а Всеволодь Ярославъ сынъ, а Ярославъ великого Владимира сынъ. И ту убиша и братаничя его князя Ивана Василевича, внука Иванова, правнука Александрова. А детей Святославлихъ князя Глеба да князя Юрья поимаша и поведоша въ Литву, а прочихъ Смолянъ многихъ, бояръ и воеводъ и слугъ, избѣиша, а иныхъ поимаша, а инѣи бежаша и истоноша въ реце Вехре. А за иными князи Литовстѣи погониша и прогониша и до Смоленска изгономъ. Смоляне же затворишася во граде Смоленце, Литва же много стояше около града и взяша окупъ съ него, а телеса избѣенныхъ князей даша имъ и взяша надъ Смолянны свою волю, елико восхотеша» [ПСРЛ 11: 90–91]. Результатом этих событий стало установление со стороны Литвы контроля над Смоленским княжеством. В самом городе в качестве правителя был посажен сын смоленского князя Святослава Юрий, а брат его Глеб был взят в Литву в качестве заложника [ПСРЛ 11: 91].

Впрочем, окончательно присоединить Смоленск литовским князьям удалось только после двух вспышек чумы (1387 и 1402 гг.). В отечественной историографии Смоленская эпидемия чумы 1387 г. достаточно хорошо известна. Данный факт был введен в историческую науку Н.М. Карамзиным в 1816–1817 гг. «*В лето 6895 в Смоленце бысть моръ велик, и около града по волостем, толико бяше изыде из града 5 человекъ, и город затвориша*» [ПСРЛ 42; 150]. В Никоновской летописи приведена несколько иная цифра оставшихся в живых в Смоленске. Здесь их число доведено до десяти [ПСРЛ 11: 93]. Все это может свидетельствовать, с одной стороны, о гораздо меньших потерях среди населения города, а с другой стороны, косвенное указание на снижение роли Смоленска, как независимого внешнеполитического и экономического игрока.

Менее известен в отечественной историографии «смоленский мор лета 6909» (1401 г.). «*Месяца августа, князь Юрьи Святославовичъ да Олегъ Рязанскій приидоша къ Смоленську, а въ городе Смоленске бысть мятежь крамола, овие хотяху Витовта, а друзиу отчича; князь же Юрьи сослася съ гражданы, граждани же Смолняни, не могуще терпети налоги и насильства отъ неверныхъ от Ляховъ, и пріяша князя Юрья, и предаша и градъ ему отвориша; а князь Романъ Михайловичъ Брянскій ту тогда седель отъ Витовта, убьень бысть жалостно нужною смертію, а княгиню его и дети отпустиша, а наместници Витовтовы поимаша, боляръ, которыи не хотели отчича князь Юрьи взя Смоленскъ, и паки седев въ немъ въ своей отчине. Той же осени князь Витовтъ приходилъ ратью ко Смоленську на князя Юрья, и стоявъ много дній подъ Смоленскимъ, и не возмя города поиде во свою землю, вземъ перемирье; а во Смоленске крамола бысть велика, людей посекоша много, и моръ бысть на людей*» [ПСРЛ 4, 1848: 105; ПСРЛ 5, 1851: 252]. Если анализировать данный отрывок, то здесь можно отметить произошедшее в августе 1401 г. в Смоленске городское восстание. В результате было свергнуто правление литовцев и уставлена власть князя Юрия Святославовича Смоленского. В ответ на это, литовский князь Витовт вынужден был его осадить. И если бы не разыгравшаяся во время осады города эпидемия чумы, которая позволила ему окончательно закрепить за Литвой данный русский город, результат был бы совершенно иным [ПСРЛ 4, 1848: 105; ПСРЛ 5, 1851: 252]. Значение этого исторического факта пока еще полностью недооценено. Именно после него Великое княжество Литовское смогло установить полный контроль над днепровским торговым путем, что позволило начать литовским князьям проводить в восточном направлении более экспансионистскую политику. Впрочем, с точки зрения распространения эпидемии чумы, смоленский «мор лета 6909» скорее имел отношение к третьей волне Второй пандемии чумы (1380–1430 гг.). Истоки данной смоленской эпидемии предположительно нужно искать в Западной Европе.

В сложившихся новых геополитических реалиях конца XIV – начала XV вв. новгородские власти вынуждены были начать укреплять юго-западные границы. «*Въ лето 6895 соиде Новгородци*

благословеніемъ владыки своего поставиша городъ камень Порховъ» [ПСРЛ 11: 93]. Однако, главная угроза для Новгородского княжества на тот момент времени исходила не от Великого княжества Литовского, а от Ганзейской лиги немецких городов, более известной под названием Ганза.

Собственно, отечественные историки традиционно не отмечают существование прямых торговых отношений между Золотой Ордой и Ганзейским союзом, аналогично тем, которые существовали между средневековым татарским государством и североитальянскими городскими республиками (Генуя и Венеция). С одной стороны, это было связано с тем, что практически отсутствуют письменные источники, свидетельствующие о существовании прямых ганзейско-ордынских торговых отношений, а с другой стороны, вследствие незнания немецких первоисточников и непонимания основных принципов функционирования Ганзы. Традиционно сложившаяся точка зрения на данное торговое объединение как на торгово-политический союз больше соответствует Ганзе второй половины XIV в. В то же время предтечи этого союза, т.н. *«товарищества немецких купцов за границей»*, появились уже в конце XI – начале XII вв. Однако, если следовать средневековым текстам, немецкое купечество в этот период скорее представляло из себя *«вооруженную толпу»*, *«толпу, несущую массу неприятностей»* – *«cohors»*.

На протяжении первой половины XII в. происходит формирование закрытых объединений немецких купцов с последующим встраиванием в структуру управления ряда городов, ориентированных на торговлю с Англией – *«aula»* [Schaube K., 1908: 201]. Во второй половине XII – начале XIII в. при непосредственной политической поддержке немецких феодалов, императоров Священной Римской империи и Папского Престола, с целью оказания финансовой помощи крестовым походам в Прибалтике, была создана корпорация или товарищество торговавших на Востоке готландских купцов – *«vulfila»* [Stein W., 1911: 276]. Вскоре представителем последнего были сформулированы общие правила ведения торговли – *«ansa»* [Daenell E.R., 1906: 35]. Таким образом, на момент западного похода хана Батые в Европу в 1236–1242 гг. объединение немецких купцов, известное более как *«купеческая Ганза»*, представляло из

себя торговую корпорацию со штаб-квартирой в Любеке, ведущую свою торговлю на Востоке по общим правилам.

В 1241 г. под воздействием экспансии датского короля Вальдемара II на восток Балтийского моря, ослабления императорской власти в Германии и монгольского вторжения в Европу, началось политическое оформление оборонного союза нижненемецких городов во главе с Любеком – «*stede van der dudeshen Hense*». Основным стержнем этого объединения стало распространившееся через немецких купцов Любекское торговое право. Широкое использование этого законодательства во многих частях Балтики вскоре позволило любекской купеческой корпорации не только распространить свое экономическое влияние, но и создать политическое объединение нижненемецких городов с общими правилами ведения торговли и единой транспортной системой. И все же, как и в любом другом средневековом объединении, в Ганзе большую роль играли не вертикальные, а существовавшие между различными членами союза горизонтальные личные связи. Однако, наличие подобных отношений не отрицало существования индивидуальных договоренностей как между ассоциированными членами объединения, так и с независимыми торговыми партнерами. Это зачастую приводило к возникновению систематических конфликтов между членами Ганзы. Единственным выходом зачастую становилось обращение в верховный апелляционный суд г. Любека.

Во второй половине XIII в. для облегчения управления и для скорейшего разрешения возникавших торговых споров в некоторых балтийских городах (Штеттин, Данциг, Эльбинг, Тчев и др.) стали создаваться филиалы любекского суда. В то же время была предпринята попытка унификации различных вариантов городского права нижненемецких городов в вопросах торговли с учетом опыта использования Любекского права. В результате проведенных реформ: 1) Ганза была поделена на судебно-территориальные подразделения – трети (вестфальско-ливонскую, вендско-прусскую и фландрийско-

рейнскую)⁷; 2) несмотря на использование в ганзейских городах трех различных вариантов магдебургского права (кульмского, любекского и магдебургского) [Бартлетт Р., 2007], произошла унификация торгового права во всех городах союза. Видимым результатом этих преобразований в политической сфере явилось превращение оборонительного союза в начале XIV в. в федерацию свободных членов Ганзейского союза. Таким образом, данное объединение смогло консолидировать своих членов не только по экономическому, политическому или родственному признаку, но и в первую очередь путем введения единых стандартов в торговле, судоходстве, налогообложении, в стандартизации денежной системы и мер измерения товаров. В основу вынесения всех решений был положен коллегиальный принцип, а также общий контроль над исполнением этих решений. Таким образом, в Ганзейской лиге немецких городов большую роль стали играть общеганзейские съезды (*Hansetag*), проводившиеся ежегодно в различных городах при постоянном председательстве видных представителей любекского патрициата. В экономической сфере – формирование системы отдаленных автономных контор, закрепленных за каким-нибудь крупным ганзейским городом. Основной функцией территориальных контор были таможенный и качественный контроль за ввозимым извне товаром, обмен валюты, сбор информации экономического, политического и религиозного характера. Все эти изменения, несмотря ни на какие внутри- и внешнеполитические конфликты, позволяли Ганзе достаточно гибко проводить свою экономическую политику.

Одним из самых конфликтных регионов в Ганзе являлась территория Тевтонского ордена в Прибалтике (Пруссия и Ливония). Причиной появления этой внутриганзейской конфликтной зоны являлось сосуществование конкурирующих друг с другом сразу двух торговых центров, а именно Риги и Данцига. Основной корень этого конфликта нужно искать в периоде основания обоих балтийских городов. Так, если в основании и дальнейшем развитии Риги (1201) активное уча-

⁷ К середине XIV в. в составе Ганзы насчитывалось 9 третей: вендская, вестфальская, саксонская, магдебургская, шведская, фландрийская, померанская, прусская и ливонская.

стие принимали контролируемые Папским Престолом колонисты из Бремена и Нижней Саксонии [Höhlbaum K., 1872: 29], то в становлении Данцига (1235) сыграли любекские купцы [Simson P., 1913: 20; Keyser E., 1928: 6; Koebner R., 1934: 163, Frederichs H., 1937: 166]. Напрямую свидетельствовало об этом изначальное использование в этих двух городах различных вариантов немецкого (магдебургского) городского права. Впоследствии, это зачастую приводило к возникновению конфликтных ситуаций на русском рынке, что не способствовало облегчению ганзейско-русских и ганзейско-ордынских торговых отношений. Лишь после покорения Данцига рыцарям Тевтонского ордена в начале XIV в. удалось частично снять напряжение между двумя городами. После того как в данном балтийском городе в 1320-х гг. было введено видоизмененное магдебургское право, усилившее позиции центральных орденских властей, и при этом сохранен статус дочерней колонии любекских купцов, город получил возможность в середине XIV века стать крупным посредником Ганзы в торговле с Литвою, Русью и Востоком. Именно об этом факте свидетельствует грамота 1470 года представителей полоцкого купечества к данцигскому магистрату. Согласно тексту этой грамоты среди купцов, торговавших в вышеуказанных областях, упоминаются и ордынские бесермены [Russisch-Livlandische Urkunden, 1868: № 258], которые, в соответствии со сложившейся в Ганзе практикой проведения торговых сделок, были обязаны продавать весь товар на данцигской ярмарке. Контроль за исполнением данных правил был возложен на городской суд Данцига, являвшийся дочерним отделением любекского суда.

Именно, с такой сетевой структурой и были вынуждены общаться власти Золотой Орды. Поэтому, центральные власти Улуса Джучи для облегчения этих контактов, делегировали часть своих полномочий в области торговли крупным русским торговым городам (Новгород, Псков, Смоленск, Львов). Это позволило не только наладить бесперебойную торговлю с большим количеством западных партнеров, но и значительно увеличило рынки сбыта собственных ордынских товаров в Западной Европе. Поэтому договоры заключенные между русскими городами и Ганзой, имели такой же вес для развития торговли Улуса Джучи, как и заключенные напрямую с итальянски-

ми партнерами. И любое кардинальное изменение в текстах данных договоров могло нести негативные последствия для всей торговли Золотой Орды. Впрочем, наиболее серьезные изменения стали наблюдаться сразу после первой волны Второй пандемии чумы – «*Черной смерти*». В этих условиях было принято решение о начале реформы объединения. Основные организационные решения были приняты на прошедшем в 1356 г. в Любеке первом общеганзейском съезде представителей членов-городов [Рыбина Е.А., 2009: 78]. Именно на нем федерация свободных северонемецких городов начала трансформироваться в Ганзейскую лигу немецких городов, структуру строго иерархичную и крайне агрессивную настроенную по отношению к своим внешним партнерам-конкурентам.

В целом процесс оформления нового объединения был завершен в 1370 г., когда Ганза смогла одержать победу над Данией. В итоге подписанного в Штральзунде мирного договора в Западной Европе возникло новое геополитическое объединение, состоящее из 70 членов – Ганза. Именно в условиях становления единых органов управления данного объединения немецких городов и происходило создание четвертой редакции устава ганзейской конторы двора св. Петра в Новгороде, так называемой скры. Как показал текстологический анализ данного источника, основу его составили решения общеганзейских съездов. Именно поэтому не было ничего удивительно в том, что очень скоро Новгородская скра стала лежать в основе созданного текста для всей юридической базы новгородско-ганзейских и отчасти псковско-ганзейских отношений [Рыбина Е.А., 2009: 82–87].

Однако, принятие данного документа еще автоматически не снимало напряженность в новгородско-ганзейских связях. Наоборот, вследствие принятия всеми участниками Ганзы Новгородской скры в качестве основополагающего документа, регламентирующего новгородскую торговлю, возникшие конфликты зачастую принимали форму военного, политического и экономического противостояния. С учетом того, что восточная торговля Новгорода, так или иначе, была связана с Золотой Ордой и подвластными ей русскими княжествами, то подобные конфликты имели более масштабный контекст: противостояние Востока с Западом.

Одним из самых крупных ганзейско-новгородских конфликтов стала торговая война 1385–1391 гг. Основными причинами последней являлись накопившиеся со стороны новгородцев претензии к ганзейцам по поводу условий торговли мехами, стоимости соли, заключенных ранее торговых сделок, а также взаимного обвинения в неправомерности сторонами арестов своих купцов и конфискации их имущества. В результате, в январе 1385 г. в городе Вольмаре состоялся съезд представителей ливонских городов. В соответствии с общепринятой в Ганзе практикой было вынесено общее решение, согласно которому вводилась торговая блокада. Также были полностью запрещены любые поездки ганзейских купцов в Новгород, а новгородских торговцев в ганзейские города.

Положение усугубил вспыхнувший в 1385 г. пожар на Торговой стороне Новгорода. В результате последнего большой ущерб понесли не только сами новгородцы, но и немецкие купцы, дворы которых были разграблены жителями города в ходе пожара [Рыбина Е.А., 2009: 91]. Еще больше ухудшил финансовую обстановку в Новгороде состоявшийся в 1386 г. поход Дмитрия Донского. Главной целью последнего являлось взятие откупа в размере долга за два года перед Токтамышем (8 тыс. рублей) [ПСРЛ 42: 149].

В этих условиях новгородцы были вынуждены идти на обострение отношений с Ганзой. Прямым следствием чего явилось обсуждение на съезде в Любеке возможности переноса из Новгорода ганзейской конторы в Дерпт. Именно отсюда, по замыслу идеологов, должна была в будущем осуществляться вся торговля с русскими городами. Эти предложения со стороны ганзейских купцов должны были еще больше упрочиться, так как в 1389–1390 гг. в Пскове и Новгороде вспыхнули эпидемии чумы.

Если обобщить всю представленную информацию об этой вспышке, то эпидемия чумы началась весной 1389 г. в Пскове. Ее завершение согласно летописным сводам было связано с организованным новгородским владыкой Иоанном II Порфирьевым крестным ходом, а также возведением двух церквей (Рождества Богородицы и св. Николая) и строительством монастыря. Уже на следующий год (1390 г.) новгородцы во главе с Андреем Олгердовичем предпринимают военный поход на Псков. Главной целью данного похода явилось стрем-

ление примириться с Василием I Дмитриевичем. Именно поэтому, официально было провозглашено возвращение новгородских политических изгоев и беглых людей, раздражавших Великого князя Московского. Впрочем, не последнюю роль здесь сыграл факт срыва накануне новгородского похода переговоров с представителями Ганзы [Валеров А.В., 2004]. Однако, скорее всего, именно фактор эпидемии чумы сыграл здесь определяющую роль. Доказательством чему служит запись в Новгородской четвертой летописи, которая напрямую сообщает о вспышке чумы уже зимой 1390 г.: *«В лето 6897. Той же зимы моръ бысть великъ в Пскове железою»* [ПСРЛ 4, 1929: 604]. Впрочем, очень скоро эпидемия проявилась и в самом Новгороде: *«Въ лет(о) 6898. ... Быс(ть) мор в Новегороде железою, а м(е)с(я)ца ок(тября) 12 в сред(у) кр(е)стьяне поставиша ц(е)рк(о)вь во едино утро, из леса привозив бревна, у с(вя)теи Софии с(вя)тыи Афонасеи по бл(аго)сл(о)в(е)нию вл(а)д(ы)чню; с(вя)щаль вл(а)д(ы)чнимъ бл(аго)в(е)ниемъ и м(о)литвою преста мор»* [ПСРЛ 43: 154]. О том, что это была именно чума, можно найти сообщение в Новгородской летописи по Синодальному Харатейному списку. *«Той же осени бысть моръ силенъ велми в Новегороде; все случися прияти на ны по грехомъ нашимъ, веліе множество крестиянь умре по всимъ улицамъ; сице же знаменіе на людехъ: при смерти явится железа; пребывъ три, умре»* [ПСРЛ 3, 1888: 376]. Однако, эпидемия чумы в Новгороде на этом не завершилась. *«В лето 6899. Того же лета бысть моръ великъ зело прыщемъ в Новгороде и во всехъ пределехъ его. Якоже рече пророкъ: аще не покорятся людіе, ни послушаютъ стража, рекше учителя, кровь ихъ на главахъ ихъ, а стражъ душу свою избавиль естъ отъ муки: сице же и симъ людемъ пропевад Богъ усты служителя его, ихъ же пастыря и учителя, они же, ожесточившиися непокорствіемъ, пріаша мечь»* [ПСРЛ 11: 123–124].

В сложившихся условиях новгородцы были вынуждены пойти на мировую с представителями Ганзы. В 1391 г. в Изборске состоялись переговоры, главным итогом которых стало заключение в 1392 г. мира, вошедшего в историю под именем подписавшего его ганзейского посла Иоганна Нибура (Нибуров мир) [Рыбина Е.А., 2009: 98]. Если учесть, что данное мирное соглашение было подписано под влиянием вспышек эпидемий чумы, то становится понятна

логика сторон, подписавших его. При сохранении установленных прежде правил ведения торговли было введено крестоцелование при ее начале. В условиях доминирования в общественном сознании представления о чуме как о божьем наказании, применение на практике данного религиозного ритуала напрямую свидетельствовало о росте в конце XIV в. влияния эпидемического фактора на поведенческие мотивы тогдашней политической элиты и общества. Следовательно, одной из возможных причин обострения ситуации на Северо-Западе Руси, начиная с 1385 г., скорее всего, являлся последовательный приход из стран Западной Европы на Север третьей волны Второй пандемии чумы («Черной смерти»). Именно влияние последнего очень четко прослеживается в XV в. в череде новгородско-ганзейских конфликтов. Отечественный исследователь Е.А. Рыбина отметила, что наиболее крупные из них пришлись на 1403, 1406–1409, 1410–1412, 1416, 1420–1421, 1424–1425, 1441, 1443, 1448, 1478 гг. [Рыбина Е.А., 2009: 116]. При этом вспышки чумы на Руси произошли в 1401, 1403–1404, 1406–1407, 1408–1409, 1417–1419, 1420–1421, 1422–1424, 1442/43, 1448, 1463–1467, 1486/87 гг.

Как видно из приведенных хронологических данных, наиболее пиковым периодом для всех территорий, находившихся в вассальной и прямой зависимости от Золотой Орды, стал периодом 1417–1431 гг. Именно события этих лет нашли подробное отражение во многих письменных источниках того времени. Однако, если исходить из представленной информации, вышеуказанный период запомнился не только эпидемиями чумы, но и массовым голодом среди населения. Если рассматривать эти события с точки зрения эпидемиологии, то, как и во время начала третьей волны Второй пандемии чумы (1380–1430-е гг.) в 1390-х г., сразу же в нескольких местах произошли параллельные вспышки. Однако, в отличие от предыдущих волн, вспышки чумы не завершались на Северо-Западе Руси. Последние посредством уже сформировавшейся на территории русских княжеств и Золотой Орды единой транспортной сети, продолжали активное взаимодействие с человеческим сообществом. Фактически, мы можем наблюдать переход от локальных и кратковременных к более масштабным и долговременным вспышкам эпидемических заболеваний.

**§ 4. «Моръ и гладъ» в русских княжествах
и Золотой Орде в первой половине XV в.**

В русских княжествах третья волна Второй пандемии чумы («Черной смерти»), как уже было сказано выше, отметилась в 1408–1410 гг. Пиковыми годами для России стали 1417–1431 гг. Как гласят западноевропейские данные, крупная эпидемия чумы была отмечена в 1413–1417 гг. Поэтому, базируясь на уже имеющихся данных, можно предположить, что первыми русскими населенными пунктами, которые оказались под воздействием данного бедствия, стали города Северо-Западной Руси и Литвы (Полоцк, Смоленск, Псков и Новгород). Косвенной предпосылкой начала эпидемического десятилетия можно считать эпидемию 1414 г. Указание на нее можно найти сразу в трех летописных сводах: Никоновской летописи, Летописи Авраамки и Мазуринском летописце. Каноническим для отечественной историографии считается отрывок из Никоновской летописи: *«Въ лето 6922 болезнь была кристианомъ тежка зело, костоломъ, по всей земли Русской»* [ПСРЛ 11: 225]. По мнению советских исследователей К.Г. Васильева и А.Е. Сегала, описание симптоматики было близко к приведенной для эпидемии 1408/09 г.: *«Руки и ноги прикорчит, шею скривит, зубы крежещут, кости хрустят, все суставы трещат, кричит, вопит, и мысль изменится, ум отнимается, иные один поболевши, другие – полтора дня, некоторые 2 дня, иные оболевши 3–4 дня выздоравливали»*. По заключению обоих авторов, у больных наблюдались поражения центральной нервной системы. Септическую формы чумы они отвергли, так как летописец не привел характерные для бубонной и легочной чумы симптомов: черных петехов, кровоподтеков и кровотечений. К тому же, для сложившейся русской летописной традиции при описании чумных эпидемий было характерно использование таких понятий, как *«мор железую»* и *«мор коркотою»*. Исходя из этого, они предположили, что это был грипп [Васильев К.Г., Сегал А.Е., 1960: 36]. Однако, если обратиться к опубликованному в 1775 г. *«Описанию моровой язвы бывшей въ столичномъ городе Москве съ 1770. По 1772. Годъ»*, то среди описанной симптоматики болезни, присутствовали головная боль и ло-

мота в конечностях [Шафонский А.Ф., 1775]. Скорее всего, речь шла о сыпном тифе, вызываемом вшами и имеющим схожую симптоматику. Впрочем, нельзя отрицать факта параллельной вспышки нескольких эпидемических заболеваний, что и показали летописные свидетельства и лабораторные исследования. Поэтому можно говорить о таком ходе событий относительно эпидемии 1414 г.

Ее появление могло свидетельствовать о снижении иммунитета у основной массы населения. Положение явно не улучшила засуха, наступившая параллельно с вспышкой эпидемии: «*Того же лета бысть засуха велиа и громи велицы и страшное зело*» [ПСРЛ 11: 225]. Если же обратиться к определению земли Русской, то летописцы однозначно указывают на практически все крупные русские города [ПСРЛ 31: 100]. Безусловно, эта чаша не обошла стороной Киев и другие русские города, находившиеся на границе с ордынскими землями. Следовательно, можно предположить, что в 1414 г. имел место факт вспышки уже в западных ордынских улусах. Свидетельством этого можно считать ситуацию, сложившуюся вокруг Нижегородского княжества. Конфликт между Даниилом Борисовичем и Василием I Дмитриевичем частично был разрешен в пользу последнего и вошел в новую фазу, когда на ханском престоле утвердился Чекре (Чекри), ставленник Идегея [Горский А.А., 2016: 131]. Впрочем, не исключено, что данная вспышка сыграла непосредственную роль в возвращении Идегея в Сарай. Возможное продолжение данной эпидемии уже в 1415 г. можно рассматривать в качестве одной из предпосылок очередного политического обострения в Золотой Орде. Доказательством чему является приход к власти с последующим быстрым изгнанием из ордынской столицы ставленника Витовта сына Токтамышша Джаббар-Берди. Столь быструю и частую смену правителей в Сарае в 1415 г. нельзя объяснить ничем, кроме как продолжением эпидемии 1414 г. в нижневолжских степях.

В 1416 г. ситуация в нижневолжских степях с эпидемической точкой зрения оставалась также напряженной. Скорее всего, даже нужно говорить об ее усилении в причерноморских степях. Неисключенно, что именно поэтому произошло ослабление позиций Джаббар-Берди, приведшее к его убийству. В этих условиях, Идегей вступив в союз с Сайид-Ахмедом I, смог окончательно утвер-

диться в Сарае [Рева Р., 2016: 714–715]. Однако, киевский поход 13 июля 1416 г. и последующий хадж в Мекку Идегея с супругой может свидетельствовать о продолжавшейся эпидемии на территории Золотой Орды [Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950]. Таким образом, можно заключить, что данная эпидемическая вспышка охватила период между с 1414 и 1416 г. С учетом того, что в 1417 г. на Северо-Западе Руси началась эпидемия чумы, последнюю можно считать одним из первых проявлений прихода «*большой чумы*».

Судя по дошедшим до сегодняшнего дня летописным текстам, эпидемия разразилась в Новгороде в 1417 г. О том, что разразившаяся болезнь была именно чумой, свидетельствуют следующие слова в Новгородской четвертой летописи: «*А болезнь бысть такова: прежде же яко рогатнюю удапитъ за лопаткою, или протву сердца, подъ груди и промежу криль, и разболится, который начнетъ кровью хракати, и огонь ражжеть, посемъ потъ, потомъ дрожъ иметъ и по всемъ суставамъ походитъ въ человеци недугъ той естъственный; железа же неединаче иному на шеи; другому на стегне, овому подъ пазухою и подъ скулою и за лопаткою и въ паху, и на иныхъ местехъ телесныхъ, и в болезни полезавше и помроша*» [ПСРЛ 4, 1848: 115]. Фактически данный летописный отрывок повторяет в целом рассказ «*О мору великом лета 6872*», представленный в Рогожском летописце.

Если судить по приведенным названиям русских городов, то можно заключить, что в 1417 г. эпидемия чумы пришла на Русь с территории Ливонского Ордена: «*И мряху тогда железною отъ Спасова дни и до Крещеніи господня, и тако милостію Божию преста моръ: а пришло отъ Немець изъ Юрьева*» [ПСРЛ 5, 1851: 23]. Очень скоро охваченными эпидемией оказались многие города Северо-Западной Руси: «*Въ годъ 6925 бысть моръ страшный на людехъ в Новогороде, и въ Ладозе, и въ Русе, и въ Порхове, и во Пьскове, и въ Торжску, и въ Дмитрове, и во Тфери, и во волостемъ и по погостомъ и по монастыремъ*» [ПСРЛ 4, 1848: 115]. Согласно тексту Софийской второй летописи причинами смертности среди населения наравне с эпидемией стал холод: «*и зима была студена велми, многие люди мразом мерли*» [ПСРЛ 6, 2001: 44].

Первым городом Северо-Западной Руси, принявшим на себя главный эпидемический удар, стал Новгород. Среди погибших в эту вспышку чумы оказались два новгородских посадника: Иоанн Александрович и Борис Васильевич. По завершению данной эпидемии новгородским владыкой Семионом был традиционно проведен крестных ход, а также возведены в конце Прусской улицы две дневальные церкви, посвященные Св. Илье и Св. Афанасию [ПСРЛ 4, 1848: 115].

Одним из последствий данной вспышки явился поход в Заволочье московского воеводы боярина Глеба Семеновича с *«Новгородскими беглеци, съ Семеномъ Жадовскимъ и съ Михайломъ Роасохинымъ, и съ Устюжаны и съ Вятчаны»*. Если соотнести с указанной ниже информацией о море 6925 г., то можно предложить, что одной из причин начала этого военного события могла стать разыгравшая эпидемия чумы. Результатом последнего стали: *«Емцю и Колмогоры пожгли, и бояръ Новгородскихъ изнимаша Юрія Ивановича и брата его Самсона. А Иванъ Федороваичъ и братъ его Афонасть, Гаврило Куриловичъ, Исакъ Андреевичъ сугнавъ ихъ подь Моржемъ на острове, братию свою Самсона и Юрія отьяша, и полонъ весь и съ животы, а ихъ отпустиша»* [ПСРЛ 5, 1851: 260].

Однако, наиболее важным с исторической точкой зрения результатом *«новгородского мора лета 6925»* стало городское восстание 1418 г. в Новгороде. Наиболее полно данное событие описано в приведенном в Летописи Авраамки рассказе [ПСРЛ 16: 168–170]. Ценность последнего заключается в том, что в нем полностью описано психологическое состояние средневекового русского общества, оказавшегося в условиях масштабных эпидемий. Как следует из текста данного рассказа, некто Степанко заподозрил в любовной интрижке со своей женой своего *«господаря боярина Данила Ивановича Божи́на вьнука»*. 14 апреля 1418 г. он избивает его до полусмерти и выкидывает в реку. Там его подбирает некий рыболов по имени Личко.

Наблюдавшие за этим со стороны люди, не разобрав, что к чему, напали на него и, разграбив его дом, ушли восвояси. Он же смог спастись бегством. После чего в Новгороде прокатилась волна насилия. В результате были разграблены *«Кузмодемѣя улицу, и Яневъ берегъ, и Люгощу улицу, и монастыря святого Николы и Прускую*

улицую». Не сумев предотвратить междоусобицу, новгородский владыка Симеон, оставив за себя ахимандрита Варлаама, отправился молиться в церковь Св. Софии. После чего он вышел на мост с крестом и стал прилюдно молиться. Увидя это, к нему обратились представители Торговой стороны с посадником Федором Тимофеевичем, *«и съ иными посадники и с тысячкими, и благовернии хрестьяне»*. О последующих событиях в летописном своде записано так: *«Владыка же послуша моленіа ихъ, и посла архимандрита Варлана, и отца своего духовнаго и протодіакона на вече на Ярославъ дворъ, да подадутъ благославленье его посаднику Василью Есифовичю, и тысячкому Кузме Тертьевичю и всему народу. И абіе вброзіе утолися брань сія промежи народы, и бысть хрестьяниномъ тишина и радость велія в веки, аминь»* [ПСРЛ 16: 170].

Как видно из текста данного летописного свода, новгородское восстание 1418 г. явно имело социальный подтекст. Это, пожалуй, был первый случай в русском летописании, когда было зафиксировано крупное городское восстание, одной из причин которого явилась эпидемия чумы. Причем и по характеру средств и методов, затраченных для выхода из возникшего социального кризиса, можно сделать вывод о восприятии в новгородском обществе XV в. бедственной ситуации в связи с эпидемией чумы – безусловно доминирующей являлась точка зрения божественного гнева за грехи людские. Исходя из этого, можно заключить, что, скорее всего, в 1418 г. имела место быть повторная вспышка чумы. Поэтому новгородское восстание в этот год было столь мощным.

Судя по всему, эпидемия чумы продолжила свое победное шествие в Новгороде весной 1419 г. Своего пика она достигла летом этого же года. Причем, скорее всего основной очаг эпидемии находился за городом. Именно об этом сообщают перечисленные в летописном отрывке названия мест с возведенными церквями. *«И Варламъ архимандритъ постави церковь каменну Рождество Христово, въ Юрьевъ манастыре; и Михайло Юрьевич постави церковь древяну Чудо святаго Михаила архистратига, на Колмове; и Феодосій игумень церковь каменну постави святую Троицю, на Клопейске, въ 60 дній»*. О завершение эпидемии 1419 г. зимой сви-

детельствуют слова: *«поставиша церковь деревяну святого Антонія, на Вежищахъ»* [ПСРЛ 4, 1848: 119].

Если анализировать дальнейшие события, то в 1419 г. в Новгороде был зафиксирован пожар, выванный необычайно сильной грозой и градом. Скорее всего, их продолжением могли стать эпидемия и голод, как в самом Новгороде, так и за его пределами. Усмотрев в этих событиях ослабление Новгородского княжества, норвежцы, находившееся в унии со Швецией, совершили военный набег. Правда, успех этого предприятия выглядел сомнительно: *«Въ то же лето пришедше Мурмане войною, и пятисотъ чевоекъ, с моря, в бусахъ и въ шнекахъ, и повоеваша въ Аръзуге погостъ в Неноксе, и в Корельскомъ монастырь святого Николе, и Копечный погостъ, и Яковлю курью, и Ондреяновъ берегъ, Кыгъ островъ, Кягъ островъ, Михаиловъ монастырь, Циглонимъ, Хечимагъ; 3 церковь съжгле, а хрыстьяне и черноризьцовы изсекоша. Заволочане же Мурмане две шнеке избиша, а иныи убезаша в море»* [ПСРЛ 16: 172].

Еще одним русским городом, пострадавшим от эпидемии в конце 1410-х г., стал Псков. Так, в тексте Псковской первой летописи по Архивскому списку сообщалось, что в 1419 г. город накрыла эпидемия чумы. О большой смертности среди городского населения могут напрямую свидетельствовать количество возведенных церквей (церковь св. Троицы, св. Варвары на Усохе и св. Благовещения в Песках), указание на пострижение в монашество находящегося при смерти князя Феодора Александровича и длительная дороговизна хлеба. *«Того же лета бысть хлебъ дорог велми, по три годы»* [ПСРЛ 4, 1848: 202].

В тексте Псковской второй летописи можно найти информацию о продолжении эпидемии чумы в Пскове на следующий год. *«Въ лето 6928 бысть знаменіе веліе въ Чирекахъ отъ иконы: несть кому мощно еже не удивитися о семь чудеси: отъ суха древа отъ образа святыя Богородниа изъ обою оку идяху слезы, яко многимъ каплемъ капати; и священники послаша попы и діаконы, и весь Псковъ, выдоша съ кресты и усретоша икону Матере Господня за Старымъ Възнесеніемъ, идеже и ныне крестъ въ тьму; и потомъ поставиша церковь въ женскомъ монастыри, и оттоле начаши праздновати знаменіе святей Богородици месяца іуля въ 16, на память святого*

священномученика Анфиногена. И потомъ, не на длезе времени отъ Спасова дни, начаша въ Пскове и по всемъ волостемъ мрети малыя детвы, и потомъ юноша и девы и мужи и жены, и старыя мряху, но мало; и бысть моръ великъ зело, и мнози тогда мужи и жены пріяти ангелскый образ минишьскый. Тогда пострижесе въ болезни князь Феодоръ Александровичъ, и отъеха на Москву. Тогда посадники Псковскыя и весь Псковъ начаша искати священного места, где была первая церковь святой Власей, а на томъ месте стояше дворъ Артемьевъ, воротове, и Псковичи давшие ему добро и спрятавшие дворъ, обретоша престоль; и на томъ месте въ единъ день поставиша церковь во имя святого Всемилоствиваго Спаса. И освящана и литургію свершиша, месяца септенріа 14, на Въездвиженіе честнаго креста» [ПСРЛ 5, 1851: 23].

Если подробно анализировать данный отрывок, сразу же можно отметить, что псковичи обратились к традиционным для них методам борьбы с этим бедствием: организация крестного хода и строительство дневальной церкви св. Всемилоствивого Спаса. Продолжение строительства новых церквей в 1421 г. напрямую свидетельствовало о продолжении эпидемии. Причем, даже несмотря на продолжавшуюся эпидемию, происходит обострение отношений с Великим князем Литовским Витовтом.

О дальнейшем распространении эпидемии на Руси сообщает текст Софийской первой летописи. Согласно последнему: «*Въ лето 6928. Моръ бысть силенъ на люди, почался на Успленіе святыя Богородица, на Костроме, и на Ярославле, и въ Галичи, и на Плесте*» [ПСРЛ 5, 1851: 262]. Начавшаяся в 1417 г. эпидемия чумы на Северо-Западе Руси через три года охватила многие русские земли. Наиболее интересным выглядит сообщение из Мазуринского летописца. «*И паки начата быти мор силен зело прежде в Кіеве, также в Новеграде и во Пскове, и в Торжку, и во Твери, и на Волоку, наипаче же на Костроме, и в Ярославле, и в Юрьеве, и в Володимере, и в Суздале, и в Переяслове, и в Ростове, и в Галиче, и на Плесе*» [ПСРЛ 31: 100]. Хоть сообщение и датируется 6922 г. (1414 г.), но приведенные факты указывают на более позднюю датировку данного события. Подтверждает это предположение отрывок текста Софийской второй летописи, где напрямую сообщается о начале эпи-

демии чумы на праздник Успение Богородицы: «В лето 6928 месяца сентября 8 почала болезнь коркотная и мор велик, а почасе на Успении святых богородицы на Костроме и въ Ярославле, и въ Галиче и на Плесе» [ПСРЛ 6, 2001: 47–48]. Из указанных выше названий русских городов, можно предположить, что охвачены оказались не только русские, но и ордынские земли в Поволжье, Поднепровье и Причерноморье. Отчасти именно этим можно объяснить неудачные попытки Идегея примириться с Витовтом, а также последующее возвышение Улуг-Мухаммеда при непосредственном участии Великого князя Литовского.

Впрочем, одним из главных политических сюжетов в 1420-х г. для данного правителя Золотой Орды стал сход с политическо арены Дервиш-хана, Кадыр-Берди и Идегея [Рева Р., 2016: 715–716]. Одной из причин этого, скорее всего, стал масштабный голод, разразившийся в эти годы в Поволжье. Его начало, скорее всего, стало прямым следствием эпидемии чумы, приведшей к массовой смертности среди крестьян: «Стояше жито на нивах пусты, жати некому... и бысть глад по великому том мору и мало людей во всей русской земле остана от мору и от меженины» (засухи). «В лето 6928 мор бысть силен на люди, почался на Успение святых Богородица (28 августа)... и тако вымроша, яко и жита бе жати некому» [ПСРЛ 11: 161]. Однако, ее продолжение было напрямую связано с неблагоприятными климатическими условиями. Развитие событий очень хорошо представлено в русских летописных сводах [ПСРЛ 18: 165; ПСРЛ 24: 180; ПСРЛ 26: 184.; ПСРЛ 27: 100]. Пожалуй, наиболее раннее сообщение о масштабном голоде 1420-х г. присутствует в Софийской первой летописи: «Въ лето 6928 снегъ паде на Никатинъ день, иде три дня да три ноци и паде его на 4 пиди, и потаялъ: а некое жите подъ снегъ полегло, некому жати, люди померли» [ПСРЛ 5, 1851: 262].

В представленном отрывке очень четко указывается на неблагоприятные природно-климатические условия зимы 1420/21 г. Аналогичная ситуация сложилась и в весенне-осенний период 1421 г. «Въ лето 6929. Сентября, быша мрази велицы зело; и того же месяца въ 15 день, паде снегъ и иде 2 дни и 2 ноци, и возста буря велиа и студень велми и мрази велицы; и потомъ наки соиде снегъ, и мало жита

пожато бысть, и наки поиде снегъ и быша мрази, и бысть гладъ по всей земле Русстей земле» [ПСРЛ 11: 236]. «И мало людей во всей Русстей земли, и сугубо умираху человецы от глада» [ПСРЛ 31: 101].

Наиболее наглядным свидетельством неблагоприятных климатических условий является сообщение о масштабном наводнении, произошедшем в этот год в Новгороде [ПСРЛ 3, 1888: 410–411; ПСРЛ 5, 1851: 23; ПСРЛ 11: 236; ПСРЛ 24: С.181]. Наиболее ценные сведения о новгородском наводнении хранятся в тексте Софийской второй летописи: *«Въ лето 6929 в Новгороде поводъ велика бысть во Волхове и снесе 20 городень великого мосту, и буре велице бывшии, и разбиша от воды, и уличнии мости и храми мнози от основания исторжени быша, мнози же воды ради на верхъ хором живяше. И монастыревь 19 обиятъ вода, яко ни пению быти в них. И толлице скорби бвяше, яко уж(е) людем чающим потопа нашедшу на них.». При чем, приведенные следом слова об огненном дожде явно указывают на масштабную эпидемию, разразившуюся в Новгороде. «И еще же наки и туча велика взыде майа 19 с полуднии с громом страшным и с шумом великимъ с полудни с громом страшным и шумом великим в полуноноши молнии блиста // юци, яко прозрети не мочно бе, яко бо чающим людем созженным быти от огня оного, понеже бо и туча она пришедше над градомъ ста, изменися от дожденосиа огненное видение, людие же всякою чаюци пламени быти и пожигаюци грешники и ужасаещъ, и начаша вопити: «Господи помилуи». И прочее многое моленье и обеты приношаху господеву и пречистой его матери, и всем святым. Понеже бо каменеие изо облака являеися. Архиепископъ же Семен с чином священным и вси боязни вси людие вшед во церковь Премудрости божиа, ниц падше со многими слезами из глубины сердца со воздыханьми молящеся. Тако же и по прочим церквам священници и людие творяху. И тако прииде ноць со страхом онем, пришедшу же дню, и бысть тишина, и туча она бысть невидема и едва людие в себе придоша от страха оного» [ПСРЛ 6, 2001: 48–49].*

Аналогичная ситуация сложилась в этот год и в Пскове. *«Въ лето 6929 мая 25, бысть въ Пскове облака огненная; и бысть все лето дождево, и вода велика. Того же лета Перхурей чернецъ Сопешка даде место земли, и поставиша церковь святое Благо-*

вещеніе, и устроиша манастирь женьскый въ Пескахъ. Того же лета свершишиа церковь камену святую Варвару, возле свягаго Николы, въ Опоцкомъ конци» [ПСРЛ 5, 1851: 23]. Непосредственным свидетельством разразившейся в Пскове в 1421 г. эпидемии является присутствие в данном отрывке указания на строительство церкви и женского монастыря.

Если исходить из текстов других русских летописных сводов, то, скорее всего, вызванный установлением неблагоприятных природно-климатических условий tandem бедствий (массовый голод и последующая эпидемия) фиксировался на территории Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского вплоть до 1428 года.

«Въ лето 6930. Гладъ бысть силенъ по всей земли Руской, на Москве оковъ ржи по рублю, а на Костроме по два рубля, а въ Новгороде въ Нижнем по ... алтынъ оковъ ржи; и моръ бысть, съ голоду всякую мертвечину ели». «Въ лето 6931. Гладъ бысть великъ по всей Руськой земли, и мнози людіе изомроша отъ глада, а ини въ Литовскую землю выидоша, а ини же по путехъ идуще изомроша отъ глада и студени, зима бо бе морозна: въ Ростовской же области таковыя люди обретовашася, что люди ядуще, не могуще глада терпети, мнози же мертвыя мяса ядоша, и конину, и пелну и кошки ядоша. Но Господи Царю векомъ! Призри съ небеси отъ свягаго жилища твоего, отъ престола славы твоея, на смреніе наше милосержнымъ си окомъ» [ПСРЛ 11: 238–239]. Перечисление географических мест и указание на набеги в эти годы Барак-хана и Куидодата на Одоев свидетельствуют о том, что основной очаг масштабного голода пришелся на Поволжье. Возникшая затем эпидемия явилась прямым следствием данного события. *«Того же лета моръ бысть въ Тверской земли, и потомъ на Москве»* [ПСРЛ 5, 1851: 262].

Можно отметить, что именно в этот период в русском обществе закрепляется точка зрения об эпидемиях, как о бедствии, принесенном с запада. Наиболее наглядным примером здесь выступает описание эпидемий 1424 и 1426 гг.: *«Въ лето 6932. Денги сковаша во Пскове. И въ Новгородѣ, и во Псковѣ, и за Волокомъ, и по всей Руси, и въ Литве, и въ Немцехъ нача бысть моръ быти въ людехъ железою, и охракъ кровію»*. *«Въ лето 6934. Преста моръ; и Витовтъ*

быль ратью подь Вороначемь, и взяль у Псковичь 1000 рублей» [ПСРЛ 4, 1848, С. 120, 121].

Таким образом, начиная с XV в., русские летописцы при описании данного явления акцентируют внимание на том, что эпидемии зачастую становились одними из причин ухудшения отношений с западными соседями. Последние зачастую принимали форму военного конфликта. Если во время «*мора лета 6932*» эпидемия чумы являлась одной из возможных причин начала новгородско-ганзейского конфликта, то во время эпидемии «*лета 6934*» она была обозначена в качестве причины начала похода Витовта в Псковую землю. Аналогичные оценки событий можно встретить и в других новгородских летописных сводах [ПСРЛ 42: 177; ПСРЛ 43: 176].

Завершающей вспышкой периода 1417–1427 гг. стал «*моръ лета 6935*». Наиболее раннее сообщение об этой эпидемии хранится в тексте Софийской второй летописи: «*Въ лето 6935 бысть моръ великъ во всех градахъ русских, перли прышом*» [ПСРЛ 6, 2001: 52]. В то же время наиболее ценные сведения об этом бедствии содержатся в двух более поздних летописных сводах: Супральском списке и Мазуринском летописце. Однако, если в первом источнике конкретно сообщается о времени и месте начала эпидемии: «*В лето 6935. А князь великий въ Кжелю занже на Москве почальса моръ злеи первого той же осени*» [ПСРЛ 17: 60], то во втором летописном своде большое внимание уделено описанию клиники. Причем, для передачи информации о событиях, последовавших после данной эпидемии, приведен библейский сюжет о «*Всемирном потопе*», который напрямую свидетельствует о масштабности данного события: «*Лета 6935-го мор бысть по всей земли по Руской; а знамя было моровое кому умереть, ино синь прыщъ, а кому не умереть, ино червлен, только лежит долго, до коих мест выгниет. И после того мору стали люди немного жить, век недолог отсекошась, яко же при Ноеве потопе*» [ПСРЛ 31: 102]. Все это позволяет нам говорить, что осенью 1427 г. в Москве произошла сильная вспышка чумы.

Ценность текста Мазуринского летописца заключается в том, что в нем нашло отражение восприятие данных бедствий средневековым русским обществом. Одной из главных особенностей описания периода 1417–1431 гг. в этом летописном своде заключается в

том, что эти события объединены в единый абзац и датированы 1414/15 г. *«Людие же едва образумишася от страха онного. Потом же паки нача быти в людех болезнь коркотная. Тако сугуба казнь и многообразну на ны попустивишу, приводя нас на покаяние. И таков бысть глад велик по всей земли Рустей, яко мнози людие измоша от глада, а инии в чюжия земли разыдошася. Прочии уже на путех от глада и от студении помроша: бе бо тогда зима вельми студена. И таково глада малодушнии людие не терпяху; ядяху мертвыя скоты, конину, и псину, и кошки, и кроты; паче всех сих, – оле бедны! – яко и людей ядоша»* [ПСРЛ 31: 101].

Также определенный исследовательский интерес представляет опубликованный в сборнике отечественного востоковеда В.Г. Тизенгаузена отрывок из труда ал-Макризи, указывающий на продолжение эпидемии чумы уже в ордынских землях в 1428–1430 гг.: *«В 833 (1430) и предшествующем ему годах в землях Сарайских и Дештских и в степях Кыпчацких были сильная засуха и чрезвычайно большая моровая язва, от которой погибло множество народа, так что уцелели из них (татар) со стадами только немногие роды»* [Тизенгаузен В.Г., 1884: 442].

В определенном смысле сообщения в Никоновской и Воскресенской летописях наводят на мысли о продолжении периода «*мора и глада*» в 1430–1431 гг. [ПСРЛ 8: 95; ПСРЛ 12: 9]. Согласно этим летописным сообщениям из-за сильной жары начались сильнейшие пожары и длительная засуха. Результатом «*стал гладъ великъ по всей земли Русской*», а также, скорее всего, продолжение эпидемии чумы. Об этом свидетельствует указанное в тексте Никоновской летописи небесное явление «*столпы огнена*».

Проанализировав данные отрывки можно заключить, что в общественном сознании эпидемии 1414–1416, 1417–1427, 1428–1431 гг. воспринимались единым целым. С учетом анализа распространения «*мора*» во время третьей волны Второй падемии чумы можно говорить, что нестабильный с эпидемиологической точки зрения период для Улуса Джучи и находившихся от него в вассальной зависимости русских земель продолжался с 1414 по 1431 гг. Соответственно, все произошедшие в этот период события в полити-

ческой плоскости, так или иначе, содержали в себе отпечаток этих явлений.

Как и во время вспышек первой и второй волн Второй пандемии чумы исторические источники фиксируют значительные изменения на политической карте. Главной отличительной чертой этого периода становится значительное территориальное расширение, а затем и политическое возвышение Великого княжества Литовского при князе Витовте. По мнению ряда историков в значительной степени это произошло в результате передачи в конце XIV в. ханом Токтамышем литовскому князю ярлыка-пожалования на сбор дани с русских княжеств [Грушевский М.С., 1907: 85–87, 457–462; Петрунь Ф.Е., 1929; Шабульдо Ф.М., 2006]. Как сообщают хроники Дитмара Любекского и Я. Дуглоша, произошло это сразу же после совершенных в Каффу военных походов Витовта в 1397 и 1398 гг. против ордынских соперников Токтамыша [Scriptores rerum Prussicarum, 1866: 216; Jana Długosza kanonika krakowskiego, 1868: 491]. По мнению отечественного историка Беспалова Р.И., закрепление за последним права управления русскими землями произошло сразу же после возвращения ордынскому правителю сарайского престола [Беспалов Р.А., 2013: 32].

Сам факт получения ханского ярлыка позволил литовскому князю в вопросах взаимоотношений с русскими княжествами дистанцироваться от Ягайло. Рыцари Тевтонского Ордена заключили мирный договор именно с Витовтом, как с «*королем Литвы и Руси*», а не с польским королем [Барбашев А.И., 1885: 74–75, 84–87].

Позиции Витовта во внутриордынских и внутрирусских делах еще больше упрочиваются, когда после изгнания Тимуром-Кутлугом Токтамыша из Сарая в 1399 г. он становится фактически гарантом сохранения за последним и его наследниками права на сарайский престол. При этом ордынскому правителю приходится иметь дело уже с новым противником – сильным главой рода Мангытов – Идегеем [Беспалов Р.А., 2013: 33]. В тексте Белорусской I летописи можно найти следующие строки, раскрывающие лейтмотив политики литовского князя: «*Поиде, пленим землю татарскую, победимъ царя Темиръ-Кутлуя и возмем его, и посадим царя*

Токтамыша, а он мя посадить на всеи Руской земли на том на всем» [ПСРЛ 35: 31].

Следует признать, что Витовт изначально не был полностью заинтересован в стабилизации ситуации в Улусе Джучи. С помощью своих султанов-ставленников литовский князь старался контролировать западную часть Золотой Орды. В этом случае появление на политической сцене в 1419 г. его нового ставленника Улуг-Мухаммеда (потомка Тукай-Тимура) являлось прямым доказательством реализации на практике этой политики. Впрочем, далеко не все потомки Токтамыша были ставленниками литовского господаря. Зачастую многие из них, заняв сарайский престол, могли выступить против Витовта [Беспалов Р.А., 2013: 36]. Все это лишь способствовало ускорению центробежных тенденций. Особенно это стало заметно после эпидемий 1414–1416 гг. и 1420/21 г. Косвенно на это указывают сведения, датированные 1420 г., о подчинении основателю Тюменского ханства Шибаниду Хаджи Мухаммеду формально контролировавшегося центральными ордынскими властями «*города Болгара с окрестностями*», а затем (в 1429/30 г.) переход этого города под контроль к хану Абу-л Хайру, одержавшему победу над правителем государства Шибанидов. Нижнее Поволжье после походов правителя восточного Дашт-и Кыпчака хана Барака (внука Урус-хана) также оказывается в зависимом положении [Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.: 211].

Другим важным вектором внешней политики Витовта в 1420-е гг., где также прослеживается влияние эпидемического фактора, являлось новгородско-псковское направление. Если комплексно рассматривать эти события, то сразу бросается в глаза, что оба похода Витовта в 1426 и 1428 гг. на Псков и Новгород происходили в условиях продолжавшегося на Руси «*мора и глада*». Прямым доказательством данного предположения являются слова: «*Въ лето 6934. Преста моръ; и Витовтъ былъ ратью подъ Вороначемъ*» [ПСРЛ 4, 1848: 121]. Собственно, становится понятна причина того, что оба русских города вынуждены были в одиночку сопротивляться литовскому князю. Не исключено, что великий князь Василий I Московский также пал жертвой эпидемии чумы в 1425 г.

Если верить летописным сводам, летом 1426 г. Витовт собрал большое войско. Подробно о составе его войска говорится в тексте Воскресенской летописи: *«Того же лета князь велики Литовский Витофтъ ходилъ на Псковь съ многими силами, съ нимъ были земля Литовская и Лятукаа, Чехы и Волохи поинамонавы, и Татарове его, а у царя Махмета испроси дворъ его; и прежде приде подъ градокъ Псковскій подъ Опочки, людие же въ граде затворишися потаившися, яко мнети пришедшимъ пуста его»*. Как можно видеть из данного отрывка, самое активное участие в этом походе приняли татарские отряды Улуг-Мухаммеда, протеже Витовта. Именно его отряды оказались намного раньше остального войска литовского князя, что сказалось на конечном результате: *«И тако начаша Татары скакати на конехъ на мостъ, а граждане учиниша мостъ на ужищахъ, а подъ нимъ колъе изоостривъ побииша; и акоже бысть полонъ мостъ противныхъ, и граждане порезаша ужища, и мостъ падеся съ ними на колъе оно, и тако изомроша вси; а иныхъ многихъ Татаръ и Ляхове и Литвы живыхъ поимаше въ граде вѣмчаше, и режуще у Татаръ срамные уды ихъ, имже въ роты влагаху, [якоже бе и самому Витофту видѣти то и всемъ прочимъ съ ними К.], а Ляхомъ и Челомъ и Волохомъ кожи одираху»*. *«Витовт же видеет то и срама исполнися поиде прочь»* [ПСРЛ 8: 93].

Однако, на этом он не успокоился. Следующий удар Витовт нанес по другому городу псковско-литовского порубежья – Вороначу. После длительного обстрела ему удается уговорить защитников на сдачу города. Дорога на Псков для литовского войска оказалась открыта. В этих условиях псковичи начинают собирать войско.

Сведения о ходе дальнейших боевых действий хранятся в тексте Псковской первой летописи. *«И посадникъ Селивестръ Леонтьевичъ и другій посадникъ Феодоръ Шибалкиничъ, со Псковичи, ехавше подъ городъ Котелень, и онъ неверный князь Витовтъ услыша Псковскую рать, посла на нихъ свое рати неверныхъ 7000 Литвы и Тотары; а Псковичъ мужей 400, удариша Псковичи на нихъ подъ городомъ подъ Котелномъ, и убиша Псковичъ 17 мужей, а изымаша Псковичъ 13 мужей, а Литовскія рати и Тотаръ побииша Псковичи много, а числа ихъ не вемы. А въ то время ходиша Островичи подъ Велья торонемъ, и поидоша взадъ ко Острову, и*

обретоша на пути въ ночь Татарскую рать стояшу въ лесе, и удариша на нихъ кони и снасти; а инии подъ Вревомъ подъ городомъ Вревичи побиша, а Вревичъ паде немного» [ПСРЛ 4, 1848: 204].

После данных поражений псковичам ничего не оставалось, как готовиться к обороне города. Однако, штурм Пскова не последовало. Не получив поддержки от Новгорода, к Витовту была направлена делегация во главе с посадниками Федосом Фефиловичем и Якимом Павловичем: *«И взяша миръ с Витовтомъ месяца августа 25, на память святого Апостола Тита, въ день неделный, а безъ Новгорода; а посулиша князю Витовту 1000 рублевъ»*. Для выплаты обещанной суммы в Псков прибыло московское боярство. Присутствие московских бояр в составе посольства ничего не дало. Литовский князь *«поганый, немилостиво имеа сердце, сребро взя, а пленных на крепости посади»*. Позднее их пришлось выкупать за дополнительное *«серебро»* [ПСРЛ 4, 1848: 204].

В 1428 г. Витовт двинулся на Новгород. Новгородцы, обратившись за помощью к Пскову, получили фактически отказ: *«И псковичи отрекоша: как вы нам не помогосте, так и мы вам не поможем»*. Еще один удар был нанесен со стороны великого князя Московского Василия II Васильевича. *«А князь великий тогда Василий Васильевич к деду своему князю Витовту и крест поцелова, что ему не помогаши по Новегороду, ни по Пскове»* [ПСРЛ 5, 1851: 26]. Этот шаг объяснялся, с одной стороны кровными узами с Витовтом, а с другой стороны, простой нехваткой сил. Вследствие масштабного голода и перманентных вспышек эпидемий чумы, приходилось проводить оборонительную политику не только от своего дяди Юрия Дмитриевича, но и от активизировавшихся татар. В результате, новгородцы вынуждены были пойти на выплату Витовту огромной по тем временам суммы (по разным сведениям от 10 до 15 тысяч рублей), что легло тяжелым бременем на все население принадлежавшего новгородцам Севера Руси и зависимых от них народов⁸.

⁸ История России с древнейших времен до 1618 г.: учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 кн. / А.Г. Кузьмин. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Кн. 2. – 464 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e-reading.club/chapter.php/150669/22/Kuz%27min_-_Istoriya_

Заключение с Новгородом мира в 1428 г. серьезно подняло в глазах окружающих статус Витовта. Поэтому последний путем создания системы династических браков с соседними странами стремился закрепить свое положение. Все это сделало Великого князя Литовского одним из самых влиятельных правителей в Восточной Европе. О степени его влияния можно судить, исходя из записи, сделанной во время государственного объезда в 1428 г. его шутом Генне, по совместительству являвшемся тайным агентом Тевтонского ордена: *«татары с южных границ Литовского государства преподнесли князю множество подарков», «князья Рязанский, Переславский, Пронский, Новосильский, Одоевский и Воротынский обещали ему верность и послушание и поднесли ему большие подарки»*. Еще большую ясность в этом вопросе предоставляет список гостей, приглашенных на коронацию Витовта в Луцк. Здесь наряду с вышеуказанными русскими князьями присутствовали великий князь Московский, Тверской, послы из Новгорода, Пскова и Золотой Орды [Любавский М.К., 2004: 85–86].

Впрочем, даже несмотря на личный авторитет Витовта среди русских князей и татарских ханов, последние продолжили в условиях продолжающегося эпидемического периода выяснять между собой отношения. Согласно летописным сводам, зимой 1428/29 г. татары из Булгарского вилайета во главе с Хаджи Мухаммедом совершили набег на Галич. Находившийся в городе князь Юрий Дмитриевич Галицкий не только смог сдержать первый натиск татар, но и после месяца осады смог нанести им поражение. Потерпев неудачу под Галичем, татарский хан на Крещение (6 января 1429 г.) *«изгоном»* взял Кострому, завоевал волости Плес и Лух. После чего, отягощенные полоном и добычей *«отъидоша на низъ Волгою»*. Посланные за ними полки Великого князя Московского хоть и смогли догнать уходивших татар и даже вернуть пленников и добычу, но упустили царевича Хаджи Мухаммеда [ПСРЛ 5, 1851: 263; ПСРЛ 8: 95]. Поэтому, дабы наказать татар, московский князь Василий II Васильевич летом 1431 г. отправляет в Булгарский вилайет войско

во главе с князем Феодором Давыдовичем Пестрым. «Въ лето 6939 онъ же шедъ взявъ ихъ, и всю землю ихъ плени» [ПСРЛ 5, 1851: 263; ПСРЛ 8: 95].

Если проанализировать эти отрывки на предмет географических названий, то основная масса упомянутых городов и территорий располагается в московско-татарском пограничье. Поэтому нельзя исключать, что основной очаг эпидемии 1431 г. находился в поволжских землях Золотой Орды. Аналогичная ситуация сложилась вокруг г. Мценска, когда на него напал Айдар, зять Улуг-Мухаммеда и глава кунгратов. Находившийся в услужении у Улуг-Мухаммеда, он вероломно напал на этот литовский город, где и захватил в плен местного воеводу Григория Протосьева. За данную выходку Айдар был наказан своим золотоордынских ханом [ПСРЛ 12: 9]. Подобное развитие событий напрямую свидетельствовал о том, что на 1431 г. Улуг-Мухаммед пока еще контролировал западную часть Золотой Орды. В то же время под его юрисдикцию уже не попадала территория Булгарского вилайета. К тому же, вследствие разразившегося голода и продолжающейся эпидемии, сделать это было гораздо сложнее.

Если же смотреть с эпидемической точки зрения, вспышка 1414–1431 гг. явилась последним проявлением третьей волны Второй пандемии чумы. Таким образом, она охватила период между 1380 и 1431 гг. Активизация четвертой волны происходила на спаде третьей волны (около 1430 г.). Поэтому налицо пересечение двух эпидемических волн (третьей и четвертой). Таким образом, можно говорить, что любая из эпидемических волн должна иметь один основной искомый очаг и параллельную вспышку сразу же в нескольких природных очагах. В данном случае, искомым первоочагом во время Второй пандемии чумы в большинстве случаев выступала целая сеть природных очагов чумы, расположенных в районе «*Великого Евразийского чумного излома*»⁹.

⁹ «Великий Евразийский чумный излом» – последовательность реликтовых и пульсирующих природных очагов чумы, расположенных изломанной дугой – от пустынь Йемена до Иранского нагорья (Саудовско-Йеменский очаг с центром в Эль-Асире и Хавлане, Сирийско-Месопотамский очаг с центром в Эль-Асире и Хавлане).

По сложившейся в отечественной историографии традиции период после 1430 г. с точки зрения выявления сюжетов, связанных с массовой смертностью среди населения, практически оказался вне рамок исследований. Единственным исключением может служить псковский мор 1442–1443 гг. Собственно об этом сообщает Псковская первая летопись: *«Въ лето 6951. Преста моръ во Пскове на Дмитреевъ день въ осень, а по пригородомъ и по волостемъ еще мерло и до Крещенія Господня»* [ПСРЛ 4, 1848: 212; ПСРЛ 5, 1851: 30]. Согласно летописным текстам, эпидемия в Пскове была отмечена зимой 1442 г. и осенью 1443 г. На чуму указывают следующие слова: *«и аще кому явится железа, то паскоре умираше»*. Отсутствие указания на другие географические места свидетельствует о локальной вспышке вышеуказанного заболевания.

В летописных сводах интерес представляют сведения о голоде и море 1434–1435 гг. Вот как об этом сообщается в Мазуринском летописце: *«В лето 6942 был голод великий в Литовской землю. По селом и по городам звери людей поядали, а в городе Смоленску по посаду и по улицам люди з голоду людей ядали, а псы головы и руки и ноги человеческия волачивали. И по селом в то время четь была жита по 3 копы грошей. И много лиха того лета учинилася по всей земли Литовстей и много пролития крови сталося, брат брата родного своего убивал, и мор был сильной, о таковм страху люди старые не могут паметовати»* [ПСРЛ 31: 103]. Если учитывать сообщение в Ермолинской летописи про 6943 г., то можно с определенной уверенностью говорить о продолжении мора уже на тер-

тамский пустынный очаг, Курдо-Иранский природный очаг чумы, очаги чумы Центрально-Иранского плоскогорья, североиранских краевых гор, а также смежных с ними плоскогорий и впадин Афганистана), затем через Кавказский хребет (Приараксинский участок очаговости чумы, Закавказский равнинно-предгорный очаг чумы, Закавказский высокогорный природный очаг чумы, Центрально-Кавказский природный очаг чумы, Восточно-Кавказский природный очаг чумы), Прикаспийскую низменность (Прикаспийский северо-западный очаг чумы), Зауралье (Зауральский природный очаг чумы), равнины среднего Поволжья (Волго-Уральский природный очаг чумы), долины рек Ветлуга, Вятка и Кама до Северных Увалов (реликтовые очаги). См.: [Супотницкий М.В., 2017].

ритории Великого княжества Московского. «Въ лето 6943 весна была тепла, а лето студено да и мокро, и никакое жито не родилося съ техъ местъ; меженина после мору» [ПСРЛ 23: 149].

Ближайший по хронологии мор был зафиксирован в 1438 г. в Смоленске. «В лето 6946 в тьи лета быс град великъ во Смоленске по лесом по дорогамъ звери надяше людеи а в городе по оулицам пси гадахоу людеи мертвых главы реки и ноги влачахоу пси и он люди людеи ели и малых детей о великого гладу а въ великий постъ мясо ели зверине по волостем а четверка ржи была по две копе грошеи и меташа въ скулинци люди емючи по оулицам» [ПСРЛ 17: 67, 139]. То, что «мор лета 6946» прокатился по литовским и русским землям свидетельствует Летопись Рачинского: «В лето 6946. И много лиха того году вчынилося по всеи земли Литовскои и Рускои, и много крополитья сталося, брат брата своего рожоного убивал, и мор был велми на люд, иж о таковом страху люди старые не могут паметати» [ПСРЛ 35: 164]. Причем, одним из последствий для Литвы стал татарский набег: «Въ лето 6946 Татарове плениша Литву и со многимъ полонъ възвратишася въ свояси» [ПСРЛ 12: 26].

Скорее всего, голодные годы совпали в 1434 г. с пришедшими эпидемиями чумы из Германии, Передней и Центральной Азии. Если исходить из распространения данного заболевания в Малой Азии, Западной Европе и на Северо-Западе Руси, то, скорее всего, псковский мор начала 1440-х гг. являлся именно чумой. Об этом свидетельствует следующий отрывок: «Въ лето 6950. Тоя же зимы въ Пскове бысть моръ великъ зело: мнози тогда мряху мужи и жены и младыя дети, и аще кому явится железа, то паскоре умираше: а начало мерети канунъ Микулина дни зимняго, а почало изъ заулка изъ Пустынки отъ каменной церкви Христове, и мряху все лето; и князь Александръ Ивановичъ, и посадники, и весь Псковъ поставиша церковь въ единъ день на Романихе Похвалу святей Богородици, къ тьи день и литургию сверишиша священники» [ПСРЛ 5, 1851: 30]. Данная вспышка продолжилась и на следующий год: «Въ лето 6951. Преста моръ во Пскове на Дмитреевъ день въ осень, а по пригородомъ и по волостемъ еще мерло и до Крещенія Господня» [ПСРЛ 4, 1848: 212]. Однако, из-за того, что в текстах обеих псковских летописей кроме Пскова и округи нет упоминаний на

названия других географических мест, то, скорее всего, была либо местная локальная вспышка, либо завершение общерусской вспышки 1434–1438 гг. или продолжение западноевропейской эпидемии чумы 1438–1439 гг. Впрочем, нельзя исключать все три варианта.

Именно поэтому, логично утверждать, что в период 1434–1438 гг. наблюдалась затронувшая практически все русские княжества и татарские ханства целая волна взаимосвязанных вспышек чумы. В сложившихся условиях закономерным результатом этого явилось обострение политической ситуации на пространствах Золотой Орды и последующий ее территориальный распад. Впрочем, нельзя исключать того, что данная эпидемическая вспышка являлась продолжением предыдущей большой вспышки (1414–1431 гг.). Поэтому разорение Киевщины и Северской земли летом 1433 г. пришедшими «на помощь» Свидригайло войсками Улуг-Мухаммеда могло быть логическим продолжением последствий длившихся здесь «мора и глада». Аналогичным образом можно рассматривать метание Улуг-Мухаммеда во время противостояния с Сайид-Ахметом I и позднего противоборства с Великим князем Московским Василием II Васильевичем (1434–1439 гг.) [Рева Р., 2016: 719–720].

Политический распад Золотой Орды не завершился событиями, произошедшими в конце 1430-х гг. – оседанием Улуг-Мухаммеда в Казани и образованием Седиахметовой Орды. С большой долей вероятности, можно говорить, что это произошло между 1442 и 1448 гг. Одними из самых заметных причин этого стали все те же голод и эпидемия. Косвенно о большом голоде в Золотой Орде и на территории русских княжеств в 1442 г. сообщает Летопись Типографская. «В лето 6950 рожь была дорога, до 12 алтынъ» [ПСРЛ 24: 183]. «А в Новегороде хлебъ дороговъ бысть не толко сего единого году, но всю десять летъ: по две коробы, на полтину, иногда боле мало, иногда мениши, негде купить; и бысть скорбь и туга христьяномъ велми, толко слышати плачь и рыданье по улицам и по торгу; и и мнозе от глада падающе умираху, дети пред родителями своими, отци и матери пред детьми своими; и мнози разидолися: инеи в Литву, а инии в Латиньство, инеи же бесерменомъ и жидом ис хлеба даяхуся гостем. А в то же время не бе в

Новгороде правде и правого суда, и всташа ябетници, израдиша четы и обеты и целованья на неправду, и начаша грабити по селамъ и по волостемъ и по городу; и беахомъ в поруганье суседомъ нашимъ суцимъ окрестъ нас; и бе по волости изъяжа велика и боры частыя, криць и рыдание и вопль и клятва всеми людьми на стареишины наша, и на град нашъ зане не бе в насъ милости и суда права» [ПСРЛ 3, 1950: 426].

Аналогичная ситуация складывалась в Поволжье. Об этом свидетельствует представленный в тексте Никоновской летописи рассказ о возвращении под Рязань осенью 1444 г. царевича Мустафы. Причем летописец очень ясно указывает на холод, как одну из причин этого хода: *«Въ лето 6950. Тоя же зима бысть люта зело, и мрази велии нестерпимыи, и много скотомъ и человекомъ зла сотворися... Въ лето 6952 Мустофа же паки прииде въ Рязань на миру, хотя зимовати въ Резани; бе бо ему супротивно на Поли, а Поле все въ осень пожаромъ погоре, а зима люта и велми зла, и снези велици и ветри и вихри силни» [ПСРЛ 12, С. 42].* Об этом же сообщает и Львовская летопись: *«Въ лета 6951 зима была зла, а сено дорого» [ПСРЛ 20: 256].*

Как видно из представленных летописных отрывков, голод на просторах распадающейся Золотой Орды явно имел 10-летнюю продолжительность, что вкупе с уже вышесказанным напрямую свидетельствует о явном обострении внутривосточных и военных конфликтов на всем позднеордынском политическом пространстве.

Другой крупной эпидемической вспышкой 1440-х гг., отмеченной в летописных сводах, стал «моръ лета 6956». Однако, мы можем говорить по крайней мере о существовании двух противоположных оценок данного события [ПСРЛ 8: 121; ПСРЛ 12: 74; ПСРЛ 20: 261; ПСРЛ 27: 273]. Так в летописных сводах, написанных при дворе Великого князя Московского, мор отмечен, как незначительный. Наиболее ранняя запись в этой группе источников присутствует в Вологодско-пермской летописи: *«В лето 6956. А на лето моръ на кони и на всякую животину, и на люди был, да немного» [ПСРЛ 26: 208].*

Несколько иная оценка представлена в Ермолинской летописи, написанной не ранее 1481 г. и продолжающей традицию северорус-

ского летописания, а также в литовских летописях. «*В лето 6956 былъ моръ на кони великъ да и люди мерли*» [ПСРЛ 23: 154]. Аналогичные оценки данному событию даны в Хронике Литовской и Жмойтской. «*О голодѣ великом в Литвѣ. Року 1448. Голод был велими великий в Литве, так, же людей по селах едали псы, свини, вовки, медведе, умерлых, що не было кому ховати, бо после голоду встало поветре великое и в самом мести Смоленску по улицах труп людцкій псы волочили, и з голоду великого люде людей едали, также матки детей своих. А по всей земле Российской была тогда четвертка жита по десять коп литовских, также и в Литве для которой дорожнеты в людех учинилося великое забойство, же в ночи находило убозство сотнями на двори богатых, тако ж и в день, разбивали и хлеб брали, и солонину, сыр, масло, пионо, и иншое що ести, а боли ничего не брали, ни сукон ни грошей*» [ПСРЛ 32: 84]. Если отталкиваться от информации, взятой в указанных летописных сводах, то с большой долей вероятности можно говорить, что наиболее пострадавшими от масштабного голода, вызванного холодной зимой, и разразившейся на этом фоне эпидемии и эпизоотии чумы, являлись территории Великого княжества Литовского, Крым и причерноморские степи. В меньшей степени, данные бедствия затронули Поволжье и Великое княжество Московское. Скорее всего, истоки чумы надо искать в Западной Европе, Центральной Азии, Балканах или на Ближнем Востоке. Однако, не исключено, что имела место вспышка северо-причерноморского природного очага¹⁰. Поэтому основной удар пришелся на причерноморские степи, которые на тот момент находились под контролем Седиахметовой Орды.

Таким образом, можно утверждать, что период с 1442 по 1448 г. стал тем Рубиконом, после которого существование единого средневекового татарского государства не представлялось возможным. Собственно, именно в этот период происходит окончательное оформление независимых татарских ханств и орд. Исчезновение столь большого государственного объединения очень сильно сказалось на отражении в русских летописях эпидемической обстановки на пространных Золотой Орды. Именно с этого периода в русских летопи-

¹⁰ См. хронологическую таблицу вспышек чумы (Приложение).

сях идет переключение внимания с Поволжья на Северо-Западную Русь и Литву, как более важные в стратегическом плане регионы. В итоге, это привело к формированию, господствовавшей долгое время точки зрения, что эпидемии чумы на Руси попадали исключительно через Новгород и Псков и имели немецкое происхождение. Наглядным примером здесь является текст *«История о Великом княжестве Московском»* (1620 г.), где Петр Петерей писал: *«Московиты, находящиеся за Рязанью и в Татарии, вовсе не знают моровой язвы, страдают же от нее лишь близкие к западной границе, а именно: Новгород, Псков, Смоленск и др.»*.

* * *

Приведенный нами текстологический анализ русских летописных текстов показал, что «моръ» и «гладъ» были очень хорошо знакомы человеческим сообществам, проживавшим на территории Великой Русской равнины. Одной из первых, зафиксированных в русских летописях, стала эпидемия, разразившаяся в 979 г. на территории Киевского княжества. Однако нельзя получить конкретную информацию как о месте и временном промежутке происходящего, так и определить конкретную форму заболевания. В то же время, присутствие указаний на небесные явления и мор среди животных свидетельствовали о достаточно крупной вспышке эпидемического заболевания среди людей. Если исходить из представленной в хрониках Никифора Григора информации о разразившейся во время *«Черной смерти»* эпизоотии среди животных, то можно предположить, что это могла быть и вспышка чумы. Также вызывает вопрос локализация данного бедствия на пространстве Великой Русской равнины. Скорее всего, представленное в общегодовой записи Никоновской летописи указание на прибытие печенежского князя Илдея ко двору Ярополка, может свидетельствовать о возможной вспышке эпидемии в районе Киева и ее степное происхождение. Из всего вышесказанного можно заключить, что это, скорее всего, была вспышка чумы, но невозможно понять, являлась ли данная вспышка локальной или же была продолжением *«Юстиниановой чумы»*. В то же время, можно говорить о том, что описание «мора

лета 6487» заложило в русском летописании нормы и словесные формы в передаче информации об эпидемиях.

Следующей зафиксированной в летописях стала эпидемия 1042 г. Как показывает текстологический анализ летописного сообщения, по всей вероятности в войске сына Ярослава Владимира, во время похода в земли финского племени ямь, разыгралась вспышка сибирской язвы.

Если говорить о следующей вспышке чумы в степи, то, скорее всего, она произошла в 1060-м г. во время похода великого киевского князя Изяслава в земли «торков». Главное, что здесь можно отметить, что наравне с эпидемией среди кочевников был зафиксирован масштабный голод. Все эти бедствия, так или иначе, летописцы связывали с «гневом Божьим». Таким образом, можно отметить, что во второй половине XI в. в русской летописной традиции сформировалось достаточно четкое представление об эпидемиях.

Подтверждением вышесказанного является описание вспышки 1094 г. Хотя традиционно в отечественной историографии указан 1092 г. Если же говорить об общих чертах с описанием «мора лета 6568», то в качестве одной из главных причин начала эпидемии был назван «гнев Божий». Кроме того, обе вспышки проходили на фоне обострения военной обстановки. Но в отличие от эпидемии 1060-го года, вспышка 1094 г. разыгралась на фоне складывания неблагоприятных природно-климатических условий. Скорее всего, в обоих случаях природные очаги эпидемий необходимо искать в степных районах.

В XII в. ситуация с фиксацией эпидемий в русских летописных текстах оставалась на уровне XI в. В целом ее можно охарактеризовать, как несистемную. Среди наиболее часто упоминаемых в отечественной историографии вспышек XII в. указывают «моръ лета 6662» (1154 г.). Если анализировать летописную запись, то речь шла о совместном хождении эпидемий и эпизоотий.

Другой, крупной вспышкой XII в. являлся «моръ лета 6695» (1187 г.). Русский летописец, обозначив библейскими словами «соломоновы страдания», скорее всего, говорил о вспышке в Новгороде «Антониева огня» или эрготизма – отравления, вызываемого

употреблением в пищу продуктов из муки, зараженной грибокм спорыньи.

Следующий XIII в. не принес спокойствия на пространстве Великой Русской равнины. Наиболее крупный «моръ» был зафиксирован в 1229–1230 гг. Подробно об этом сообщается в вошедшем в Никоновскую летопись рассказе «*О потрясенъи земли*». В отечественной историографии в отношении него сложилась точка зрения, согласно которой, данный «моръ» определялся в качестве сыпного или брюшного тифа. Если же обратиться напрямую к тексту летописного рассказа, то там очень четко перечислены симптомы, указавшие на разразившуюся в 1229 г. на фоне масштабного голода вспышку «*Антониева огня*». В то же время, как и в 1230 г. вполне могла иметь место и вспышка чумы. Впрочем, пока будет преждевременно говорить конкретно о чем-либо без проведения текстологического анализа других русских летописных сводов, а также полевых и лабораторных исследований захоронений погибших во время «*моръ лета 6737–6738*».

Следующий крупный «моръ» случился в 1237 г. в Псковской земле. Единственным исследователем, попытавшимся в начале XX в. проанализировать это событие, стал Ф.А. Дебрек. Однако, полностью доверять его выводам в отношении данной вспышки не стоит, так как они не базировались на знании других летописных записей моров.

С эпидемической точки зрения нашествие Батыя на Русь, да и в целом наступившая во второй половине XIII в. эпоха золотоордынского ига, не стали исключением в обострении эпидемической ситуации на пространстве Великой Русской равнины. Истоки этого процесса следует искать в специфических природно-климатических условиях западно-евразийских степей и Нижнего Поволжья, которые были нарушены в 1240–1270-х гг. в результате хозяйственной деятельности населения Золотой Орды. Также негативную роль в этом процессе сыграли: восстановленные или вновь созданные города и дороги, при непосредственной поддержке золотоордынских властей; существование на территории средневекового татарского государства природных эпидемических очагов; и массовая миграция населения из других географических регионов, обладавшего совершенно иной

внутренней микрофлорой. Однако, наличие достаточного количества продуктов питания и благоприятных климатических условий, отводило на второй план проблему возникновения новых масштабных эпидемий среди местных человеческих сообществ.

В конце 1270 – начале 1280-х гг. стали ухудшаться климатические условия. В этих условиях, достигший больших величин уровень болезнетворных микроорганизмов внутри населения средневекового татарского государства, находившегося в условиях перманентного стресса, стал проявляться в виде пока что локальных вспышек эпидемических заболеваний. Именно таким и был «*моръ лета 6785*» (1278 г.). Однако, из летописных текстов невозможно узнать подробно о времени, регионе распространения и форме заболевания.

Куда больше информации в русских летописных текстах содержится о «*море лета 6791–6792*» (1283–1284 гг.). В отечественной историографии сложилась точка зрения, что мор стал прямым следствием западного похода Толе-Буки хана (Туле-Буги) и беклярбека Ногая. Зачастую в качестве одной из главных причин начала эпидемии называли отравление колодцев татарскими воинами, а сама эпидемия определялась как кишечная. Несколько иная картина была описана автором Никоновской летописи. Скорее всего, речь шла о возникшем на территории Золотой Орды на фоне неблагоприятных климатических условий масштабном голоде, что могло обострить и без того сложную эпидемическую ситуацию. Правда, скорее всего, предполагалась локальная вспышка острого эпидемического заболевания. Причем, важную роль в распространении эпидемии могла сыграть существующая дорожная сеть. Поэтому не случайно было указание на достаточно обширный регион распространения «*мора*». Продолжавшиеся процессы урбанизации и миграции в Золотой Орде могли скорее всего ускорить переход от локальных вспышек к будущей пандемии. Поэтому «*моры лета 6785 и 6791–6792*» могли вполне считаться одними из первых проявлений грядущей «*Черной смерти*».

Прямым доказательством этому может служить выделенный исследовательской группой Й. Краузе из единичного захоронения 1278 г. в городе Булгар геному распространенного в Средние века,

штамма чумной бактерии *Yersinia pestis*. Исходя из этого, можно утверждать, что именно территория Золотой Орды стала тем регионом, где происходило становление этого заболевания. В то же время процесс перехода от локальной к более масштабной вспышке крайне вирулетной формы средневековой чумы был достаточно длителен. По крайней мере нужно говорить о 50-м периоде проявления первичной формы «Черной смерти» (1280–1320-е гг.).

Несомненно, важную роль в этом процессе сыграло в начале XIV в. усиление антропогенного фактора в Золотой Орде¹¹. В результате, возникшие эпидемические заболевания стали приобретать более масштабный характер. Особенно это стало заметно, когда в 1308–1309 гг. было зафиксировано появление синантропических видов грызунов (мышей) рыщущих в поисках пищи близ поселений большой массы людей. В результате чего и произошло ускоренное попадание болезнетворных микроорганизмов внутрь человеческого организма. При этом часть из них могла осесть и в организмах домашних животных. В условиях продолжения жизнедеятельности простейших организмов это привело к их совместной коэволюции в организме нового носителя с последующим проявлением в виде иных, общих для человека и животных эпидемических заболеваний. Также это способствовало переходу к латентной форме заболевания с последующим появлением более опасной для человека формы.

Для последующего перехода к более крупным вспышкам эпидемических заболеваний крайне необходимо было нахождение человеческого организма в состоянии перманентного стресса. Современными исследователями среди наиболее ужесточающих факторов

¹¹ Антропогенный фактор проявился в виде процесса урбанизации в средневековом татарском государстве. Пришедший к власти в этот период Узбек-хан был изначально заинтересован в стабильном развитии торговли, что напрямую способствовало развитию внутреннего золотоордынского рынка, активизации внешнеполитических связей с основными торговыми партнерами в Европе и Средней Азии, усилению миграционных процессов и активному строительству внутриордынских дорог. Среди дорог, имевших огромное значение для мировой экономической системы, можно выделить северо-западное ответвление Великого шелкового пути; Карпатскую дорогу, Волжский и восстановленный Днепровский путь.

данного состояния человеческого организма указывается голод. Именно последовательность в виде масштабного голода и последующей крупной вспышки эпидемического заболевания наблюдалось в 1320–1340-х гг. Так, например, предтечей тверской эпидемии 1317 г. и псковского мора 1341 г., скорее всего, стали разразившиеся среди населения русских княжеств «*глады*» «*лета 6817–6818*» (1315–1316 гг.) и «*лета 6840*» (1332 г.). Скорее всего, последовательность эпизоотия – массовый голод – локальные вспышки чумы наблюдалась в этот период и на территории Золотой Орды.

И все же в завершении процесса возникновения «*Черной смерти*» сыграло ускорение климатических изменений в 1320–1340-х гг., совпавшее с увеличением сейсмической и вулканической активности в регионе. Именно о сопутствующих явлениях и сообщали все путешествующие по степи очевидцы¹². Однако, наиболее заметными для окружающих земель стало увеличение объема водных масс, вызванное изменением объема сброса воды крупнейшими реками Волги, Дона, Куры и Амурдарьи в крупные водоемы региона (Каспийское, Азовское и Аральское море). Последовавшая затем аридизация окрестных степей и плоскогорий способствовала увеличению числа контактов человека с синантропическими видами грызунов, основными носителями чумных блох. Существовавший внутри человеческих сообществ объем болезнетворных микроорганизмов очень быстро достиг своих пределов. Поэтому закономерным итогом этого длительного процесса явилось последующее возникновение новой формы старого эпидемического заболевания.

Именно последним и являлась «*Черная смерть*». Если исходить из описанной в средневековых текстах клиники, то скорее нужно говорить об эпидемии наиболее вирулентной формы чумы – легочной. Именно природные очаги последней до сих пор часто встречаются в степной зоне Евразии. В то же время, возникшая форма болезни, скорее всего, носила уникальный характер, так как до сих

¹² Среди часто упомянутых явлений указываются землетрясения, огненные явления, бурление воды, появление ядовитого тумана. По мнению современных исследователей, под последним следует понимать выход из под земли газов сероводорода, метана и радиоактивного радона.

пор в лабораторных условиях не удалось получить активный штамм. Отчасти, это объяснялось как со складыванием накануне начала Второй пандемии чумы в районе расположения эпидемических очагов уникальных природно-климатических условий, так и возможными параллельными вспышками, имевшими схожую клинику, нескольких эпидемических заболеваний (сыпной тиф и черная оспа) или же проявлением других форм данного заболевания (бубонной и бубонно-септической чумы).

Если вернуться обратно к истории «*Черной смерти*» то, скорее всего, ее предтечей стала эпидемия, разразившаяся в конце 1320 – начале 1330-х гг. в китайских и монгольских землях Великого хана. Как показали исследования генома чумы, наиболее вероятным регионом появления этой эпидемии чумы стало Цинхай-Тибетское нагорье. Это в свою очередь подтверждают арабские и китайские источники. Последние отметили смерть от неизвестной ранее болезни представителей династии Юань: Есун-Тэмура, Туга-Тэмура и его сыновей. Также жертвами этой болезни стали 16 правителей окрестных земель, а также большое число воинов из войска Великого хана.

Дальнейшее распространение болезни было зафиксировано в тексте персидского летописца Фасиха ал-Хавафи. В тексте этого источника напрямую указывалось, что эпидемия вспыхнула после землетрясения в районе между селениями Заузана и Джизаде в 1336–1337 гг. В результате, в районе между селением Завы и городом Дугабады (Исламабад) погибло порядка 11 тысяч человек. Именно оттуда, скорее всего, по торговым путям чума в 1338/39 гг. попала в район озера Иссык-Куль. О чем напрямую свидетельствуют найденные здесь надгробия несториан. После чего вспышка чумы была зафиксирована в Хорезме в 1345 г. Другим возможным вектором распространения эпидемии стали Северная Персия и Месопотамия. Именно здесь позднее были зафиксированы самые крупные вспышки чумы.

В 1346 г. эпидемическая волна достигает территории Золотой Орды. Именно здесь она приобрела те черты, которыми обладала «*Черная смерть*»: молниеносность, передача воздушно-капельным путем и массовая смертность среди населения. Фактически мы можем говорить, что именно на территории средневекового татарского

государства она и возникла. С большой долей вероятности можно утверждать, что одной из основных причин возникновения совершенно новой формы чумы, на фоне климатических изменений, аридизации степи и наступления вод Каспийского моря, стало произошедшее пересечение нескольких локальных вспышек заболевания. Как показали современные эпидемические исследования районов западного и северного побережья Каспийского моря, здесь до сих пор фиксируется наличие активных природных очагов чумы. Поэтому любое изменение климата или береговой линии может привести к активизации этих очагов.

Подобная ситуация произошла в 20-е гг. XIV в. Положение ухудшилось из-за постепенного похолодания, сопровождавшегося изменением передвижения атмосферных фронтов, что в условиях доминирования континентального климата привело к установлению масштабных летних засух, крайне морозных и снежных зим. В этих условиях, выросшее в предыдущий более благоприятный с климатической точки зрения период поголовье местных грызунов (первичных носителей заболевания), вынуждено было искать себе пропитание в недавно основанных золотоордынских городах, расположившихся на Нижней Волге, Северном Кавказе, причерноморских и прикаспийских степях. Что на первоначальном этапе привело к возникновению пока еще локальных вспышек легочной чумы.

Окончательно «*формирование Черной смерти*» произошло в середине 1340-х гг., когда локальные вспышки заболевания из Центральной Азии, Ближнего Востока и Балканского полуострова по уже сформировавшимся торговым путям смогли объединиться с нижневолжской вспышкой легочной чумы в районе Крымского полуострова. Возникшая таким образом масштабная эпидемия и получила в итоге название «*Черная смерть*». Современные исследователи сошлись во мнении, что последней стоит называть только затронувшую страны Старого Света первую волну Второй пандемии чумы (1346–1352 гг.). Более поздние эпидемические волны чумы хотя и были повторными, но по длительности и смертности среди населения имели куда больший размах, чем первая волна.

Если говорить о стоящих перед исследователями основных теоретических вопросах первой волны Второй пандемии чумы («*Чер-*

ной смерти»), то здесь можно выделить два основных. Первый вопрос касается основных направлений распространения данной эпидемии, а второй – о количестве погибших в результате заболевания.

Отвечая на первый, можно с уверенностью говорить, что «*Черная смерть*» начала свое смертоносное шествие по территории Старого света из Крыма. Однако, ее начало не было связано напрямую с бомбардировкой осенью 1346 г. войсками Джанибека осажденной Каффы трупами умерших от чумы. Скорее всего, вспышка началась в генуэзской колонии весной 1347 г., когда на территорию города стали проникать уже зараженные вторичные носители чумы (крысы). Именно отправившиеся в весенние месяцы из городской гавани суда генуэзских купцов и стали разносить новую форму чумы.

Однако, важную роль в распространении «*Черной смерти*» сыграл не только генуэзский фактор. С большой долей вероятности, можно говорить, что имел место быть перенос данного заболевания из ордынских земель по сухопутным дорогам другими купцами. Доказательством этому служат упоминание в хронике Никифора Григора о приходе эпидемии средневековой чумы на территорию Виантийской империи из Скифии (Золотой Орды), а также летописные сообщения о возникшем противостоянии в Галицко-Волынском княжестве в 1349 г. Подтверждают этот факт и другие записи в нарративных источниках, сообщающие о возникновении вспышек нового заболевания в 1347–1349 годах на достаточном отдалении от торговых путей генуэзских купцов. Собственно, столь масштабный охват не был бы возможен без взаимодействия уже активных местных локальных вспышек и вновь прибывшей «*Черной смерти*». Именно, поэтому в источниках фиксируется столь разнообразная клиника чумы. Фактически, необходимо говорить о параллельном хождении нескольких форм чумы (бубонной, септической, легочной).

Дальнейшее распространение средневековой эпидемии чумы в Западной Европе напрямую свидетельствовало о влиянии на этот процесс балканского, ближневосточного и североафриканского регионов. Чего нельзя сказать о территории Золотой Орды и русских княжествах. На сегодняшний день возникло множество споров вокруг нераспространения заболевания далее на север вглубь ордынской территории во время первой волны Второй пандемии чумы.

Скорее всего, это было связано с активным использованием центральными властями Улуса Джучи известной со времен второго правоверного халифа Умара карантинной системы. Чего нельзя было сказать о находившихся в вассальной зависимости, расположенных на восстановленном днепровском торговом пути русских городах (Киев, Чернигов, Полоцк). Здесь, вспышки эпидемии средневековой чумы были отмечены в 1349 и 1352 гг. Это в свою очередь было значительно раньше, чем популярный в отечественной историографии временной промежутков прихода «*Черной смерти*» в Новгород и Псков в 1351–1352 гг. Это предположение согласуется с точкой зрения как отечественных, так и зарубежных исследователей, которые указали на фактор крупных европейских рек (Рона, Руана, По, Дунай, Рейн, Эльба и Везер) в распространении «*Черной смерти*». Исходя из этого, можно предположить, что Северо-Западная Русь в начале 1350-х гг. столкнулась с тремя параллельными волнами чумы, шедшими с Днепра, Польши/Германии и Скандинавии.

Единственным спорным моментом в «*победном*» шествии «*Черной смерти*» во время первой волны Второй пандемии чумы по территории русских княжеств является определение основной причины смерти митрополита всея Руси Феогноста, великого князя Московского Семиона Иоанновича и членов его семьи. Современные отечественные исследователи сошлись во мнении, что, скорее всего, главной причиной всех этих смертей могло быть иное эпидемическое заболевание. Подтверждает это предположение и летописное сообщение о длительной болезни митрополита Феогноста. Также не имеет смысла считать Москву затронутой чумой в 1353 г. В связи с этим смену митрополита всея Руси нельзя считать исключительно прямым последствием эпидемии средневековой чумы. Скорее нужно говорить о косвенных последствиях данного исторического события, когда в результате массовой смертности среди церковных иерархов произошла смена руководителей Русской православной церкви. Аналогичный процесс наблюдался и среди политической элиты русских княжеств. Данные процессы послужили становлению на территории русских княжеств совершенно иной политической системы. Другими же последствиями можно считать: возвышение в общественном сознании роли Русской православной церкви и ускорение при непосред-

ственной поддержке митрополитов территориального расширения Великого княжества Московского.

Если же говорить о последствиях первой волны Второй пандемии чумы («*Черной смерти*») для Золотой Орды и находившихся от нее в вассальной зависимости русских княжеств, то в политическом и уж тем более в экономическом плане они не были столь значительными. Как и прежде, золотоордынские правители продолжали контролировать ситуацию. Единственно с чем можно согласиться, это с началом технического и культурного регресса средневекового татарского государства. Однако, аналогичные процессы были характерны и для остальных стран, переживших данное бедствие. Аналогичные оценки можно дать и в отношении умерших от «*Черной смерти*». Как предположили отечественные и зарубежные специалисты в области археологии и исторической демографии, численность населения в ордынских вилайетах и русских княжествах была примерно равной – не более 9 млн. человек. Если взять за основу современную точку зрения отечественных исследователей А.Е. Володарского, С.А. Ершова, Д.М. Исхакова и И.Л. Измайлова, то общая численность населения на пространствах Великой Русской равнины накануне первой волны Второй пандемии чумы составляла примерно 8,5–9 млн. человек. Из них 5,3–5,5 млн. в русских княжествах и около 3-х млн. в Золотой Орде. Предложенный процент убыли населения указал на возможное число погибших: 275 000 чел. (русские) и 750 000 (татары).

Скорее всего, численные потери средневекового татарского государства к середине 1350-х г. оказались еще выше, так как во время первой волны Второй пандемии чумы в степи разразился масштабный голод. Прямым свидетельством этому могут служить тексты писем Франческо Петрарки к своему другу Гвидо Сетте, архиепископу Генуи, а также данные бухгалтерских книг итальянских купцов, торговавших в Крыму хлебом и рабами. Положение ухудшалось тем, что вследствие разности уровня развития сельского хозяйства кочевых и оседлых человеческих сообществ, скорость воспроизводства населения в средневековом татарском государстве

оказалась более медленной, чем в русских княжествах. Следовательно, потеря любого специалиста в Золотой Орде оказывалась более чувствительной утратой. Именно этим то и можно объяснить начавшиеся в данном государственном образовании процессы децентрализации страны, деурбанизации, экономической деградации и изменения культурного кода среди населения.

В то же время, скорее всего, как и в других оказавшихся в условиях масштабной эпидемии человеческих сообществах в Улусе Джучи стало наблюдаться усиление религиозности населения. В ордынском случае речь шла об исламе. С одной стороны, видимым проявление данного процесса стало закрепление в средневековом татарском государстве принятой в исламском мире системы сакрализации и легитимизации верховной власти. С другой стороны, стала активно применяться принятая в исламе система карантинных и оставления местным населением зараженных территорий. В результате, на территории Золотой Орды стал наблюдаться процесс повторного заселения прежних районов, что позволило запустить процесс постепенного восстановления численности населения. Наглядным примером здесь служит: переселение из Крыма и Причерноморья Токтамыш-ханом в 1381 г. 17 тысяч татарских семей для защиты Булгарского вилайета; возвышение в конце XIV – XV вв. правителя Мангытского Юрта Идегея; а также сюжет с кочеванием в степи Улуг-Мухаммеда в 1420–1430-х гг. и главы кунгратов Айдары в 1431 г.; и возвращения после грабежа осенью 1444 г. из степи обратно в Рязань царевича Мустафы.

Куда более мощной по последствиям стала вторая волна Второй пандемии чумы (1359/60 – 1380 гг.). Традиционно считалось, что она являлась продолжением псковского мора 1360 г. Анализ текстов русских летописей показал, что именно нижеволжский природный очаг, как и в период с 1346 по 1349 гг., стал эпицентром распространения эпидемии чумы. Скорее всего, истоки этой вспышки нужно искать в регионах, расположенных южнее. Именно об этом свидетельствует запись, сделанная персидским летописцем Фасих ал-Хавафи, указавшая на произошедшую в 1359/60 гг.

вспышку эпидемии в Ширване. Однако, если проанализировать данные по всем вспышкам этого периода, то можно говорить об исходе чумы по крайней мере из 3-х природных очагов, расположенных в Германии, странах Магриба и в Ширване. Причем, в отличие от первой волны Второй пандемии чумы («Черной смерти»), судя по достаточно длительному пути к эпидемическому порогу, все произошедшие вспышки имели в начале два направления развития: основной и второстепенный. Так, например, псковские моры «лета 6868» и «лета 6878» являлись второстепенными ответвлениями эпидемии чумы в Западной Европе 1360–1363 и 1366–1369 гг. Скорее всего, это было связано с общим количеством населения, проживавшим на определенной территории. И чем меньше было жителей, тем более локально проявлялась вспышка чумы.

Если исходить из представленной в текстах русских летописей информации об этой волне, то она началась в 1364 г. в районе ордынских городов Бельджамен и Сарай. К осени 1364 г. эпидемия достигла Нижнего Новгорода. Причем, одним из возможных путей распространения чумы стала сухопутная дорога, расположенная на юго-востоке данного русского города. О существовании этого направления свидетельствует упоминание в летописи уезда Сары и села Киши. В отношении первого названия можно сказать, что здесь, скорее всего, речь шла о татарской крепости Сары Кылыч (Саров). Летом 1365 г. чума вспыхнула в Переславле, Кашине, Твери и Ростове, где число ежедневно умерших могло достигать от 20 до 100 человек. В зиму 1365/66 гг. чума вспыхнула в Москве, откуда к лету-осени разошлась по городам и «*властемъ Московскимъ*» и территории Литвы. На Северо-Западе Руси данная волна отметилась в 1387–1390-м гг.

Длительность и колоссальные человеческие жертвы позволили русским летописцам во время второй эпидемической волны зафиксировать основные проявления этого заболевания. В результате мы можем говорить: 1) о распространении по крайней мере трех форм чумы (бубонной, бубонно-септической и легочной); 2) период вспышки чумы охватывал период с конца лета до зимы: «от Семена дни лето-

проводца до рождественского говения». В целом, если судить о представленной в тексте русских летописей информации, то здесь присутствуют по крайней мере описания трех различных эпидемических заболеваний: чумы, сыпного тифа, сибирской язвы. Собственно, при описании чумы среди симптомов перечисляются кровохарканье и жар. Если же речь идет о сибирской язве – «*и моръ есть на людях и конях*», сыпной тиф – ломота в конечностях. Иногда одной из главных причин массовой смертности среди населения назывался голод. В отношении последнего фигурируют два понятия: голод, вызванный неблагоприятными погодными условиями – «*гладъ*» и голод, вызванный массовой смертностью среди крестьян – «*межи*».

Общеполитическую обстановку, в 1360–1370-х гг., складывающиеся можно охарактеризовать как обострение на пространствах Золотой Орды политических конфликтов. Самым большим обострением в этот период можно считать «*Великую замятню*». В этом плане, усиление Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского явилось прямым следствием ослабления татарских ханов. Причем, именно в этот период, не последнюю роль в этом процессе начинает играть эпидемия. Именно поэтому так много военных столкновений в это время проходило при завершении вспышки, в осенне-зимний период.

В середине 1380-х гг. было отмечено начало третьей волны Второй пандемии чумы. Ее хронологические рамки охватили период между 1380 и 1431 гг. Фактически, именно в этот период, вследствие усиления транспортной связанности между русскими княжествами и ордынскими территориями, стираются границы между ордынскими и северо-западными вспышками чумы. Поэтому любая вспышка, вне зависимости от места происхождения, начинает затрагивать практически всю территорию Улуса Джучи. Положение ухудшило наступление на фоне нового климатического похолодания в 1420-х гг. масштабного голода, что в условиях политической и военной нестабильности способствовало обострению общественных отношений на территории, как русских княжеств, так и на территории Золотой Орды.

Положение не улучшилось и во время четвертой волны Второй пандемии чумы (1430–1450). Активизация последней происходила на спаде предыдущей третьей волны. Поэтому в 1430-х гг. налицо было пересечение двух эпидемических волн. Именно поэтому произошло углубление процессов, начавшихся во время пика третьей волны (1414–1431 гг.). Среди самых заметных событий во время четвертой волны можно признать: усиление децентрализации Улуса Джучи, и рост политического влияния центров, которые менее пострадали от эпидемических волн (Великое княжество Московское и Литовское, а также Крымское, Казанское и Сибирское ханства). Фактически именно в ходе четвертой волны и начало происходить окончательное оформление позднеордынского мира.

Если говорить об общей численности потерь в Золотой Орде после первых четырех вспышек Второй пандемии чумы (1346–1448 гг.), то наиболее близкими к реальности можно считать цифры упомянутые М.В. Долсом. Они составили примерно 25–32% от дочумных величин. Причем, сюда надо добавить еще 15–20% убывших в результате иммиграции в менее пострадавшие регионы или умерших от голода. Таким образом, общее количество погибших в Золотой Орде могло составить порядка 45–50% от численности населения до эпохи «Черной смерти», то есть к 1430-м г. оно могло составить порядка 1,5–2 млн. человек. В отношении населения русских княжеств, можно сказать, что вследствие более развитого сельского хозяйства к 1430-м годам оно могло составить порядка 6–6,5 млн. чел. В итоге, общая численность населения к 1430 г. на пространстве Великой Русской равнины составляла 7–8 млн. чел. Фактически можно говорить о практическом восстановлении дочумных величин. Получить более конкретные данные в целом пока не получается. Отсутствие отечественного корпуса нарративных источников, связанных с фиксацией смерти людей и их завещаний, а также использование принятого в археологии метода вычисления данных исходя из анализа найденной керамики, пока диктует исследователям в отношении числовых данных построение чисто гипотетических умозаключений. При

этом зачастую не учитывается сложившаяся политическая обстановка и уровень развития экономических отношений.

В целом, анализ изменений ситуации во время первых четырех волн Второй пандемии чумы («*Черной смерти*») показал, что налицо было явное взаимодействие северо-западных русских, ближневосточных, нижневолжских и балканских вспышек данного заболевания. Так в период между 1346 и 1448 гг. было зафиксировано на пространствах Улуса Джучи более десятка крупных вспышек: 1346–1348, 1349–1352, 1364–1367, 1374–1377, 1387–1390, 1398–1399, 1401, 1405, 1406–1407, 1408–1409, 1417–1419, 1420–1421, 1423–1427, 1428–1430, 1441–1443, 1448 гг. Эти эпидемии аналогичны вспышкам чумы в других перечисленных регионах. Так, крупными чумными эпидемиями в Западной Европе были отмечены 1348–1350, 1360–1369, 1372–1375, 1380–1382, 1386–1388, 1399–1401, 1407, 1413–1417, 1427–1430, 1432–1435, 1438–1439, 1449–1452 гг. На Ближнем Востоке – 1347–1348, 1384–1389, 1393–1394, 1398, 1404, 1406–1407, 1409–1411, 1414–1419, 1422–1423, 1429–1430, 1436, 1438–1439, 1443–1449 гг. На Кавказе и Северной Персии – 1345/46, 1359/60, 1370, 1391–1393, 1396, 1405–1407, 1429/30, 134/35 гг. На Балканах – 1347, 1381/82, 1386–1389, 1393, 1398–1399, 1409–1410, 1417–1418, 1422–1423, 1429, 1434–1438, 1440–1443 гг. Исходя из этого, можно говорить о включенности Улуса Джучи через дорожную сеть в мировую экономическую систему. Кроме того, именно в ходе этих четырех эпидемических волн чума становится тем фактором, которая в той или иной степени определяет повестку дня. Поэтому, исходя из представленных данных, можно предположить, что на лицо имело место быть влияние именно крупных вспышек чумы на политические процессы, проходившие на территории Улуса Джучи. Наиболее наглядно это проявилось во время набега Тагая на Рязанскую землю в 1365 г., и в ответных походах вглубь территории Золотой Орды ушкуйников в 1365/66 г. Уже в дальнейшем, именно эпидемии чумы стали предпосылками или прямыми следствиями: присоединения Смоленска к Великому княжеству Литовскому; установления во второй половине 1420-х г.

контроля со стороны Витовта над Псковом и Новгородом; постоянное новгородско-ганзейское противостояние в 1403, 1406–1409, 1410–1412, 1416, 1420–1421, 1424–1425, 1441, 1443, 1448 гг.; поход Тамерлана в 1396 г.; борьба Витовта и Василия I в 1399 г.; московский поход Едигея в 1408 г. Именно влияние эпидемического фактора прослеживается в попытках Мамайя сохранить власть в Улусе Джучи в 1360–1370-х гг., Едигея в 1414–1416 гг. и Улуг-Мухаммеда в 1420–1430-х гг. Аналогичным образом это прослеживается в становления Казанского ханства в 1437–1438 гг. и Крымского ханства в 1448 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленная работа является одной из первых попыток проведения в отечественной историографии комплексного исторического исследования темы «*Черная смерть*» на территории *Золотой Орды и близлежащих регионов*. Оно вряд ли может считаться завершенным, т.к. для его окончания крайне необходимо проведение масштабных полевых и лабораторных исследований найденных в средневековых погребениях человеческих останков. Именно выявление на территории России и бывших советских республик крупных захоронений погибших в период «*Черной смерти*», пожалуй, является одной из первостепенных научных задач. Поэтому большую помощь в решении данной задачи может оказать информация, полученная в ходе анализа текстов нарративных источников. В исследовании были подробно проанализированы сообщения о «*морах и гладах*» конца XIII – первой половины XV вв. События X–XIII вв., как и второй половины XV – XVII вв. были рассмотрены, исходя лишь из представленной в историографии информации, поэтому требуют дальнейшего и более пристального изучения.

Несомненно, что в развитии научных взглядов на эту тему большую роль сыграли штудии отечественных исследователей конца XIX в. Именно в их работах и была определена исследовательская тематика и основной источниковый корпус темы. Следует признать, что одним из главных научных результатов данных исследований являлось выдвижение гипотезы о роли территории Золотой Орды и русской части Центральной Азии в процессе возникновения «*Черной смерти*». Однако из-за доминирования в отечественной науке представителей естественно-научного направления и ограниченности отечественного корпуса нарративных источников, основные выводы по теме делались лишь исходя из косвенных свидетельств и наработок в области эпидемиологии чумы. При этом относительно распространения на территории Улуса Джучи средневековой эпидемии чумы зачастую доминировали некоторые заблуждения. В первую оче-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

редь, это коснулось вопросов определения конкретных форм заболеваний, регионов исхода эпидемии и общего количества пострадавших от данного бедствия. Поэтому одной из главнейших задач, стоявших перед автором, являлось, исходя из представленной в уже опубликованных нарративных источниках информации, выявить наиболее достоверную информацию о вспышках средневековой чумы на территории Улуса Джучи.

При этом следует отметить, что не последнюю роль в исследовании сыграл анализ зарубежной историографии темы. В результате проведенного «*расследования*» были определены наиболее концептуальные идеи западной науки в области изучения «*Черной смерти*» на территории Золотой Орды и близлежащих регионов. Исходя из полученной информации, можно заключить, что западная точка зрения на данную проблематику в основном базируется вокруг сообщения Габриэле де Муси о возникновении неизвестной ранее европейцам болезни после бомбардировки трупами осажденной Каффы (генуэзской колонии в Крыму) войсками золотоордынского хана Джанибека. В результате Крымский полуостров в западной историографии стал восприниматься как один из возможных регионов исхода «*Черной смерти*». Остальная территория России, вследствие незнания отечественного источникового корпуса и отсутствия подтвержденных массовых погребений эпохи эпидемии средневековой чумы, практически до 1970-х г. оставалась вне рамок научных интересов западных исследователей. Несмотря на это в западных научных произведениях можно встретить ссылки на труды отечественных эпидемиологов.

Одними из наиболее часто цитируемых на Западе являются труды советского исследователя Ю.М. Ралля. Именно его взгляды легли в основу работ одного из крупнейших западных теоретиков середины XX в. Р. Поллитцера. Благодаря его разработкам территории Золотой Орды и близлежащих регионов были вписаны в общий контекст распространения «*Черной смерти*» в Средние века. Последовавшая в 1970–2000-х гг. публикация монографий Д.Т. Александра, Л. Лангера, М.В. Долса, Ю. Шамильоглу и О.Й. Бенедиктова позволила не только доказать обоснованность этих предположений, но и за счет

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

привлечения текстов русских летописей и арабских хроник значительно расширить мировую источниковую базу темы.

Окончательное признание на мировом уровне роли вышеуказанных территорий в процессе зарождения и распространения средневековой чумы произошло только после привлечения в исследовательскую практику в 2010 г. *метода полимеразной цепной реакции (ПЦР)*. В результате использования последнего удалось выделить из человеческих останков погребения г. Булгара (Татарстан, Россия) генома распространенного на территории постсоветских стран средневекового штамма чумы. Многие специалисты усмотрели в этом один из кратчайших путей выхода из возникшего общего методологического кризиса исторической науки. Однако, на нынешнем этапе развития данного научного направления это привело лишь к тому, что исследователи очень часто стали слепо следовать в фарватере представителей естественных наук. В результате, стали появляться работы, базировавшиеся на «сенсационных» выводах.

В этих условиях была крайне необходима реконструкция исторической реальности, основанная на критическом анализе нарративных источников и с учетом последних результатов в области теории изучения эпидемии чумы. Для успешного достижения этой цели необходимо было учитывать тот факт, что во многих русских письменных источниках практически отсутствовали прямые указания на вспышки чумы. Поэтому для определения достоверности информации о той или иной эпидемии или распространения голода среди населения, приходилось синхронизировать сообщения о «*морах и гладах*» в русских летописных сводах с текстами арабо-мусульманских, византийских и западноевропейских авторов. Другой спецификой в русских летописных сводах в подаче информации являлось частое использование для подчеркивания катастрофичности ситуации описаний сверхъестественных и небесных явлений. Косвенными свидетельствами вспышек эпидемий могли также выступать сообщения о походах русских князей и татарских царевичей.

Проведенный таким образом анализ нарративных источников позволил: 1) выявить некоторые скрытые и неотмеченные напрямую летописцами исторические события; 2) реконструировать процесс зарождения Второй пандемии чумы на пространствах Золотой

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Орды и близлежащих регионов; 3) определить в процессе формирования пандемии место монгольской глобализации, ускоренного в прикаспийских степях процесса урбанизации и масштабных климатических изменений конца XIII – начала XIV в.; 3) определить произошедшие в период с 1270-х по 1440-е гг. наиболее крупные вспышки средневековой чумы и основные регионы ее исхода; 4) выявить вспышки иных эпидемических заболеваний и масштабные голодные периоды; 5) описать основные политические и территориальные изменения, произошедшие в этот период на территории Улуса Джучи и в русских княжествах; 5) определить примерную численность населения в средневековом татарском государстве и на Руси накануне начала «*Черной смерти*» и после ее первых 4-х крупных волн.

«*Черная смерть*» является своеобразным рубиконом, повлиявшим на развитие человеческих сообществ на пространстве Великой Русской равнины. Ее последствия привели к интенсификации центробежных процессов, что привело к последующей дезинтеграции средневекового татарского государства и последующего возникновения конкурирующих друг с другом новых политических центров. Борьба между ними и определила весь ход истории на следующие столетия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Абу Хурайра. Книга исцеления и рукья. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.islam.uz/raznoe/zdorovie/meditsina/2950-kniga-istseteniya-2-1.html> – Проверено: 13.08.2017.
2. Аль-Аскаляни А. Фатх аль-бари би шарх сахих аль бухари [Открытие Создателем (для человека в понимании нового) через комментарии к своду хадисов аль-Бухари]. В 18 т. Бейрут: аль-Кутуб аль-ильмия. – 2000. – Т. 13. – С. 200–228, хадисы № 5728–5730.
3. Бируни Абу Рейхан. Фармакогнозия в медицине / Иссл., пер. и прим. У.И. Каримова // Избранные произведения. Том IV. – Ташкент: Фан, 1974. – 1120 с.
4. Бокаччо Дж. Декамерон / Пер. с итал. А.Н. Веселовского; комм. А.П. Штейна. – М.: Рипол классик, 2001. – 744 с.
5. Джиованни дель Пано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Пер. А.И. Малеина. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1957.
6. Дженкинсон А. Путешествие господина Антония Дженкинсона из Москвы в России до города Бухары в Бактрии в 1558 г. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. – М., 1937. – С. 67–80, 167–215.
7. Ибн Сина. Моровая лихорадка и то, что с ней однородно, то есть лихорадка при оспе и при кори / Канон врачебной науки: Пер. с араб. М.А. Салье. 2 изд. Кн. 4. – Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1982.
8. Никифор Григора. История ромеев. В 3 т. / Пер. с греч. Р.В. Яшунского. – СПб.: Издательский проект «Квадривиум», 2013, 2014, 2016. Том I. Книги I–XI. 2013. xlii+438 с.; Том II. Книги XII–XXIV (начало). 2014. viii+496 с.; Том III. Книги XXIV–XXXVI. 2016. viii+488 с.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. – СПб., 1843.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. – СПб., 1871.
11. Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись. – СПб., 1841.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская вторая летопись. – СПб., 1879. – Вып. 2.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

13. Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская летопись по Синодальному списку. – СПб., 1888.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. – М., Л., 1950.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 4. – СПб., 1848.
16. Полное собрание русских летописей. Т. 4. – Пг., 1915. – Вып. 1. – Ч. 1.
17. Полное собрание русских летописей. Т. 4. – Л., 1929. – Вып. 3. – Ч. 1.
18. Полное собрание русских летописей. Т. 5. – СПб., 1851.
19. Полное собрание русских летописей. Т. 5. Софийская первая летопись. – Л., 1925.
20. Полное собрание русских летописей. Т. 6. – СПб., 1853.
21. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийская первая летопись старшего извода. – М., 2000. – Вып. 1.
22. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийская вторая летопись. – М., 2001. – Вып. 2.
23. Полное собрание русских летописей. Т. 8. Воскресенская летопись. – СПб., 1859.
24. Полное собрание русских летописей. Т. 9. Никоновская летопись. – СПб., 1862.
25. Полное собрание русских летописей. Т. 10. Никоновская летопись. – СПб., 1885.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 11. Никоновская летопись. – СПб., 1897.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Никоновская летопись. – СПб., 1901.
28. Полное собрание русских летописей. Т. 15, Тверская летопись. – СПб., 1863.
29. Полное собрание русских летописей. Т. 15, Рогожский летописец. – Петроград, 1922.
30. Полное собрание русских летописей. Т. 16. Летопись Авраамки. – СПб., 1889.
31. Полное собрание русских летописей. Т. 17. – СПб., 1907.
32. Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. – СПб., 1913.
33. Полное собрание русских летописей. Т. 20. Львовская летопись – СПб., 1910. – Ч. 1.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

34. Полное собрание русских летописей. Т. 22. Русский хронограф редакции 1512 г. – СПб., 1911. – Ч. 1.
35. Полное собрание русских летописей. Т. 23. Ермолинская летопись. – СПб., 1910.
36. Полное собрание русских летописей. Т. 24. Типографская летопись. – Петроград, 1921.
37. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. – М., Л., 1949.
38. Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-пермская летопись. – М., Л., 1959.
39. Полное собрание русских летописей. Т. 27. – М., Л., 1962.
40. Полное собрание русских летописей. Т. 28. – М., Л., 1963.
41. Полное собрание русских летописей. Т. 30. – М., 1965.
42. Полное собрание русских летописей. Т. 31. – М., 1968.
43. Полное собрание русских летописей. Т. 32. – М., 1975.
44. Полное собрание русских летописей. Т. 33. – Л., 1977.
45. Полное собрание русских летописей. Т. 34. – Л., 1978.
46. Полное собрание русских летописей. Т. 35. – М., 1980.
47. Полное собрание русских летописей. Т. 37. – Л., 1982.
48. Полное собрание русских летописей. Т. 39. – М., 1994.
49. Полное собрание русских летописей. Т. 42. – СПб., 2002.
50. Полное собрание русских летописей. Т. 43. – СПб., 2004.
51. Приселков М.Д. Троицкая летопись. – М., Л., 1950.
52. Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. – СПб., 1880. – Кн. 2.
53. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. – М.: Географгиз, 1957.
54. Путешествие шейха Ибн-Баттуты в Золотую Орду, в половине XIV века // Русский вестник. – 1841. – Т. 2.
55. Путешествия Ибн Баттуты. Арабский мир и Центральная Азия / Пер. с араб., введение, историко-лингвистический коммент. Н. Ибрагимова, Т. Мухтарова. – Ташкент, 1996.
56. Сочинение князя Курбского. Т. 1: Сочинения оригинальные. Ред. Г.З. Кузнецвич. – СПб., 1914. – 646 с.
57. Стихийные бедствия и экстремальные явления на Ближнем и Среднем Востоке (VII–XVII вв.) / Составитель З.М. Бунятов. – Баку, 1990. – С. 109–118.
58. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884. – 579 с.

59. Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Фасихов свод. – Ташкент, 1980.
60. Фукидид. История / Пер. Ф. Мищенко в переработке С. Жебелева. – М., 1915. – Т. 1–2.
61. Шафонский А.Ф. Описание моровой язвы бывшей въ столичномъ городе Москве съ 1770. по 1772. годъ, съ приложениемъ всехъ для прекращенія оной тогда устаовленныхъ учреждений по всевысочайшему напечатаному. – М., 1775. – 653 с.
62. Шильтенбергер И. Путешествие Ивана Шильтберхера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г. / Пер. Ф.К. Бруна // Записки императорского Новороссийского университета. – Т. 1. – 1867.
63. Jana Długosza kanonika krakowskiego Diejów polskich / Perzeklad Karoła Mecherzyńskiego. – Krakyw, 1868. – Т. III.
64. Petrejus de Erlafunda Moscoeitische Chronika. – Leipzig, 1620.
65. Russisch-Livlandische Urkunden, gesammelt von K. E. Napiersky. – SPb., 1868.
66. Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtesquellen Preussischen Vorzeit bis zum untergange der Ordensherrschaft. – Leipzig, 1866. – Bd. 3

Литература на русском языке

1. Адаменко В.Н., Ловелиус Н.В. Аномалии прироста деревьев и изменение барико-циркуляционных условий последнего тысячелетия // Известия ВГО. – 1976. – Т. 108. – Вып. 4.
2. Аллахвердиев Ф.Д., Аллахвердиева Д.Ф. Динамика растительных комплексов на побережье Северо-Западного Прикаспия в условиях новейшей трансгрессии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Естественные науки. – 2011. – № 3. – С. 42–47.
3. Апонасенко А. Черная смерть. Как боролись с чумой в XVI вв. // Родина. 2004. – № 12. – С. 97–99.
4. Арсланов Х.А., Балабанов И.П., Гей Н.А. и др. Методы и результаты картирования и геохронологическая привязка древних береговых линий // Колебания уровня морей и океанов за последние 15 тыс. лет. – М.: Наука, 1982.
5. Артамонов М.И. Раскопки курганов в долине реки Мангыча в 1935 г. // Советская археология. – 1937. – Вып. IV. – С. 93–132.
6. Артюхин Ю.В. Природные катаклизмы как одна из причин «Великой зямтни» в Золотой Орде и появление Азака // Боспорские исследования. – 2009. – Вып XVI. – С. 314–334.

7. Ахметзянов М. Татарские этнонимы по данным татарских шежере // История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. – Казань, 2016.
8. Бадюкова Е.Н. История развития Северного Прикаспия и дельты Волги // Океанология. – 2010. –Т. 50. – № 6.
9. Бараш С.И. История неурожая и погоды в Европы (по XVI в. н.э). – Л., 1989. – 237 с.
10. Барбашев А.И. Витовт и его политика до Грюндвальдской битвы (1410 г.). – СПб., 1885.
11. Бартлетт Р. Становление Европы. Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры. 950–1350 гг. / Пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 432 с.
12. Бегунов Ю.К. Древнерусское описание Дербента и Ширвана // ТОДРЛ. – 1966. – № XXI. – С. 126–131.
13. Берг Л.С. Уровень Каспийского моря за историческое время // Проблемы физической географии. – 1934. – Том 1. – Вып. 1. – С. 11–64.
14. Бертъе-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде (справки о Фуллах) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1920. – Вып. 57. – С. 22–23.
15. Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографии истории Франции. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
16. Беспалов Р.А. Литовско-ордынские отношения 1419–1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. – 2013. – Вып. 5. – С. 30–52.
17. Боголепов М.А. О колебаниях климата европейской России в историческую эпоху. С приложением материалов, извлеченных из русских летописей. – М., 1908. – 114 с.
18. Богоявленский Н.А. Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. – М., 1960. – 326 с.
19. Богоявленский Н.А. Медицина у первоселов русского севера. – М., 1964. – 160 с.
20. Борисов С.В. Чума и возвышение Москвы // Родина. – 2014. – № 5. – С. 61–64.
21. Борисенко Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. – М.: Мысль, 1988. – 522 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

22. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. в 3 тт. Том 3. Время мира. 2-е изд.; пер. с фр. Л. Е. Куббеля. – М.: Изд-во «Весь мир», 2007. – 752с.
23. Бужилова А.П. Болезни в средневековой Руси (антропологический обзор) / Восточные славяне. Антропология и этническая история. под ред. Т.И. Алексеевой. – М.: Научный мир, 2002. С. 243–256.
24. Бужилова А.П. Homo sapiens: История болезней / Ин-т археологии РАН. – М.: Языки славянской культуры 2005. – 320 с.
25. Буваев Д.А. ГИС опустынивания Черных земель Калмыкии за 150-летний период // В матер. межд. конф. Изучение и освоение морских и наземных экосистем в условиях арктического и аридного климата. – Ростов-на-Дону, 2011.
26. Вайнбергс И.Г., Ульст В.Г., Розе В.К. О древних береговых линиях и колебаниях уровня Аральского моря / Вопросы четвертичной геологии. – Рига: Изд-во «Зинатне», 1972. – Вып. 6. – С. 69–89.
27. Валеров А.В. Новгород и Псков. Очерки политической истории Северо-Западной Руси IX – XIV веков. – СПб.: Алетей, 2004.
28. Варданян С.А. Медицина в древней и средневековой Армении. – Ереван, 1982. – 59 с.
29. Варущенко С.И., Варщенко А.Н. Уровень Каспийского моря и колебания увлажненности Русской равнины в средние века // Известия АН СССР. Сер. география. – 1984. – № 4. – С. 61–70.
30. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. – М., 1960. – 397 с.
31. Вилле Я.Х. Практические замечания о чуме. СПб., 1829 – 196 с.
32. Витт Хр. О свойствах климата Валахии и Молдавии. – СПб., 1842. – 357 с.
33. Вознесенский А.В. Изменение уровня Каспийского моря // Природа. – 1927. – № 10. – С. 774–786.
34. Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). – М.: Просвещение, 1973. – 160 с.
35. Волков И.В. Поселения Приазовья в XII–XIII веках // Русь в XIII веке. Древности темного времени. – М.: Наука, 2003.
36. Высоцкий Н.Ф. Чума при Алексее Михайловиче 1654–1655 (с картой) // Ученые записки Императорского Казанского университета. – 1879. – Т. 46. – С. 55–75.
37. Габричевский Г.Н. Бубонная чума и меры борьбы против нея. (С одной таблицей рисунков). – М., 1897. – 26 с.

38. Газенко О.Г. Предисловие / Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. – М., 1976. – С. 4–11.
39. Галанин М.И. Бубонная чума: ее историко-географическое распространение, этиология, симптоматология и профилактика. – СПб., 1897. – 316 с.
40. Ганин В.С. История Чумы // КЛИО. – 2006. – №2(33). – Ч. 1. – С. 169–177; №3 (34). – Ч. 2. – С. 180–187.
41. Герцен А.Г. Христианская община Мангупа под властью турок // Материалы Международной Церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма». – Симферополь, 2007. – С. 22–40.
42. Горский А.А. Москва и Орда. – М., 2016.
43. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 480 с.
44. Григорьев А.П. «Ярлык Идгея»: анализ текста и реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. – 1988. – Вып. IX.
45. Грушевский М.С. История України-Руси. Т. 4. 2-е вид. – Київ-Львів, 1907. – 538 с.
46. Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века // Вестник Ленинградского университета. – 1966. – № 18.
47. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – М., 1993.
48. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: АСТ., 2002.
49. Дербек Ф.А. История чумных эпидемий с основания государства по настоящего времени. Серия докт. дисс., допущенных к защите в Императорской военно-медицинской академии в 1904–1905 учебном году. 14. СПб., 1905. – 385 с.
50. Добронравов С.Ф. Краткое рассуждения о чуме (pestis). – М., 1837. – 74 с.
51. Домарадский И.В. Чума: К 100-летию противочумной службы России. – М., 1998. – 176 с.
52. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М.: Наука, 1985. – 245 с.
53. Еманов Е.Г. Великая пандемия середины XIV в. как финал средневековой истории // Вестник Тюменского государственного университета. Серия История. – 2013. – № 2. – С. 49–54.
54. Заразные болезни и эпидемии – что говорится об этом в Исламе? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://annisa-today.ru/medicina/zaraznye-bolezni-i-epidemii-chto-govoritsya-ob-etom-v-islame/> – Проверено: 13.08.2017.

55. Залибеков З.Г., Баламирзоев М.А., Биарсланов А.Б. Применение информационных технологий в разработке мероприятий по управлению почвенными ресурсами Западного Прикаспия // Изв. ВУЗов. Сев.-Кавк. регион. Естеств. науки. – 2011. – № 4. – С. 87–90.

56. Заболотный Д.К. Чума (Pestis bubonica). Эпидемиология, пантогенез и про-филактика. (С XI табл. в красках и 50 рис.). – СПб., 1907. – 94 с.

57. Заболотный Д.К. Организация и результаты обследования эпидемических очагов чумы // Архив биологических наук. – 1922. – Т. XXII.

58. Забалуев Е.В. О суслике и роли его в этиологии чумы на юге России в прошлом и настоящем. – Саратов, 1913. – 25 с.

59. Загорский В. Чума в Литве (Историческая заметка) // Заметки виленского медицинского общества. – 1897. – № 5. – С. 113–134.

60. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. – 1938. – № 3.

61. Зейдлиц К.К. О чуме. – СПб., 1842.

62. Зеленева Ю.А. Золотоордынские города Поволжья: возникновение, время существования и этнокультурная характеристика // История и современность. – 2010. – С. 113–122.

63. Ершов С.А. Великая Русь. Народонаселение и войны I – XX вв. – СПб., 1997. – 298 с.

64. Иванов И.В., Луковская Т.С. Проблемы СЕИ аридных и семиаридных областей Евразии в голоцене // Человек и природа: Мат. VI научн. конф. «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории» – М., 1997.

65. Из прошлого, 1897 – Из прошлого. Чума в Нижнем Новгороде (Исторический очерк Г.И. Родзевича). – Н.-Новгород, – 1897. – 14 с.

66. Измайлов И.Л. «Великая замятня» / История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – С. 695–706.

67. Измайлов И.Л. Становление средневекового татарского этноса / История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009.

68. Измайлов И.Л. Экологические катаклизмы / История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – С. 682–686.

69. История России. Факторный анализ. В 2 т. – М., 2010–2011.

70. История чумных эпидемий преимущественно в России, с картою заслуженного ординаторского профессора Высоцкого Ф.М. / Лекции о чуме, читанные студентам и врачам в Императорском Казанском университете профессорами: Высоцким Ф.М., Любимовым Н.М., Котовщиковым Н.И. – Казань, 1897. – С. 1–62.
71. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). – Казань, 2007. – 356 с.
72. Климанов В.А., Никифорова Л.Д. Изменения климата на северо-востоке Европы за последние 2000 лет // Доклады АН СССР. – 1982. – Т. 267. – № 1. – С. 164–167.
73. Клименко В.В., Слепцов А.М. Климат и история России в IX–XVI вв. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sleptsov.chat.ru/Climruss.htm>. – Проверено: 11.01.2017.
74. Ковалев В.В., Астахов В.В., Нечипорова Т.П. Геолого-геоморфологические аспекты изменений уровня Каспийского моря в голоцене // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Естественные науки. – 2011. – №5. – С. 70–72.
75. Котенев Е.С., Дубянский В.М. и др. История эпидемий чумы на Северном Кавказе и современный эпидемический потенциал природных очагов чумы // Медицинский вестник Северного Кавказа. – 2016. – Т. 11. – № 4. – С. 612–616.
76. Карамзин Н.М. История государства Российского. – М., 1988. – Кн. 1. – Т. IV. – С. 166–170; Кн. 2. – Т. V. – С. 124–126.
77. Карпов С.П. Работорговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в. // Византийский временник. – 1986. – Т. 46. – С. 139–145.
78. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 336 с.
79. Крамаровский М.Г. Золотоордынский город Солхат-Крым: К проблеме формирования городской культуры (новые материалы) // Татарская археология. – 1997. – № 1. – С. 105–110.
80. Крамаровский М.Г. Богатство, хрупкое как сон. Петрарка о бедах Скифии // Античная древность и средние века. – 2002. – Вып. 33. – С. 169–186.
81. Крамаровский М.Г. Петрарка о бедствиях Скифии // История и современность. – 2007. – Вып. 2.
82. Кренке А.Н., Золотокрылин А.Н., Попова В.В., Чернавская М.Е. Реконструкция динамики увлажнения и температуры воздуха за историче-

ский период (по природным показателям) // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. – М., 1989. – С. 34–38.

83. Кульпин-Губайдуллин Э.С. Золотая Орда. – М.: Изд-во Московский лицей, 1998. – 243 с.

84. Кульпин-Губайдуллин Э.С. Экологический критерий цивилизованности // Золотая Орда: феномен степной городской цивилизации. – М., 2004. – С. 127–158.

85. Кульпин-Губайдуллин Э.С. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. – М., 2005. – 240 с.

86. Кульпин-Губайдуллин Э.С. Золотая Орда. Судьбы поколений. – М., 2011. – 192 с.

87. Куш Т.В. Чума в поздней Византии // Византийский временник. – М., 2008. – Т. 67 (92). – С. 38–56.

88. Левитский Дм. Опыт о предохранении моровой язвы и ее лечения. – М., 1816. – 236 с.

89. Лиленберг Д.А., Ященко В.Р. Основные тенденции современной геодинамики горных морфоструктур Большого Кавказа по новым геодезическим данным // Геодезия и картография. – 1991. – № 2. – С. 21–28.

90. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. под общ. ред. В.А. Бабинцева; Послесл. А.Я. Гуревича. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 568 с.

91. Ле Гофф Ж. Рождение Европы. – М.: Александрия, 2007. – 400 с.

92. Лисицын А.А. Генезис и ландшафтно-экологические особенности волго-уральского природного очага чумы. Автореферат дисс. ... доктора биологических наук. – Саратов, 1973. – 49 с.

93. Лысенко Т.М. Голофитная растительность Среднего и Нижнего Поволжья (в пределах степной зоны) / Материалы IV Международного симпозиума «Степи Северной Евразии». – Оренбург: ИПК «Газпромнефть», 2006. – 820 с.

94. Любавский М.К. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. – СПб.: Наука, 2004.

95. Макэведи К. Бубонная чума // В мире науки. – 1988. – № 4. – С 30–55.

96. Максимов А.А. Природные очаги туляремии. – М.; Л., 1960. – 290 с.

97. Матекин П.В. Фауна наземных моллюсков Нижнего Поволжья и ее значение для представления об истории современных лесов района // Зоологический журнал – 1950. – Т. XXIX. – Вып. 3. – С. 193–205.

98. Медведь А.Н. Антропология болезни в Древней Руси (X–XVII вв.). Очерки истории. – М.: ООО «Издательство МБА», 2014. – 232 с.
99. Медведь А.Н. Болезнь и больные в Древней Руси: от «рудомета» до «дохтура». Взгляд с позиций исторической антропологии. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2017. – 288 с.
100. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. – Казань, 2003. – 164 с.
101. Миргалеев И.М. Проблема престолонаследия в период смуты в Золотой Орде (60–70-е годы XIV в.) // Донские древности. Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. – 2009. – Вып. 10.
102. Михель Д.В. Историческая наука и чума // Диалог со временем альманах интеллектуальной истории. – 2008. – Вып. 25/2. – С. 221–232.
103. Михель Д.В. Дуновения чумы // Нева. – 2010. – № 7.
104. Моисеева Г.И. К вопросу о датировки задонщины // ТОДРЛ. – 1979. – Т. XXXIV. – С. 220–240.
105. Мордкович В. Г., Гиляров А. М. и др. Судьба степей. – Новосибирск, 1997.
106. Мухаметшин Д.Г., Хакимянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Булгара. – Казань, 1987. – 127 с.
107. Население Европы 1300–1800 гг. / The Oxford Handbook of Early Modern European History, 1350–1750. – Oxford University Press, 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.warconflict.ru/rus/new/?action=shwprd&id=1509>. – Проверено: 11.06.2017.
108. Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. – М.: Восточная литература, 2010. – 363 с.
109. Носов Н.Ю., Оглодин Н.Ю. и др. Филогенетический анализ штаммов *Yersinia pestis* средневекового биоценоза из природных очагов чумы Российской Федерации и сопредельных стран // Проблема особо опасных инфекций. – 2016. – С. 75–78.
110. Нуриева Ф.Ш. «Нахдж-ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. – Казань, 1999.
111. Олсуфьев Н.Г., Доброхотов Б.П. Основные принципы и итоги изучения географии природных очагов туляремии в СССР // Методы медико-географических исследований. – М., 1965. – С. 229–251.
112. Павловский Е.Н. Природная очаговость трансмиссивных болезней в связи с ландшафтной эпидемиологией зооантропонозов. – М., Л.: Изд-во «Наука», 1964. – 212 с.
113. Пашуто В.Т. Голодные годы в Древней Руси // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. – 1964. – С. 61–94

114. Петрунь Ф.Є. Ханські ярлики на українські землі // Східний світ. – Харків, 1929. – №2. – С.170–187.
115. Польнова А.Л. Медико-санитарное описание киргизских степей внутренней Букеевской орды и пограничных местностей // Сборник работ по чуме издаваемый под редакцией Главного Врачебного Инспектора. – СПб., 1907. – Вып. 2.
116. Пономарев А.Л. Монетное обращение Золотой Орды в XIV в. (методика анализа) // Причерноморье в средние века. – М.: Изд-во МГУ, 1995.
117. Ралль Ю.М. Природная очаговость и эпизоотология чумы. – М.: Медицина. 1965. – 388 с.
118. Рева Р. Борьба за власть в первой половине XV в. // Золотая Орда в мировой истории. – Казань, 2016.
119. Рейтлингер Л.Р. Исследования по истории чумы в России // Военно-медицинский журнал. – 1877. – Ч. 55. – С. 53–83.
120. Рихтер В.Г. Донные отложения залива Кара-Богаз-Гол как индикатор колебаний уровня Каспийского моря // Бюлл. моск. общ-ваиспытат. природы. – 1961. – Т. XXXVI.
121. Рихтер В.Г. Методы изучения новейшей и современной тектоники шельфовых зон морей и океанов. – М.: Недра, 1965. – 244 с.
122. Рихтер В.М. История медицины в России. – М., 1814. – Ч. 1. – 462 с.
123. Рулев А.С. Ландшафтно-географические исследования степных ландшафтов Нижнего Поволжья // География и Геоинформатика. – 2013. – №1. – С. 59–62.
124. Русев И.Т. Антропогенная трансформация природных очагов чумы в Северо-Западном Причерноморье // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2011. – Том 24 (63). – № 4. – Ч. 1. – С. 244–360.
125. Русев Н.Д. На грани миров и эпох. Города низовий Дуная и Днестра в конце XIII – XIV вв. – Кишинев, 1999. – 240 с.
126. Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 320 с.
127. Рысков Я.Г., Демкин В.А., и др. О возможностях идентификации «антропогенной аридизации» ландшафтов в прошлом по изотопным данным // Стабильные изотопы в палеоэкологических исследованиях. – М.: Ин-т географии РАН, 2006.
128. Рычагов Г.И., Коротаев В.Н., Чернов А.В. История формирования палеодельты Нижней Волги // Геоморфология. – 2010. – № 3.

129. Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в средние века. – М.: Высшая школа, 1976. – 248 с.
130. Селезнев Ю.В. Токтамыш – последний хан единой Орды // Вопросы истории. – 2010. – № 2.
131. Сергеев В.М., Казанцев А.А. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» // Полис. – 2007. – № 2. – С. 18–30.
132. Скржинская Е.Ч. Петрарка о генуэзцах на Леванте // Византийский временник. – 1949. – Т. II (XXVII). – С. 245–266.
133. Скржинская Е.Ч. История Таны (XIV–XV вв.) // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. – Л.: Наука, 1971. – С. 3–10.
134. Сокровенные знания Древней Руси. Вып. VIII / И.А. Герасимова, В.В. Мильков, Р.А. Симонов. – М.: КНОРУС, 2015. – 680 с.
135. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – СПб., 1860. – Кн. 2. – 871 с.
136. Сорогин Е.И. Комплексный кризис Золотой Орды в 60–70-е гг. XIV в. («Великая Замятня») и его компоненты // Донские древности. Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. – 2009. – Вып. 10.
137. Страхович И.В. Чума Астраханского края, ее история, эпидемиология и обзор правительственных мероприятий // Сборник работ по чуме издаваемый под редакцией Главного Врачебного Инспектора. – СПб., 1907. – Вып. 2.
138. Сунцов В.В., Сунцова Н.И. Чума. Происхождение и эволюция эпизоотической системы (экологические, географические и социальные аспекты). – М.: Изд-во КМК, 2006. – 247 с.
139. Супотницкий М.В. Где скрывается чума? // Универсум. – 2005. – № 3. – С. 20–30.
140. Супотницкий М.В. «Черная смерть» – механизм пандемической катастрофы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.supotnitskiy.narod.ru/texts/stat24.html>. – Проверено: 28.08.2017.
141. Трепалов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2002. – 752 с.
142. Трифионов В.Г., Караханян А.С. Геодинамика и история цивилизаций. – М.: Наука, 2004. – 668 с.
143. Умерший от чумы и холеры считается павшим за веру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://islamdag.ru/vse-ob-islame/25471>. – Проверено: 13.08.2017.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

144. Урланис Б.Ц. Историческая демография: избранные труды [отв. ред. А.Г. Вяземский]; Ин-т народохозяйственного прогнозирования РАН. – М.: Наука, 2007. – 468 с.

145. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.: «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингиз-наме», «Таварих-и Булгария». Татарские шаджара. – Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 1972. – 223 с.

146. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. – Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 1979. – 321 с.

147. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 181 с.

148. Федоров-Давыдов Г.А. Некоторые проблемы археологии Поволжья железного века // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». – М., 1991. – Вып. 2. – С. 72–83.

149. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 228 с.

150. Федоров-Давыдов Г.А. Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // Татарская археология. – 1997. – № 1. – С. 92–104.

151. Федоров В.Н., Рогозин И.И., Фенюк Б.К. Профилактика чумы / Под ред. Б.Н. Пастухова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Медгиз, 1955. – 230 с.

152. Федорова Р.В. Лесные фазы в растительном покрове Ергеней и Ставрополя в позднем голоцене (по данным спорово-пыльцевого анализа) // Материалы по геоморфологии и палеогеографии СССР. – 1954. – Вып. 13. – С. 57–127.

153. Флоринский В.М. Материалы для изучения чумы // Ученые записки Императорского Казанского университета. – 1879. – Т. 46. – С. 25–54.

154. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / Пер. с фр. И. Стаф под ред. В. Гайдамака. – СПб.: Университетская книга, 1997.

155. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999.

156. Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А. Влияние второй пандемии чумы на самоидентификацию европейских стран / Фундаментальные и прикладные науки сегодня. Материалы III международной научно-практической конференции. 22–23 мая 2014 г. – Noth Carleston, 2014. – Ч.2. – С. 18–23.

157. Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А. Вторая пандемия чумы в Золотой Орде и ее последствия // Золотоордынское обозрение. – 2014. – № 3. – С. 96–112.

158. Хайдаров Т.Ф. Эпидемия «Черной смерти» в русских княжествах и в Золотой Орде (1345/46 – 1430): предпосылки и последствия // Исторически часопис, кн. LXIV. 2015. vol. LXIV. С. 9–42.

159. Чижевский А.Л. Эпидемические катастрофы и периодическая деятельность Солнца. – М., 1930.

160. Шабульдо Ф.М. Чи існував ярлик Мамає на українські землі? (до постановки проблеми) // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. – Киев, 2006. – С. 100–110.

161. Шамильоглу Ю. Черная смерть и ее последствия // История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009.

162. Шамильоглу Ю. Изменение климата в Центральной Евразии и Золотой Орде // Золотая Орда в мировой истории. – Казань, 2016а. – С. 665–678.

163. Шамильоглу Ю. Влияние Черной смерти на Золотую Орду: политика, экономика, общество и цивилизация // Золотая Орда в мировой истории. – Казань, 2016b. – С. 670–694.

164. Шнитников А.В. Внутривековая изменчивость компонентов общей увлажненности. – Л.: Наука, 1969.

165. Шпилевский С.М. О чуме в Казани в царствовании Алексея Михайловича (заметка по поводу двух предыдущих сообщений) // Ученые записки Императорского Казанского университета. – 1879. – Т. 46. – С. 76–77.

166. Щепотьев Н.К. Чумные и холерные эпидемии в Астраханской губернии (с 2 политипажами и с приложением карты и плана). – Казань, 1884. – 164 с.

167. Щепотьев Н.К. Чумные эпидемии в России. – СПб., 1897. – 41 с.

168. Эйгер Я.Б. История и современное состояние вопроса о бубонной чуме. – СПб., 1897. – 74 с.

169. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X–XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л.И. Лаврова. – М., 1966. – 300 с.

170. Юрченко А.Г. Книга катастроф. Чудеса мира в восточных космографиках. – СПб.: Евразия, 2007. – 320 с.

Литература на иностранных языках

1. Abu-Lughod J.L. Before European Hegemony: The World System A.D. 1250 – 1350. – New York, 1989.
2. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail? The Origins of Power, Prosperity and Poverty. – London: Profile books, 2013.
3. Ackerknecht E.H. History and Geography of the Most Important Disease. – New York: Hafner Pub. Co., 1965.
4. Alexander J.T. Plague in Russia and Danilo Samoilovich: an Historical-geographical Comment and Research Note // Canadian-American Slavic Studies. – 1974. – Vol. 8. – № 4. – P. 525–531.
5. Alexander J.T. Bubonic Plague in Early Modern Russia: Public Health and Urban Disaster. – Baltimore and London, 1980. – 386 p.
6. Alfani G., Melegaro A. Pandemia d'Italia. Dalla peste nera all'influenza suina: l'impatto sulla società. – Milano: Egea, 2010.
7. Alfani G. Calamities and the Economy in Renaissance Italy. The Grand Tour of the Horsemen of the Apocalypse. – Basingstoke: Palgrave, 2013a.
8. Alfani G. Plague in Seventeenth Century Europe and the Decline of Italy: An Epidemiological Hypothesis. // European Review of Economic History. – 2013b. – Vol. 17. – № 3. – P. 408–430.
9. Alfani G., Murphy T.E. Plague and Lethal Epidemics in the Pre-Industrial World // The Journal of Economic History. – 2017. – Vol. 77. – P. 314–343.
10. Andreozzi D. The «Barbican of Europe». The Plague of Split and the Strategy of Defence in the Adriatic Area between the Venetian Territories and the Ottoman Empire (Eighteenth Century) // Popolazione e Storia. – 2015. – Vol. 2. – P. 115–137.
11. Bacci M.L. La popolazione nella storia D'Europa. – Roma-Bari, 1998. – 306 p. Русский перевод данной книги: Баччи М.Л. Демографическая история Европы / Серия «Становление Европы» / Пер. с итал. А. Миролюбовой. – СПб., «Александрия», 2010 – 304 с.
12. Bailie M.G.L. New Light on the Black Death: The Cosmic Connection. – Tempus, 2006. – 224 p.
13. Belich J. The Black Death and the Spear of Europe / The Prospect of Global History. – Oxford, 2016. – P. 93–107.
14. Benedictow O.J. The Black Death 1346 – 1352: the complete history. – Woodbridge, 2004. – 433 p.
15. Bergdolt K. Der Schwarze Tod: die Grosse Pest und das Ende des Mittelalters. Muenchen: C.H. Beck, 2000. – 268 S.

16. Bergdolt K. Die Pest 1348 in Italien. 50 zeitgenossischen Quellen. Mit einem Nachwort von Gundolf Keil. – Heidelberg, 1989. – 195 S.
17. Biraben J.-N. Les hommes et la peste en France et dans les pays européens et méditerranéens. Tome I: La peste dans l'histoire. Tome II : Les hommes face à la peste. – Paris-La Haye, Mouton, 1976. In-8°. – 455 p.
18. Bjoern P.Z., Dunkelberg H. The History of the Plague and research on the causative agent *Yersinia pestis* // International Journal of the Hygiene and Environmental Health. – 2004. – № 207. – P. 165–158.
19. Blažna T., Blažina Zl., Blažina V. Expelling the Plague: The Health Office and the Implementation of Quarantine in Dubrovnik, 1377 – 1533. – Montreal: McGill-Queen's University Press, 2015.
20. Biraben J.N., Le Goff J. La Peste dans la Haut Moyen Age // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. – 1969. – № 6. – P. 1484–1510.
21. Bolton J.L. Looking for *Yersinia Pestis*: Scientists, Historians and the Black Death / The Fifteenth Century XII: Society in an Age of Plague, edited by Linda Clark and Carole, Rawcliffe. – Woodbridge: Boydell, 2013. – P. 15–38.
22. Borsh S.J. The Black Death in Egypt and England: A Comparative Study. – Austin, TX: University of Texas Press, 2005.
23. Borsh S.J. Plague, Depopulation and Irrigation Decay in Medieval Egypt / Pandemic Disease in the Medieval World. Rethinking the Black Death, edited by Monica H. Green. – Kalamazoo and Bradford: Arc Medieval Press, 2015. – P. 125–156.
24. Bos K.I., Herbing A., Sahl J., et. al. Eighteenth Century *Yersinia pestis* Genomes Reveal the Long-Term Persistence of an Historical Plague Focus // eLife – 2016. – Vol. 5. – p. e12994.
25. Campbell B.M.S. Physical Shocks, Biological Hazards, and Human Impacts: The Crisis of the Fourteenth Century Revisited. / Le interazioni fra economia e ambiente biologiconell'Europa preindustriale, edited by Simonetta Cavaciocchi, 13–32. – Florence: Florence University Press, 2010a.
26. Campbell B.M.S. Nature as Historical Protagonist: Environment and Society in Pre-Industrial England // Economic History Review. – 2010b. – Vol. 63. – P. 281–314.
27. Campbell B.M.S. Panzootics, pandemics and climate anomalies in the fourteenth century / Herrman B. Beitrage zum Goettiger Umwelthistorischen Kolloquium 2010 – 2011. – Goettingen, 2011. – P. 121–174.
28. Campbell B.M.S. The Great Transition: Climate, Disease and Society in the Late-Medieval World. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – 463 p.

29. Campbell B.M.S., Ó Gráda C. Harfest shortfalls, grain prices, and famines in pre-industrial England' // *Journal of Economic History*. – 2011. – Vol. 71 (4). – P. 859–886.
30. Cantor N.F. In the wake of the Plague: The Black Death and the World it Made. – New York, 2001. – 256 p.
31. Christakos G., Olea R.A., Yu H.L. Recent results on the spatiotemporal modelling and comparative analysis of Black Death and bubonic plague epidemics // *Public Health*. – 2007. – Vol. 121. – P. 700–720.
32. Chwolson D. Corpus Inscriptionum Hebraicarum, enthaltend Grabchriften aus Krim und andere Grabschriften u. Inschriften in alter hebraischer Quadratschrift, so wie auch Schriftproben aus Handschriften vom IX –XV Jahrhundert. – SPb., 1884.
33. Chwolson D. Grabinschriften aus Semirjetschie. Neue Folge. Herausgegeben und erklart von D. Chwolson. Mit vier Phorotypischen Taffeln. – SPb., 1897. – 62 S.
34. Cohn S.K.Jr. Black Death // *Encyclopedia of population*. – New York, 2003. – P. 98–101.
35. Cohn S.K.Jr. The Black Death and Burring of the Jews // *Past and Present*. – 2007. – Vol. 196. – № 1. – P. 3–36.
36. Gomez J.M., Verdu M. Network theory may explain the vulnerability of medieval human settlements to the Black Death pandemic // *Scientific Reports*. – 2017. – № 7. [Электронный ресурс] – <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5338018/> – Проверено 17.10.2017.
37. Cui, Y., C. Yu, Y. Yan, D. Li, et al. Historical Variations in Mutation Rate in an Epidemic Pathogen // *Yersinia pestis*,” *Proceedings of the National Academy of Science*. – 2013. – Vol. 110. – №. 2. – P. 577–582.
38. Cummins N., Kelly M., Ó Gráda C. Living Standards and Plague in London, 1560–1665 // *Economic History Review*. – 2016. – Vol. 69. – № 1. – P. 3–34.
39. Curtis D.R. Was Plague an Exclusively Urban Phenomenon? Plague Mortality in the Seventeenth-Century Low Countries. // *Journal of Interdisciplinary History*. – 2016. – Vol. 47. – №. 2. – P. 1–32.
40. De Guignes J. Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs et des autres Tartares occidentaux. – Paris, 1756–1758. – Vol. 1–4.
41. Daenell E.R. Blütenzeit der deutsche Hanse. – Berlin, 1906. – Bd. 2.
42. Diddier R., Mouffok N., Bitam I., et al. Plague: History and Contemporary Analysis // *Journal of Infection*. – 2013. – Vol. 66. – №. 1 – P. 18–26.
43. Dols M.W. The Black Death in the Middle East. – New Jersey: Princeton University press, 1977. – 390 p.

44. Dols M.W. The second plague pandemic and its recurrences in the Middle East: 1347–1894 // *EconSocHistOrient*. – 1979. – № 22. – P. 162–189.
45. Fedorov V.N. Plague in Camels and its Prevention in the USSR // *Bulletin of the Wealth Health Organization*. – 1960. – Vol. 23. – № 2–3. – P. 275–282.
46. Finley Th., Koyama M. Plague, Politics, and Pogroms: The Black Death, Rule of Law, and the Persecution of Jews in the Holy Roman Empire // *GMU Working Paper in Economics*. – Fairfax, VA, 2016. – № 16–19.
47. Frederichs H. Die Gründung der Stadt Danzig // *Hansische Geschichtsblätter* (далее – HGBll). – 1937. – Jg. 61.
48. Fusco Id. La peste del 1656–58 nel Regno di Napoli: diffusione e mortalita // *Popolazione e Storia*. – 2009. – Vol. 2. – P. 115–138.
49. Gage K.L., Kosoy M.Y. Natural history of plague: perspectives from more than a century of research // *Annu. Rev. Entomol.* – 2005. – Vol. 50. – P. 505–528.
50. Green M.H. (ed.) *Pandemic Disease in the Medieval world. Rethinking the Black Death*. – Kalamazoo and Bradford: Arc Medieval Press, 2015a.
51. Green M.H. *The Black Death and Ebola: On the Value of Comparison / Disease in the Medieval world. Rethinking the Black Death*, edited by Monica H. Green. IX–XX. – Kalamazoo and Bradford: Arc Medieval Press, 2015b.
52. Green M.H. Taking ‘Pandemic’ Seriously: Making the Black Death Global / *Pandemic Disease in the Medieval world. Rethinking the Black Death*, edited by Monica H. Green. – Kalamazoo and Bradford: Arc Medieval Press, 2015c. – P. 27–61.
53. Haeser H. *Geschichte der epidemische Krankheiten / Lehrbuch der Geschichte der Medicin und der epidemischen Krankheiten*. – Jena, 1865. – Bd. 1–3. Русский перевод данной книги: Гезер Г. *История поваральных болезней*. – СПб., 1867. – Т. 1–2. – 735 с.
54. Hahnemann S. *Die chronischen Krankheiten*. – Dresden, Leipzig, 1835. – Bd. 1.
55. Hecker J.F.C. *Der schwarze Tod im vierzehnten Jahrhundert: Nach den Quellen für Ärzte und gebildete Nichtärzte bearbeitet*. – Berlin, 1832.
56. Herlihy D. *Medieval and Renaissance Pistoia*. – New Haven-London: Yale University Press, 1967.
57. Herlihy D. *Santa Maria Impruneta: A Rural Commune in the Late Middle Ages / Florentine Studies. Politics and Society in Renaissance Florence*, edited by Nicolai Rubinstein. – Evanston: Northwestern University Press, 1968. – P. 242–276
58. Herlihy D. *The Distribution of Wealth in a Renaissance Community: Florence 1427 / Towns in Societies: Essays in Economic History and Historical*

Sociology, edited by Philip Abrams and Edward Anthony Wrigley. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – P. 131–157.

59. Herlihy D. The Black Death and the Transformation of the West. – Cambridge, MA Harvard: University Press, 1997.

60. Herlihy D., Cohn S.K.Jr. The Black Death and the Transformation of the West. – Cambridge: MA, 1997. – 117 p.

61. Hirsch A. Handbook of geographical and historical pathology. – London, 1883. – Vol. 1–3.

62. Höhlbaum K. Die Gründung der deutschen Kolonie an der Düna // HGBll. – 1872. – Jg. 2.

63. Irmeli P. The Prophet's Medicine: A Creation of the Muslim Traditionalist Scholars. – Helsinki, 1995.

64. Kahan A. Natural Calamities and Their Effect upon Food Supply in Russia (An Introduction to a Catalogue) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 1968. – P. 353–377.

65. Khaidarov T.F., Dolbin D.A., Kravtsova O.A., Tuchbatova R.I. Biological Aspects of the Historical Urban Development of Jochi Ulus (Latter Half of the 13–14th Centuries) // The Social Sciences. – 2015. – Vol. 2015. – P. 1047–1053.

66. Keyser E. Olivaer Studien II // Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins (далее ZWG). – 1928. – Hf. 68. – Teil 2. – S. 1–36.

67. Koebner R. Urkundenstien zur Geschichte Danzigs und Olivas von 1178 – 1342 // ZWG. – 1934. – Ver. 71

68. Langer L.N. The Black Death in Russia: Its Effects Upon Urban Labor // Russian History. – 1975. – Vol. 2. – P. 53–67.

69. Langer L.N. Plague and the Russian Countryside: Monastic Estates in the Late Fourteenth and Fifteenth Centuries // Canadian-American Slavic Studies. – 1976. – Vol. 10. – P. 351–368.

70. Li Y. et al. Different region analysis for genotyping *Yersinia pestis* isolates from China // PLoS ONE. – 2008. – № 3(5). – P. 1–10.

71. Lopez R.S., Miskimin H.A., Udovitch A. England to Egypt, 1350–1500: Long-Term Trends and Long-Distance Trade // Studies in the Economic History of the Middle East. – 1970. – P. 93–128.

72. Martin C. Versuch einer geogr. Darstellung einiger Pestpidemien / Pethermann's Mittheilungen. – 1879. – Bd. XXV. – № 7.

73. Mayer K. The ecology of plague // Medicine. – 1942. – Vol. 21 (2) – P.143–174.

74. McNeill W.H. Europe's Steppe Frontier, 1500–1800. – Chicago, 1964. – 264 p.

75. McNeill W.H. Plagues and Peoples. – New York, 1976. – 368 p.

76. More F.A. et al., Next-generation ice core technology reveals true minimum natural levels of lead (Pb) in the atmosphere: Insights from the Black Death // *GeoHealth*. – 2017. – P. 1–9.

77. Nogal Á.C., De la Escosura L.P. The Rise and Fall of Spain (1270–1850) // *Economic History Review*. – 2013. – Vol. 66. – № 1. – P. 1–37.

78. Norris J. East or west? The geographic origin of the Black Death // *Bull. Hist. Med.* – 1977. – Vol. 51. – P. 1–24.

79. Pamuk Ş. The Black Death and the Origins of the “Great Divergence” across Europe, 1300 – 1600 // *European Review of Economic History*. – 2007. – Vol. 11. – P. 289 – 317.

80. Pamuk Ş., Shatzmiller M. Plague, Wages, and Economics Change in Islamic Middle East, 700–1500 // *The Journal of Economic History*. – 2014. – Vol. 74. – No. 1. – P. 196–229.

81. Papan-Matin F. *Beyond: The Mystical Teaching of ‘Ayn al-Qudāt al-Hamadhānī*. – Leden, Boston: Brill, 2010. – 245 p.

82. Pollitzer R. Plague studies // *Bulletin of the Wealth Health Organization*. – 1951. – № 4. – P. 475–533.

83. Pollitzer R. *Plague*. – Geneva, 1954.

84. Rasmussen S., Allentoft M.E. et al. Early Divergent Strains of *Yersinia pestis* in Eurasia 5,000 Years ago // *Cell*. – 2015. – № 163. – P. 571–582.

85. Rommes R. Plague in Northwestern Europe: The Dutch Experience, 1350–1670. // *Popolazione e Storia*. – 2015. – Vol. 16. – №. 2. – P. 47–71.

86. Skott S., Duncan Ch.J. *Biology of Plague: Evidence from Historical Populations*. – Cambridge, 2001. – 420 p.

87. Schamiloglu U. *The End of Volga Bulgarian* // *Varia Eurasistica. Festschrift für Professor András Róna Tas*. – Szeged, 1991.

88. Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde // *Central Asian Survey*. – 1993. – № 12(4). – P. 447–457.

89. Schamiloglu U. *The Rise of the Ottoman Empire: The Black Death in Medieval Anatolia and Its Impact on Turkish Civilization* // *Views from the Edge: Essays in Honor of Richard W. Bulliet*, ed. Nequín Yavari, Lawrence G. Potter, and Jean-Marc Ran Oppenheim. – New York: Columbia University Press, 2004. – P. 255–279.

90. Schaube K. Noch einmal zur Bedeutung von hansa // *Historische Vierteljahrsschrift*. – 1908. – Jg. 15.

91. Schmid B.V., Buentgen U., et al. Climate-driven introduction of the Black Death and successive plague reintroductions into Europe // *PNSA*. – 2015. – Vol. 112. – № 10. – P. 3020–3025.

92. Schnurrer Fr. Chronik der Seuchen: in Verbindugen mit den gleichzeitigen Vorgängen in der physischen Welt und in der Gesschichte der Menschen. – Tübingen, 1825.
93. Simson P. Geschichte der Stadt Danzig. – Danzig, 1913. – Bd. I.
94. Spyrou A.M., Tukhbatova R.I. et al. Historical *Y. pestis* Genomes Reveal the European Black Death as the Source of Ancient and Modern Plague Pandemics // *Cell Host & Microbe*. – 2016. – Vol. 19. – P. 874–881.
95. Stein W. Zur Entstehung und Bedeutung der Deutschen Hanse // *HGBll*. – 1911. – Bd. 17.
96. Stewart J. The Nestorian missionary enterprise. – Edinburgh, 1928. – 248 p.
97. Sticker G. Die Geschichte der Pest // Die Abhandlung aus der Seuchengeschichte und Seuchelehre. – Gießen, 1908. – Bd. 1.
98. Twigg Gr. The Black Death: a biological reappraisal. – London, Batsford, 1984. – 254 p.
99. Varlik N. Plague and Empire in Early Modern Medirreanean World. The Ottoman Experince, 1347 – 1600. – New-York, 2015a. – 336 p.
100. Varlik N. New Science and Old Sources: Why the Ottoman Empire Matters / *Pandemic Disease in the Medieval World. Rethinking the Black Death*, edited by Monica H. Green. – Kalamazoo and Bradford: Arc Medieval Press, 2015b. – P. 193–227.
101. Vernadsky G. The Mongols and Russia. – New Haven: Yale University Press, 1953. – 462 p.
102. Voitgländer N., Voth H.-J. Persecution Perpetuated: The Medieval Origins of Anti-Semitic Violence in Nazi Germany. // *Quarterly Journal of Economics*. – 2012. – Vol. 127. – № 3. – P. 1339–1392.
103. Wallerstein I. The Modern World System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. – New York, 1974.
104. Wheelis M. Biological Warfare at the 1346 Siege of Caffa // *Historical review*. – 2002. – Vol. 8. – № 9. – P. 971–975.
105. Lien-teh Wu, Chun J.W. H., Pollitzer R., Wu C.Y. Plague: a manual for medical and public health workers. – Shanghai, 1936.
106. Ziegler Ph. The Black Death. – London, 1969. – 339 p.
107. Zhgenti E., Johnson S.L., Davenport K.W. et al. Genome Assemblies for 11 *Yersinia pestis* Strains Isolated in the Caucasus Region // *Genome Announcements*. 2015. Vol. 3, issue 5, e01030-15. doi:10.1128/genomeA.01030-15

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перая волна «Черной смерти» (1340–1360-е гг.)

Кавказские и среднеазиатские вспышки	Нижне-волжские и Крымские вспышки	Анатолийские и балканские вспышки	Ближневосточные вспышки	Западно-европейские вспышки	Северо-западно-русские вспышки
<p>1333–1337 гг. – Китай. Провинции Kiang, Hoai, Tsincheon, Каннтон, Tche, King-sai, Houkouang, Houan,</p> <p>1338 гг. – оз. Иссык-Куль</p> <p>1345/46 гг. – Хорезм (холера ?)</p>	<p>1346–1348 гг. – Нижнее Поволжье и Крым</p>	<p>1347–1348 гг. – Константинополь и вся Византийская империя, Кипр</p>	<p>1342–1343 гг. – Египет, Сирия, Южный Ирак, Палестина</p> <p>1347 – 1348 гг. – Сирия, Южный Ирак, Палестина</p>	<p>1348–1352 гг. – «Черная смерть»</p> <p>1347 г. – Генуя, Марсель, Венеция</p> <p>1348 г. – Северная Италия, Авиньон, Франция, Германия</p> <p>1349 г. – Англия, Швеция и Польша</p>	<p>1332 г. – Масштабный голод на Руси</p> <p>1341 г. – Новгород, Псков</p> <p>1349–1353 гг. – зависимые от Орды приднепровские земли (Чернигов, Вольнь, Киев, Смоленск), Полоцк, Новгород и Псков, Ладога, Белоозеро, Киев, Суздаль</p>

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Вторая волна «Черной смерти» (1360–1380-е гг.)

Кавказские и среднеазиатские вспышки	Нижне-волжские и Крымские вспышки	Анатолийские и балканские вспышки	Ближневосточные вспышки	Западно-европейские вспышки	Северо-западно-русские вспышки
1359/60 гг. – Ширван 1369/70 гг. – Тебриз	1363/64 – 1366/67 гг. – Нижнее и Среднее Поволжье, Северо-Восточная Русь. 1374–1377 гг. – Нижнее Поволжье, Тверь, Киев	1361–1365 гг. – Константинополь, Адрианополь, Фессалоники, Крит 1370–1376 гг. – Салоники, Мардин (юго-восток Анатолии), Курдистан, Великая Армения, Эпир (?)	1360 г. – Египет, Марокко 1363 г. – Египет, Сирия 1364 г. – Сирия, Тлемцен (Алжир) 1370–1380 гг. – Сирия, Египет, Южный Ирак и Сирия	1360–1363 гг. – Германия, Авиньон, Ломбардия, Павия, Венеция, Падуя, Парма, Торн, Грауденц и Неймарк (Германия, Польша) 1366–1369 гг. – Западная Европа 1372–1375 гг. – Западная Европа	1360 г. – Псков 1369/70 г. – Псков 1377 г. – Смоленск

Третья волна «Черной смерти» (1380–1430-е гг.)

Кавказские и среднеазиатские вспышки	Нижневожские и Крымские вспышки	Анатолийские и балканские вспышки	Ближневосточные вспышки	Западноевропейские вспышки	Северозападные русские вспышки
1391 г. – Хорезм	1386–1387 гг. – Причерноморские степи (?)	1381/82 гг. – Пелопоннес	1384–1385 гг. – Великая Армения и Алеппо (Сирия)	1380–1382 гг. – Западная Европа	1387–1390/91 гг. – Смоленск, Русская земля, Псков и Новгород
1392/93 гг. – Ширван и Тебриз	1398–1399 гг. – Золотая Орда (Крым)	1386–1391 гг. – Валахия, Константинополь, Пелопоннес, Крит	1386 г. – Александрия (Египет)	1386–1388 гг. – Западная Европа	1402 г. – Смоленск
1396 г. – Северный Кавказ	1408–1409 гг. – Поволжье и Великое княжество Московское, Русская земля	1393 г. – Кипр	1388/89 г. – Египет	1399–1401 гг. – Западная Европа	1403–1404 гг. – Великое княжество Литовское, Новгород, Псков
1405 г. – Дербент	1414 г. – Великое княжество Московское, Русская земля	1396–1399 гг. – Балканы	1393 г. – Сирия и Египет	1407 г. – Западная Европа	1406/07 гг. – Псков и Новгород
1406/07 гг. – Тебриз	1419 г. – Крым	Константинополь, Пелопоннес, Крит, Эгейские острова	1394 г. – Тунис	1413–1417 гг. – Германия, Познань	
1429/30 гг. – Средняя Азия	1420/21 г. – Киев	1409–1410 гг. – Константинополь и другие районы Византийской империи (Кипр)	1398 г. – Египет	Западная Европа	
	1424–1427 гг. – Великое княжество Московское, Русская земля		1404 г. – Египет		
			1406/07 гг. – Египет		

П Р И Л О Ж Е Н И Е

	<p>1428–1431 гг. – Нижнее По- волжье и Крым</p>	<p>1417– 1418 гг. – Константи- нополь, Пелопоннес 1422–1423 гг. – Морея, Салоники, Анатолия</p> <p>1429– 1430 гг. – Бурса, Ана- толия, Сало- ники, Кон- стантино- поль</p>	<p>1409– 1411 гг. – Египет</p> <p>1414– 1419 гг. – Фес (Ма- рокко), Египет, Сирия</p> <p>1422– 1423 гг. – Египет, Сирия</p> <p>1429/30 гг. – Еги- пет и Си- рия</p>	<p>1424– 1426 гг. – Лит- ва, Прус- сия и Запад- ная Европа</p> <p>1427– 1430 гг. – Запад- ная Европа</p>	<p>1417– 1421 гг. – Нов- город, Псков, Изборск</p> <p>1422– 1424 гг. – Нов- город, Псков, Тверь, Карелия</p> <p>1426– 1427 гг. – Нов- город, Псков, Тверь, Вологда, Бело- озеро</p>
--	---	--	---	--	---

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Четвертая волна «Черной смерти» (1430–1450-е гг.)

Кавказские и среднеазиатские вспышки	Нижневожские и Крымские вспышки	Анатолийские и балканские вспышки	Ближневосточные вспышки	Западноевропейские вспышки	Северо-западно-русские вспышки
1434/35 гг. – Тебриз, Хорезм, Астрабад, Герат	1435–1438 гг. Поволжье, Крым 1444/45 г. – Нижневожские степи (голод) 1448 г. – Крым, Причерноморские степи 1454 г. – Москва (голод)	1434–1436 гг. – Эдрине (Андрианополь), Константинополь 1438 г. – Кипр 1440–1443 гг. – Пелопоннес, Константинополь 1455–1458 гг. – Сербия, Белград, Балканы, Константинополь	1436 г. – Абиссиния (Эфиопия) 1438/39 г. – Египет, Йемен, Сирия, Палестина, Ирак. 1443–1449 гг. – Египет 1454–1455 гг. – Египет	1432–1435 гг. – Западная Европа 1438–1439 гг. – Западная Европа 1445 г. – Западная Европа 1449–1452 гг. – Западная Европа; Польша и Литва 1454–1457 гг. – Польша и соседние страны, Северная и Центральная Италия	1434 г. – Смоленск и Великое княжество Литовское (голод) 1438 г. – Смоленск 1442–1443 гг. – Псков, Новгород, Русская земля, Смоленск Тверь (эпидемия, голод) 1444–1445 гг. – Новгородская земля (эпизоотия, голод, эпидемия (?)) 1448–1449 гг. – Волынь, Великое княжество Литовское, Западнорусские земли, Подолия (малоснежная зима)

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Пятая волна «Черной смерти» (1460–1480-е гг.)

Кавказские и среднеазиатские вспышки	Нижне-волжские и Крымские вспышки	Анатолийские и балканские вспышки	Ближневосточные вспышки	Западно-европейские вспышки	Северо-западные русские вспышки
1464 г. – Герат 1475 г. – Персия (?)	1467–1472 гг. – Поволжье, Крым (?), Московская земля (эпизодия) 1475 г. – Крым 1478–1482 гг. – Северо-восточные русские земли, Казанское ханство, Большая Орда	1461 г. – Кипр 1464–1476 гг. – Рагуза, Босния и Герцеговина, Албания, Эдрине, Стамбул, Венгрия, Сербия, Румелия, Македония, Фракия 1480 г. – Родос	1458–1460 гг. – Египет, Сирия 1471 г. – Тлемцен 1473 г. – Египет, Сирия, Тунис 1476–1477 гг. – Египет, Сирия	1463–1470 гг. – Центральная Европа, Данциг, Литва, Польша, Франция, Испания, Италия, Венеция, Рим, Болонья, Рига 1472–1476 гг. – Краков, Западная Европа, Италия 1480 г. – Польша и Венгрия 1482–1497 гг. – Западная Европа	1463 г. – Новгородские земли 1465–1467 гг. – Псков, Новгород 1467–1468 гг. – Подолия и Волынь 1478–1482 гг. – Великое княжество Литовское (Угра)

Timur F. Khaidarov

Age of “Black Death” in Golden Horde and adjacent regions (end of XIII – first half of XV centuries): monograph

This work is devoted to one of the important for Russian history themes – history of “Black Death” (second plague pandemic), complex disease, that was waving through the territory of the Golden Horde and adjacent regions in the end of XIII – first half of XV centuries. For a long time Russian and Western experts were developing this theme. Concerning this fact, this research is focused at evolution of opinions, represented in Russian and Western historiography. Truly, until the last ten years period opinions about this historical event were influenced by scientific views and myths about plague’s epidemiology of Middle Ages. In addition, there are many unproved scientific myths, related to this theme. At the same time historical canvas if this event was outside of scientific researches. Probably, this situation is caused by the absence of complete research that could determinate factors and root causes of the disease. As a result, creation of complex historical work about this theme became possible only after research of genome of plague and climatic fluctuations was complete. New data allowed us to answer the hardest and ambiguous theoretical questions, viewed in this monograph. From the other side, author analyzed wide number of Old Russian, Lithuanian, Arab-Muslim, Byzantine, Persian and Latin sources, and it allowed to formulate important thoughts about historical significance of second plague pandemic. Author concluded, that during designated period, epidemic had an enormous influence at socio-political process, taking place in Golden Horde, Russia and Europe. In fact, author thinks that it is true to say about the end of XIII – first half of XV centuries that it was an age of “Black Death”.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ТЕМЫ	7
§ 1. Русская летописная традиция описания темы	7
§ 2. Зарождение западной нарративной традиции описания « <i>Черной смерти</i> »: античные и арабо-мусульманские авторы	11
§ 3. Византийские и латинские авторы о « <i>Черной смерти</i> »	31
ГЛАВА II. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	43
§ 1. Зарождение современной отечественной историографии темы	43
§ 2. Доминирование в отечественных исследованиях « <i>Черной смерти</i> » естественно-научного направления	54
§ 3. Современное состояние отечественной историографии темы	81
ГЛАВА III. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	104
§ 1. Зарождение современной западной исследовательской традиции темы	104
§ 2. Развитие темы в западной историографии XX в.	108
§ 3. Современное состояние западной историографии « <i>Черной смерти</i> »	132

ГЛАВА IV. «МОРЬ И ГЛАДЬ» НА РУСИ И В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ ...	161
§ 1. «Морь и гладь» на Руси в X–XIII вв.	161
§ 2. Возникновение и распространение «Черной смерти» на территории Золотой Орды и русских княжеств (конец XIII – начало XV вв.)	173
§ 3. «Черная смерть» в Северо-Западной Руси (вторая половина XIV – начало XV вв.)	214
§ 4. «Морь и гладь» в русских княжествах и Золотой Орде в первой половине XV в.	229
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	269
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	273
ПРИЛОЖЕНИЕ	295
ANNOTATION	301

Хайдаров Тимур Фаритович

**Эпоха «Черной смерти»
в Золотой Орде и прилегающих регионах
(конец XIII – первая половина XV вв.)**

Монография

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева, Л.С. Гиниятуллина*

Подписано в печать 13.06.2018 г. Формат 60×84¹/₁₆

Усл. печ. л. 19,0 Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71,
231-04-19

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6/>